

*К*РЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2026 **ТОМ 11** NO 2

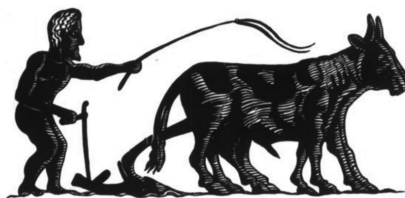
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)

А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС

М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ

И. В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС

И. А. Кузнецов, РАНХиГС

О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)

П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)

Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН

О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН

Н. И. Шагайда, РАНХиГС

С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова

В. Б. Безгин, Тамбовский государственный технический университет

С. М. Боррае Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)

С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)

В. Г. Виноградский, РАНХиГС

А. В. Гордеев, Государственная Дума РФ, Российская Академия Наук

А. В. Гордон, ИНИОН РАН

В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН

Ким Чан Чжин, Университет Сунгконгэ, Сеул, Южная Корея

В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН

А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС

С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)

Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)

А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А. А. Никонова

Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)

А. Д. Радыгин, РАНХиГС

Судхир Кумар Сутхар, Университет Джавахарлала Неру (Индия)

В. Я. Узун, РАНХиГС

Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

Д. Челетти, Падуанский университет, Падуя (Италия)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 3, офис 2003

Телефон: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Редактор веб-сайта Е. С. Никулина; Корректор И. Е. Кроть;

Дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС

В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;

Картина «Табун у реки». Маркова В. П. 1935. Государственный музей искусств
Республики Каракалпакстан им. И. В. Савицкого, г. Нукус.

© РАНХиГС, 2026

Содержание

Теория

- Chayanov A. V.* Essays on the theory of water management 6
Prasetyo A., Samudro B. R., Pratama Y. P., Sistriatmaja M. B.
Agricultural policy for Indonesia: Stalin's state gigantism or
Bukharin's cooperative farming 22

История

- Савинова Т. А.* Неизвестный Иртур и его директор
Г. К. Ризенкамф: к истории освоения Центральной Азии 48
Лапердин В. Б. Феномен маргинальности в среде колхозных
председателей Западно-Сибирского края в 1930-е годы. 67
Kim Chang Jin. Harvest of joy: A study of the Soviet Uzbekistan
Korean millionaire kolkhoz "Politotdel" (1925-1985) 81
Ишанходжаева З. Р. Трудовые ресурсы из Узбекистана
в развитии Нечерноземной зоны России (1975-1985 годы) 100

Современность

- Suthar S. K., Singh Sh.* "New" rural-agrarian movements
in India: Continuities and shifts 119
*Anh The Phung, Nghia Minh Bui, Chung Quang Le, Quyet Thi
Nguyen.* From fields to cities: Social-economic and ideological
transformations in Vietnam's peasant communities 135
Алимджанов Б. А. Хлопок как ресурс (де)модернизации
в Узбекистане и источник национализмов 155
Парилова В. Д., Гаврильева Т. Н. Структура потребления
традиционных блюд сельским населением Республики Саха
(Якутия): зональные, этнокультурные и сезонные различия 170
Вьюговская Е. В., Малькова Е. Е. Барьеры доступа
к медицинской помощи: сравнительный анализ городских
и сельских территорий России 191

Интервью с исследователем

- Абакумов И. Б., Никулин А. М.* «И вот тут я увидел
совершенно другое лицо сельского хозяйства» 208

Рецензии

- Куракин А. А.* Сельские волнения в Индии: как крестьянские
протесты заканчиваются успехом 231
Троцук И. В. Видимое невидимое в экономическом развитии
(сельского) Китая 239
Никулина Е. С. Пути сельского Китая: между традицией
и модернизацией 249
Толстов С. И. Всё по существу, и тем не менее.... 254

Научная жизнь

- Полещук И. К.* Миграции сегодня: Центральная Азия и Мир 263

Russian peasant studies

Vol. 11. 2026. No 2

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)
A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration (RANEPA)
M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I. V. Trotsuk, Deputy Editor, RUDN University, RANEPA
I. A. Kuznetsov, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T. G. Nefedova, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences
O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of
the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N. I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil), RANEPA

ADVISORY BOARD

A. I. Alekseev, Moscow State University
V. B. Bezgin, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation
S. M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
A. V. Gordeev, State Duma of the Russian Federation, Russian Academy
of Sciences
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V. G. Vinogradsky, RANEPA
A. V. Gordon, Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
V. A. Il'inykh, Institute of History of the Siberian Branch of Russian Academy
of Sciences
Kim Chang Jin, SungKongHoe University, Seoul, South Korea
V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues
and Information Science
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
A. D. Radygin, RANEPA
Sudhir Kumar Suthar Jawaharlal Nehru University (India)
V. Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)
D. Celetti, University of Padua, Padua, Italy.

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow,
Russian Federation.

Phone: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Chayanov A. V.* Essays on the theory of water management 6
Prasetyo A., Samudro B. R., Pratama Y. P., Sistriatmaja M. B.
 Agricultural policy for Indonesia: Stalin's state gigantism
 or Bukharin's cooperative farming 22

HISTORY

- Savinova T. A.* Unknown IRTUR and its Head G.K. Riesenkauf: On the history of the development of Central Asia 48
Laperdin V. B. The phenomenon of marginality among kolkhoz chairmen in the Western Siberian Region in the 1930s. 67
Kim Chang Jin. Harvest of joy: A study of the Soviet Uzbekistan Korean millionaire kolkhoz "Politotdel" (1925-1985) 81
Ishankhodjaeva Z. R. Labor resources from Uzbekistan in the development of Russia's Non-Black Earth Region (1975-1985) 100

THE PRESENT TIME

- Suthar S. K., Singh Sh.* "New" rural-agrarian movements in India: Continuities and shifts 119
Anh The Phung, Nghia Minh Bui, Chung Quang Le, Quyet Thi Nguyen. From fields to cities: Social-economic and ideological transformations in Vietnam's peasant communities 135
Alimdzhанov B. A. Cotton as a resource for (de)modernization and a source of nationalism in Uzbekistan 155
Parilova V. D., Gavriljeva T. N. Patterns of the traditional dishes consumption among rural population in the Sakha Republic (Yakutia): Zonal, ethnocultural and seasonal differences 170
Vyugovskaya E. V., Malkova E. E. Access barriers to health care: A comparative analysis of Russia's urban and rural areas. 191

INTERVIEWS

- Abakumov I. B., Nikulin A. M.* "And then I saw a completely different side of agriculture" 208

REVIEWS

- Kurakin A. A.* Rural unrest in India: How peasant protests succeed. 231
Trotsuk I. V. The visible invisible in China's (rural) economic development. 239
Nikulina E. S. Paths of rural China: Between tradition and modernization. 249
Tolstov S. I. Everything is to the point but... 254

SCIENTIFIC LIFE

- Poleshchuk I. K.* Today's migration: Central Asia and the world. 263

Essays on the theory of water management¹

A. V. Chayanov

Alexander M. Nikulin (publisher), PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Irina V. Trotsuk (translator), DSc (Sociology), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

EDN: DAVLHE

Abstract. Alexander Chayanov visited European countries many times but never visited Asia outside the Russian Empire and USSR; however, his visits to Russian/Soviet Turkestan (as the territory of today's Uzbekistan, Turkmenistan, Kyrgyzstan and Tajikistan was called and administered in the early 20th century) from 1915 to 1927 were reflected in several works. Before the 1917 Revolution, 28-year-old Chayanov visited Samarkand (Uzbekistan) to study irrigation and water management in the Central Asian regions. The results of this research were published as "Essays on the theory of water management", which he begun in 1915 in Samarkand and completed in 1917 in Moscow. Chayanov wanted to study water rent — the oldest and still relevant problem of Asian irrigation, already having some experience of studying the economy of European irrigation: in 1908, during his postgraduate internship in Italy, he had studied the economy of the oldest European irrigation systems in Lombardy. To theoretically generalize European and Asian irrigation, Chayanov wrote these essays as a cascade of abstract marginalist schemes, ingeniously transforming von Thünen's famous economic-mathematical model of the isolated city-state into his model of the isolated oasis-state for Turkestan — in the center of a great desert, there is an isolated oasis-society, whose entire agriculture is based on irrigation. At the center of this equally fertile and waterless vast plain, there is a single water source — property of a small number of individuals who sell water to farmers competing for it. This constructed object is analyzed through numerous, increasingly complex marginalist examples of the economy of the isolated oasis-state. The initial oasis model is further expanded to include land of varying quality and the natural cyclical functioning of the water source. Chayanov concludes his work with institutional questions about the role of water owners in national economy, social regulation of water, promotion of rational water use and trade-offs in water distribution. Chayanov wanted to test his theoretical model on empirical data from fieldwork but could not do it. A century later, today's generation of historians, sociologists, economists and anthropologists studying irrigation in arid regions of the globe may find these abstract essays useful.

1. Перевод сделан по: Вестник сельского хозяйства. 1917. № 49–50. С. 5–8; № 51–52. С. 8–12 (Bulletin of Agriculture, 1917, no 49–50, pp. 5–8; no 51–52, pp. 8–12)

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program

I. Introduction

The current radical change in land relations sets the most difficult tasks of state building for the organized public consciousness of the Russian people. The diversity of economic structures in various regions of our fatherland complicates this work by making us take local peculiarities into account.

Some regions of Asian Russia, in which most agricultural crops require irrigated land, take a special position in this regard. Our limited knowledge of the conditions of irrigated agriculture and water management hinders our creative work on the agrarian development of these irrigated regions.

There is insufficient study of such fundamental issues of this type of national-economic life as *water rent*, *coexistence of water rent and land rent*, *irrigation tariffs*, and some other issues related to water management. The lack of Russian works on these issues allows us to publish unfinished studies of water management, which are mainly based on materials collected by the author in Lombardy in 1908 and in Turkestan in 1915.

II. Water rent

What is water rent? Is it independent and separate from land rent?

In the valleys of our Turkestan, we see vast, economically boundless expanses of land, fertile in soil composition but barren without artificial irrigation. When studying the economic life of these valleys, we see that water — *the right to a certain amount of water* — has a price beyond the costs of building and maintaining irrigation structures. In some districts of Fergana, the right to water is even an *object of property rights*, separate from land ownership, for those who do not have ownership rights to water.

On the other hand, we cannot deny the existence of land rent — the price of land regardless of irrigation costs. In other words, there is coexistence of two types of rent, and before beginning our analysis of the fundamentals of water management, it is necessary to clearly understand the nature of *water rent*, the grounds for separating it from land rent, and the economic consequences of its very existence.

Irrigation water, which is limited (marginal) in quantity and thus gives rise to the phenomenon of water rent, is significantly different in nature from land as a source of land rent. Land plots different in fertility differ greatly in their spatial location and market positions;

the worst plot in terms of a given scale of production as the marginal plot determining the size of differential rent is also fixed in space.

In contrast to the described properties of land as a source of rent, water that irrigates fields is not fixed in space, its supply can be transferred to any location, and each water unit is not different from any other unit (there are some agricultural differences in varying water temperatures due to the distance of diversion canals from the main waterway and different levels of siltation; however, in a theoretical analysis of water rent, these differences can be ignored, since none of them can be defined as the marginal worst). These differences cannot but be reflected in water rent and influence its theory in a peculiar way.

In our analysis of the nature of water rent, we can proceed from two positions:

1. Food prices are entirely determined by production on land that does not require irrigation; therefore, these are given values in relation to irrigated farming.
2. Food prices and the size of water rent are conjugate variables and are determined by the equilibrium of economic factors.

The second position is of exceptional theoretical interest, and we could conduct its theoretical analysis by studying a hypothetical isolated state — an oasis — with all its agriculture based on irrigated land. However, the complexity of the problem makes us begin with a simpler task, especially since in practice the price of agricultural products is determined by non-irrigated farming of our Turkestan, which is the main object of our research.

Let us consider the simplest case — a plain of infinite fertility and completely devoid of water, land unsuitable for agricultural production without irrigation. The only limited water source is owned by a small number of non-farmers who sell water to farmers competing for it. For simplicity of analysis, let us assume that water can be supplied to any point on this plain at equal costs and that the farm-gate prices of agricultural products are the same throughout the plain.

Let us further assume that there is only one crop grown on irrigated fields (A), and its yields are determined entirely by the amount of irrigation water and are subject to the law of diminishing returns. The figure below shows the relationship between irrigation intensity (x-axis) and yields (line AB). The curve shows that at a given optimal level of irrigation, yields reach a maximum and then decline due to difficulties with aeration or soil waterlogging.

To understand the nature of water rent, first we should answer the question of the level of maintained field irrigation as determined by economic considerations and of how much the farmer can and will pay the owner of water for its use. If we assume that the farm under study is run on capitalist principles, i.e., aims at maximizing net profit, then the level of irrigation depends on the degree at which the difference between gross income and costs is greatest. If water is sup-

plied to the farm free of charge, and the costs of cultivation, including interest on capital (line CD), are the same for all levels of irrigation and yields, i.e., gross income (line AB), then it is easy to see in Figure 2 that the highest net return (xy) will be achieved with irrigation corresponding to the maximum yield.

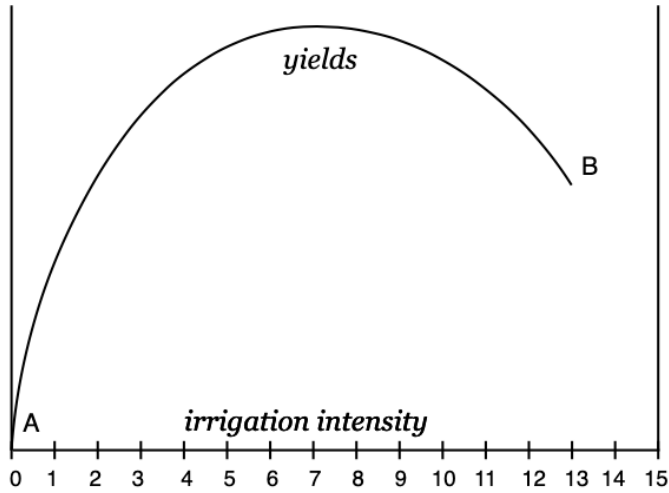

Fig. 1. Dependence of yields on irrigation

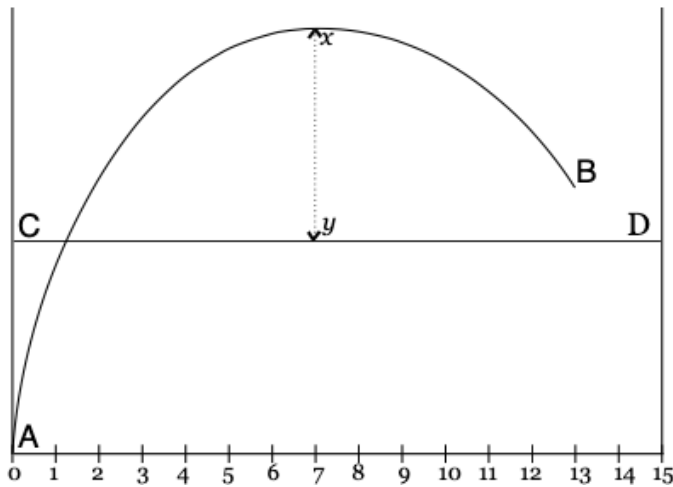

Fig. 2. Gross income, fixed costs, and net return

The situation is different if farmers pay for each unit of irrigation water, as can be seen in Figure 3: line CD indicates

the cost of the crop at a price of 1 ruble per cubic meter of water. In this case, the maximum difference between gross income and costs (ZW) corresponds not to the technically optimal irrigation but to a lower irrigation level which turns out to be more cost-effective (6 cubic meters instead of the technical optimum of 7 cubic meters).

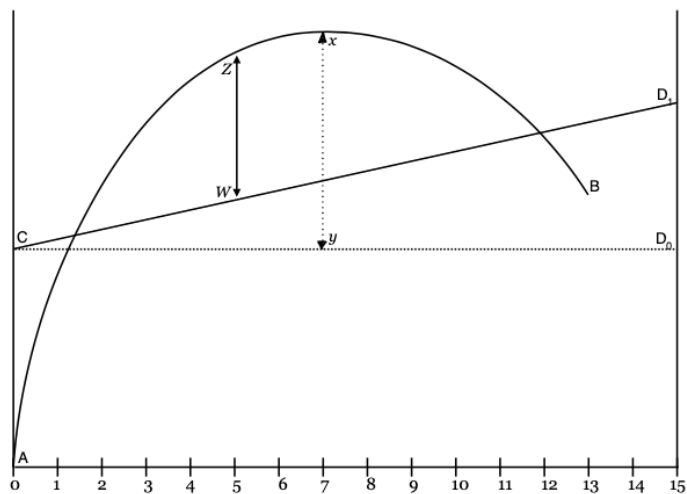

Fig. 3. Gross income and net return when paying for water

As can be seen in Figure 4, the higher the water price, the more economically rational the lower yield, until we finally reach a water price at which any agricultural activity becomes economically impossible. Thus, paying 2 rubles per cubic meter reduces cost-effective irrigation to 5 cubic meters, 3 rubles — to 4.3 cubic meters, and 4 rubles — to 3.5 cubic meters, which allows only for farming without both profit and loss; any higher water price leads to losses for the agricultural enterprise.

The question is what fee water owners will charge farmers for water use, and what the corresponding level of irrigation and the total area of cultivated land will be. With free water use, farmers would undoubtedly achieve the technical optimum, irrigating an area equal to the quotient of total power of the supply source divided by irrigation of one desiatina, and would pocket the difference between gross income and production costs (including interest on capital). This unearned income would create competition, and many farmers would offer to pay 1 ruble per cubic meter and organize their farms outside the zone of technically optimal irrigation. The price of 1 ruble per cubic meter would reduce irrigation of one desiatina, area of cultivated land would increase, and

farmers, despite reduced rental income, would still receive significant income. Undoubtedly, this situation would increase competition, and there would be farmers willing to pay 2 and then 3 rubles for water and organize farms on new, previously unirrigated lands.

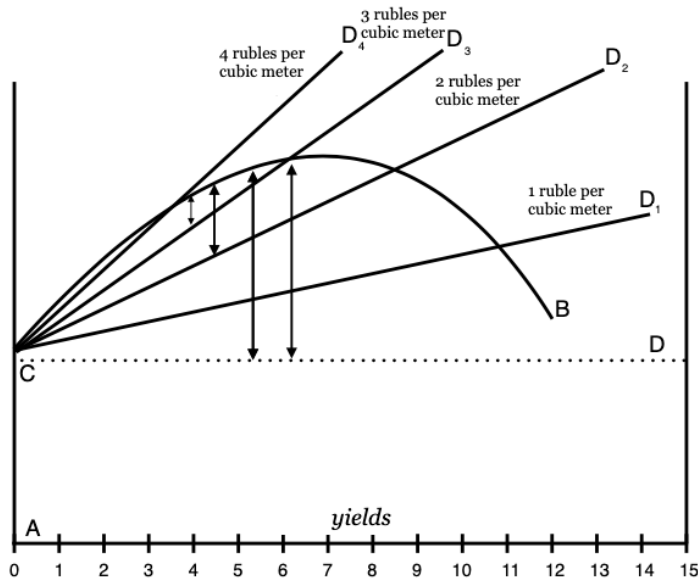

Fig. 4. Net return at different water prices

This competition, rise in water prices and expansion of crop areas due to reduction of irrigation per unit of land would continue as long as the water owner receives unearned rental income; finally, he would fatally raise price per cubic meter to 4 rubles, at which farmers would receive only wages and interest on capital, while the water owner all other unearned income. This would eliminate any further competition and determine both the level of irrigation and the area cultivated, since any further increase in water price would make any capitalist-type farming on irrigated lands impossible.

Figure 5 shows how the area of irrigated land gradually expands under competition: money received by water owners is rent for water the volume of which is limited. Provided boundless fertile land and limited volume of water that can be supplied to any point, there are no conditions for any other rent, including land rent, than water rent. Thus, water rent in this case determines both size of cultivated land and intensity of irrigation.

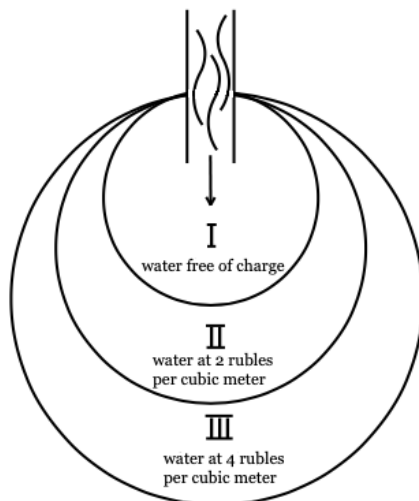

Fig. 5. Expansion of irrigated land under competition

Let us clarify whether this area, this irrigation level and consequently yields correspond to the national-economic interests. Obviously, from a national-economic perspective, the optimal size of cultivated land and the corresponding optimal irrigation ensure maximum yields with a given water source. It is easy to prove that this desired irrigation level may not be the level providing maximum yield per desiatina. Indeed, total yield from the entire area irrigated by our source (line PRS in Figure 6) is the product of sown area (line AB) and yield per unit (line RLM).

Of these factors, one — sown area — constantly grows as cultivated land expands, while the other — yield — is initially low due to flooding of fields, then rapidly grows, reaches a maximum, and begins to slowly fall. Accordingly, the product of these factors, as can be seen in Figure 6 (x-axis shows irrigated area), is initially zero, then rapidly increases, and, having reached a maximum at a certain point, begins to decrease just as quickly. Irrigation corresponding to this maximum seems to be the most desirable in terms of national-economic interests, and, as can be seen in our figures, this irrigation may be neither the one that ensures the highest yield per unit nor the one that ensures the highest rent for water owners. Therefore, in the conditions that we consider initial for the state economic policy, it is necessary to limit irrigated area, volume of irrigation and consequently rent according to the maximum extraction of agricultural products from the source under study.

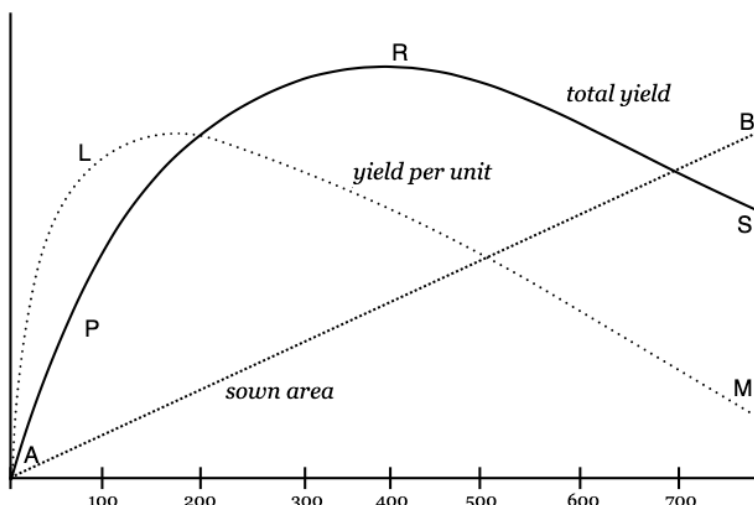

Fig. 6. Yields and sown area for different sizes of irrigated land

III. Cases of coexistence of water rent and land rent

In the previous chapter, we considered the origin and nature of water rent in the most simplified, schematic formulation. Let us now make initial conditions more difficult and assume, all other things being equal, that irrigated land is heterogeneous in quality and divided into four categories: very good (I), good (II), average (III), and low-fertility (IV). The first three categories are limited and even with technically optimal irrigation leave a significant amount of water for irrigating comparatively low-fertility lands of the fourth category.

Due to different sizes of land, the effect of irrigation on each category will be different, which can be seen in Figure 7 with four curves of gross income per desiatina as depending on intensity of irrigation.

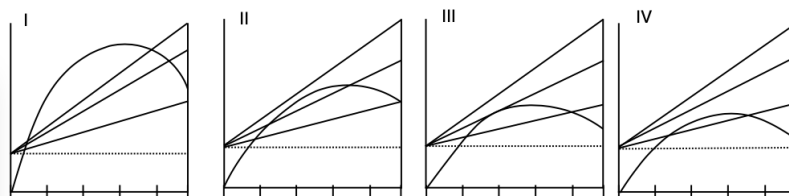

Fig. 7. Irrigation effect, gross income, costs, and net return on lands of different quality

These curves show different levels of optimal irrigation corresponding to maximum yields for each land category; net yield per desiatina will also vary, provided equal production costs. If, like in the previous chapter, we gradually increase the price of water from 1 ruble to 2, then to 3 and so on, the fourth category of land will reach the point of being unable to withstand further increases in water charges much faster than other categories.

It is easy to prove that, under our assumptions, this marginal water price, at which cultivation of the fourth-category land is still possible without loss albeit without profit, will be the determining factor in water rent for the entire oasis. If landowners increase water charge, the fourth-category land will cease to be cultivated, and, according to our assumption, there will be a lot of excess water unnecessary for lands of the first three categories. Water owners will compete, and water prices will inevitably fall to a level at which cultivation of the fourth-category land will become economically reasonable again. Therefore, the level of water rent and payments for it will be in line with the marginal charge for farmers working on the fourth-category land; while farmers working on the best lands, even after deducting production costs, interest on capital and water rent from gross income, will still have some net profit, and the more fertile the cultivated land, the greater the net profit (Figure 7).

This remaining net income represents ordinary differential land rent, which in this case coexists with water rent. To emphasize the relationship between these two types of rent as clearly as possible, let us make some changes in our initial conditions and assume that the volume of our irrigation source significantly decreased, and it is sufficient to provide only for the first two categories of land and part of the third category.

As can be seen in Figure 8, water shortage will lead to fierce competition between owners of the third-category land, resulting in rising water prices, and all farms on the fourth-category land will lose any opportunity to continue cultivation and will cease to exist. Water prices will rise and irrigation will decline until land rent reaches a level at which owners of the third-category land receive neither profit nor loss beyond covering costs and interest on capital. It goes without saying that the third-category land will no longer provide rent, while rent for the first- and second-category land will correspond to new water rent and will fall significantly. Thus, *a decrease in the volume of water source increases water rent and decreases land rent.*

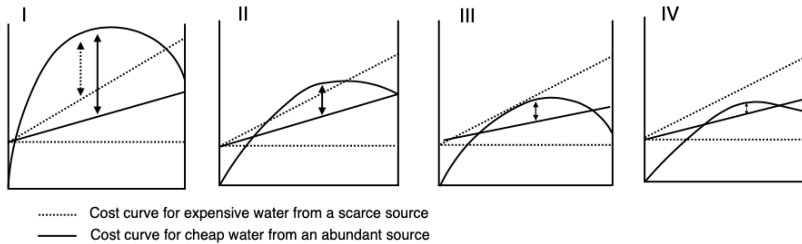

Fig. 8. Effect of increasing and decreasing water source

Let us now assume that the water source increases so much that it is sufficient not only to satisfy the demands of owners of the first three categories of land but also to bring the fourth-category land, i.e., all the land in the country, into cultivation. In such conditions, the old, originally set price for water can be kept only if there is just enough water to irrigate all land of the fourth category to the level of initial irrigation; if there is more water, competition between owners is inevitable, and they will have to lower price to distribute all water among farmers. With a decrease in water price, maximum net return of farms on all four categories of land will correspond not to the old irrigation but to a different, more intensive one. Accordingly, the overall demand for water will increase, and all excess water will be used by farms. This decrease in land rent, as can be seen in Figure 8, leads to an increase in the remainder of gross income after subtracting production costs, interest on capital and water charges, i.e., to an increase in land rent. It should also be noted that land rent is also introduced for the fourth-category land.

As the water source increases, water owners, unless they organize a syndicate, will be forced to reduce prices of water to distribute it among farmers-consumers, until finally the demand for water is completely satisfied, irrigation is brought to the technical optimum corresponding to the highest yield per unit, and any further use of water for irrigation is devoid of economic sense. In these conditions, water rent will be zero, and land rent will reach its maximum at the current level of production.

What we have just presented provides a clear understanding of the nature of land rent and its fundamental laws. To bring our model closer to reality, we should take into account the increasing costs of water (depending on the distance of irrigated field from the water source) and the varying farm-gate prices (depending on the distance of the farm from the market). However, taking these factors into account will not change the results of our analysis, since theoretically worse conditions of land plots can be considered as the already assumed decline in soil fertility.

ТЕОРИЯ

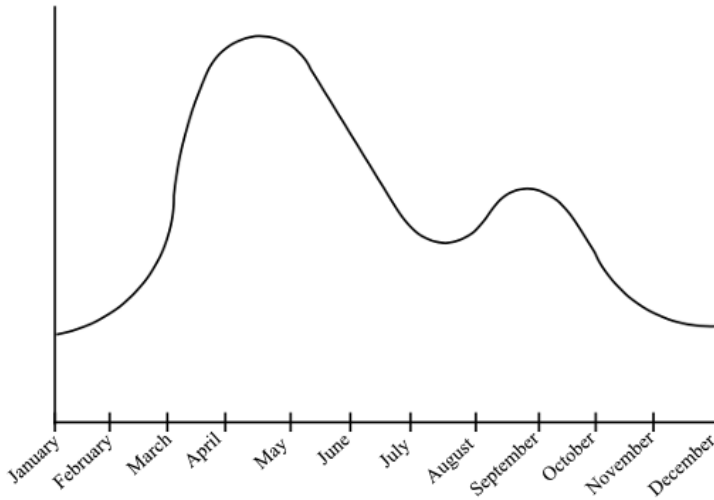
In one of the previous chapters, we saw that complete freedom of private economic interests can lead to such forms of water use that, while ensuring maximum water rent for water owners, do not ensure full agricultural productivity of the national economy. In this case, the intervention of the organized public consciousness through some regulation of water use can orient water management towards greater alignment with national-economic interests. State intervention in the organization of land use will be even more necessary as we move from theoretical models to practice.

In traditional farming, land is always part of farms and no one except the owner works on it; in irrigated farming, the life-giving principle — water — is transferred from its source to irrigated fields through other farmers' lands, which is why without public regulation of water use it can be repeatedly taken along its route of transfer, and its final distribution can easily lead to numerous violations of both private and national economic interests. For example, increased water intake from upper reaches of the river by irrigation systems can completely destroy traditional agriculture in its middle and lower reaches; increased water intake by thickets of alchemilla deprives cotton fields of water, and so on. Therefore, while in traditional dry agriculture the organized public consciousness can limit itself to judicial protection of land rights and land borders, in irrigated agriculture it should intervene in water distribution, take control of water supply and develop a more or less complex water management.

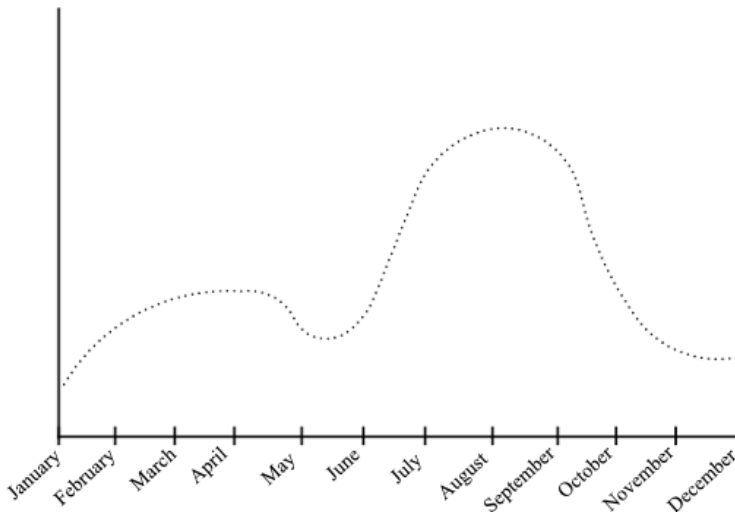
In our Turkestan, such public regulation was established several centuries ago; customs, khan's charters and sometimes even armed force guarantee the rights of each village to water, and numerous *aryk-aksakals* and *mirabs* monitor the observance of these rights. However, in its current form, this public regulation is limited to protecting once-and-for-all established private rights to water, while interests of the national economy demand a much more flexible use of state intervention and water distribution rights, primarily in the interests of maximizing national economic productivity rather than in the interests of individuals who, for whatever reason, once seized legal rights to water.

Such *active* water management is extremely complex, and its foundations are extremely poorly studied. A few explanations will be enough to understand the complexity of our task. Any natural water source that serves as the basis for irrigation is not a continuous and uniform flow, its power depends on its nature — sometimes its flow increases, sometimes decreases. The power of this flow, measured at different times of the year by the amount of water flowing through a waterway per unit of time, is called the *water flow regime* and provides us with a variety of curves depending on the nature of the water source.

Let us assume that the water source that serves as the basis for irrigation has the water flow regime as shown in the figure below.

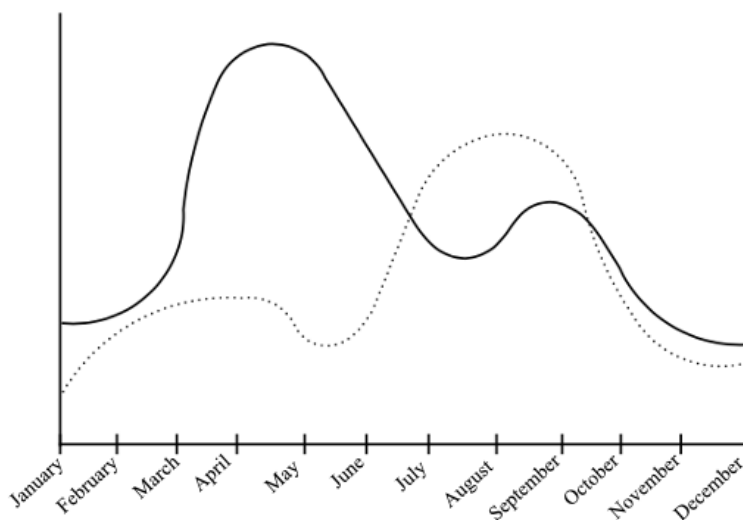

The specified water flow regime does not always coincide with the required irrigation regime. The timing of irrigation and the amount of water used are determined by the needs of crops: rice, cotton, grapes, alfalfa, cereals and all other crops have their own special irrigation regimes. Since different crops are grown in irrigated fields, the final irrigation regime is determined by the sum of the needs of individual crops. It goes without saying that this final irrigation regime depends on crop rotation and crop composition. The figure below provides an overview of one irrigation regime.

Obviously, the irrigation regime will not always coincide with the water flow regime: during periods of weakening water flow there will be

an acute need for water; on the contrary, during the flood period, there will be no need for water. The figure below indicates such a mismatch.

We see that the spring peak in river flow is not suitable for irrigation and is useless for agricultural crops, while during the summer peak in irrigation there are water shortages that limit sown area. This contradiction can be resolved in two ways:

1. *Engineering* — creating special reservoirs to hold spring waters for low-water periods.
2. *Agronomical* — developing such crop rotations and combinations that better match the irrigation regime to the water flow regime.

Undoubtedly, the organized public consciousness should use both ways, and it really does. Moreover, the second approach — matching the irrigation regime to the water flow regime by changing crop rotation — in most cases is spontaneously mastered through the slow, centuries-long evolution of agriculture, and only in the last decade has social agronomy attempted to subordinate it to the guidance of the organized public consciousness. Unlike social-agronomic work in dry farming, when agronomists use persuasion and verbal pressure, in irrigated farming we can reinforce our propaganda by regulating water use — increasing water supply for certain crops and their combinations and stopping water supply for harmful crops.

This power comes with enormous responsibility, and those who lead active water policy should have a clear and precise understanding of some principles that give their work national significance. *First*, we should not get carried away with technically efficient water use; we should not necessarily strive for an ideal match of the irrigation regime with the water flow regime, when they completely coincide. It

is likely that, having achieved this technical ideal, we will still have some low-profit or even unprofitable crops in our rotation, and the overall profit from using the flow will not be the maximum possible. It is also likely that the most cost-effective crop composition, with maximum yields under irrigation, will correspond to an irrigation regime curve completely different from the water flow regime, therefore leaving a significant amount of unused water. Nevertheless, this irrigation regime will still be the most profitable.

Second, when creating new irrigation systems and populating the corresponding territories, we should take into account that the farming system with the greatest benefit from the water source may require exceptional amounts of labor and capital but ensure low returns per unit of labor and material costs. Here, the national-economic interest will put the purely economic interest in very difficult conditions, and irrigation organizers will have to modify the designed system to find an acceptable compromise between both interests.

Third, one should remember that the irrigation stream often flows through diverse climate and soil zones, and those who plan active water management face a very difficult task of organizing it for each zone without losing sight of the economic impact of the entire water flow. It is likely that many zones will have to refuse the most beneficial irrigation regimes, since the needed cubic meters would be used with much greater effect in other zones.

The system of agriculture and water use based on these principles can be implemented by simple quantitative regulation of water use. However, this method is extremely rough and often burdensome for farmers and, on the other hand, fails to solve many problems associated with active water use. Therefore, this method should be supplemented and partially replaced by various water pricing systems.

V. Irrigation tariffs

Under free competition and inclusion of all irrigation water in private trade, independent of land turnover, water prices would undoubtedly be set at the level of water rent analyzed in the first chapters. However, with rare exceptions, there is no free private trade in irrigation, and in most cases, even when the landowner receives water for a fee, the legal entity providing water is in a monopoly position. There are frequent cases of free of charge water supply to irrigated fields, when farmers pay not water rent but only costs of maintaining and operating the irrigation system. This is the dominant situation for our Turkestan, since there, according to Sharia, water is a common property, only land is subject to trade, water rent is included in land rent, and water is considered an integral and legally secured part of a given land plot. Moreover, the typical water rationing for a given land plot is based not on the number of cubic meters or power

of the water flow in cubic seconds over a given period but on shares of the irrigating flow (a certain village has the right to $\frac{2}{5}$ of water, another village — to $\frac{1}{5}$).

In the village, households are divided into groups that receive shares of the village flow, groups on a waiting list, and so on. So, ideally, each desiatina of the irrigation system, say of 6,374 desiatinas, has the right to $\frac{1}{6,374}$ of the water source. In reality, due to seizures, purchases and so on, rights confirmed by old charters and the like are far from equal; sometimes the division of water between groups of farms depends on the size of holes in the old wooden divider. According to water shares, costs of maintaining and repairing this irrigation system with all its aryk-aksakals, mirabs and other characters are distributed among farms, often in kind.

This system leaves water rent to landowners and is the most conservative form of public water management which refuses any active policy and passively supports the once-and-for-all established land-water relations. This system would be equally conservative if the self-governing water community is replaced by some monopolist collecting all or part of water rent from water users. Conservatism disappears when the water management body begins to redistribute water according not to shares of the flow per desiatina but to the needs of crops, farms, and the common national-economic interest. To support crops beneficial to the state, this water management body can increase water supplies to farms cultivating them and reduce water tariffs, while, to get rid of crops harmful to the national economy, this body can reduce water supplies and increase water charges. The latter measure is often entirely sufficient to achieve results without forced rationing.

Such a system of active water management requires great awareness, sufficient caution and at the same time decisiveness and continuous monitoring. Tariffs should follow price changes for both products and means of production. Perhaps it is precisely the complexity of this system and the constant mobilization of public and state forces it requires, which is beyond the capacity of existing social organisms, that have prevented this system of active water management from being fully implemented.

As a rule, existing tariffs and water use regulations take a middle position between the two described types. We often have a simple, uniform payment per cubic meter; sometimes, in water-rich systems increased consumption and irrigation of new areas are encouraged by preferential tariffs. On the contrary, in water-poor systems any excess consumption beyond the standard rate is additionally charged; we have even heard of systems in which the estimated amount of water remaining after satisfying the minimum needs of all participants is auctioned off by irrigation companies to their clients.

In general, the theory of water tariffs, like the theory of water management, is in its infancy.

Публикатор — Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

Переводчик — Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Аннотация. Александр Чаянов неоднократно посещал европейские страны, но никогда не бывал в зарубежной Азии — за пределами Российской империи и СССР. Тем не менее посещение российского/советского Туркестана (так называлась и административно управлялась в начале XX века территория нынешних Узбекистана, Туркменистана, Киргизии и Таджикистана) в 1915–1927 годы было отражено в ряде его работ. Перед революцией 1917 года 28-летний Чаянов впервые оказался в Самарканде (Узбекистан), где занимался изучением ирригации и водного хозяйства центральноазиатских регионов. Результатом его исследовательской деятельности стала публикуемая работа «Очерки по теории водного хозяйства», начатая в 1915 году в Самарканде и завершенная в 1917 году в Москве. Чаянов поставил задачу изучить водную ренту — древнейшую и до сих пор актуальную проблему азиатской ирригации, уже имея некоторый опыт исследования экономики европейской ирригации: еще в 1908 году во время аспирантской стажировки в Италии он изучал экономику старейших европейских ирригационных систем в Ломбардии. Стремясь теоретически обобщить европейский и азиатский опыт ирригации, Чаянов представил «Очерки по теории водного хозяйства» как каскад абстрактных маргиналистских схем, оригинально трансформируя знаменитую экономико-математическую модель изолированного города-государства фон Тюнена в модель изолированного оазиса-государства на фоне Туркестана, где в центре великой пустыни располагается изолированное общество-оазис, все земледелие которого базируется на орошаемых землях. В центре этой равно плодородной и равно лишенной воды обширной равнины находится единственный водный источник — собственность небольшого числа лиц, продающих воду конкурирующим за нее земледельцам. Этот сконструированный объект анализируется через многочисленные постепенно усложняющиеся маргиналистские примеры функционирования экономики изолированного оазиса-государства. В изначально предложенную модель оазиса вводится условие земель разного качества, а затем природной цикличности функционирования водного источника. В конце работы Чаянов ставит институциональные вопросы о роли владельца воды в народном хозяйстве, общественном регулировании воды, пропаганде рационального водопользования и компромиссе в распределении воды. Чаянов намеревался проверить свою теоретическую модель конкретными эмпирическими материалами полевых исследований, но не успел это сделать. Век спустя нынешнему поколению историков, социологов, экономистов и антропологов, изучающих проблемы ирригации в засушливых регионах земного шара, возможно, будет полезен этот чаяновский абстрактный этюд.

Ключевые слова: ирригация, оазис, водная рента, водное хозяйство, землепользование, засушливое земледелие, изолированное государство

2. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

Agricultural policy for Indonesia: Stalin's state gigantism or Bukharin's cooperative farming

A. Prasetyo, B. R. Samudro, Y. P. Pratama, M. B. Sistriatmaja

Prasetyo Andri, Lecturer, Department of Development Economics, Faculty of Economics and Business, Universitas Sebelas Maret. Jl. Ir. Sutami, 36, Kentingan, Jebres, Surakarta, Central Java 57126. E-mail: prasandri@staff.uns.ac.id

Samudro Bhimo Rizky — PhD (Economics), Full Professor, Department of Development Economics, Faculty of Economics and Business, Universitas Sebelas Maret. Jl. Ir. Sutami, 36, Kentingan, Jebres, Surakarta, Central Java 57126. E-mail: bhimosamuro@staff.uns.ac.id

Pratama Yogi Pasca — PhD (Economics), Associate Professor, Department of Development Economics, Faculty of Economics and Business, Universitas Sebelas Maret. Jl. Ir. Sutami, 36, Kentingan, Jebres, Surakarta, Central Java 57126. E-mail: yogipratama@staff.uns.ac.id

Sistriatmaja Muhammad Bagus, Lecturer, Department of Development Economics, Faculty of Economics and Business, Universitas Sebelas Maret. Jl. Ir. Sutami, 36, Kentingan, Jebres, Surakarta, Central Java 57126. E-mail: bagussistriatmaja@staff.uns.ac.id

EDN: FYGXRA

Abstract. This article considers the systemic failure of Indonesia's Food Estate Program (2020–2024) through the analytical lens of the 1920s Soviet agrarian debates between Nikolai Bukharin and Joseph Stalin. The study addresses a critical paradox: state agricultural policies continue to fail while Indonesia imports record amounts of rice despite 33 million small farmers. The authors applied a mixed-methods approach and the extended case study to construct an Agricultural Terms of Trade Index to empirically test the Scissors Crisis hypothesis (50 policy documents and fieldwork in three provinces). The key findings are as follows: (1) Food Estate projects scored 4.6/5 based on Stalinist characteristics (gigantism, coercion, ecological disregard), producing only 4,300 tons of rice at a cost of Rp 349 million per ton vs market price of Rp 6 million; (2) Agricultural Terms of Trade worsened by 40% in 2022–2024, making farmers leave the market and increasing rice imports from 444,000 tons (2019) to 3.05 million tons (2024); (3) successful cooperative models demonstrated 2.1–3.1% efficiency and maintained productivity under crisis periods. The study theoretically confirms the applicability of the Bukharinist political economy for the 21st-century agrarian analysis, proving its relevance beyond Soviet historiography, and proposes a three-tier policy roadmap, prioritizing smallholder empowerment, terms-of-trade stabilization, and cooperative industrialization as alternatives to state gigantism and corporate agriculture.

Key words: food sovereignty, agricultural policy, terms of trade, cooperatives, Indonesia, Bukharinist critique, land grabbing, peasant studies, food estate, smallholder agriculture, state intervention

In October 2020, President Joko Widodo declared the 30,000-hectare Food Estate project in Central Kalimantan, promising millions of tons of rice and national food sovereignty (Ministry of Agriculture, 2020). By 2024, only 2,000 hectares were planted, with most crops not growing due to the acidic peat soil (pH 3–4) unsuitable for rice requiring pH 5.5–6.5 (Tulis et al., 2024). State budget of Rp 8.7 trillion (\$580 million) was wasted, and over 5,000 Dayak community members lost land without compensation (Maskun et al, 2021). Instead of self-sufficiency, rice imports reached 3.05 million tons in 2024 (121% increase) (BPS, 2024). This failure revealed a deep paradox in the Indonesian agrarian policy (2014–2024) — a discrepancy between food sovereignty rhetoric in the Food Law No. 18/2012 and infrastructural “gigantism” (Kusumawardani et al., 2021). While government allocates huge resources to large-scale business, small farmers providing 90% of national food fight against land reduction (Wisnaeni, Najib, 2025). Indonesia loses about 100,000 hectares of productive paddy fields a year due to non-agricultural conversion while using unsuitable marginal lands for mega-projects (Faoziyah et al., 2024; Khanif, Yunita, 2024).

Why do state projects continue to fail, while constituting the development model? Why do policies ignoring smallholders’ needs and national food stability persist? Such failures indicate fundamental theoretical misunderstanding of the state–market–peasantry relationships. The article focuses on the classic Soviet agrarian debate between Nikolai Bukharin and Joseph Stalin to assess this complexity. We argue that the Indonesian agricultural policy is in the trap of “agricultural Stalinism”, emphasizing capital accumulation through land gigantism, centralized interventions, and systematic neglect of voluntary peasant mechanisms (Bernstein, 2010). While land grab literature (Hall et al., 2011; White et al., 2012) and Green Revolution critiques (Timmer, 2004) remain indispensable, they inadequately explain why states adopt extractive paths to ensure food sovereignty. The Bukharinist lens clarifies a critical omission — the essential role of voluntary alliance (*smychka*) between industrial and agricultural sectors and the “scissors crisis” — harmful price disparities that undermine peasant production incentives (Selden, 1993). The late-twentieth-century rural reforms in China and Vietnam prove Bukharin’s thesis by agrarian transformations based on peasant households’ empowerment and medium-scale cooperatives rather than state mega-projects (Huang, 1990).

The article answers four research questions: how the Food Estate project manifests Stalinist tendencies; to what extent the “scissors crisis” has affected Indonesia (2014–2024); why agricultural cooperatives fail to realize emancipatory potential; and how the Bukharinist model can be reconstructed as a policy alternative. Thus, the article theoretically revitalizes the Bukharinist political economy, empirical-

*A. Prasetyo,
B. R. Samudro,
Y. P. Pratama,
M. B. Sistriatmaja*
Agricultural policy
for Indonesia:
Stalin’s state
gigantism or
Bukharin’s
cooperative farming

ly enrich the comprehensive analysis of Indonesia's peasant terms of trade crisis (2014–2024), and proposes a policy roadmap for peasant empowerment.

Theoretical framework: The Bukharinist alternative

To understand Indonesia's agrarian crisis, we will consider the Soviet economic debates of the 1920s, since the Bukharin-Stalin dispute about models of agrarian development determined socialist modernization paths worldwide. Bukharin insisted that socialist construction proceeded with *smychka* (worker–peasant alliance), gradual accumulation through market mechanisms, and cooperative transformation respecting peasant autonomy. Stalin insisted on forced collectivization, extractive procurement, and command industrialization.

Unlike extractive approaches, Bukharin's concept of *smychka*, economic-political alliance between the urban working class and the rural peasantry, was based on economic interdependence and voluntary exchange. He argued that industry could not achieve sustainably without a strong internal market in rural areas; if peasant purchasing power was eliminated by excessive taxation or stifling prices, industry would have lost its main consumers. Therefore, fair terms of trade were not a matter of social justice but a precondition for macroeconomic stability (Bukharin, 1925; 1928). Bukharin emphasized that this alliance needed market incentives, not bureaucratic coercion, which he defined as transformation “at snail's pace” (*shagom cherepakhi*), recognizing the inadmissibility of changing the peasant collective consciousness by force.

Bukharin's institutional revolution was based on the gradual development of voluntary cooperatives in three stages: marketing and credit cooperatives helping peasants avoid usurers — inputs supply cooperatives — production cooperatives with land managed collectively but voluntarily. Bukharin called these cooperatives “schools of socialism” in which peasants would see efficiency of economies of scale without losing their autonomy. The optimal scale proposed was medium-sized cooperatives (50–200 hectares), allowing mechanization without mass social unrest typical for mega-scale projects (Lewin, 1974; Nove, 1992). The third principle was balanced sectoral development. Bukharin rejected the idea of scarifying agriculture for industry — both were to be developed in harmonious rhythm, which required careful trade management to avoid the “scissors crisis” — when prices of industrial goods (such as machinery and fertilizers) rose sharply while agricultural prices remained low. According to Bukharin, the state had to function as a facilitator using price mechanisms to coordinate the economy, ensuring that scissors crisis would not affect peasant incentives to produce surplus (Bukharin, 1921; 1928).

An antithesis to the Bukharinist model was agricultural Stalinism developed in the Great Leap project of the late 1920s. Theoretically, it was rooted in Preobrazhensky's ambition to ensure rapid capital accumulation by "robbing" the agricultural sector. In practice, this was forced collectivization depriving peasants of property rights to land and livestock, driving peasants into such giant production units as *kolkhoz* (collective farms) and *sovkhoz* (state farms) with thousands of hectares of land. State control was exercised through Machine Tractor Stations (MTS), that monopolized mechanization technology and used it for political control and harvest extraction (Preobrazhensky, 1965; Stalin, 1952).

The main characteristic of Stalin's model was "gigantism" — obsession with scale assuming that the larger the production unit, the more modern and efficient it was. This gigantism was often accompanied by technological fetishism ignoring local environment and traditional agronomic knowledge. An extreme example is Lysenkoism — when the pseudo-genetic theory became a basis of agricultural policy due to its ideological closeness with rapid progress narratives but determined huge crop failures. The forced transformation and liquidation of the middle peasant class (*kulaks*) resulted in destruction of rural social structures and such catastrophes as mass famine (1932–1933), when millions died of starvation while the state continued exporting wheat to buy industrial machinery (Conquest, 1986; Lewin, 1968; Davies, 1980).

The comparison of these two models is crucial for understanding the Food Estate policy in Indonesia: although the government often uses "modernization" rhetoric, the implemented policy shows alarming similarities with the Stalinist logic.

Table 1. Bukharinist vs Stalinist models

Dimension	Bukharinist Model	Stalinist Model	Food Estate Policy
Scale	Medium cooperatives (50–200 ha); household farms	Gigantic <i>kolkhoz</i> / <i>sovkhoz</i> (>1000 ha)	30,000-ha mega-projects
Speed	Gradual; voluntary	Forced Great Leap; coercive	Panic-driven implementation
Participation	Bottom-up; peasant sovereignty	Top-down command; no consultation	Minimal local involvement
Prices	Terms of Trade stabilization; fair prices	Scissors crisis; forced procurement	HPP suppression; input inflation
Technology	Appropriate; local knowledge	Fetishism; Lysenkoism	Large tractors on peatland
Ideology	Peasants as subjects and allies	Peasants as obstacles; proletarianization	Security discourse; militarization

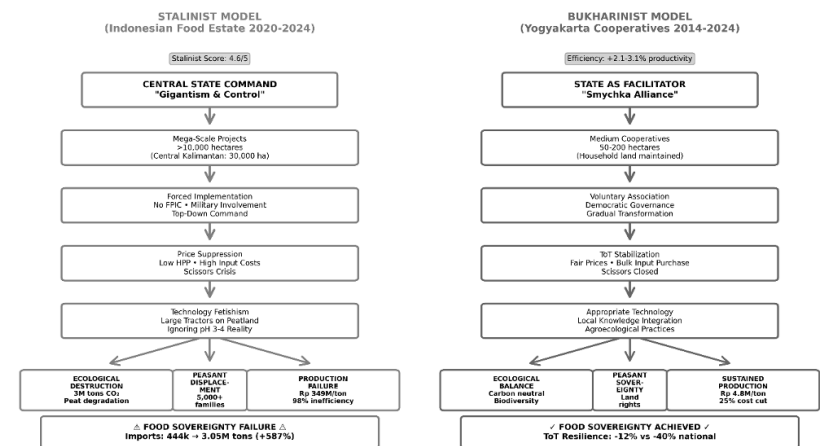

Fig. 1. Two development paths — Stalinist model (left) and Bukharinist model (right)
Source: BPS, 2024; Tulis et al., 2024; Maskun et al., 2024; field research (N = 30)

Indonesian Food Estate program scores 4.6 out of 5 on the Stalinist model: gigantism (30,000-hectare mega-projects), coercion (land seizure without consent), top-down planning (Jakarta-centric decisions), environmental problems (peatland destruction), and productivism (rice monoculture); only peasant subordination scores lower (3 out of 5) due to the residual resistance. Application of the Bukharinist model to the contemporary Indonesian realities requires four new dimensions: democratic accountability — unlike Stalin's totalitarian dictatorship, the Indonesian government should hold elections (about 30% of voters are farmers) to provide political opportunity for a new 'Bukharinist alliance (peasants can demand sectoral balance and fair prices) (Van der Ploeg, 2008); globalization and value chains — the 21st-century *smychka* should include strategic autonomy in global value chains, ensuring integration into world markets without threatening national food sovereignty (Schneider, 2017); climate and environmental dimensions — medium cooperatives are far more adaptive to agroecological principles compared to giant-scale monocultures that destroy biodiversity and emit huge amounts of carbon (Anderson et al., 2019); digital economy, providing digital technology for platform cooperatives with collective data use, blockchain-based supply chain management, and decentralized autonomous organizations (DAO), i.e., Bukharin's cooperatives as "schools of socialism" can be transformed into transparent, efficient and truly democratic economic entities (Scholz, 2016). With these adaptations, the Bukharinist alternative is no longer a historical artifact but a reliable roadmap for a just and sustainable Indonesian agrarian transformation.

Methods and data

The study of structural dysfunction in the Indonesian agrarian policy requires a methodological framework that allows for both processing statistical data and identifying power dynamics often hidden behind official figures. This research has a mixed-methods design integrated with the extended case study (Burawoy, 1998) to overcome epistemological limitations of single approaches: quantitative analysis often fails to capture marginalization and peasant resistance, while qualitative analysis without macro-data risks to collect anecdotes. By connecting micro-failures with the state macro-policies, we aim at proving empirically the “Stalinist dimension” in the Indonesian food management: from macroeconomic data to policies analysis and then intensive fieldwork.

The quantitative analysis focuses on the Agricultural Terms of Trade Index (ToT_{agr}) designed to test the Bukharinist “scissors crisis” thesis. Unlike the Farmer’s Exchange Rate (NTP), regularly published by the BPS and presenting a too optimistic picture due to government-subsidized household consumption indices, ToT compares output (rice and soybeans) and input price indices, which is crucial because farmers’ real economic burden lies in production costs: $ToT(t) = \frac{Ppaddy(t)/Ppaddy(2014)}{Weighted\ input\ index(t)/base(2014)}$. To weigh the input variables, we used the scheme derived from the BPS real rice production costs, adjusted as follows: fertilizers (45%), pesticides (30%), seeds (15%), and fuel/energy (10%). Monthly time-series data from the BPS for 2014–2024 were collected to show both long-term price fluctuations and the impact of short-term economic shocks.

To confirm the quantitative analysis, the structural break test (Chow Test) was applied to statistically prove a fundamental shift in the peasant incentive structure following the start of the Food Estate project in 2020 and the 2022 global energy crisis. Analysis of national budget documents (APBN and LKPP) was conducted to compare fiscal efficiency of two development models. By calculating key metrics, including the Incremental Capital-Output Ratio (ICOR) and investment per hectare, we calculated the state expenditure required to produce one ton of rice within the Food Estate project, compared to the direct support for small farmer cooperatives. This methodological triangulation helped to empirically test Bukharin’s idea that investment at the smallholder level provide significantly higher marginal efficiency than capital-intensive but low-productive state gigantism.

In addition to the quantitative findings, we conducted a qualitative analysis of the elite-level decision-making, tracing how the “food emergency” narrative during the covid-19 pandemic was strategically used by the government to legitimize the bypassing of standard regulatory protocols, including environmental impact assessments (AMDAL) and land tenure consultations. The data consisted of 50

*A. Prasetyo,
B. R. Samudro,
Y. P. Pratama,
M. B. Sistriatmaja*
Agricultural policy
for Indonesia:
Stalin’s state
gigantism or
Bukharin’s
cooperative farming

policy documents, including presidential addresses, ministerial strategic plans, and publicly available cabinet meetings. These documents were analyzed using the NVivo software with a coding scheme designed to distinguish between Stalinist (command modernization, mass mechanization, food corporations) and Bukharinist approaches (voluntary cooperatives, community sovereignty, price stability). Coding reliability was ensured through an Inter-Coder Reliability score, ensuring the objectivity of discourse analysis.

Fieldwork was conducted in January–March 2023 in three provinces: Central Java (intensive agricultural systems), Central Kalimantan (Food Estate site), and Papua (Merauke site). In Central Kalimantan, fieldwork focused on Pulang Pisau and Kapuas districts, documenting peatland degradation and community displacement, in Papua — on large-scale agricultural concessions and indigenous Malind community, in Central Java — on comparing successful cooperative models (semi-structured interviews (N = 47), participatory observation, and photographing).

Historical context: Indonesia's agricultural policy

Indonesia's post-independence agricultural policy shows complex oscillations between developmentalist and liberal paradigms. Sukarno's Guided Economy (1959–1965) attempted state-led agricultural transformation but failed under hyperinflation. Suharto's New Order (1966–1998) achieved the Green Revolution productivity but concentrated land and led to dependency on subsidized inputs. The post-reform period (from 1998 to present) is marked by neoliberal policies and agrarian conflicts.

Table 2. Rice production and harvest area in the Green Revolution period (1970–1990) (BPS)

Year	Harvest area (million ha)	Production (million tons GKG)	Productivity (tons/ha)
1970	8.13	19.32	2.38
1975	8.78	22.34	2.54
1980	9.86	29.65	3.01
1984	10.32	38.14	3.7
1985	10.45	39.03	3.74
1990	10.5	45.18	4.3

The 1997 economic crisis catalyzed the dismantling of peasant protection structures through free market mechanisms: elimination of agricultural subsidies, import liberalization, and land market deregulation, which exposed farmers to volatile global markets with-

out safety nets. Post-Suharto governments (1998–2014) oscillated between protectionist and neoliberal policies. The Yudhoyono administration (2004–2014) attempted gradual reregulation through the Rice Import Restriction (2008) and Land Conversion Moratorium (2012) but only created an institutional vacuum. In the first post-reform decade (2000–2014), food policy suffered from contradictions between political promises and extractive economic reality. Food Law No. 18 of 2012 was a discursive victory for the agrarian movement due to its explicit food sovereignty ideology. However, in practice the state promoted large-scale expansion of oil palm plantations by converting millions of hectares of food land: from 2000 to 2012, the oil- palm land area increased by more than 150% (growth from 4.2 million ha in 2000 to 16.2 million ha in 2024, +290%), while paddy fields expansion slowed significantly (net decline of ~100,000 ha/year since 2014); non-agricultural use shows urbanization growth from 2.5 million ha in 2000 to 8.6 million ha in 2024 (+242%) (Obidzinski et al., 2012).

Table 3. Paddy land vs oil-palm land area (2000–2014) (BPS; World Bank data)

Year	Paddy land (million ha)	Oil-palm land (million ha)	Ratio
2000	11.79	4.16	2.83:1
2005	11.84	5.95	1.99:1
2010	13.25	8.43	1.57:1
2014	13.8	10.95	1.26:1

Joko Widodo administration era (2014–2024) marked the return of state interventions of the “authoritarian modernist” type, which defines food sovereignty as a giant-scale infrastructural development (infrastructure-led developmentalism). This was evident from the “sawah printing” ambitions and Food Estate projects revived in Central Kalimantan, Merauke, and North Sumatra. These projects were continuations of similar failed projects but this time with the National Strategic Project (PSN) status enabling military resource mobilization and budget without strict control. Global panic under the covid-19 pandemic in 2020 was used to force by command a corporate agriculture model: the return of “Stalinist approach” meant that small farmers were considered as obstacles to modernity and were to be absorbed by large corporate and state structures. Domination of non-agricultural ministries in food policies, including active military involvement in land control, shows a shift from agricultural technocratic policy to repressive food security policy. Technical failures, such as rice rotting in Central Kalimantan with extremely acidic peatlands, become tangible evidence of the disregard for local knowledge and technological fetishism typical for the command-center-based agricul-

tural project. Thus, Indonesian agricultural history returned to the point where the state attempts to control nature and man through gigantism, but in a more predatory global environment (Aspinall, 2015; Warburton, 2016; Indra et al., 2024).

Food estate as agricultural Stalinism

The Food Estate program launched in July 2020 represents the pinnacle of Indonesia's infrastructure-centric agricultural policy. Under the covid-19 pandemic, the program aimed at converting 1–2 million hectares in Kalimantan, Papua, and Sumatra into industrial rice production zones. The program allocated Rp 8.7 trillion (\$580 million) for 2020–2024 to achieve 1.1 million tons of annual rice production by 2024, but failed: in Central Kalimantan target — 30,000 ha, achieved 2,000 ha, in Merauke — 1.2 million ha and 5,000 ha, respectively, in North Sumatra — 30,000 ha and 0 (Ministry of Agriculture reports; Tulis et al., 2024; Maskun et al., 2021; authors' fieldwork).

The case study conducted in Central Kalimantan, specifically in Pulang Pisau and Kapuas Regencies, revealed fundamental flaws already at the concept stage. Government targeted 30,000 hectares of land at the site of the former Peatland Project (PLG) that had failed in the New Order era. Main agronomic problem was peatland soil with extremely high acidity (pH 3–4), while rice require pH 5.5–6.5 for productive growth. Scientific warnings of the Soil Research Center (2015) stating that land was unsuitable for large-scale rice production were completely ignored for political ambitions and decisions made top-down, disregarding local communities, reflecting what James Scott called “state blindness” — when the state attempts to simplify complex ecosystems into rigid administrative schemes (Maskun et al., 2021).

The project's implementation became a Great-Leap-style disaster. In October 2020, large tractors were to plant marshy land, but planting immediately failed — rice wilted within weeks due to the acidic soil. In the second attempt, lime was added to adjust pH, but flooding during the rainy season destroyed crops. The third attempt included drainage channels, but they caused peatland subsidence and fires during the dry season. Each failure led to technical fixes rather than questions the fundamental premise. By 2024, the project had abandoned most sites, leaving degraded peatland and displaced communities. Social impacts of this project were highly destructive for Dayak communities: more than 5,000 residents lost access to forests and traditional lands due to the state project claims, which did not create partnerships but attempted to turn peasants into wage laborers under corporate or military control. Community members say that they were never asked for consent (free, prior, and informed consent), and military personnel on agricultural lands created atmosphere that si-

lenced local communities and suppressed their resistance (Wisnaeni, Najib, 2025). Environmentally, the use of peatland for Food Estate project has increased carbon emissions to 3 million tons CO₂. The peat swamp forest deforestation destroyed biodiversity and damaged local hydrological cycles. The peat dried through giant canals became highly vulnerable to burning, creating chronic threat for the region. This damage is permanent, leaving biologically dead landscapes for production targets never achieved (WALHI, 2023).

Merauke (Papua) project takes on even a darker hue with the planned development of 1.2 million hectares of land. Malind indigenous community resisted strongly and loudly, considering this project a form of “food colonialism” threatening their cultural sovereignty. Until now, only about 0.4% of plan was completed, but the indigenous forest damage has been extensive. The Defense Ministry's active involvement shows that food production has been completely subordinated to the national security logic, causing international pressure from the UN Human Rights Council regarding the rights of indigenous communities (Setyo, Elly, 2018; Pailis et al., 2020).

For the objective assessment of whether food projects were emancipatory or extractive-authoritarian, we rely on the scale derived from Scott's (1998) concept of high modernism and Moshe Lewin's (1968) analysis of the Soviet collectivization failure.

Table 4. Stalinist score of the Food Estate project

Characteristics	Score (1–5)	Evidence
Gigantism	5	Target > 30,000 ha; obsession with scale
Coercion	4	No FPIC; military involvement
Ecological disregard	5	Ignoring pH 3–4 of peatland; massive emissions
Speed fetishism	5	Panic-driven; bypassing AMDAL
Symbolic > substantive	4.5	Presidential ceremonies; media narratives
Technology fetishism	4	Large tractors on the unstable peat
Average	4.6/5	Highly Stalinist

Note: the score >4 indicates strong Stalinist characteristics

Average score of 4.6 out of 5 shows that the Food Estate project is almost identical to the failed command agricultural models of Stalin (Virgin Land Campaign) and Mao (Great Leap Forward). Gigantism is evident in obsession with thousand-hectares figures impossible to manage efficiently without cooperatives. Environmental disregard in Indonesia is even more extreme than in the USSR due to fragile peat ecosystems. Symbolic over substantive characteristics is clearly seen when presidential inaugurations were held on land technical-

ly not yet ready, just to create success narratives in the mass media (Shapiro, 2001; Conquest, 1986).

Thus, the Food Estate project was based on the flawed “crisis decision-making”: in March 2020, the cabinet panic led to irrational fears of mass starvation, which were used by certain government factions to lobby capital-intensive projects. Direct presidential intervention broke the standard planning mechanisms at the Ministry of Agriculture and KLHK. Although there were technical objections from soil scientists and some officials, bureaucratic compliance was forced by the PSN status. National mass media strengthened triumphalist narratives, silencing criticism from civil society. These dynamics prove the path dependency — past failures were not turned into lessons but were repeated on larger scale due to rental interests underlying the purchase of equipment and infrastructure (Respatiadi, Tan, 2025; authors’ analysis of the cabinet meetings).

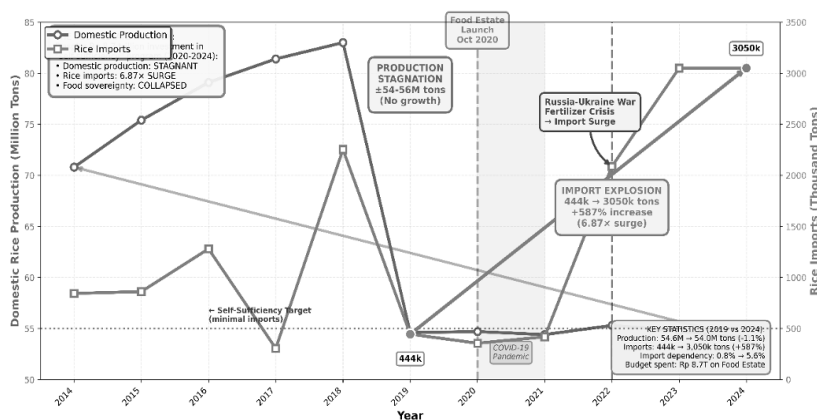

Fig. 2. Domestic rice production (left axis, million tons) remained stagnant despite the Food Estate project investment, while rice imports (right axis, thousand tons) increased; self-sufficiency defined as <1% import dependency in 2024 reached 5.6%, the highest in two decades. The graph shows the Food Estate project paradox: production plateau and explosive growth of imports indicate a complete policy failure

Scissors crisis (2022–2024)

The contemporary failure of the Indonesian agrarian policy is rooted in the phenomenon identified by Nikolai Bukharin a century ago as the “scissors crisis”. To empirically verify this idea, we calculated the Agricultural Terms of Trade Index: unlike the official Government Purchase Price Index (NTP), which can distort realities by including a consumer basket, this index isolates the critical relationship between output selling prices (rice) and the direct costs of production

inputs (fertilizers, seeds, energy). There is a 40% decrease in 2014–2024, with a sharp structural break in January 2022, when input prices rocketed while output prices were suppressed by the Highest Retail Price (HET) policy at the consumer level. This decline was not an ordinary market fluctuation but evidence of the systematic decline in the peasant purchasing power: when input costs increase without equivalent output price compensation, peasants lose production incentives, which poses direct threats to national food security (BPS, 2024; Warr, Yusuf, 2014).

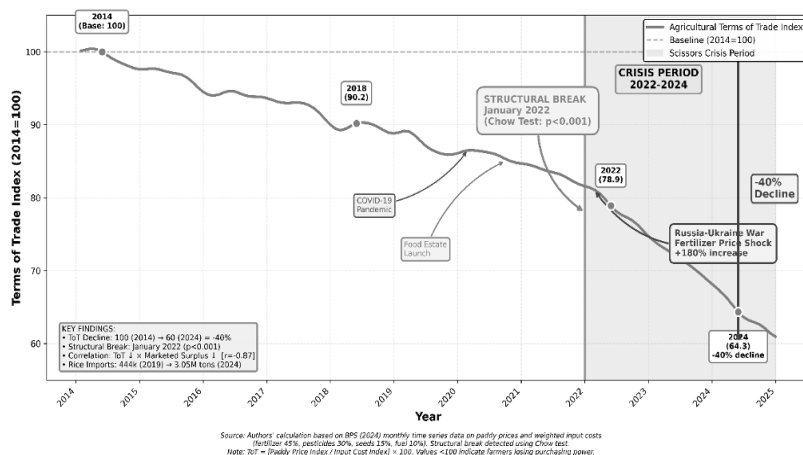

Fig. 3. ToT Index declined from 100 (2014) to 60 (2024) — 40% purchasing power loss; structural break of 2022 marks acceleration of crisis (BPS, 2024)

Main reason for the aggravation of the scissors crisis in early 2022 was Russia-Ukraine war which instantly paralyzed fertilizer exports from Russia and Belarus controlling about 15% of global supply. Indonesia, relying on imports for 30% of fertilizer production inputs (especially potassium and phosphate), was highly vulnerable to this shock. Global fertilizer prices surged up to 180% within less than six months, creating unbearable cost pressure for small farmers with low profitability (FAO, 2023). Global shocks were exacerbated by the national fiscal policy: government reduced fertilizer subsidy budget from Rp 30.2 trillion in 2021 to Rp 22.8 trillion in 2023. Moreover, inefficiencies of the Pupuk Indonesia as the state monopoly blocked the capacity to rapidly increase production. Meanwhile, the Government Purchase Price (HPP) functioning as minimum price for farmers was maintained low to contain urban inflation, ignoring the fact that production costs had surged drastically. The fertilizer subsidy was substantially increased to Rp 54 trillion only in 2024 as a political response before elections, but this was insufficient to close the widening scis-

sors gap that had formed over two years (Ministry of Finance, 2023; ANTARA News, 2024).

Structurally, government was under the urban voter pressure for cheap rice prices, which created “urban bias” — HPP was kept as low as possible so that market rice prices would remain low. On the other hand, large agribusiness lobbies controlling the downstream supply chains rejected any significant HPP increase, because this would reduce processing industry profitability. Consequently, small farmers were forced to bear the input inflation burden alone without adequate price protection.

Nikolai Bukharin warned that if “scissors” opened too wide, peasants would respond by leaving the market, which was proved in Indonesia in 2022–2024 through four main indicators:

- Marketed surplus decline — rice surplus ratio dropped drastically from 75% in 2019 to only 60% in 2024 (there is correlation between ToT decline and amount of rice sold at the market), i.e., the smaller profit farmers receive, the less their desire to supply rice to the national market.
- Retreat to subsistence — “why to sell at a loss?”: interviews with eight farmers revealed emotional yet rational survival strategies. Farmers began reducing rice sales and preferred to store it for household consumption: “Why should I sell at cheap prices then buy rice at the market at expensive prices?”. Many farmers began switching to commodities with better ToT, such as corn or vegetables, which required less inputs or had more flexible selling prices.
- Accelerated land conversion — economic despair made peasants sell their land — paddy fields lose around 100,000 hectares annually for non-agricultural use (Faoziyah et al., 2024). Land is no longer economically profitable and is transformed into housing complexes or factories — de-agrarianization is difficult to reverse, it threatens the future food production basis.
- Import surge: Self-sufficiency failure — macroeconomic consequence of this peasant strategy was rice import surge — from 444 thousand tons in 2019 to 3.05 million tons in 2024 (increase of 6.87 times). Government was to cover domestic production deficits, blatantly betraying the food sovereignty rhetoric (BPS, 2024).

Government recognized the scissors crisis but took only partial steps, failing to solve root problems. Taken steps led to partial recovery — in 2024, the fertilizer subsidy budget was restored to Rp 54 trillion and HPP was raised to Rp 6,500/kg; however, HPP increase of only 18% was not proportional to input costs growth (up to 260% on some components). The mass issuance of import permits became a workaround, further suppressing prices for farmers during the peak harvest. Moreover, government failed to carry out an efficient struc-

tural reform in Pupuk Indonesia industry to reduce fertilizer production costs. Furthermore, there was no systematic effort to strengthen peasant bargaining positions through cooperative sales (Bukharinist model). Most crucially, government did not introduce an automatic ToT stabilization mechanism and continued prioritizing fund allocation for the Food Estate project rather than providing direct support to millions of small farmers. Lack of redistribution of budget funds from large projects to subsidizing product prices shows that the state remains trapped in Stalinist logic, ignoring producer welfare as the main engine of food sovereignty.

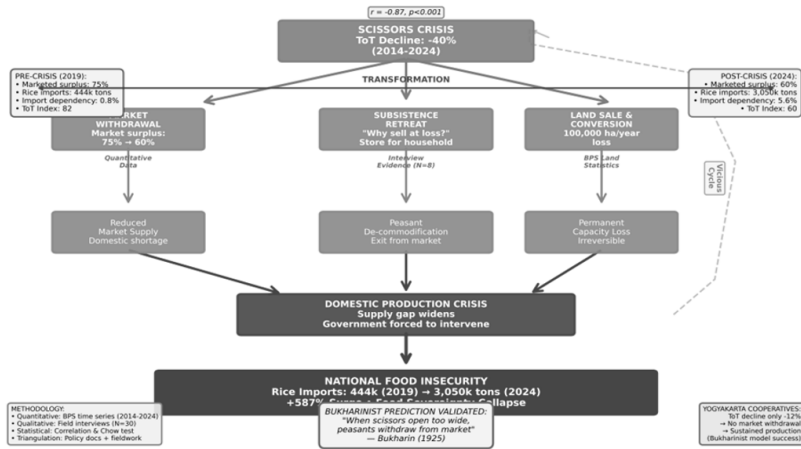

Fig. 4. Five-level causal flowchart from ToT collapse to national crisis: terms of trade deterioration → (2) farmers leaving the market → (3) production decline → (4) food insecurity and import surge → (5) peasant poverty; feedback loops reinforce each level

The cooperative alternative: Bukharinism in practice

Amid the ruins of the Food Estate project centralist ambitions, there are agrarian success pockets that operate according to a completely different logic. Bukharin considered cooperatives not as state control tools but as “schools of socialism” teaching peasants to accumulate collectively without losing autonomy. In Yogyakarta, this model is applied in farmer cooperatives that focus on both production and mastering the value chain from inputs to outputs. Yogyakarta cooperatives of local farmer alliances successfully integrate thousands of small farmers into collective management. Unlike the Food Estate project’s technology forced from above, these cooperatives use “appropriate mechanization” and “collective input management”, which correspond to Bukharin’s argument that transition to modern agri-

culture should be voluntary and gradual. Cooperatives function as shields against “scissors crisis” by wholesale inputs purchase (fertilizers and seeds) to reduce costs and by building independent rice milling facilities to increase outputs’ added value (Beach, Pedersen, 2019; George, Bennett, 2005).

Yogyakarta cooperatives prove that efficiency does not require land gigantism — through management (not land ownership) consolidation, farmers still own land and manage planting, which allows for efficient water use and pest control. Thus, input costs per hectare at the cooperative level are 25% lower compared to independent farmers due to communal purchasing systems, which is a tangible proof of marginal efficiency predicted by Bukharin (organized medium-sized units are more productive than the bureaucratic giant ones).

The study using the Stochastic Frontier Analysis on 68,204 farmers (Sunarwibowo et al., 2024) showed that cooperative members are more efficient than non-members, with 2.1% increase during the rainy season and 3.1% increase during the dry season, i.e., cooperatives have potential to significantly improve agricultural efficiency without large-scale state infrastructural investments.

Under the 2022 global fertilizer crisis, cooperatives did not depend on unspecified government subsidies — they had developed the production of liquid organic fertilizers and created independent seed banks. When the national purchasing power decreased by 40%, for Yogyakarta cooperative members — only by 12%. Cooperatives served as “price stabilizers” by purchasing farmers’ rice at prices above market during peak harvest and by storing rice in collective warehouses for sales when prices grow — this is the mechanism explicitly proposed by Bukharin to maintain the rural economic balance (Kusumawardani et al., 2021).

In Yogyakarta, planting is discussed at members meetings based on the technical coordination of field needs, without “command” from Jakarta. This success challenges the government narrative that Indonesian small farmers are “inefficient” and need to be replaced by corporations. On the contrary, empirical data show that with proper institutional support small farmers are far more reliable risk managers than ministry bureaucrats (Tulis et al., 2024).

Table 5 summarizes differences between the Bukharinist model (Yogyakarta) and the Stalinist model (Central Kalimantan) based on 2022–2024 field data: the Food Estate project failure was not caused by funding shortage but by fundamental institutional mistakes. Yogyakarta model proves that food sovereignty can be achieved without destroying ecology or marginalizing indigenous communities — by inclusive rural capital accumulation (Maskun et al., 2021; Faoziyah et al., 2024).

Table 5. Efficiency of two agrarian models

Indicator	Yogyakarta	Central Kalimantan
Scale	50–200 ha per unit	30,000 ha planned
Investment	Rp 50 million/ha	Rp 500 million/ha
Productivity	6.5 tons/ha	2.15 tons/ha (failed crops)
Cost per ton	Rp 4.8 million	Rp 349 million
Farmer participation	Democratic governance	Zero consultation
ToT resilience	–12% (2022–2024)	Not applicable (project abandoned)
Environmental impact	Agroecological practices	3M tons CO ₂ ; peat destruction
Sustainability	High (continuous 10+ years)	Failed within 2 years

37

A. Prasetyo,
B. R. Samudro,
Y. P. Pratama,
M. B. Sistriatmaja
Agricultural policy
for Indonesia:
Stalin’s state
gigantism or
Bukharin’s
cooperative farming

If the cooperative model outperforms state gigantism on efficiency, resilience and equity, why has it remained largely confined to Yogyakarta and similar Java-Bali contexts rather than spread across Indonesia’s rice-producing provinces? Because structural transformation requires more than just successful local experience. Four interrelated barriers explain the replication gap. First, *institutional path dependency*: Yogyakarta’s cooperatives benefitted from the pre-existing social capital rooted in the Javanese *gotong royong* tradition and history of functional Village Unit Cooperatives (KUD) — these conditions were largely absent in outer island provinces where colonial concession systems and post-independence transmigration had undermined collective institutional foundations (Mahoney, 2000). Second, *political economy barriers*: in provinces with active Food Estate concessions or plantation contracts, rental interests in machinery purchase, infrastructural contracts and import quotas actively hinder cooperative development, reflecting what Borrás and Franco (2012) call the “counter-agrarian reform”. Third, *agro-ecological incompatibility*: Yogyakarta’s flat, well-irrigated paddy plains make collective water use and synchronized harvesting logistically simple, which is difficult for peatlands in Kalimantan and highland shifting systems in Papua without models adapted to local ecological realities rather than “blueprint transfers”. Fourth, *lack of the state scaling policy*: cooperatives’ success developed through grassroots self-organization with minimal central support; the state has not institutionalized these lessons, because local solutions resist legibility and standardization of the high-modernist development paradigms (Scott, 1998).

The Bukharinist alternative as a roadmap to food sovereignty

This research has systematically proven that Indonesia’s Food Estate project was not a technological or administrative but ontologi-

cal failure rooted in the forced agricultural Stalinist logic, according to which small farmers are “inefficient” and “outdated” producers that have to be replaced by capital-intensive corporations controlled from the center. This failure has two dimensions: economically, the Stalinist model creates marginal inefficiency destroying the state budget. Rice production cost within the Food Estate project reaches Rp 349 million per ton, which manifests Bukharin’s “giant bureaucratic waste”. Sociologically, this project aims at “primitive accumulation” by seizing Dayak and Papua indigenous communities’ living spaces. The neglect of agronomic science and local knowledge was not just an accident but an integral part of systems that prioritize political control and symbols of progress over real sustainable productivity.

As fundamental antithesis, we propose a roadmap based on Bukharin’s economic model, the core of which for Indonesia is recognition that food independence cannot be achieved through coercion but only through voluntary cooperation between the state and peasants. Bukharin argued that transition to modern agriculture should be gradual and based on organic intensification rather than forced mechanization leaps on marginal lands. This model demands a perspective shift: small farmers should be considered not as development objects but as sovereign economic actors, and cooperatives should function as “golden bridges” providing individual farmers with the benefits of economies of scale (such as machinery and market access) without making them lose land rights. This is an inclusive development model with capital accumulation in rural areas for the prosperity of local communities, which in turn creates strong domestic market for national industry. This is what Bukharin called “growing together toward socialism” — a highly relevant concept for saving Indonesian peasants from both neoliberalism and Stalinism traps.

The first necessary step is to honestly admit failure: government should impose a moratorium on all Food Estate project’s funding and expansion and spend remaining funds on restoration of territories. Independent environmental audit is needed to map damage on Central Kalimantan peat domes and Papua indigenous forests and then to return land to indigenous and local communities. However, this return should be accompanied by the state compensation — technical support for peatland-friendly agricultural systems (such as paludiculture) and non-timber forest economies. This restoration is not only about environment but also about restoring the peasant dignity sacrificed for the state statistical obsession.

The second strategic recommendation is to introduce an Automatic ToT Stabilization mechanism: the state should stop using the Government Purchase Price (HPP) as a static instrument changed every few years. We need an indexation system in which the farmer paddy HPP will rise automatically if input prices rise (fertilizers, fuel, cost of living). This step will ensure that farmers always get fair profit margins, i.e., incentives to continue farming. By ensuring that “price

scissors” never affect them, the state indirectly suppresses the rate of paddy fields conversion. Farmers will not sell their land if farming provides stable and descent income. This is a form of the smart market intervention — “planning from below” that supports capital accumulation by small farmers.

The third pillar is investment shift from “giant sawah printing” to cooperative industrialization. The state should finance the purchase of post-harvest technologies by every rice production center managed by farmer cooperatives, not by large corporations or military. This infrastructure includes dryers, rice milling technology, and independent logistics systems. By mastering processing and distribution, farmers no longer sell dry rice (GKP) at cheap prices to middlemen but sell quality rice on consumer markets. This will break exploitation chains in rural areas. Cooperatives should also be encouraged to independently produce organic inputs to reduce dependence on imported chemical fertilizers, which is the reason of Indonesia’s current economic vulnerability.

The transition to this Bukharinist model will face major obstacles from economic-political elites benefiting from the Food Estate project. Rental interests in large-scale agricultural machinery sales, infrastructural contracts and rice imports quotas are the main enemies of this reform. However, history shows that extracting agricultural models are never politically or economically sustainable. We need a strategic alliance between peasant movements, scientists and progressive officials. The “food sovereignty from below” should become a mainstream in the national development discourse, and the public should demand food budget transparency and reject agricultural sector militarization. Without strong democratic control, food policy will remain an instrument of accumulation for elites. Indonesia’s food future depends not on giant tractors destroying peatland but on millions of peasant families cultivating their land with love and local knowledge. The failure of the Food Estate project is the death knell for impersonal and destructive Stalinist development model. Adopting Bukharinist alternative means choosing more humane, just and scientific path, balancing the national production needs and small producers’ welfare. By stabilizing terms of trade, strengthening cooperatives and respecting ecological boundaries, Indonesia will ensure both rice self-sufficiency and prosperous, educated and autonomous peasant class which is the essence of independent agrarian development.

*A. Prasetyo,
B. R. Samudro,
Y. P. Pratama,
M. B. Sistriatmaja*
Agricultural policy
for Indonesia:
Stalin’s state
gigantism or
Bukharin’s
cooperative farming

Discussion: Implications for theory and policy

Bukharin developed a crucial perspective for eco-Marxism by emphasizing that the human–nature synthesis cannot be forced through bureaucratic command but should be achieved through rural economic stability. Saito’s (2017) critique of the need for eco-socialism sen-

sitive to critical agrarian studies finds its equivalent in Bukharin's idea of "dynamic balance" and extends into the current degrowth debates, where peasant autonomy and local rural capital accumulation are viewed as mechanisms to resist the destructive extractive capitalism expansion.

The analysis of the Food Estate project failure and Yogyakarta cooperative success proves that the dichotomy of pure state intervention and pure market liberalization is false. State intervention is needed, but its type is far more important than amount of funding. The Stalinist state acts as a peasant autonomy predator, while the Bukharinist state — as a collective infrastructure facilitator. Cooperatives represent the "third way", in which market efficiency meets social justice through community control: agrarian transformation is impossible through command control — only through domains providing space for peasant agency to self-organize (Anderson et al., 2019). These findings revitalize historical materialism by rejecting linear determinism, according to which all development paths end with large corporate consolidation. Indonesian agrarian history shows a "multilinear evolution", i.e., peasant agency and local political contingency can create alternative paths outside the grand state schemes. This proves Bernstein's (2010) idea that class dynamics in agrarian change are always influenced by peasant resistance and adaptation to capital and state pressures, which determines diverse development directions.

Indonesia represents a "middle case" in Southeast Asia. Compared to Thailand's market-oriented rice policy or Vietnam's *đổi mới* radical de-collectivization of peasant households, Indonesia in the Food Estate project's era experienced a return to centralism. There is a sharp contrast with Malaysia's FELDA scheme which, despite being top-down, succeeded in ensuring income stability through global commodity integration. However, the agrarian reform failure in Philippines is a reminder that without political will to distribute land any cooperative model will face difficulties in development. Today Indonesia is torn between ambitions to become an export power like Vietnam and agricultural backwardness risks like Philippines.

Indonesian experience has strong parallels with the MST cooperative movement in Brazil, proving that small farmers can manage large-scale organic soybean production if supported by strong class organization. In Mexico, the ejidos system failure due to neoliberalism (Castellanos-Navarrete, 2021) teaches Indonesia a valuable lesson: without price protection by the terms of trade, land ownership is insufficient for sovereignty. On the contrary, Cuba's post-Soviet transition to urban agroecology shows that under energy crisis the Bukharinist model based on communities is far more sustainable than energy-intensive industrial systems. China provides even most relevant comparison: the Household Responsibility System introduced in 1978 essentially followed the Bukharinist logic, giving autonomy to small farmers. However, recent re-collectivization efforts through the

“Enterprise Dragon Head” confirmed the tension between industrial productivity and equity. Indonesia seems to imitate China’s state-corporation model without its bureaucratic discipline, which means inefficiency without growth.

Therefore, we offer the following policy recommendations by stages:

- Immediate (2025–2026): stop political panic, stop all new expansions of the Food Estate project to prevent further budget losses, redistribute Rp 10 trillion from the giant food infrastructure funds to 500 pilot rice-producing cooperative projects, return fertilizer subsidy to adequately level and apply the automatic ToT stabilization mechanism based on farmers’ real production cost index.
- Medium-term institutional reform (2027–2030): scale up cooperative program to reach 2,000 units across Indonesia with the focus on mastering post-harvest technology; reform the Pupuk Indonesia to eliminate its monopoly and give permits to farmer cooperatives to independently produce and distribute organic fertilizers, ensure legal recognition of farmer organizations as partners of the state in agrarian decision-making.

Long-term systemic transformation (after 2030): aim for 10,000 active cooperatives controlling at least 20% of the national food production and market distribution, institutionalize the automatic ToT adjustment mechanism to protect farmers from future global shocks, create independent regional food systems (each region supports its local food diversity, ceasing to be just a buffer for centralist national markets).

To implement this roadmap, we need to start from progressive local governments (such as in Yogyakarta) to prove the possibility of success (evidence-based policy), to form broader coalition between farmer organizations, urban consumers wanting healthy food, environmental activists and progressive bureaucrats — to fight against oligarchs who profit from extractive projects. Only the collective political pressure can make the Indonesian agrarian development reorient to those who feed the nation — small peasants.

Our comparative analysis would be incomplete without the third model that has affected agricultural production in the Global North and increasingly the Global South — the corporate agribusiness complex (agroholdings, vertically integrated firms and contract farming systems). In the United States, 4% of farms produce 66% of total agricultural output (MacDonald, Hoppe, 2017); in Russia, such agroholdings as Miratorg and EkoNiva manage over 30 million hectares with measurable productivity gains in poultry and grain (Visser, Mamonova, Spoor, 2012); in Brazil, agribusiness has made the country the world’s largest soybean exporter (Oliveira, Schneider, 2016), i.e., this is a globally dominant institutional form (Clapp, Fuchs, 2009). Corporate agribusiness already operates in Indonesia: Charoen Pok-

A. Prasetyo,
B. R. Samudro,
Y. P. Pratama,
M. B. Sistriatmaja
Agricultural policy
for Indonesia:
Stalin’s state
gigantism or
Bukharin’s
cooperative farming

phand Indonesia controls approximately 50% of the national broiler market through integrated contract farming (Dyck, Prasetyo, 2010), while five major corporate groups manage about 40% of the oil-palm planted area (Cramb, McCarthy, 2016). These models demonstrate capacity for capital accumulation and export productivity in their sectors.

However, three structural features make this model unsuitable for the production of staple foods in Indonesia. First, consolidating rice production at agroholdings would require displacing tens of millions of small households, which is politically and socially inexpedient when farmers constitute 30% of the electorate. Second, contract farming in staple food production typically had negative consequences: asymmetric bargaining reduced farmers' margins while concentrating profits upstream and reproducing the scissors crisis through market mechanisms rather than the state price controls (Oya, 2012). Third, Indonesia's oil palm complex (the closest analogue) demonstrates extensive smallholder dispossession, peatland destruction and export orientation that structurally undermine Indonesia's national food sovereignty (McCarthy, 2010; Cramb, McCarthy, 2016). The Food Estate project was a state-led agroholding experiment; its failure is the strongest empirical argument against applying this model to the Indonesian rice industry. Thus, the Bukharinist cooperative pathway is not a universal opposition to corporate agribusiness but a structurally appropriate model for the specific conditions of Indonesia's smallholder-dominated staple food sector.

Conclusion

The application of the Bukharinist political economy lens to the contemporary Indonesian agricultural policy allows to make the following conclusions. First, the Food Estate program constitutes agricultural Stalinism through gigantism, coercion, environmental destruction and peasant subordination, scoring 4.6 out of 5 Stalinist characteristics while producing only 4,300 tons of rice at catastrophic costs. Second, the deterioration of the agricultural terms of trade by 40% (2022–2024) proves Bukharin's scissors crisis (farmers responded by leaving markets and reducing production). Third, cooperative alternatives show viability, with Yogyakarta cooperatives achieving 2.1–3.1% efficiency gains while maintaining social cohesion.

Thus, the 1920s agrarian debates in the Soviet Union remain relevant for understanding the Global South's development dynamics in the 21st century, since paths to modernity are diverse. State intervention is absolutely needed in food sector, but the type of intervention is far more determining than funding. State functioning as a co-operative facilitator and price stability guardian (Bukharinist model) is far more effective than the state functioning as a giant landowner

and dictator (Stalinist model). Cooperatives are not artifacts but viable “third ways” for integrating millions of small farmers into today’s economy without destroying their autonomy or ecosystems.

Indonesia faces an existential choice similar to the Soviet Union in the 1920s. The Stalinist path offers a self-sufficiency mirage based on mega-projects, forced extraction and gigantism, which result in production failure, fiscal waste and indigenous community displacement: Stalin’s collectivization caused great famine which killed 7 million people and created chronic inefficiencies that paralyzed the Soviet economy until its collapse. The Bukharinist path offers prosperity based on cooperatives, fair terms of trade stability and gradual sustainable development: since 1978, such reforms in China have successfully lifted more than 300 million people out of rural poverty. The question for Indonesia in 2026 is whether policymakers will learn from past failures or will continue repeating Stalin’s mistakes for short-term rental benefit. Bukharin was executed in 1938 as an “enemy of the people”, but history has restored his name as an architect of humane development. Bukharin’s ghost now haunts the barren peatlands of Central Kalimantan and paddy fields of Java, asking which path Indonesia will choose.

*A. Prasetyo,
B. R. Samudro,
Y. P. Pratama,
M. B. Sistriatmaja*
Agricultural policy
for Indonesia:
Stalin’s state
gigantism or
Bukharin’s
cooperative farming

References

- Anderson C. R., Bruil J., Chappell M. J., Kiss C., Pimbert M. P. (2019) From transition to domains of transformation: Getting to sustainable and just food systems through agroecology. *Sustainability*, vol. 11, no 19. URL: <https://doi.org/10.3390/su11195272>.
- Aspinall E. (2015) Oligarchic populism: Jokowi and political representation in Indonesia. *Contemporary Southeast Asia*, vol. 37, no 1, pp. 1–28.
- Badan Pusat Statistik (2024) *Statistik Indonesia 2024*, BPS.
- Beach D., Pedersen R. B. (2019) *Process-Tracing Methods: Foundations and Guidelines*, University of Michigan Press.
- Bernstein H. (2010) *Class Dynamics of Agrarian Change*, Fernwood Publishing.
- Bernstein H. (2018) The ‘peasant problem’ in the Russian Revolution(s), 1905–1929. *Journal of Peasant Studies*, vol. 45, no 5–6, pp. 1127–1150.
- Booth A. (1988) *Agricultural Development in Indonesia*, Allen & Unwin.
- Borras S. M. Jr., Franco J. C. (2012) Global land grabbing and trajectories of agrarian change: A preliminary analysis. *Journal of Agrarian Change*, vol. 12, no 1, pp. 34–59.
- Bukharin, N. (1921) The economics of the transition period. *Selected Writings on the State and the Transition to Socialism*, M. E. Sharpe, pp. 53–146.
- Bukharin N. (1925) The path to socialism and the worker-peasant alliance. *Selected Writings on the State and the Transition to Socialism*, M. E. Sharpe, pp. 178–205.
- Bukharin N. (1928) Notes of an economist. *Selected Writings on the State and the Transition to Socialism*, M. E. Sharpe, pp. 293–323.
- Burawoy M. (1998) The extended case method. *Sociological Theory*, vol. 16, no 1, pp. 4–33.
- Castellanos-Navarrete A. (2021) Are oil palm plantations a threat to maize agrobiodiversity? Understanding the driving forces of land use change among smallholders in Mexico. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 48, no 2, pp. 405–430.
- Clapp J., Fuchs D. (Eds.) (2009) *Corporate Power in Global Agrifood Governance*, MIT Press.

- Cohen S. (1973) *Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888–1938*, Knopf.
- Conquest R. (1986) *The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine*, Oxford University Press.
- Cramb R., McCarthy J. F. (Eds.) (2016) *The Oil Palm Complex: Smallholders, Agribusiness and the State in Indonesia and Malaysia*, NUS Press.
- Davies R. W. (1980) *The Socialist Offensive: The Collectivization of Soviet Agriculture, 1929–1930*, Macmillan.
- Day R. (1973) *Leon Trotsky and the Politics of Economic Isolation*, Cambridge University Press.
- Dyck J., Prasetyo F. (2010) Indonesia's Poultry Sector, USDA Economic Research Service, LDP-M-188.
- Erlach A. (1960) *The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928*, Harvard University Press.
- Faoziyah U., Rosyarih M. F., Panggabean R. (2024) Unearthing agricultural land use dynamics in Indonesia: Between food security and policy interventions. *Land*, vol. 13, no 12. URL: <https://doi.org/10.3390/land13122030>.
- Food and Agriculture Organization (2023) *World Fertilizer Trends and Outlook to 2026*, FAO.
- George A. L., Bennett A. (2005) *Case Studies and Theory Development in the Social Sciences*, MIT Press.
- Hall D., Hirsch P., Li T. M. (2011) *Powers of Exclusion: Land Dilemmas in Southeast Asia*, NUS Press.
- Hendrickson M. K., Heffernan W. D. (2002) Opening spaces through relocalization: Locating potential resistance in the weaknesses of the global food system. *Sociologia Ruralis*, vol. 42, no 4, pp. 347–369.
- Huang P. C. (1990) *The Peasant Family and Rural Development in the Yangzi Delta, 1350–1988*, Stanford University Press.
- Indra M., Saragih G. M., Artina D., Yusuf D. M. M., Mahardika A. G. (2024) The idea of the bottom-up paradigm to top-down in regional arrangement in Indonesia. *Jurnal Hukum Unissula*, vol. 40, no 2, pp. 17–36.
- Khanif A., Yunita F. T. (2024) Food and land policies amid the agricultural land conversion in Indonesia. *Law, Environment and Development Journal*, vol. 20, no 1, pp. 58–77.
- Kontesa E., Fernando Z. J. (2024) Reclaiming our roots: Agrarian law's battle against land grabbing. *Lex Scientia Law Review*, vol. 8, no 2, pp. 945–984.
- Kusumawardani A., Laksmono B. S., Setyawati L., Soesilo T. E. B. (2021) A policy construction for sustainable rice food sovereignty in Indonesia. *Potravinarstvo Slovak Journal of Food Sciences*, vol. 15, pp. 484–496.
- Lewin M. (1968) *Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization*, Allen & Unwin.
- Lewin M. (1974) *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers*, Princeton University Press.
- Li T. M. (2014) *Land's End: Capitalist Relations on an Indigenous Frontier*, Duke University Press.
- MacDonald J. M., Hoppe R. A. (2017) Large Family Farms Continue to Dominate U.S. Agricultural Production (Economic Information Bulletin No. 168), USDA Economic Research Service. URL: <https://doi.org/10.22004/ag.econ.262827>.
- Maskun Napang M., Nur S. S., Bachril S. N., Al Mukarramah N. H. (2021) Detrimental impact of Indonesian food estate policy: Conflict of norms, destruction of protected forest, and its implication to the climate change. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, vol. 824, no 1. URL: <https://doi.org/10.1088/1755-1315/824/1/012097>.
- Mahoney J. (2000) Path dependence in historical sociology. *Theory and Society*, vol. 29, no 4, pp. 507–548.
- McCarthy J. F. (2010) Processes of inclusion and adverse incorporation: Oil palm and agrarian change in Sumatra, Indonesia. *Journal of Peasant Studies*, vol. 37, no 4, pp. 821–850.
- Ministry of Agriculture (2020) *Food Estate Policy Document*, Republic of Indonesia.
- Ministry of Finance (2023) *Financial Note and Draft State Budget 2024*, Republic of Indonesia.
- Nove A. (1992) *An Economic History of the USSR, 1917–1991*, Penguin Books.

- Obidzinski K., Andriani R., Komarudin H., Andrianto A. (2012) Environmental and social impacts of oil palm plantations and their implications for biofuel production in Indonesia. *Ecology and Society*, vol. 17, no 1. URL: <https://doi.org/10.5751/ES-04775-170125>.
- Oliveira G. L. T., Schneider M. (2016) The politics of flexing soybeans: China, Brazil and global agroindustrial restructuring. *Journal of Peasant Studies*, vol. 43, no 1, pp. 167–194.
- Oya C. (2012) Contract farming in sub-Saharan Africa: A survey of approaches, debates and issues. *Journal of Agrarian Change*, vol. 12, no 1, pp. 1–33.
- Pailis E. A., Fatkhurrahman A., Arif A. (2020) Indigenous community approach through indigenous leaders social entrepreneurship in five luhak in Rokan Hulu regency Riau Indonesia. *International Journal of Scientific and Technology Research*, vol. 9, no 3, pp. 5249–5255.
- Preobrazhensky E. (1965). *The New Economics*. Transl. by B. Pearce, Clarendon Press.
- Rachman N. F. (2011) *The Resurgence of Land Reform Policy and Agrarian Movements in Indonesia*, LP3ES.
- Respatiadi H., Tan L. (2025) Food self-sufficiency in Indonesia through the Job Creation Law: The struggle between the presidency and parliament. *Contemporary Southeast Asia*, vol. 47, no 1, pp. 1–32.
- Rosser A. (2002) *The Politics of Economic Liberalization in Indonesia: State, Market and Power*, Routledge.
- Saito K. (2017) *Karl Marx's Ecosocialism: Capital, Nature, and the Unfinished Critique of Political Economy*, Monthly Review Press.
- Schneider M. (2017). Dragon head enterprises and the state of agribusiness in China. *Journal of Agrarian Change*, vol. 17, no 1, pp. 33–59.
- Scholz T. (2016) *Platform Cooperativism: Challenging the Corporate Sharing Economy*, Rosa Luxemburg Stiftung.
- Scott J. C. (1998) *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*, Yale University Press.
- Selden M. (1993) *The Political Economy of Chinese Development*, M. E. Sharpe.
- Setyo P., Elly J. (2018) Problems analysis on increasing rice production through food estate program in Bulungan Regency, North Kalimantan. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, vol. 147, no 1. URL: <https://doi.org/10.1088/1755-1315/147/1/012043>.
- Shanin T. (1983) *Late Marx and the Russian road: Marx and the Peripheries of Capitalism*, Monthly Review Press.
- Shapiro J. (2001) *Mao's War Against Nature: Politics and the Environment in Revolutionary China*, Cambridge University Press.
- Stalin J. (1952) *Economic Problems of Socialism in the USSR*, Foreign Languages Publishing House.
- Sunarwibowo R. P., Ikhsan M., Mahi B. R., Wisana I. D. G. K. (2024) Efficiency of agricultural cooperative members in Indonesia. *Asian Economic and Financial Review*, vol. 14, no 5, pp. 367–388.
- Timmer C. P. (2004) Food security and economic growth: An Asian perspective. *Asian-Pacific Economic Literature*, vol. 18, no 1, pp. 1–23.
- Tulis R. S., Pramusinto A., Subarsono A., Kusumasari B. (2024) The impact of food estate policy implementation on local economy and community welfare in Central Kalimantan: Post-implementation review. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, vol. 1421, no 11. URL: <https://doi.org/10.1088/1755-1315/1421/1/012028>.
- Van der Ploeg J. D. (2008) *The New Peasantries: Struggles for Autonomy and Sustainability in an Era of Empire and Globalization*, Earthscan.
- Visser O., Mamonova N., Spoor M. (2012) Oligarchs, megafarms and land reserves: Understanding land grabbing in Russia. *Journal of Peasant Studies*, vol. 39, no 3–4, pp. 899–931.
- WALHI (Indonesian Forum for Environment) (2023) *Environmental Impact Report: Central Kalimantan Peatland Destruction*.

*A. Prasetyo,
B. R. Samudro,
Y. P. Pratama,
M. B. Sistriatmaja*
Agricultural policy
for Indonesia:
Stalin's state
gigantism or
Bukharin's
cooperative farming

- Warburton E. (2016) Jokowi and the new developmentalism. *Bulletin of Indonesian Economic Studies*, vol. 52, no 3, pp. 297–320.
- Warr P., Yusuf A. A. (2014) Fertilizer subsidies and food self-sufficiency in Indonesia. *Agricultural Economics*, vol. 45, no 5, pp. 571–588.
- White B., Borras Jr. S. M., Hall R., Scoones I., Wolford W. (2012) The new enclosures: Critical perspectives on corporate land deals. *Journal of Peasant Studies*, vol. 39, no 3–4, pp. 619–647.
- White B., Dasgupta A. (2010) Agrofuels capitalism: A view from elsewhere. *Journal of Peasant Studies*, vol. 37, no 4, pp. 593–607.
- Wisnaeni F., Najib A. A. (2025) National food security and local sovereignty: Legal-ecological critique of Indonesia's food estate policy. *Current Research in Nutrition and Food Science*, vol. 13, no 3, pp. 1320–1334.

Аграрная политика Индонезии: сталинский государственный гигантизм или бухаринское кооперативное хозяйство

Прасетио Андри — преподаватель, кафедра экономики развития, факультет экономики и бизнеса, Университет Себелас Марет. Ул. Ир. Сутами, 36, Кентинган, Джебрес, Суракарта, Центральная Ява 57126. E-mail: prasandri@staff.uns.ac.id

Самудро Бхимо Ризки — доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики развития, факультета экономики и бизнеса, Университет Себелас Марет. Ул. Ир. Сутами, 36, Кентинган, Джебрес, Суракарта, Центральная Ява 57126. E-mail: bhimosamuro@staff.uns.ac.id

Праата Йогги Паска — доктор экономических наук, преподаватель, кафедра экономики развития, факультет экономики и бизнеса, Университет Себелас Марет. Ул. Ир. Сутами, 36, Кентинган, Джебрес, Суракарта, Центральная Ява 57126. E-mail: yogipratama@staff.uns.ac.id

Систриятмаджа Мухаммад Багус — преподаватель, кафедра экономики развития, факультет экономики и бизнеса, Университет Себелас Марет. Ул. Ир. Сутами, 36, Кентинган, Джебрес, Суракарта, Центральная Ява 57126. E-mail: bagussistriatmaja@staff.uns.ac.id

Аннотация. В статье системный провал индонезийской программы «Продовольственные поместья» (2020–2024) В статье рассмотрен системный провал через аналитическую призму советских аграрных дебатов 1920-х годов между Николаем Бухариным и Иосифом Сталиным. Авторы отмечают критический парадокс: государственная сельскохозяйственная политика продолжает терпеть неудачи, и Индонезия импортирует рекордные объемы риса, несмотря на 33 миллиона мелких фермеров. В исследовании применялись смешанные методы и расширенное кейс-стади, чтобы рассчитать Индекс условий торговли сельскохозяйственной продукцией для эмпирической проверки гипотезы о наличии "ножниц цены" (50 государственных документов и полевые исследования в трех провинциях). Сделаны следующие ключевые выводы: (1) проекты продовольственных поместий получили оценку 4,6 из 5 на основе сталинистских характеристик (гигантизм, принуждение, игнорирование экологических проблем), производя всего 4300 тонн риса по цене 349 миллионов индонезийских рупий за тонну против рыночной цены в 6 миллионов; (2) условия торговли сельскохозяйственной продукцией ухудшились на 40% в 2022–2024 годы, что привело к уходу фермеров с рынка и увеличению импорта риса с 444 тысяч тонн (2019) до 3,05 млн (2024); (3) успешные кооперативные модели показали эффективность в 2,1–3,1% и не теряли производительность

в кризисные периоды. Исследование теоретически подтверждает применимость бухаринской политической экономики для аграрного анализа XXI века, доказывая ее актуальность за пределами советской историографии, и предлагает трехступенчатую дорожную карту для реализации политики, в которой приоритет отдается расширению прав и возможностей мелких фермеров, стабилизации условий торговли и кооперативной индустриализации — как альтернативам государственному гигантизму и корпоративному сельскому хозяйству.

Ключевые слова: продовольственный суверенитет, аграрная политика, условия торговли, кооперативы, Индонезия, бухаринская критика, захват земель, крестьяноведение, продовольственное имение, мелкое фермерство, государственное вмешательство

*A. Prasetyo,
B. R. Samudro,
Y. P. Pratama,
M. B. Sistriatmaja*
Agricultural policy
for Indonesia:
Stalin's state
gigantism or
Bukharin's
cooperative farming

Неизвестный Иртур и его директор Г. К. Ризенкамф: к истории освоения Центральной Азии

Т. А. Савинова

Татьяна Александровна Савинова, кандидат экономических наук, начальник отдела организационно-плановой работы Российского государственного архива экономики, 119435, Москва, ул. Б. Пироговская, д. 17, стр. 9.
E-mail: starxiv2@mail.ru

EDN: HMQVLZ

Аннотация. В статье исследуются истоки возникновения, создание, деятельность и ликвидация одной из первых советских организаций, созданных по декретам, подписанным В. И. Лениным в 1918 году, — Управления ирригационных работ в Туркестане (Иртур). Делается попытка охарактеризовать грандиозные задачи, поставленные перед учреждением и его руководителем, прослеживается влияние на их решение сложных исторических условий в России 1914–1920 годов. Значительное внимание уделяется деятельности технического директора и председателя Коллегии Иртура, выдающегося ученого и инженера-гидротехника Г. К. Ризенкамфа, являвшегося автором нескольких крупных ирригационных проектов, в том числе Голодностепского, дается его полная биография, включая последние трагические страницы. Также особо отмечается работа в Иртуре некоторых его коллег: почвовед Н. А. Димо, экономиста Б. К. Лодыгина, выдающегося архитектора Ф. О. Шехтеля. Основой статьи стали архивные документы фондов учреждений и личные фонды инженеров-гидротехников, хранящиеся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), большинство из которых впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: ирригация, мелиорация, Голодная степь, Туркестан, Отдел земельных улучшений, Б. К. Лодыгин, Ф. О. Шехтель

Деятельность Управления ирригационных работ в Туркестане (Иртур) неоднократно упоминалась в научных и научно-популярных исследованиях, однако, как правило, очень кратко или в качестве иллюстрации основной темы (Борисова, 2001: 114–117, 123–128; Елина, 2024: 146–147). Много внимания истории ирригации в Центральной Азии, деятельности русских инженеров-иригаторов и, в частности, Георгия Константиновича Ризенкамфа уделил в двух своих монографиях А. М. Мамедов (Мамедов, 1965, 1967). Он подробно рассмотрел работу русских инженеров в дореволюционный период, участие в реализации плана ГОЭЛРО в Туркестане и в восстановлении ирригационных систем в 1920-х годах, но об истории организации и деятельности Иртура — главного детища Ризен-

кампфа — писал скупно. В силу идеологических причин умолчал автор и о трагических судьбах большинства творцов среднеазиатской ирригационной системы. В более поздней, самой подробной биографической статье о Ризенкампе периоду его работы в Иртуре посвящен один абзац (Георгий Константинович Ризенкамф, 2016: 3–6).

Между тем само создание одного из первых советских учреждений, масштабы поставленных перед ним задач и личностей, призванных к их решению, заслуживают самого пристального внимания. Хронология бурных революционных событий в России отразилась в истории этого учреждения во всех ипостасях: первые попытки государственного управления, влияние произвола ВЧК на судьбы людей и целых учреждений, Гражданская война, наконец, решение национального вопроса и централизация власти в конце 1920-х годов — все это, так или иначе, сказалось на создании, попытке деятельности и ликвидации Иртура.

Богатую источниковую базу для исследования составляют документы Российского государственного архива экономики: фонд самого Иртура (ф. 2276), фонд Отдела по сооружениям водного хозяйства Главного управления государственного строительства ВСНХ СССР (Оводстрой, ф. 2274), личные фонды инженеров-гидростроителей В. Д. Журина, Ф. П. Моргуненкова, К. М. Зубрика, А. М. Естифеева и коллекция документов деятелей мелиорации и гидротехники.

Проблема «оживления» Туркестана

Интерес к Туркестану был в 1910-е годы среди русской интеллигенции всеобщим: в Московском сельскохозяйственном институте существовал студенческий кружок по изучению Туркестана, секретарем которого был будущий основатель научного хлопководства Г. С. Зайцев. Выдающийся архитектор Ф. О. Шехтель совершил путешествие в Туркестан для изучения памятников восточной архитектуры, а экономист-аграрник А. В. Чаянов в 1915 году собирал данные для своей работы «Очерки по теории водного хозяйства» в Самарканде. Однако, как считал Ризенкамф, только «инженер-мелиоратор, попавши из Европы в Туркестан, должен сразу лишиться спокойствия: эти бесконечные пустыни и степи, песчаные океаны, голые безлесные склоны гор, вплоть до линии вечных снегов, безмолвно говорят о том, что здесь каждая пядь земли... требует от человека упорной борьбы за приобщение к культуре» (Ризенкамф, 1921: 5).

Г. К. Ризенкамф родился в 1886 году в г. Эривани (Ереван) в семье мирового судьи Александра Ивановича Губенко и дочери кутаисского священника Елизаветы Георгиевны Гигидзе. Отец умер, когда мальчику не было и двух лет. С тринадцати лет он но-

Т. А. Савинова
Неизвестный Ир-
тур и его директор
Г. К. Ризенкамф:
к истории освое-
ния Центральной
Азии

сил фамилию и отчество второго мужа матери, его усыновившего. После окончания Тифлисского реального училища Ризенкамппф поступил в Институт путей сообщения в Санкт-Петербурге, который окончил в 1909 году. В течение года он работал в Кавказском округе путей сообщения начальником партии по исследованию причин оползней вдоль шоссе Новороссийск — Сухуми, а после составления отчета и представления его в Отдел земельных улучшений Главного управления земледелия и землеустройства (ОЗУ ГУЗиЗ) был приглашен на службу в гидротехническую лабораторию Отдела.

В начале 1910-х годов в ОЗУ «сгруппировались все крупные инженерные силы, сосредоточилась вся научная работа по гидротехнике и мелиорации»¹. Систематические изыскания были организованы в 1910 году помощником управляющего Отделом инженером С. П. Максимовым. Из ОЗУ непосредственно получали инструкции девять изыскательских партий, работавших в Туркестане в 1910–1917 годах, как для всесторонних изысканий по орошению обширных площадей казенных безводных земель, так и для производства строительных работ по одному законченному проекту в долине реки Чу, а также по исследованиям существующих ирригационных систем.

По утверждению самого Ризенкамппфа, вопрос орошения Голодной степи имеет довольно большую, но бессистемную историю исследований. Молодой инженер занимался пересмотром проектов по орошению северо-восточной части Голодной степи, составленных в 1901 году, а в конце 1912 года был назначен начальником изысканий в ее северо-западной части. По их результатам в феврале-марте 1914 года им была составлена и представлена на рассмотрение комиссии из специалистов-гидротехников общая схема орошения Голодной и Дальверзинской степей, которая была признана наиболее целесообразной в техническом и экономическом отношении. Ризенкамппфу было поручено разработать проект орошения всей Голодной степи площадью свыше 500 тыс. десятин, включая ее центральную и южную части, а также составление проекта орошения Дальверзинской степи, расположенной на противоположном берегу реки Сырдарьи. Для этого в ОЗУ было создано Управление работ по изысканиям и составлению проекта орошения Голодной степи под руководством Ризенкамппфа.

Уже при создании своего первого крупного проекта инженер мыслил чрезвычайно широко. «Оросительная система, — писал он, — должна явиться канвой для развития жизни степей и пустынь, а потому в известной степени она определяет тип и характер остальных технических устройств, потребных для организации всей жизни» (Ризенкамппф, 1921а: 98). Поэтому в проекте

1. Из автобиографии Б. К. Лодыгина: Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 282. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

была разработана не только схема орошения и ее составляющие, но и планы заселения и землеустройства, схемы железных и шоссейных дорог, расположение городов и предприятий по переработке продукции сельского хозяйства, схемы линий связи, гидроэлектростанции и электрическая сеть, лесонасаждение. Разработке комплексного проекта предшествовало статистико-экономическое исследование орошенной части Голодной степи, проведенное статистической партией в мае-июле 1914 года под руководством известного статистика В. Ф. Караваева (Караваев, 1914). Оно было проведено путем сплошной подворной переписи в поселках русских переселенцев и главнейших кишлаках местного населения, живущего оседлым хозяйством. Были изучены условия хозяйственной деятельности, порядок водопользования и степень приспособляемости поселенцев к новому поливному режиму. Это позволило Ризенкамфу собрать исчерпывающие материалы по всем сопредельным вопросам.

В Управлении было образовано 16 отделов, каждый из которых занимался разработкой определенной части проекта, были созданы библиотека и склад технических документов². Здесь работали как опытные специалисты-гидротехники — Е. Л. Кениг, Н. Н. Павловский, Э. И. Романский, профессора А. К. Рождественский и К. Э. Рерих, так и молодые специалисты — Б. М. Личкус, Г. А. Елецкий, К. М. Зубрик, Т. А. Колпакова, В. Д. Журин. Составление проекта и дальнейшая его разработка проводились Управлением на протяжении 1914–1917 годов, за исключением девяти месяцев (с осени 1915 г. по весну 1916 г.), когда весь состав служащих был мобилизован для военных гидротехнических работ на Северном фронте.

В 1914 году проект был разработан настолько, что Технический комитет ОЗУ на заседании 22 ноября рассмотрел основные задания, расчетные нормы и общую схему проекта и постановил: приступить немедленно к составлению детального проекта работ первой очереди, а именно северо-западной части Голодной степи³. Сотрудники Ризенкамфа Е. Л. Кениг, Г. В. Рудницкий и А. В. Чаплыгин в течение 1915 года трижды докладывали Техническому комитету о ходе разработки проекта, после чего общая схема была утверждена. Для дальнейшего детального рассмотрения проектов отдельных сооружений была образована особая комиссия, которая к концу 1917 года успела утвердить проекты Беговатской плотины на р. Сырдарье, переустройства головного шлюза-регулятора для северной Голодностепской системы, Центрального и Дальверзинского шлюзов-регуляторов. Были также составлены проекты магистральных

2. РГАЭ. Ф. 2276. Оп. 1. Д. 1.

3. Журнал Технического комитета при Отделе земельных улучшений. № 1345. 22 ноября 1914 г.: РГАЭ. Ф. 9454. Оп. 1. Д. 886. Л. 19-19 об.

каналов (Северного и Центрального) и Беговатской гидроэлектростанции с насосными установками.

Все это стало результатом непрерывной работы, которую Управление вело, невзирая на политические события в Петрограде⁴. Так, 28 февраля 1917 года приказ начальника работ гласил: «Доводится до сведения всех служащих Управления работ, что работы по составлению проекта орошения Голодной степи при новом государственном строе возобновляются с понедельника 6-го марта 1917 года. В работах Управления не произойдет никаких перемен. Что касается вознаграждения, то таковое предполагается производить в обычные сроки, за исключением очередной выдачи суточных и процентных прибавок, с которыми, очевидно, произойдет некоторая задержка»⁵.

И все-таки перемены начались уже в июне 1917 года. Предполагалось, что все главные элементы проекта будут закончены в 1917 году и освободившийся личный состав будет переводиться на работы по постройке сооружений, предстоящей в 1918 году, причем кредит «на приступ к постройке» запрашивался в сумме 5 млн руб. Однако в связи с общим финансовым и экономическим положением России постройка в 1918 году начаться не могла. 16 ноября 1917 года Управление было эвакуировано в г. Алупку Таврической губернии, большая часть сотрудников была уволена. Только начальник работ Ризенкампф с небольшим штатом остался в Петрограде⁶.

К сожалению, проект, который один из участников его создания В. Д. Журин считал «стоящим на одном уровне с грандиознейшими мировыми оросительными проектами» и ценность которого, «как научно-технического труда, не зависит от того момента, когда начнется постройка»⁷, ввиду отсутствия средств не был издан. Он состоял из почти 1000 чертежей, карт и картограмм, требовал для печати изготовления не только штриховых, но и тоновых клише и отчасти многокрасочного печатания, что в революционной России было невозможно.

Создание Иртура и его деятельность

В конце 1917 года по поручению Президиума ВСНХ Ризенкампф и Б. К. Лодыгин⁸ приняли участие в организации Комитета го-

4. РГАЭ. Ф. 2276. Оп. 1. Д. 22. Л. 5 об.

5. РГАЭ. Ф. 2276. Оп. 1. Д. 22. Л. 16 об.

6. РГАЭ. Ф. 2276. Оп. 1. Д. 22. Л. 79 об.

7. *Журин В. Д.* Об издании Голодностепского проекта: РГАЭ. Ф. 9454. Оп. 1. Д. 3. Л. 197.

8. Лодыгин Борис Константинович (1877–1939) родился в Санкт-Петербурге. Окончил Петербургский лесной институт по направлению «организация государственного лесного хозяйства, экономика и организация лесной промышленности»; в 1905–1914 гг. — в бюджетном управлении Министер-

сударственных сооружений (Комгосоор) и его Отдела по сооружениям водного хозяйства, позднее преобразованного в Управление (Уводстрой). Была составлена докладная записка «По вопросу о приступе к работам по постройке головных сооружений Голодностепской ирригационной системы». В ней Ризенкамф писал: «Достаточно вспомнить, что нам всегда не доставало собственно хлопка, что мы ввозили из-за границы 10–12 млн пудов хлопка, что мы ежегодно уплачивали не менее 120 млн рублей, выбрасывая их золотом на иностранные рынки, чтобы представить себе значение орошения хлопковых земель и в связи с этим важность и спешность ирригационных работ»⁹. После исторического очерка орошения Голодной степи инженер подробно рассказал обо всех стадиях работы над проектом в 1910-х годах и о современном его состоянии. Ризенкамф сделал вывод, что прежними медленными темпами разработки и утверждения проектов работать нельзя. Управление работами должно находиться непосредственно в Туркестане, близко к месту производства работ, чтобы скорее приступить к постройке сооружений. Далее он предлагал план срочных ирригационных работ в головном районе Голодной степи на 1918 год, предполагающий постройку тех сооружений, проекты которых уже разработаны, и детальную схему производства работ на ближайшее время, их очередность. Ризенкамфом была сделана смета на работы по постройке головных сооружений Голодностепской ирригационной системы в ценах 1918 года (при коэффициенте вздорожания 7), она составила 21 625 540 руб. Также была представлена структура нового Управления и принцип подбора личного состава, стоимость его годовичного содержания¹⁰.

24 апреля 1918 года Комитетом государственных сооружений было созвано представительное совещание с участием руководителей всех ведомств и специалистов-экспертов, так или иначе заинтересованных в хлопковом или мелиоративном деле: автора Голодностепского проекта Ризенкамфа, инженеров — начальников изысканий в различных районах Туркестана: В. А. Васильева (долина р. Чу), А. В. Чаплыгина (долина р. Зеравшан), И. Г. Алексан-

Т. А. Савинова
Неизвестный Ир-
тур и его директор
Г. К. Ризенкамф:
к истории освое-
ния Центральной
Азии

ства финансов; в 1914–1917 гг. — начальник отделения по финансовым, экономическим и общим вопросам ОЗУ ГУЗиЗ, Министерства земледелия; в 1918–1920 гг. — директор Иртура по административно-финансовым вопросам; в 1920–1926 гг. — инспектор водного хозяйства Средней Азии Управления водного хозяйства СНК Туркестана; в 1926–1931 гг. — доцент, профессор экономики водного хозяйства и экономики строительства САГУ, САХИПИ, Института водного хозяйства Средней Азии; в 1931 г. осужден по ст. 58-7, 58-11 на 10 лет ИТЛ, работал на строительстве Беломорско-Балтийского канала и канала Москва — Волга, в 1935 г. освобожден досрочно; в 1935–1939 гг. — консультант по водному хозяйству Калининского Облплана (РГАЭ. Ф. 282. Оп. 1. Д. 13. Л. 2–3).

9. РГАЭ. Ф. 2276. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.

10. РГАЭ. Ф. 2276. Оп. 1. Д. 22. Л. 5 об. — 12.

дрова (бассейн реки Сырдарьи), почвовед Н. А. Димо, специалиста по водным путям А. С. Аксамитного, экономистов Б. К. Лодыгина и В. Ф. Караваева и др. Итогом совещания стало постановление о настоятельной «необходимости принятия решительных и срочных мер к интенсивному увеличению хлопковой площади, как путем орошения новых земель, так путем урегулирования и улучшения водопользования на орошенных уже землях». Оно рекомендовало немедленно приступить к работам в уже достаточно изученных районах: Голодностепской и Дальверзинской, Зеравшанской, Ферганской и Чуйской долинах, организовать выделение денежных средств и передать руководство всеми оросительными работами в Отдел Комитета государственных сооружений, так как до этого они были разбросаны по разным ведомствам¹¹.

Большевистское правительство поддержало решение совещания. Среди постоянных защитников этого дела Ризенкампф называет М. А. Ларина, который «не только приложил все усилия, чтобы спасти наследие прежней культуры в области орошения Туркестана, но и дал возможность поставить это дело на должную высоту» (Ризенкампф, 1921: 7).

Декретом Совета народных комиссаров (СНК) от 17 мая 1918 года «Об организации оросительных работ в Туркестане» был утвержден «план работ по увеличению обеспечения русской текстильной промышленности хлопком, заключающийся: а) в орошении 500 тысяч десятин Голодной степи Ходженского уезда Самаркандской области и в обеспечении головными сооружениями ирригационной системы, охватывающей площадь в 40 тысяч десятин Дальверзинской степи, расположенной против Голодной степи по другую сторону реки Сырдарьи; б) в орошении 10 тысяч десятин Уч-Курганской степи Ферганской области и в регулировании там же туземного водопользования на площади в 20 тысяч десятин; в) в устройстве водохранилища у Дупулинского моста на реке Зеравшане для освобождения путем регулирования речного стока реки Зеравшана около 100 тысяч десятин под культуру хлопчатника; г) в окончании постройки ирригационных систем в долине реки Чу на площади 94 тысячи десятин»¹². На все эти работы в течение 1918 года должно было быть ассигновано 50 млн рублей. Для осуществления общего руководства ими учреждалось особое Управление ирригационных работ в Туркестане во главе с Коллегией Управления в составе: технического директора, главных инженеров по ирригации, директора по административно-финансовой части, председателя хозяйственного комитета и политического комиссара. При Коллегии Управления создавались технический и хозяйственный комитеты. В декрете оговаривались полномочия директоров и глав-

11. РГАЭ. Ф. 2276. Оп. 1. Д. 622. Л. 1-2 об.

12. Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта — 10 июля 1918 г. М.: Политиздат, 1959. С. 274–275.

ных инженеров, а также политического комиссара, подробно был расписан порядок получения и расходования средств и отчетности по ним. Председателем руководящей Коллегии и техническим директором Иртура был назначен Ризенкамф, директором по административно-финансовой части — Б. К. Лодыгин, политическим комиссаром А. А. Никитский, позднее членами Коллегии стали инженер В. А. Васильев и по назначению Комгосоора Н. Н. Гиммер-Суханов, который одновременно состоял председателем финансово-экономического совета при Комгосооре.

Сразу после принятия декрета была начата организационная деятельность Управления, которая обсуждалась на заседаниях Коллегии Иртура. В июле-августе 1918 года они были посвящены преимущественно формированию структуры учреждения и его личного состава, большая часть которого была унаследована Иртуром от Управления работ, создававшего Голодностепский проект в 1914–1917 годах.

В технический комитет Иртура вошли: профессор-почвовед Н. А. Димо и известный в России гидравлик Н. Н. Павловский, позднее — инженеры И. Г. Александров, В. Н. Агеев, М. Е. Кнорре, П. П. Стакле, П. И. Лебединский. Весной 1919 года его членом стал выдающийся архитектор Ф. О. Шехтель, создавший проекты зданий и сооружений Голодностепской и Дальверзинской оросительной системы¹³. Технический комитет создавался для руководства всей научной и технической частью Управления, также были созданы технический и опытно-строительный отделы. Под руководством технического комитета для выполнения его разнообразных задач предполагалось организовать несколько бюро: по гидравлике, по геодезии и картографии, по металлическим конструкциям, по гражданским сооружениям и др. Далеко не все планы создания разветвленной структуры Управления удалось осуществить на практике.

В соответствии с декретом при Управлении был образован особый хозяйственный комитет в составе трех лиц, а в качестве его исполнительного органа создан хозяйственный отдел, подготовивший смету и план заготовок оборудования и материалов в соответствии с ценами на рынке, были образованы склады и начата заготовка материалов. Отдел имел отделения в Петрограде, Самаре и Ташкенте, а также склады в Москве, Петрограде, Сызрани, Нижнем Новгороде, Ярославле.

Бюро естественно-исторических исследований, которым руководил почвовед Димо, также было унаследовано от ОЗУ Министерства земледелия. В него входили почвоведы, геоботаники, химик, картограф, технические служащие — всего 17 человек. Это подразделение должно было регламентировать работу во всех районах по таким параметрам проектов, как сроки и нормы полива,

13. РГАЭ. Ф. 9454. Оп. 1. Д. 792. Л. 158.

распределение культур, почвенные данные, грунтовые воды, засоление, устройство водосборной сети, геологии, гидрогеологии, климатологии и т.п.¹⁴.

Значительные трудности начальники работ Управления испытывали в получении денежных средств. На 18 июля 1918 года было получено в счет разрешенного по Московскому казначейству кредита в 9 млн рублей только 2,5 млн, за счет которых были снабжены средствами часть руководителей работ, инженеров и техников, уезжающих в Туркестан в ближайшие дни.

На 25–30 июля 1918 года был намечен переезд в Ташкент всех частей Управления, еще два центра намечались в Самарканде и Пишпекке (Бишкек) для обеспечения начала работ во всех районах. В Москве должно было остаться незначительное представительство для сношений с центральными правительственными органами, а также часть хозяйственного отдела для операций в крупных городах Европейской России¹⁵.

Задержка с отъездом в Туркестан случилась уже при отправке первого эшелона из Петрограда — был арестован его комендант инженер Э. И. Романский, когда в товарных вагонах на станции ожидали отъезда служащие с семьями в количестве около трехсот человек. Только после телеграммы Ленина председателю Петроградской ЧК М. С. Урицкому комендант эшелона был освобожден. 1 сентября поезд вышел из Петрограда в Москву, где простоял неделю до 10 сентября и через два дня прибыл в Саратов.

Причиной длительной стоянки в Москве стало участие руководства Иртура в заседании пленума Президиума ВСНХ 5 сентября 1918 года, на котором был доложен отчет директора о первом периоде деятельности Управления и получено разрешение на следование экспедиции в Туркестан. В заключение заседания член Президиума ВСНХ Л. Б. Красин выразил свое восхищение столь грандиозным проектом, а председатель Президиума А. И. Рыков заверил, что со стороны ВСНХ «примет все меры к тому, чтобы по возможности облегчить путь следования экспедиции и устранить могущие встретиться препятствия»¹⁶. Видимо, исполнить обещанное не имел возможности даже председатель Президиума ВСНХ.

Дело о переезде Управления в Туркестан через Саратов, Сызрань и Самару обратно в Москву, состоящее из многочисленных телеграмм членов Коллегии и других ответственных руководителей Иртура, читается, как увлекательный детектив, где главными действующими лицами стали производ ЧК и Гражданская война, преградившая служащим учреждения путь к возжеланной цели¹⁷. Из документов следует, что еще в конце сентября у Ризенкампа-

14. РГАЭ. Ф. 2276. Оп. 1. Д. 26. Л. 50–51 об.

15. РГАЭ. Ф. 2276. Оп. 1. Д. 622. Л. 8.

16. РГАЭ. Ф. 2276. Оп. 1. Д. 280. Л. 20.

17. РГАЭ. Ф. 2276. Оп. 1. Д. 279.

фа была надежда найти путь через Уральск и Актюбинск в обход Оренбургского фронта и добраться до Ташкентской железной дороги, которая находилась в руках советской власти, но уже в начале октября стало ясно, что в Уральск проехать невозможно. 24 октября он отправил две телеграммы коменданту второго эшелона Чаплыгину и директору по административно-хозяйственной части Лодыгину о необходимости срочно направить второй эшелон в Самару через Сызрань или Нижний Новгород, так как Волга может замерзнуть через 10 дней, а прямого железнодорожного пути нет, туда же из Саратова был переведен и первый эшелон.

После прибытия в Самару технический директор созвал совещание начальников районов и их ближайших сотрудников и информировал о положении Иртура: «...отношения с центральной властью очень хорошие; сознание важности дела обеспечивает учреждению беспрепятственное финансирование (в распоряжении Иртура приблизительно 71 млн рублей); хозяйственный аппарат формируется; словом, Иртур встает твердо на свои ноги»¹⁸. Учреждение разместилося в Гранд-отеле и начало камеральные работы, судя по приказам Ризенкамфа, довольно активные. Для обслуживания нужд служащих по продовольственному и квартирному вопросам в Самаре была создана Хозяйственная организация под руководством инженера П. В. Рогалеви́ча и врачебно-санитарная часть с заведующим приват-доцентом, доктором медицины Г. Б. Берлацким, а также культурно-просветительская комиссия под председательством инженера Г. С. Тахтамышева. Руководство всеми подразделениями осуществлял вновь образованный орган — Совет ответственных руководителей Иртура под председательством Ризенкамфа, куда входили в первую очередь коменданты первого и второго эшелонов инженеры Романский и Чаплыгин¹⁹.

Из докладной записки последнего техническому директору мы во всех подробностях узнаем о дальнейших злоключениях учреждения в Самаре. Через несколько дней по прибытии второго эшелона в Самару начались аресты служащих и повальный обыск в помещениях, занимаемых Управлением. По поручению председателя Коллегии Иртура инженеры Чаплыгин, Жуков и Попов отправились в ЧК с письменным протестом и просьбой объяснить причины мероприятий против Иртура. Представитель ЧК заявил, что ответ будет дан завтра, и на следующий день весь состав служащих Иртура (около двухсот человек) был арестован и препровожден в Самарскую тюрьму. О своем пребывании в ней Чаплыгин писал: «Несколько часов нас продержали в комнате, где вследствие тесноты надо было стоять, и затем мы без допроса снова были под сильным конвоем отведены в тюрьму, причем не было разреше-

18. Жури́н В. Д. Хронологические заметки (дневник) о постройке Голодно-степской ирригационной системы: РГАЭ. Ф. 9454. Оп. 1. Д. 922. Л. 6.

19. РГАЭ. Ф. 2276. Д. 491. Л. 12–12 об.

но зайти домой, чтобы взять самые необходимые вещи. Все пошли так, как их арестовали на службе; пытавшихся сопровождать жен и родственников конвойные с угрозами разогнали. В тюрьме вместе с другими я провел пять суток в общей камере. За это время меня один раз вызвали к допросу, причем спросили лишь фамилию, воинское звание, лета и партийную принадлежность. Затем меня перевели в одиночную камеру и через три дня выпустили из тюрьмы. Был ли я свидетелем или обвиняемым, и по какому делу, мне неизвестно»²⁰.

Донос одного из служащих о контрреволюционных настроениях сотрудников самарским властям, наличие среди них бывших царских чиновников и офицеров, знание иностранных языков могли стать вескими причинами не только для недоверия, но и более серьезных последствий. Например, для преобразования и ликвидации Иртура. Тем не менее, благодаря вмешательству председателя СНК Ленина, весной 1919 года большая часть сотрудников и имущества Управления, находившихся в Самаре, были возвращены в Москву. Точка в оживленной дискуссии в местной и центральной прессе по делу Иртура была поставлена постановлением Президиума ВЦИК от 25 февраля 1919 года за подписью Я. Свердлова и А. Енукидзе, в котором говорилось: «Расследование, произведенное по этому поводу дважды, при участии представителя ВЧК, показало полную неосновательность обвинения названной организации в контрреволюционности. Принимая во внимание, во-первых, те громадные задачи, которые возложены на Ирригационное управление, а во-вторых, ту кампанию в печати и обществе, которая велась против Иртура и набрасывала тень подозрения на него как государственное учреждение, ВЦИК постановил дело по обвинению Иртура в контрреволюционности ликвидировать. Президиум ВЦИК предлагает всем советским учреждениям оказывать Иртуру надлежащее содействие в порученной ему работе»²¹.

Иртур продолжал расширяться и вовсе не собирался прекращать работу. Еще в Самаре в декабре 1918 — январе 1919 года был составлен проект сметы Иртура на первую половину 1919 года, которая составила 85 млн 915 тыс. рублей и превысила сумму, выделенную декретом на 1918 год.

С февраля по май 1919 года состоялось 10 заседаний технического комитета, на которых обсуждались научные, технические и финансовые вопросы. Например, задачи и смета Бюро естественно-исторических исследований на 1919 год. В марте оно приобрело в Петрограде библиотеку из 20 тыс. томов. Для ее отправки в Москву был командирован сотрудник, составивший к 1 августа 1919 года каталог книг²². Уже весной 1919 года Бюро располагало зна-

20. РГАЭ. Ф. 2276. Оп. 1. Д. 589. Л. 1–2.

21. Известия. 2 марта 1919 г. (№ 48). С. 3.

22. РГАЭ. Ф. 2276. Оп. 1. Д. 422. Л. 15–17.

чительными и ценными коллекциями по почвоведению и другим областям естествознания и планировало при эвакуации в Туркестан создать музей, который будет хранилищем всех научных предметов, собираемых экспедициями, сконцентрирует в себе знания и опыт, накопленные в процессе ирригации и колонизации края²³.

В справке, составленной управляющим делами технического комитета инженером В. Н. Агеевым 4 апреля 1919 года для Комгосоора, кроме работ основных районных управлений, были представлены планы работ на 1919 год управления телефонной сетью, опытно-строительного и механического отделов, которые были готовы развернуть свою масштабную деятельность.

К марту 1919 года относятся и письма архитектора Федора Шехтеля Ризенкамфу о его планах по созданию проекта центрального здания Иртура в Ташкенте²⁴.

Иртур полностью следовал курсу, намеченному в докладе его директора по административно-финансовой части Лодыгина еще на заседании Коллегии 30 сентября 1918 года: «Необходимо поставить его на прочное основание государственного учреждения, которое не должно и не может зависеть в своем существовании от прерывностей правительственной власти и ее организации. Еще раз определенно и широко надо ставить его как учреждение аполитичное. В отношениях к Комитету Государственных Сооружений и Высшему Совету Народного Хозяйства Управление ирригационными работами должно быть поставлено как Центральное учреждение по ирригации Туркестана, самостоятельное и автономное, связанное в своих действиях лишь пределами отпущенных средств и директивами самого общего значения»²⁵.

Учреждение становилось все более автономным и независимым, при первой возможности стремясь выехать к месту основной деятельности в Туркестан. Власть же старалась минимизировать самостоятельность и автономность учреждений, созданных в первые месяцы после Октябрьского переворота. Уводстрой требовал с 1 апреля 1919 года строгой отчетности по присланным им трем формам сведений о ходе и успехе работ, пытался регламентировать основные направления деятельности учреждения, в частности, понятия «предварительный проект», «окончательный проект» и «рабочий проект». Было введено и распределение компетенций между техническими совещаниями местных управлений работами, Уводстроем и Комгосоором, что ясно говорило о централизации и бюрократизации управления²⁶.

В значительной степени это послужило причиной нового постановления СНК от 27 мая 1919 года об учреждении Высшего Орга-

23. РГАЭ. Ф. 9454. Оп. 1. Д. 792. Л. 163.

24. РГАЭ. Ф. 2276. Оп. 1. Д. 449. Л. 29–29 об., 32–32 об., 35–36.

25. РГАЭ. Ф. 2276. Оп. 1. Д. 270. Л. 8 об.

26. РГАЭ. Ф. 2276. Д. 353. Л. 6–8, 10–15, 19–23.

низационного управления ирригационными работами в числе трех лиц: 1) одного по согласованию ВСНХ и Государственного контроля, 2) инженера Ризенкампа, 3) от СНК — П. Н. Мостовенко. На них возлагались окончание и издание законченных проектов Иртура, сокращение его служащих и представление в СНК через месяц доклада о создании учреждения по ирригационным работам в Туркестане. Декрет СНК от 17 мая 1918 года был настоящим постановлением отменен²⁷.

Образованное решением СНК Туркестана от 17 июня 1918 года Управление водного хозяйства Туркестанской республики (Туркводхоз) стремилось к самостоятельному овладению собственными водными ресурсами, пыталось поддерживать в рабочем состоянии уже действующие оросительные системы, регламентировать их эксплуатацию и водопользование, но испытывало огромную нужду в средствах, технических специалистах-иригаторах и новых проектах, разработчиком которых был Иртур. Следуя тенденции централизации управления, в начале 1919 года Ризенкамф и Лодыгин подали в Президиум ВСНХ докладную записку о необходимости слияния Иртура с Туркводхозом, в случае перехода Управления в Туркестан, и образования одного сильного органа по объединению всего дела орошения во главе с руководителем, входящим в состав СНК Туркестана. Как Президиум ВСНХ, так и местная власть не представляли возможности существования в крае двух параллельно действующих ирригационных учреждений, поэтому предложение инженеров было поддержано²⁸. Именно для такой организации Ризенкамф в качестве одного из членов Высшего Организационного управления ирригационными работами в Туркестане пытался сохранить ядро Иртура из 15 отделов и 117 специалистов, а в качестве членов технического комитета новой организации он видел наиболее близких коллег по Иртуру: Н. А. Димо, И. Г. Александрова, С. Ю. Раунера, П. П. Стакле, Н. Н. Павловского, М. Е. Кнорре, И. И. Лебединского, Э. И. Романского, Н. Н. Белзецкого, Ф. О. Шехтеля, А. В. Чаплыгина, И. И. Знаменского, И. О. Москвитникова, В. А. Беляевского, Г. А. Елецкого, А. А. Прядеченского²⁹.

Однако попасть в Туркестан и приступить на месте к производству оросительных работ мешала Гражданская война, разгул басмачества, разруха и полное расстройство железнодорожного сообщения, что стало, пожалуй, главной причиной постановления СНК от 11 августа 1919 года о ликвидации Иртура. Все проекты, материалы, имущество и инвентарь передавались Комгосоору ВСНХ, который должен был в трехмесячный срок представить «денежный, ма-

27. РГАЭ. Ф. 227б. Оп. 1. Д. 628. Л. 1.

28. РГАЭ. Ф. 227б. Оп. 1. Д. 566. Л. 1–1 об.

29. Постановления Высшего Организационного управления Иртура. 10 июня — 30 июля 1919 г.: РГАЭ. Ф. 227б. Оп. 1. Д. 336.

териальный и общий отчет бывшего Управления ирригационными работами в Туркестане»³⁰.

Несмотря на то что практическую работу Управление не начало, им было накоплено довольно значительное количество материальных ценностей: машины и механизмы для земляных работ, станки, электромоторы и другое электрическое оборудование, лесоматериалы, мотоциклы и автомобиль с запчастями к ним, мебель и даже пианино. Для передачи всего этого была создана специальная Ликвидационно-отчетная часть, которую возглавлял Лодыгин. Работа комиссии была затруднена рассеянием имущества и оборудования по городам. Большая часть сотрудников была уволена, работы по составлению отчетности производились приглашенными, часто случайными лицами, которые, как писал Лодыгин, «вследствие крайней затруднительности существования в Москве» также оставляли службу. Судя по документам, и в марте 1920 года Ликвидационно-отчетная часть еще не закончила свою работу³¹. В апреле этого же года СНК был учрежден Главный комитет водного хозяйства и мелиорации ВСНХ, который должен был руководить и оросительными работами в Туркестане.

Т. А. Савинова
Неизвестный Иртур и его директор
Г. К. Ризенкамф:
к истории освоения
Центральной
Азии

Судьбы ирригаторов и ирригации

Наряду с практическим руководством Иртуром, Ризенкамф работал над составлением «Оросительной хлопковой программы», в которой были сосредоточены мысли и выводы его многолетней упорной работы по решению проблем Туркестана. Она была опубликована отдельной книгой издательством ВСНХ только в 1921 году, хотя закончена автором в 1919 году. Совершив в первой главе небольшой экскурс в историю ирригации Древнего мира, Георгий Константинович выделил причины, побудившие Россию взяться за работу по оживлению Туркестана. Их было, по его мнению, четыре: «1) желание государства-завоевателя показать, что оно является культуртрегером во вновь завоеванном крае; 2) желание увеличить хлопководство в Туркестане и довести его до состояния полного удовлетворения отечественной промышленности; 3) земельный голод; 4) желание укрепить южную государственную границу России с Персией, Афганистаном и Китаем путем колонизации полосы вдоль границы русским прочным элементом» (Ризенкамф, 1921: 14–15). Все эти причины требовали широких мелиоративных и колонизационных работ, которые можно было провести в рамках предлагаемой автором хлопковой программы. Исследовав подробно хлопковый вопрос в России и в мире, он давал общую программу оросительных работ в Туркестане с характеристикой отдельных

30. Декреты Советской власти. М., 1973. Т. VI. 1 авг. — 9 дек. 1919 г. С. 24.

31. РГАЭ. Ф. 2276. Оп. 1. Д. 499. Л. 1–105 об.

его районов, устанавливал очередность и возможные сроки осуществления отдельных проектов. Приняв за типовой район Голодную степь и используя данные ранее разработанного проекта, Ризенкампф детально определял, какое количество материалов, рабочих и денежных средств потребуется на реализацию конкретных первоочередных проектов.

В начале 1920-х годов состояние водного хозяйства Туркестана было удручающим: пришли в упадок оросительные системы, не очищались арыки и не ремонтировались сооружения, что привело к сильному, почти в два раза, сокращению орошаемой площади. Поэтому Управление водного хозяйства Туркестана в первую очередь принялось за ремонт старых арычных систем и регулирование водопользования в республике. 12 августа 1919 года декретом Центрального исполнительного комитета Туркестана были утверждены «Временные правила водопользования в Туркестанской республике», а 12 февраля 1921 года принято «Положение о пользовании водами в Туркесреспублике», в соответствии с которым ремонт и очистку систем, за исключением магистральных арыков, должно производить само население. Однако у республики не было средств ни на ремонт крупных каналов, ни на оплату мирабов³², по положению независимых от населения. Вся ирригационная сеть Туркестана разделялась на 32 округа, 105 районов, 280 участков и свыше 5000 мирабств. Несмотря на введение натуральной повинности для населения, демобилизацию из Красной армии техников и инженеров-ирригаторов, для обслуживания такого хозяйства не хватало ни рабочих рук, ни технических специалистов, ни средств³³. Правительство Туркестана вынуждено было обратиться к СНК РСФСР с просьбой о выделении средств на восстановление оросительных систем и получило в 1922 году помощь в размере 4,5 млн рублей золотом (Кипшакбаев, 2018: 19). При этом план включал «только те работы, которые были необходимы для удержания ирригации от дальнейшего падения»³⁴.

В этот период здесь продолжали свою работу бывшие сотрудники Иртура Б. К. Лодыгин, В. Д. Журин, Ф. П. Моргуnenков, Н. А. Димо, К. М. Зубрик, сочетавшие практическую деятельность в Туркводхозе с преподавательской в только что созданном Туркестанском (позднее в Среднеазиатском) государственном университете (САГУ), где были созданы инженерно-мелиоративный факультет (декан Журин) с кафедрами гидравлики и гидротехнических сооружений³⁵.

32. Мираб — в переводе с арабского «господин воды»; человек, ответственный за соблюдение правил водопользования на определенной территории.

33. РГАЭ. Ф. 2276. Оп. 1. Д. 632. Л. 2–7.

34. РГАЭ. Ф. 2276. Оп. 1. Д. 564. Л. 203.

35. РГАЭ. Ф. 9454. Оп. 1. Д. 2483. Л. 59.

Все они являлись участниками Совещания по ирригационным работам в Туркестане, проходившего 5–9 марта 1923 года, на которое был приглашен и Ризенкампф. Он по поручению заместителя председателя СНК Н. А. Паскуцкого в феврале 1923 года объехал некоторые районы Туркестана и составил Заключение по ирригационному делу. Основные выводы инженера гласили: могут осуществляться только те ирригационные работы, на которые составлен проект, опирающийся на данные изысканий и одобренный техническим ирригационным советом Туркводхоза, а также необходимо пригласить из России технический персонал достаточной квалификации и обучать местный на курсах³⁶.

В соответствии с заключением Ризенкампфа был составлен план работ Туркводхоза на 1923 год и усовершенствована структура аппарата его управления, который в значительной степени повторял структуру Иртура и имел местные органы водного хозяйства: областной, уездный и окружной отделы, водный участок с заведыванием арык-аксакала, содержащимся за счет государства.

В 1925–1929 годах Ризенкампф по поручению Среднеазиатского управления водного хозяйства переработал свой проект 1914–1917 годов по орошению Голодной степи и составил новую схему использования водных ресурсов Сырдарьи. Здесь инженер уделил больше внимания мерам борьбы с заилием каналов и предупреждению заболачивания и засоления орошаемых земель, мелиоративным мероприятиям на орошаемых землях. В главном Ризенкампф остался верен себе — проект предполагал комплексное решение вопроса орошения и освоения новых территорий, имел огромный объем работ и высокую стоимость. Несмотря на одобрение известного американского инженера А. Девиса и утверждение 12 октября 1929 года Высшим водно-техническим советом Госплана СССР, полностью он реализован не был, хотя многие идеи проекта использовались ирригаторами позднее.

С конца 1920-х — начала 1930-х годов русские инженеры-гидростроители работали по специальности, но вовсе не там, где они хотели бы. Все водные системы, которыми мы пользуемся и любимся до сих пор, спроектированы и построены заключенными каналоармейцами (з/к) в ранге руководителей или простых рабочих. В автобиографии инженер Жури́н охарактеризовал начало своей работы начальником проектного отдела строительства Беломорско-Балтийского водного пути кратко: «С конца 1931 года был переброшен в инженерный состав НКВД СССР»³⁷.

Ризенкампф в первый раз был арестован 11 сентября 1929 года, как руководитель контрреволюционной вредительской организации в системе ирригации и мелиорации. Следствие длилось до августа 1931 года сначала в Ленинграде, а затем в Москве, где в течение ав-

36. РГАЭ. Ф. 9454. Оп. 1. Д. 808. Л. 3–8 об.

37. РГАЭ. Ф. 9454. Оп. 1. Д. 2483. Л. 61.

густа-декабря 1930 года была арестована большая группа ирригаторов-мелиораторов. По приговору от 23 августа 1931 года Ризенкампф был обвинен по п. 6, 7, 11 ст. 58 и приговорен к расстрелу с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет. В мае 1932 года в должности технического руководителя Особого гидроотдела ЭКУ ОГПУ он возглавил разработку проекта по реконструкции Волги с учетом ее использования для энергетики и орошения Заволжья. В конце 1933 года схема реконструкции Волги была составлена и в 1934 году утверждена. Судя по справке о реабилитации, срок Ризенкампфу продлевали два раза, в 1932 и 1933 годах. Однако с сентября 1935 по январь 1941 года он являлся главным инженером Управления по производству изысканий и составлению проекта Волго-Донского соединения, предусматривающего сооружение плотины на Дону и самотечного канала по Волго-Донскому водоразделу, проект был составлен в 1938 году. Он предусматривал для компенсации отъема воды на орошение Заволжья, потерь на испарение с поверхности создаваемых на Волге водохранилищ и поддержания водного баланса Каспийского моря переброску части стока Дона в Волгу с созданием двух гидроэлектростанций мощностью около 650 тыс. кВт.

До последнего ареста 11 июля 1942 года Ризенкампф оставался членом Технического совета Наркомата речного флота и редколлегии журнала «Речной транспорт». Он был осужден к 10 годам заключения в ИТЛ, отбывал его в Темниковском лагере близ ст. Потяма Мордовской АССР. В единственном сохранившемся письме родным, датированном 4 мая 1943 года, он пишет о своей болезни, о надежде поправиться и быть освобожденным досрочно «за какое-нибудь изобретение». К сожалению, надежда не сбылась, в соответствии со справкой о смерти он скончался 30 мая 1943 года и был окончательно реабилитирован только в 1959 году³⁸.

Такова трагическая судьба одного из талантливейших русских инженеров-гидростроителей, благодаря творческой энергии которого были заложены основы системы ирригации республик Центральной Азии и созданы проекты многих гидротехнических сооружений, служащих нам по сей день.

По мнению специалистов, сегодня водное хозяйство Центрально-Азиатского региона требует решения новых проблем. Безудержная ирригация в советский и постсоветский периоды, измерявшаяся километрами каналов, тысячами га орошенных площадей и млн тонн хлопка, привела к растратжированию вод Амударьи и Сырдарьи, высыханию Аральского моря, накоплению отнятой у него воды в мелких озерах и болотах, повышению уровня грунтовых вод и в конечном счете засолению пахотных земель (Камалов, 2003: 41). Назрела необходимость комплексного управления всеми составляющими водного хозяйства: ирригацией, гидроэнергетикой, водополь-

38. РГАЭ. Ф. 282. Оп. 1. Д. 4 а. Л. 1–1 об.; Д. 4 б. Л. 1–10.

зованием, охраной природы и экологией, рыбным хозяйством, и это будет соответствовать тем грандиозным проектам, которые создавали деятели Иртура и его технический директор. Возможно, эта сложная задача потребует не менее «исключительного чувства воодушевления, которым были захвачены русские деятели, работавшие над проблемами орошения Туркестана в период 1910–1918 гг.» (Ризенкампф, 1921: Посвящение).

Т. А. Савинова
Неизвестный Ирту-
тур и его директор
Г. К. Ризенкампф:
к истории освое-
ния Центральной
Азии

Библиография

- Борисова Л. В. (2001). Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М.
- Георгий Константинович Ризенкампф (к 130-летию со дня рождения) (2016) // Известия ВНИИГ им. Б. Е. Веденеева. Т. 229. СПб. С. 3–6.
- Елина О. Ю. (2024). Картинки с выставки: наука и технологии в раннем СССР (по материалам Всероссийской выставки 1923 г.). М.: Рутения.
- Камалов С. К. (2003). О восстановлении народных традиций по сохранению окружающей среды. Тезисы доклада на международном семинаре в Нукусе // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. № 5. С. 41–42.
- Караваев В. Ф. (1914). Голодная степь в ее прошлом и настоящем. Статистико-экономический очерк. [Часть III–IV]. Пг.
- Кипшакбаев Н. К. (2018). Водному хозяйству Туркестана — 100 лет // Водное хозяйство Казахстана. № 2 (79). С. 17–21.
- Мамедов А. М. (1965). Русские ученые и развитие ирригации Средней Азии. Ташкент: Узбекистан.
- Мамедов А. М. (1967). Развитие ирригации в Узбекистане. Ташкент: «ФАН» Узбекской ССР.
- Ризенкампф Г. К. (1914). К проекту орошения Голодной и Дальверзинской степей. Основные расчетные нормы, принятые в проекте. Пг.: ГУЗиЗ.
- Ризенкампф Г. К. (1921). Проблемы орошения Туркестана. Оросительная хлопковая программа. М.: ВЧХ.
- Ризенкампф Г. К. (1930). К новому проекту орошения Голодной степи. Ч. 1. Л.

Unknown IRTUR and its Head G. K. Riesenkaampf: On the history of the development of Central Asia

Tatiana A. Savinova, PhD (Economics), Head of the Department of Organizational and Planning Work, Russian State Archive of Economics. B. Pirogovskaya St., 17, bldg. 9, Moscow, 119435. E-mail: starxiv2@mail.ru

Abstract. The article considers the origins, development, activities and liquidation of one of the first Soviet organizations created by V. I. Lenin's decrees in 1918 — Directorate of Irrigation Works in Turkestan (IRTUR). The author aims at describing the grandiose tasks set for this institution and its head and the influence of complex historical conditions in Russia in 1914–1920 on their solution. The article focuses on the activities of the technical director and chairman of the IRTUR Board, an outstanding scientist and hydraulic engineer G. K. Riesenkaampf, an author of some ambitious irrigation projects, including Golodnostepsky (Riesenkaampf's full biography is given, including the last tragic pages). The work of some of his colleagues in the IRTUR is also mentioned —

soil scientist N. A. Dimo, economist B. K. Lodygin and architect F. O. Shekhtel. The article is based on archival documents from institutional funds and personal funds of hydraulic engineers from the Russian State Archive of Economics (RGAE), most of which are introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: irrigation, land reclamation, Hungry Steppe, Turkestan, Department of Land Improvements, B. K. Lodygin, F. O. Shekhtel

References

- Borisova L. V. (2001) *Voenny kommunizm: nasilie kak element khozyaystvennogo mekhanizma* [War Communism: Violence as an Element of Economic Mechanism], Moscow.
- Georgy Konstantinovich Riesenkampf (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya) (2016) [Georgy Konstantinovich Riesenkampf (on the 130th anniversary of his birth)]. *News of the B. E. Vedeneev All-Russian Research Institute of Hydraulic Engineering*, vol. 229, pp. 3–6.
- Elina O.Yu. (2024) *Kartinki s vystavki: nauka i tekhnologii v rannem SSSR (po materialam Vserossiyskoy vystavki 1923 g.)* [Pictures from the Exhibition: Science and Technology in the Early USSR (Based on the Materials of the 1923 All-Russian Exhibition)], Moscow: Ruteniya.
- Kamalov S. K. (2003) O vosstanovlenii narodnyh traditsiy po sokhraneniyu okruzhayushchey sredy [On the restoration of folk traditions for environmental protection]. *Bulletin of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan*, no 5, pp. 41–42.
- Karavaev V. F. (1914) *Golodnaya step v ee proshlom i nastoyashchem. Statistiko-ekonomichesky ocherk* [The Hungry Steppe in its Past and Present. A Statistical-Economic Essay], Petrograd.
- Kipshakbaev N. (2018) Vodnomu khozyaystvu Turkestana — 100 let [Turkestan's water management system is 100 years old]. *Water Management of Kazakhstan*, no 2, pp. 17–21.
- Mamedov A. M. (1965) *Russkie uchenye i razvitie irrigatsii Sredney Azii* [Russian Scientists and the Development of Irrigation in Central Asia], Tashkent: Uzbekistan.
- Mamedov A. M. (1967) *Razvitie irrigatsii v Uzbekistane* [Development of Irrigation in Uzbekistan], Tashkent: "FAN" Uzbekskoy SSR.
- Riesenkampf G. K. (1914) *K projektu orosheniya Golodnoy i Dalverzinskoy stepey. Osnovnye raschetnye normy, prinyaty v proekte* [On the Irrigation Project for the Hungry and Dalverzinsky Steppes. Main Calculation Standards Adopted for the Project], Petrograd: GUZiZ.
- Riesenkampf G. K. (1921) *Problemy orosheniya Turkestana. Orositelnaya khlopkovaya programma* [Issues of Irrigation in Turkestan. Cotton Irrigation Program], Moscow: VSNKh.
- Riesenkampf G. K. (1930) *K novomu projektu orosheniya Golodnoy stepi* [On the New Irrigation Project for the Hungry Steppe]. Part 1, Leningrad.

Феномен маргинальности в среде колхозных председателей Западно-Сибирского края в 1930-е годы¹

В. Б. Лапердин

Вячеслав Борисович Лапердин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: laperdin2011@mail.ru

EDN: JTBVSF

Статья посвящена малоизученному аспекту социальной истории советской деревни — маргинальному положению председателей колхозов. Несмотря на высокое место председательской должности внутри колхозной иерархии, существовали две категории руководителей, чье положение в социальной структуре было погранично. Первая категория — назначаемые советскими организациями «профессионалы»: успешные управленцы, справившиеся с ведением дел в других хозяйствах и ставшие членами районного актива, затем отправленные в деревню. Для них работа в колхозе становилась карьерным тупиком или временным снижением статуса. Вторая категория — политически неблагонадежные лица, избранные самими крестьянами, но воспринимавшиеся властями как чуждые элементы. В данном случае карьерный рост привлекал ненужное внимание органов власти и нередко оборачивался социальным крахом. В статье сделан вывод о противоположных траекториях социальной мобильности двух изучаемых категорий председателей — нисходящей и восходящей. Показано, что, несмотря на различную природу маргинальности, их объединяла пограничность положения и неопределенность статуса. Однако обе категории обнаруживали схожие проблемы, выражавшиеся во внешнем контроле. Исследование демонстрирует, что председательская должность в 1930-е годы могла быть не социальным лифтом, а социальной ловушкой. Показан парадокс социальной мобильности в советской деревне, когда формально высокий статус в колхозной среде усугублял маргинальность, а не способствовал интеграции в советское общество.

Ключевые слова: аграрная история, колхозы, крестьянство, колхозный социум, адаптация, маргинализация, Сибирь

Коллективизация кардинально изменила социальную структуру советской деревни. Привычный мир, руководимый старостами и большевиками, ушел в прошлое. На смену пришел колхозный строй со своей иерархией во главе с председателями колхозов. И если в общегосударственном «табеле о рангах» пост председателя не имел высокого статуса, то в колхозном социуме он был зна-

1. Работа выполнена по теме госзадания: «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX — начале XXI в. Стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

чим. Впоследствии выделившиеся из их числа умелые руководители смогли воспользоваться социальными лифтами и стать партийными и хозяйственными работниками. И все же эта должность не всегда свидетельствовала о социальном успехе. Порой она становилась не трамплином для карьеры, а социальной ловушкой. Именно такие неочевидные случаи находятся в центре внимания настоящей статьи. Цель работы — показать неоднозначность статуса председателя, в определенных ситуациях приобретающего отчетливые признаки социальной маргинальности. В социологической традиции под маргинальностью понимается пограничное состояние индивида или группы, утративших устойчивую принадлежность к определенной части социума и находящихся на стыке различных социальных общностей. В данной статье речь идет не об экстремальной маргинальности и физической изоляции, как в случае со спецпереселенцами (Красильников, 2004: 4), а о повседневной маргинальности, когда индивид остается внутри общества, но пребывает в ситуации статусной неопределенности и перманентного давления со стороны государства, вызванного его положением.

Среди председателей колхозов можно выделить два типа маргиналов, объединенных пограничностью положения, но различающихся причинами своего состояния и векторами социальной мобильности. Первый тип — «профессиональные» председатели, назначенные на должность местными органами управления из числа городского и районного актива. Они представляли собой «переходных» маргиналов, оказавшихся на стыке городской и деревенской социальной реальности. Необходимо подчеркнуть, что эта категория не была однородной, и объектом данного исследования являются принудительно направленные в колхозы низовые советские служащие, а не те, кто шел в деревню добровольно (двадцатипятипятисотники). Их маргинальность носила нисходящий характер и выражалась в вынужденном возвращении в крестьянскую среду и регрессе карьерного развития. Второй тип — председатели из числа политически «неблагонадежных», которые в силу своего происхождения или прошлого оказались на обочине социальной жизни: бывшие зажиточные крестьяне, раскулаченные или их родственники, торговцы, священнослужители, участники антибольшевистских выступлений. Для них занятие высокой должности означало восходящую маргинальность, что несло угрозу из-за повышенного внимания контролирующих органов.

В отличие от исследовательских подходов, унаследованных от советской социологии, оперировавшей формальными показателями (возраст, пол, образование, партийность), обращение к социальной психологии и теории маргинальности выводит работу за рамки сухой статистики и позволяет сосредоточиться на отдельных категориях руководителей. Их биографии выбиваются из общего ряда председательского корпуса своей особой траекторией социальной мобильности и уникальными адаптационными практиками.

Вопросу изучения председательского корпуса посвящено немало работ. Не претендуя на исчерпывающий историографический обзор, выделим те работы, в которых затрагиваются интересующие нас категории колхозных руководителей. Ш. Фицпатрик разделяет председателей на «чужих», присланных райкомами и райисполкомами, и «местных» — выбранных колхозным коллективом. При этом отмечается, что в годы первой пятилетки доля чужаков была значительно выше, чем в последующий период. Фицпатрик упоминает и случаи избрания председателями «неблагонадежных» крестьян, что формально не противоречило закону, хотя и вызывало резкое неприятие властей (Фицпатрик, 2011: 209–211, 274–275). М. А. Безнин и Т. М. Димони акцентируют внимание на различиях в ментальности «пришлых» городских управленцев и выходцев из сельской среды, что требовало поиска иных принципов выстраивания социальных связей местных жителей с чужаками (Безнин, Димони, 2013: 16). Также исследователи указывают на подозрительное отношение колхозников к председателям из зажиточных семей или родственникам раскулаченных, следствием чего становилось их быстрое смещение (Безнин, Димони, 2010: 28). М. Н. Глумная, изучая управленческий аппарат колхозов Европейского Севера России, упоминает о направлении местными властями «антикризисных управляющих» в отстающие колхозы и отмечает устойчивость этой практики как до коллективизации, так и после (Глумная, 2011: 179). Таким образом, в историографии присутствуют упоминания об обеих исследуемых категориях председателей, но авторы не переходят к их содержательному анализу, ограничиваясь простой констатацией факта их существования. Остается невыясненным и вопрос их численности. Партийные организации не вели систематической статистики ни по «профессиональным», ни по «неблагонадежным» председателям. Последними занимались органы госбезопасности, но и они не всегда выявляли всех скрывавших свое прошлое. Однако их ценность для изучения определяется не количественными показателями, а особенностью их положения в колхозном социуме и спецификой взаимоотношений с властью.

Обращение к теории маргинальности позволяет преодолеть ряд упрощений, характерных для современной историографии. В отличие от председателей, выдвинувшихся из крестьянской среды, для которых должность главы колхоза служила устойчивой опорой в колхозной иерархии, либо карьерным трамплином, руководители-маргиналы находились в иной ситуации. Хозяйственно успешный и не имеющий «темного прошлого» председатель обладал четкой социальной принадлежностью (политически лояльный бедняк или середняк), предсказуемой карьерой (в случае успеха следовало повышение) и воспринимался властями как элемент, встроенный в систему управления колхозной экономикой, то есть как абсолютно «свой» и системный. Жизненный путь председателей-маргиналов складывался иначе: «профессионалы» хотя и были «своими» для властей, все же оказались вынуждены вернуться на уже пройден-

ную ступень своего карьерного и социального развития, что означало для них отлучение от благ городской жизни. В случае неудачи «профессионалы» теряли больше других председателей, так как уже состояли в партии, имели карьерные перспективы вне колхоза и легальную возможность вернуться в город. В свою очередь неблагонадежные, как «несистемные» и «чужие» для властей, рисковали свободой там, где обычного председателя просто сняли бы с должности. Следовательно, такой подход не только наглядно демонстрирует неоднородность председательского корпуса, но и показывает, что высокий формальный статус не гарантировал стабильности и даже при выполнении всех хозяйственных планов превращался в своеобразную социальную ловушку.

«Профессиональные» председатели, или «назначенцы»

Категория «профессиональных» председателей, или председателей-«назначенцев», в годы первой пятилетки рекрутировалась преимущественно из городских рабочих и служащих, специально подобранных властями для отправки в деревню. Такие мобилизации могли принимать характер кампаний, наиболее яркий пример — движение двадцатипятидесятыхников, преследовавшее цель восполнения дефицита колхозных кадров. И хотя их нельзя квалифицировать в строгом смысле слова как «профессионалов» ввиду отсутствия у них опыта ведения сельского хозяйства, считалось, что организационные практики в промышленности, знакомые двадцатипятидесятыхникам, можно применять в колхозах, повысив тем самым их производительность. В реальности же люди, ранее не занимавшиеся сельским хозяйством, в большинстве случаев с трудом справлялись со своими задачами.

Со временем стало ясно, что городские «рекруты» значительно уступали по своей эффективности выходцам из сельской среды, хотя это никогда официально не признавалось. Кроме того, горожане не могли покрыть дефицит колхозных кадров. Поэтому в годы второй пятилетки основным резервом председательского корпуса стали бывшие члены правлений, бригадиры, счетоводы, полеводы, знавшие специфику организации труда в сельхозартелях. При успешной работе они попадали в поле зрения районных властей и могли быть «переброшены» в отстающие хозяйства. Примером такой масштабной ротации в Западно-Сибирском крае стало перемещение в 1936 году председателей и бригадиров из юго-западной части региона в северные районы для замены политически нелояльной колхозной верхушки, что будет подробнее рассмотрено ниже.

Успешные председатели в случае возможности переводились на партийную или советскую службу в районные органы. Для деревни тех лет подобная перспектива имела огромное значение. Рядовым колхозникам приходилось прибегать к различным ухищрени-

ям и идти на махинации с целью получения необходимых для выезда в город документов. В то время как председательская должность, сама по себе означавшая достижение верхней планки в колхозной иерархии, открывала легальные способы выхода за пределы деревенского мира. Правда, для этого человеку требовалось зарекомендовать себя перед местными властями для последующего перевода в райцентр. В 1940 году секретарь Татарского райкома отмечал в докладной записке Новосибирскому обкому: «Если председатель колхоза начинает справляться с работой, начинает расти, колхоз выходит в передовые, говорят: „такой-то товарищ вырос, его нужно выдвигать“ и „выдвигают“ на зав[едующего] городской столовой, заведующим каким-либо складом, инспектором какой-нибудь Сибпушнины, продавцом и т.д., до рассыльного отдела связи включительно. В результате руководящие колхозные кадры растащены и даже в колхозах создано такое мнение, что председателем колхоза можно работать до тех пор, пока ты не сможешь быть где-нибудь зав[едующим] складом, продавцом, милиционером, не сможешь хотя бы рассыльным»².

Х. Окуда отмечает, что подобная ситуация складывалась в отношении вообще всех колхозников-коммунистов. Вступление в партию для них становилось шагом к переезду в город, чтобы там занять любое вакантное место — продавца в кооперации, разносчика писем, буфетчика, и подобный перевод на второстепенные должности считался «выдвижением» (Окуда, 2011: 527). В это время в массовом сознании колхозников сформировалось мнение о привилегированном положении горожан. Поэтому должность руководителя сельхозартели для многих сельских жителей находилась по статусу ниже, чем работа рядового советского служащего, даже если она означала уменьшение материального достатка. Вряд ли рядовой милиционер или рассыльный получали больше председателя экономически крепкого колхоза, особенно с учетом теневых возможностей использования общественных ресурсов. Следовательно, ключевым мотивом выступала не материальная выгода, а символическая ценность освобождения от крестьянского статуса и новая жизнь в городе. Данный тезис ярко иллюстрирует тот факт, что социальные иерархии определяются не только экономическими факторами, но и доступом к символическим ресурсам и привилегиям: работа не в поле, а в конторе; твердый оклад и паек вместо условных трудодней; возможность посетить кино или библиотеку, а не молодежные посиделки. В глазах колхозников эти преимущества становились статусными символами.

Однако даже закрепившись на новой должности, бывшие председатели сохраняли возможность возвращения в деревню в качестве «профессиональных» колхозных руководителей. При возникновении острой необходимости местные власти практиковали переброску районного актива в колхозы. Такие «назначенцы» отработывали

2. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 98. Л. 147.

в хозяйстве сезон или два, после чего направлялись в следующее, хотя иногда допускалось и более длительное пребывание на одном месте. После выполнения задачи они оставались в колхозах или отзывались обратно в город — на прежнюю или иную должность. Подобные перемещения объяснялись тем, что колхозные управленцы являлись источником кадров, без которого районные организации не могли нормально функционировать. Обратное движение — направление низового работника в колхоз — хотя и встречалось, но носило ситуативный характер и происходило в ходе сельскохозяйственных кампаний после распоряжения регионального центра.

Уже упоминавшаяся докладная записка секретаря Татарского райкома отражала ход работы по отбору кандидатов для укрепления колхозов. В их числе оказался заведующий заготовительной конторы райпотребсоюза, продавец межрайторга, инструктор райкома и другие низовые работники советских органов. Между тем среди них нашлись и те, кто ранее выполнял функции, требовавшие высокой квалификации: бывший заместитель директора по политической части Татарской МТС, а также директор ликвидированного совхоза, затем ставший партийным организатором. Все они начинали в колхозе и когда-то занимали должности председателей, бригадиров или полеводов, после чего были «выдвинуты» для повышения.

Известие о своем возвращении в деревню райактив встретил крайне негативно: «В начале это решение было понято неправильно, товарищи отнеслись к нему с обидой и отказом ехать в колхоз. Посылаемые товарищи, имея старое понятие о колхозах, считали для себя работу в колхозе наказанием, чуть не издевательством, но после соответствующей работы поняли, что для большевиков, работающих в сельских районах, нет большей чести, как бороться за выполнение решений ЦК ВКП(б) на работе в колхозе, и сейчас товарищи едут с большим желанием»³. Возвращение в колхоз воспринималось этими людьми как личное поражение. Социальная система показала им свою ненадежность: обещала рост и даже позволила сделать первые шаги в желаемом направлении, а затем отбросила в исходное состояние, обесценив тем самым все предыдущие усилия. В глазах мобилизованных это был карьерный крах, обнулявший их социальные достижения. Последовавшая реакция («обида и отказ», «наказание, чуть не издевательство») вполне логична и объяснима. Но «после соответствующей работы» им объяснили ошибочность такого восприятия реальности и попытались навязать иную точку зрения: работа в колхозе — большая честь для членов партии. Из личной трагедии людей конструировался героический эпос («борьба за выполнение решений ЦК ВКП(б)»). От них требовали не просто конформности и подчинения, а подлинного «большого желания», сопровождаемого энтузиазмом и благодарностью. С помощью такого принудительного преодоления когнитивного диссонанса местные власти морально

3. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 98. Л. 147.

подготавливали райактив к возвращению на прежнюю ступень социальной иерархии. Большинство скрепя сердце подчинилось, демонстрируя внешнюю лояльность. Однако это не прошло для них бесследно, о чем свидетельствуют попытки сопротивления: «Зав[едующий] базой росшвейсбыта т[оварищ] Омелосенко здесь дал согласие, причем заявил, что он едет с охотой, а сам выехал в область и там обивает пороги с просьбой защитить его от произвола райкома»⁴. Омелосенко, дав согласие и кинувшись искать защиты, демонстрирует панику и отчаяние человека, пытающегося избежать понижения социального статуса. Подобное поведение в случае неудачи могло обернуться серьезными последствиями, вплоть до партийного выговора или исключения из рядов ВКП(б). Поэтому большинство намеченных для работы в деревне партийцев не по своей воле отправилось «поднимать» отстающие колхозы, пополняя ряды «профессиональных» председателей.

Высвободившись из колхозного социума и войдя если не в номенклатуру, то в состав районного актива, эти люди совершили акт социального прорыва. В новой городской среде их идентичность перестроилась: став советскими служащими, ведущими «цивилизованный» образ жизни, они перестали быть крестьянами в полном смысле данного термина, хотя и не утратили крестьянскую «сущность» окончательно. Последующее возвращение туда, откуда они недавно вырвались и где не хотели жить — в колхоз, подчеркивало их переходный маргинальный статус: еще не горожане, но уже и не крестьяне.

«Неблагонадежные» председатели

Выборный характер должности председателя колхоза позволял занять руководящие позиции лицам, с точки зрения государства, социально неблагонадежным. Бывшие зажиточные, «твердозаданцы», родственники раскулаченных, участники Белого движения или крестьянских выступлений могли при поддержке односельчан возглавить колхоз. Райкомы не всегда знали о прошлом кандидатов и не контролировали выборы повсеместно во всех сельхозартелях. В случае выявления хозяйственных нарушений «социальное лицо» таких председателей становилось отягчающим обстоятельством, однако нередко оно уже само по себе служило достаточным основанием для отстранения от должности. Местные власти всегда предвзято относились к подобным кадрам. Анжеро-Судженский горком в 1933 году докладывал о председателе колхоза «Шестой съезд»: «бывший церковный староста Лебедянской церкви, заняв более подходящую трибуну, откуда можно вести вредительскую и разлагательскую работу, занимаясь систематической пьянкой с чуждо-классовыми элементами, что отражалось на колхозную массу и состояние трудовой

4. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 98. Л. 148.

дисциплины, на собраниях колхозников агитирует за проводимые мероприятия партии и правительства, а на деле всячески старается избежать»⁵. Упоминание о «трибуне» в данном контексте не является случайным литературным украшением текста и отражает устойчивое негативное отношение автора документа к бывшему церковному старосте, чья публичная поддержка власти рассматривалась лишь как ширма для прикрытия антисоветских взглядов.

В том же районе в 1936 году был отстранен от должности еще один председатель — Пушечко из колхоза «Вперед», до революции служивший околоточным надзирателем и следивший за политзаключенными. Несмотря на это, путь в советское общество ему не был закрыт — бывшие надзираемые настолько хорошо о нем отзывались, что он даже сумел при их содействии вступить в ВКП(б). Правда, прошлое его все же догнало, и из рядов партии Пушечко исключили. Впоследствии, пользуясь сохранившимися связями, он сумел выбиться в председатели сельхозартели. Сместили же его из-за жалоб односельчан на грубое поведение своего начальника. Получив «сигнал», НКВД инициировал расследование и провел проверку выданных ему в 1919 году документов «за подписью старшины и политзаключенных, которые дают ему отзывы о его хорошем отношении к ним»⁶. Здесь важно подчеркнуть, что именно занятие председательской должности, сделавшее Пушечко публичной фигурой и объектом сельских конфликтов, привлекло к нему внимание органов государственной безопасности.

Схожая судьба ожидала жителя села Крестьянское Мамонтовского района Савина, во время коллективизации вступившего в колхоз и ставшего председателем. Как он сам указывал в личном письме, ему в этом помогло красноармейское прошлое: «имел авторитет так как я служил в Красной армии 2 года 10 месяцев»⁷. В 1930 году его приняли в ряды ВКП(б). Сочетание статуса бывшего красноармейца, партийности и руководящей должности в сельхозартели «им. Мамонтова» формировало образ типичного представителя власти в крестьянской среде и открывало перспективы дальнейшего выдвижения в районные организации. Однако в 1932 году в колхозе вскрылись хозяйственные нарушения, что сделало положение Савина шатким. Ситуация ухудшилась, когда бедняцкая группа колхоза обратила внимание надзорных структур на его прошлое — до коллективизации совместно со своим тестем он вел хозяйство, арендуя землю и используя наемный труд. В итоге «перспективного работника» сместили с занимаемой должности, подвергли раскулачиванию и аресту. Почему бедняцкая группа решила выступить против председателя-коммуниста, неясно: возможно, в результате банальной борьбы за должность, или же искреннего недовольства связями

5. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 132. Л. 5-6.

6. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 743. Л. 763.

7. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 2. Л. 208.

с тестем-эксплуататором. Очевидно одно — одновременное вскрытие хозяйственных нарушений и «кулацкого» прошлого не было случайным совпадением. Высокое положение внутри крестьянской среды сделало героя данного рассказа уязвимым для недоброжелателей, использовавших идеологическое обоснование с целью перевода внутриколхозного конфликта в политическую плоскость. Будь Савин простым колхозником, не привлек бы внимание и избежал репрессий. Следовательно, для людей с «темным прошлым» вертикальная мобильность создавала дополнительные риски: социальный лифт привел Савина не в районный кабинет, а в тюремную камеру.

Удаленность колхозов от райцентра и слабость контроля властей над ними повышали социальную активность «неблагонадежных» категорий сельского населения. Особое положение складывалось в таежных колхозах на севере Западно-Сибирского края, не затронутых чистками политотделов в 1933–1934 годах из-за неразвитости сети МТС в этих районах. По всей видимости, местные колхозы оказались в некоторой изоляции от общесоюзных кампаний по организационно-хозяйственному укреплению, что способствовало их обособленности и росту протестных настроений. По данным Западно-Сибирской прокуратуры, во время хлебозаготовок 1935 года было осуждено 448 рядовых колхозников⁸. Тогда же крайком партии в докладной записке в ЦК ВКП(б) и Совнаркоме СССР информировал, что за летне-осенний период в северных районах подверглось судебным репрессиям за контрреволюционную и саботажническую деятельность 369 человек⁹.

Дополнительным фактором, осложнявшим ситуацию для государства в северных районах, являлось их соседство с местом крестьянской ссылки, Нарымским округом. Постоянные контакты колхозников с раскулаченными создавали благоприятную атмосферу для циркуляции антисоветских настроений. Ситуация осложнялась тем, что на севере края репрессированных крестьян не выселяли за пределы своих районов, чем те пользовались, находя поддержку со стороны родных и односельчан. Подобным «грешили» не только рядовые колхозники, но и члены правлений. Так, в одном из отчетов органов власти указывался характерный пример: «Пред[седатель] колхоза Толбанов Афанасий Петрович, по соц[иальному] положению середняк, по жене имеет родственников-кулаков, с которыми имеет связь. Родственники-кулаки из трудпоселков бывают у него в гостях, и он бывает у кулаков»¹⁰.

Оказавшись на руководящих должностях, родственники раскулаченных пользовались своим положением для зачисления в колхоз репрессированных родных. Рядовые члены коллектива зачастую смотрели на это сквозь пальцы, так как и сами рассчитывали

8. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 954. Л. 167.

9. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 869. Л. 82.

10. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 766. Л. 1011.

оказать аналогичную помощь находящимся в той же беде близким, устроив их в свой колхоз. Механизм этой круговой поруки описан в сообщении партийного организатора крайкома, направленного в сельхозартель «Восходящая звезда» Каргасокского района: «Правление колхоза состояло из 5 человек, из коих председатель правления Батурин Михаил Дмитриевич связан родственными связями с кулачеством (сестра его Екатерина замужем за сыном кулака Сыркиным И. И., ныне работающим мельником в колхозе), члены правления Данилюк Яков Семенович сын крупного кулака, сосланного в 31 году, ныне член колхоза, член правления Соснин Николай Федорович тесно держит связь с двоюродными братьями Сосниным Николаем Николаевичем и Семеном Николаевичем, которые были лишены избирательных прав и сосланы, ныне члены колхоза»¹¹.

Слабый контроль со стороны райкомов и МТС в северных районах и их географическая удаленность создавали специфическое пространство социальной автономии, где вакуум власти заполняли характерные для крестьянского мира локальные социальные сети и неформальные связи. Здесь местечковые крестьянские элиты, используя родственные и добрососедские связи, обладали большим весом, чем пришлые представители правящего режима. Переломным для этой «вольницы» стал 1936 год, когда государство инициировало масштабную чистку колхозов в северных районах с целью восстановления контроля путем массовой замены местных председателей на политически выдержанных выходцев из южной части края и внедрения института партторгов крайкома. Специально созданные районные комиссии по чистке выявляли хозяйственно слабых и политически опасных колхозных управленцев. Из-под их пера выходили емкие и выразительные описания, фиксирующие социальный срез проверяемых: «организатор контрреволюционного выступления нескольких деревень, лодырь, саботажник, за время его работы пало 9 лошадей, бездушно относился к нуждам колхозников»; «служил один год во флоте Колчака, во время невыходов на работу записывал себе по 1-му трудодню, сорвал подготовку к строительству благодаря починке гармошек на сторону»¹².

Комиссии не смущали такие нестыковки в обвинениях, как организация контрреволюционного выступления лодырем или срыв строительства из-за починки гармошек, поскольку «антисоветская сущность» проверяемых была очевидной. В характеристиках соединялись идеологическая стигма («сын кулака», «колчаковец»), хозяйственная халатность и бытовое разложение. В результате создавался образ врага, чья сущность неизбежно проявлялась во всех сферах жизни — от политической до хозяйственной и бытовой. Обвинения не подвергались сомнению, несмотря на их абсурдность, поскольку вписывались в рамки требуемого нарратива.

11. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 785. Л. 147.

12. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 701. Л. 205, 207.

Одной лишь проверкой членов правления дело не ограничилось. Придавая важное сельскохозяйственное значение северным районам, Западно-Сибирский крайком поставил задачу включить в состав колхозных управленцев политически благонадежные и преданные кадры. Для этого планировалось перебросить из южных районов 300 председателей и бригадиров, а местных руководителей сельхозартелей отправить на курсы переподготовки, охватив не менее 300–400 человек, что составляло 15–20% от их общего числа. В результате этих кадровых изменений около трети колхозов в северных районах получили идеологически выдержанных председателей. Для усиления их влияния вводился институт партийных организаторов крайкома, специально утверждавшихся региональным центром. Всего отбору подлежало 200 парторгов, направлявшихся в наиболее крупные колхозы¹³. Данный комплекс мероприятий, включавший чистку руководящего состава сельхозартелей и его замену на политически лояльных «профессиональных» председателей и партийных организаторов, по замыслу властей должен был поставить под контроль колхозы северных районов. Целью этих действий являлось разрушение автономных социальных сетей, выдвигавших в управленцы идеологически чуждые кадры, и их замена полностью управляемыми председателями-назначенцами, подчиненными партийно-хозяйственному аппарату.

Подводя итог, можно выделить несколько стратегий адаптации, использовавшихся «неблагонадежными» председателями колхозов. Первая — сокрытие идентичности: председатели пытались скрыть свое прошлое, надеясь, что лояльность государству и эффективная работа отведут от них подозрения. Вторая — гиперлояльность: будучи уже раскрытыми, они стремились заслужить прощение через демонстративную преданность режиму и выполнение плановых заданий. Обе эти стратегии, однако, были сопряжены с высоким риском. Даже если такой руководитель заявлял о своем прошлом заранее, оно все равно оставалось миной замедленного действия, готовой взорваться при первой же ошибке. Этим часто пользовались недовольные члены колхозного коллектива, подставляя под удар своих односельчан. Третья стратегия — добровольный отказ от социального роста. Это явление, хотя и редко находившее отражение в источниках, было, по-видимому, распространенным. Лица с нежелательным прошлым, осознавая, что высокое положение в колхозе привлекает внимание местных властей, взвешивали все риски, принимая на себя обязанности председателей или членов правления. Многие преднамеренно избегали подобных назначений, поскольку тем самым они лишались возможности оставаться в тени и хоть как-то контролировать опасность, исходящую от государства. Все три описанные стратегии в той или иной степени использовались другими «группами риска» («бывшие», торговцы, белогвардейцы и т.д.), чье прошлое мешало благопо-

13. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 869. Л. 83–84.

лучно интегрироваться в советское общество. Однако у «неблагонадежных» председателей имелась и четвертая стратегия, основанная на особенностях крестьянского мира. Став частью колхозного социума, перенявшего ряд черт сельской общины, председатели могли рассчитывать на поддержку коллектива, внутри которого взаимные обязательства и взаимопомощь становились основой противодействия внешней угрозе. Особо ярко это проявлялось в удаленных от райцентра колхозах, слабо контролировавшихся органами власти.

Заключение

В представленной статье показана неоднозначность положения колхозного руководства 1930-х годов, где два противоположных типа председателей — политически лояльные «профессионалы-назначенцы» и «неблагонадежные» выдвиженцы из колхозной среды — оказывались в маргинальном положении по разным причинам и с противоположными траекториями социальной мобильности. Для кого-то председательское место было опасным движением наверх, для других — карьерным тупиком или возвращением на пройденный этап.

Среди «профессиональных» председателей можно выделить по-своему уникальную социальную группу выходцев из крестьянской среды, преодолевших ее и прошедших социальную трансформацию, а затем вновь вернувшихся обратно в деревню. Тем самым они пережили два последовательных изменения идентичности, причем второе (повторное возвращение в колхозный социум) накладывало свой отпечаток на первый (выход из деревни). Эти люди уже не были в полном понимании крестьянами, но и, несмотря на свою службу в советских организациях, не стали полноценными горожанами. Возврат в колхоз становился для них не просто карьерным понижением, а еще и жизненным кризисом. Их маргинальность носила нисходящий характер, они оказались в своеобразной ловушке колхозного социума, не в силах закрепиться в райцентре.

Председатели с «пятном» в прошлом являли собой противоположный тип — восходящую маргинальность. Сложность их положения состояла в том, что социальная активность и карьерное продвижение делали их более уязвимыми перед властями. В советском обществе для «бывших» и других «групп риска» социальный рост оборачивался большей заметностью в глазах государственных органов. Социальный лифт в данном случае работал не как средство интеграции, а как отложенная на время катастрофа.

Складывалась ситуация, при которой восходящая мобильность председателей с «кулацким пятном» в биографии усиливала их уязвимость, в то время как нисходящая мобильность «профессионалов» затягивала и делала более болезненным этап перехода из деревни в город. Несмотря на противоположность движения социальных тра-

екторий, обе категории обнаруживали схожие проблемы, выражавшиеся во внешнем контроле и кризисе идентичности: «назначенцам» приходилось мириться с необходимостью возвращения в деревню, а председателям с «антисоветским» прошлым скрывать и переосмысливать свою биографию. Зависимость от внешнего контроля у «профессионалов» заключалась в тесных личных и рабочих связях с районной номенклатурой, что ставило их в условия гиперподчинения. Тогда как положение «неблагонадежных» председателей всегда оставалось шатким из-за угрозы разоблачения со стороны советских органов или односельчан. И если избежать зависимости от внешнего контроля не представлялось возможным, то процесс адаптации к колхозной жизни в определенных случаях удавалось смягчить. «Профессионалы» могли вновь интегрироваться в колхозный коллектив, а «неблагонадежные» председатели — найти коллективную защиту, что было вполне возможно в условиях слабого контроля властей (как в северных колхозах Западной Сибири).

Маргинальное положение обеих изучаемых категорий председателей иллюстрирует парадокс социальной мобильности в колхозном социуме, когда нахождение на ее наивысшей ступени становилось источником уязвимости, а не стабильности и роста. Их формально высокий статус в колхозной среде не соответствовал реальному положению, оказавшемуся невыгодным и шатким. В отличие от других членов председательского корпуса эти люди не только рисковали в случае невыполнения производственных планов, но и испытывали дополнительную угрозу в виде излишнего внимания к себе со стороны властей (для «неблагонадежных») или могли «увязнуть» в колхозном социуме с непонятными карьерными перспективами (для «профессионалов»). Выживание и адаптация в таких условиях требовали от них не только лояльности или компетентности, но умения лавировать между различными социальными мирами.

Библиография

- Безнин М. А., Димони Т. М. (2013). Социальные отношения в Российской деревне 1930–1980-х гг. // Доклады независимых авторов. № 24. С. 12–27.
- Безнин М. А., Димони Т. М. (2010). Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России 1930–1980-х годов // Российская история. № 2. С. 25–43.
- Глумная М. Н. (2011). Становление и развитие управленческого аппарата колхозов Европейского Севера России (конец 1920-х — 1930-е гг.). Вологда: Легия.
- Красильников С. А. (2004). Спецпереселенцы // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / Отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: Сибирский хронограф. С. 287–373.
- Окуда Х. (2011). «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е — начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы междунар. науч. конф. М.: РОССПЭН. С. 495–527.
- Фицпатрик Ш. (2001). Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН.

The phenomenon of marginality among kolkhoz chairmen in the Western Siberian Region in the 1930s

Viacheslav B. Laperdin, PhD (History), Senior Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russia. E-mail: laperdin2011@mail.ru

Abstract. The article considers an understudied aspect of the social history of the Soviet countryside — the marginal position of kolkhoz (collective-farm) chairmen. Despite their high rank in the kolkhoz hierarchy, two categories of leaders had marginal positions in social structure. The first category consisted of “professionals” appointed by Soviet organizations — successful managers, who had proven their competence on other farms, joined district activists and were sent to rural areas; for them, work in kolkhoz was either a career dead end or a temporary decline in status. The second category consisted of the politically “unreliable” elected by the peasantry and considered by the authorities as alien elements; their career advancement attracted unnecessary attention and often resulted in social failure. The author emphasizes the opposite trajectories of social mobility of these two categories — downward and upward; however, despite different origins of their marginality, both groups shared a marginal position and uncertain status. Although their social trajectories were opposite, both categories faced similar challenges, primarily of external control. The study shows that in the 1930s the kolkhoz chairman position could serve not as a social elevator but as a social trap and reveals a paradox of social mobility in the Soviet countryside — when a formally high kolkhoz status exacerbated marginality rather than facilitated integration into Soviet society.

Key words: agrarian history, kolkhozes (collective farms), peasantry, kolkhoz society, adaptation, marginalization, Siberia

References

- Beznin M. A., Dimoni T. M. (2013) *Sotsialnye otnosheniya v rossijskoj derevne 1930–1980-h gg.* [Social relations in the Russian countryside in the 1930s — 1980s]. *Report of an Independent Author*, no 24, pp. 12–27.
- Beznin M. A., Dimoni T. M. (2010) *Sotsialnaya evolyutsiya verkhushki kolhozno–sovhoznykh upravlentsev v Rossii 1930–1980-h godov* [Social evolution of top managers of collective and state farms in the 1930s–1980s]. *Russian History*, no 2, pp. 25–43.
- Fitspatrik Sh. (2011) *Stalinskie krestyane: sotsialnaya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization], Moscow: ROSSPEN.
- Glumnaya M. N. (2011) *Stanovlenie i razvitie upravlencheskogo apparata kolkhozov Evropejskogo Severa Rossii (konets 1920-h — 1930-e gg.)* [Formation and Development of the Collective-Farm Administrative Apparatus in the European North of Russia (Late 1920s–1930s)], Vologda: Legia.
- Krasilnikov S. A. (2004) *Spetspereselentsy* [Special Settlers]. *Marginally v sotsiume. Marginally kak sotsium. Sibir (1920–1930-e gody)*. Ed. by S. A. Krasilnikov, Novosibirsk: Sibirsky khronograf, pp. 287–373.
- Okuda H. (2011) “Ot sokhi k portfelyu”: derevenskie kommunisty i komsomoltsy v protsesse raskrestyanivaniya (1920-e — nachalo 1930-h gg.) [“From the plough to the briefcase”: Rural communists and Komsomol members under depeasantization (1920s — early 1930s)]. *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya*, Moscow: ROSSPEN, pp. 495–527.

Harvest of joy: A study of the Soviet Uzbekistan Korean millionaire kolkhoz “Politotdel” (1925-1985)

Kim Chang Jin

Kim Chang Jin, DSc (Political Sciences), Professor, SungKongHoe University. Yeon Dongro, Guro Gu, Seoul, Korea. E-mail: koruskim@gmail.com

EDN: MMZZUJ

Abstract. This study is an attempt of understanding the unique nature of the Soviet kolkhoz, which was both an agricultural production unit and a core institution of rural community. The issue of “advanced (or millionaire) kolkhozes” is one of those revealing the limitations and advantages of the Soviet kolkhoz system. Moreover, the experience of “advanced kolkhozes” from the mid-1930s to the 1980s allowed peasants to develop a form of local socialism from below through the “harvest of joy” rather than the “harvest of sorrow”. The “Politotdel” was one of the most famous Korean millionaire kolkhozes not only in Uzbekistan but also in the Soviet Union for about thirty years from the late 1950s. In 1953, when Hwang Man Gum with a strong entrepreneurial spirit was elected its leader, the “Politotdel” reached a turning point and made a leap forward in a short period of time. Its secrets of success were labor discipline ensured by efficient labor organization and fair wages, cultivation of kenaf and cotton as profitable main crops, mechanization (purchase of large agricultural machines after reorganization of MTS — Machine and Tractor Stations), and a solid feed base for livestock (due to the record corn harvest). The “Politotdel” and other Korean millionaire kolkhozes in Central Asia accumulated common assets of the local community in cooperation with rural intellectuals. Kolkhoz leaders, mid-level executives and farmers of the “Politotdel” were not passive individuals who simply obeyed the rules of the state command economy — they were innovators who created the “Soviet-style commons led from below” by peaceful multi-ethnic communities in rural society of Uzbekistan for decades. Through the historical experience of the advanced kolkhoz one can understand those institutional and practical characteristics of the Soviet kolkhoz that are not captured in the general picture of “failed kolkhoz agriculture and rural reality”.

Key words: Soviet kolkhoz, Korean millionaire kolkhoz, kolkhoz “Politotdel”, duality of kolkhoz, Korean struggle for recognition, commons, multi-ethnic peace community

Introduction

The Soviet kolkhoz has mainly a negative image in contemporary Russian and foreign studies, which is supported by numerous documents discovered by many researchers and proved by numerous case studies of the Soviet Union, making this negative image difficult to refute. In fact, intellectuals, who observed or remembered Soviet kolkhozes in their regions, confirm such negative evaluations (see, e.g., Zaslavskaya, 2000). Conquest’s work published in 1986 and translated

into Russian in 1988¹ also supported the negative perception of kolkhozes as a typical example of the “Cold War, anti-communist, liberal” Western works published in the Soviet Union/Russia in the late 1980s and deeply affecting many Russian researchers and intellectuals.

I share the critical view of the Soviet agricultural system and policy; however, it does not mean that Soviet agriculture and rural society were doomed to failure due to the kolkhoz system. The Soviet kolkhoz system should be seriously examined as one of the 20th-century farming styles². Moreover, successes and failures of the Soviet kolkhoz as a collective agricultural enterprise should not be assessed uniformly but according to their regional and ethnic features. It is also necessary to remember that the historical-sociological understanding of the kolkhoz will depend on its interpretation — as only an agricultural production unit or also a combination of core institutions of local communities, i.e., a unique duality. Thus, the issue of the so-called “millionaire/advanced kolkhoz” allows to reveal the limitations (problems) and advantages (opportunities) of the unique Soviet kolkhoz system.

There were about 3,000 advanced kolkhozes in the Soviet Union in the early 1960s³; however, this the phenomenon is still poorly researched (Kim Chang Jin, 2024a, b; 2025). Although some Russian scholars mention advanced kolkhozes in their works on the kolkhoz system (Ilyinykh, 2024; Kondrashin, 1997), no paper or monograph focuses on the advanced kolkhoz as a research object. There are several Korean studies and biographies about the Soviet Korean millionaire kolkhozes in Central Asia⁴, mainly character-centered and nationalistic and, more importantly, ignoring the duality of the Soviet kolkhoz as both an agricultural production unit and a core social institution of the local community.

This study focuses on the “Politotdel” kolkhoz in the Tashkent Region (Uzbekistan) as the famous representative of the Korean advanced kolkhozes for thirty years from the late 1950s. The study aims

1. Even if we ignore the extra-academic circumstances — that the author once collaborated with the British Intelligence Service and the book was a “political enterprise” financed by Ukrainians living in the United States — the book seems to have contributed to the extremely negative image of agricultural collectivization and kolkhoz system in the West.
2. Van der Ploeg (2008; 2013) argues that Marx’s concept of the mode of production does not explain the phenomenon of the “persistent peasant class” and distinguishes between capitalist farming, managerial farming, and peasant farming. See, e.g., Preface in the Korean edition of his *Peasants and the Art of Farming: A Chayanovian Manifesto* (Seoul: Ttabee, 2013, pp. 12–13).
3. Newspaper “Lenin’s Banner”, 20.02.1962. This was the Soviet newspaper published in Kazakhstan in Korean.
4. These works are limited in research objects, temporal scope and materials used, they do not consider connections between the Far East before 1937 and the Central Asia after deportation.

at revealing the factors of its economic success as an agricultural production unit and its social-cultural achievements as a social mechanism that ensured prosperity of the village community. There were dozens of successful advanced kolkhozes run by Soviet Koreans in various parts of Central Asia, mainly in Uzbekistan and Kazakhstan, from the 1940s to the 1980s⁵.

First, to clarify the historical and sociological significance of the issue of advanced Soviet kolkhozes, including the Central Asian Korean millionaire kolkhozes, we need to acknowledge that it was a unique form of peasant economy and communal lifestyle in the centrally planned economy. Kolkhoz was not only controlled by the state, but it also had institutional and policy support for agricultural production (land, credit, machinery, temporary labor, construction of rural infrastructure, etc.). Although the advanced kolkhoz leaders and members were to achieve the state production goals, they did not passively obey "commands" from Moscow but demonstrated flexibility both inside and outside the kolkhoz system as often as possible, actively created various opportunities for overcoming limitations imposed by the Soviet system and policies.

Second, the general idea that "success and failure of the Soviet kolkhoz depended on who the chairman of the management committee was" should be verified by examining specific situations in different kolkhozes. The Soviet kolkhoz, transformed into a large-scale agricultural enterprise after the integration of small kolkhozes in the 1950s, was no longer an organization that could be entirely controlled and managed by one chairman. His leadership had to be proven by the ability to ensure positive labor motivation with efficient labor organization, rational farm management (selection of profitable crops, compliance with the farming schedule, scientific approach, advanced technologies, mechanization, etc.), and fair distribution of income. Otherwise, the leader would be distrusted by peasant members, and it would be difficult for the district party organization to recommend him as a kolkhoz leader.

We need to consider the Soviet kolkhoz, especially advanced kolkhoz, in terms of its organic duality. To do this, first, we need to understand kolkhoz leadership, labor organization, farm management methods, mechanisms by which increased productivity led to improved living conditions for villagers through the accumulation of various common funds, and community activities of the village. More specifically, kolkhoz leadership should be examined in terms of the leader's personality, organization management and labor motivation methods, factors of increased productivity (crop cultivation and livestock breeding suitable for each branch and district), mechanization, and advanced farming methods. Second, to consider social and cultural achievements of the advanced kolkhoz, we need to understand

5. Since the 1950s, their number has been estimated at around 50.

how diverse and numerous common funds were accumulated, how the community shared space created with these achievements, and features of communal activities.

Kolkhoz “Politotdel”: A brief history

The “Politotdel” was organized in April 1925 in the wilds of the Chirchik River in the Tashkent Region of Uzbekistan. It was different from most Korean kolkhozes that had been deported to Central Asia from the Russian Far East in the fall of 1937. In 1933, the kolkhoz got its name “Politotdel” in honor of the newly established political department of the recently organized MTS (Hwang Man Gum, 1977; 1981).

This tiny Soviet Korean kolkhoz had only simple tools such as shovels and hoes (Kim Brutt, 2019). Members had to expand their farms in thickets teeming with mosquitoes, snakes, and howling jackals, uprooting tough wild roots mostly by hand. Household items were also made of reeds (Kozlov, Son Jin Pa, 1961). In the first year, only 40 hectares of rice were cultivated; the rest of the land was reed beds and swamps. Many kolkhoz members lived in old, dilapidated houses with clay roofs, cave-houses, and yurts (tents).

In the fall of 1937, 100 Korean families from the Primorsky Region joined the “Politotdel” as new members. By that time most of the swamps were dried out by the hard work of the “Politotdel” members, and the kolkhoz was in dire need of labor for farming. The “Politotdel” further expanded in 1939 by merging with the “New Life” kolkhoz. However, many kolkhoz members still worked more in their personal gardens than at the collective farm (Hwang Man Gum, 1977), because the kolkhoz productivity was low, and its members’ incomes were meager. Thus, the “Politotdel” remained a typical backward kolkhoz until the early 1950s.

In 1953, the “Politotdel” had 874 hectares, and the average yield per hectare was only 35.5 centners of kenaf, 23 centners of rice, and 35 centners of alfalfa. The livestock sector continued to suffer losses. The total cash income of the kolkhoz was only 185,500 rubles. Labor discipline was extremely weak, and the level of agricultural technology was very low⁶. On the other hand, the area of individual gardens had increased to almost one hectare. Some kolkhoz members lost hope and moved to other kolkhozes. At that moment, Hwang Man Gum appeared as a savior. He was a communist, had worked as an agricultural officer in the party committee of the Upper Chirchik district of the Tashkent Region, and had experience as the chairman of the nearby kolkhoz “Lenin’s Road”. On October 23, 1953, he was

6. Newspaper “Lenin’s Banner”, 30.06.1970.

elected chairman of the management committee at the general meeting of the “Politotdel” (Hwang Man Gum, 1961: 4).

1954 was a major turning point for the “Politotdel”: the new chairman began to change labor discipline by reducing the over-extended individual gardens. He energetically rationalized labor organization by recruiting talents according to individual abilities, introducing new farming technologies, pursuing agricultural mechanization policy, and developing measures to satisfy the material needs of the kolkhoz members. The results were not long in coming: yields of the main crops, such as kenaf, cotton and corn, increased significantly, which allowed to pay members rice and other grains in advance. Due to this success, the members’ attitude towards collective labor began to change, and the kolkhoz began its rapid development. After 1954, five nearby poor farms were incorporated into the “Politotdel”, further expanding its area.

Thus, the history of the “Politotdel” is divided into two periods — before and after the leadership of Hwang Man Gum. He was the head of the “Politotdel” from 1953 to 1985, making it one of the most famous advanced kolkhozes not only in Uzbekistan but also in the Soviet Union. In addition to his outstanding leadership, one of the major factors of the rapid growth of this kolkhoz was reorganization of the MTS in 1958, which allowed the kolkhoz to purchase a lot of agricultural machinery, including tractors and combines, and use them to its advantage, which increased autonomy and efficiency of farming. The government decision to raise agricultural product prices in the early 1960s also contributed to increasing the kolkhoz profitability. These state policies were general for the Soviet Union, but only such advanced kolkhozes as the “Politotdel” managed to turn them into a great positive opportunity for their development⁷.

In 1960, the cotton harvest of the “Politotdel” increased to 43.7 centners per hectare, and the kenaf harvest — to 202 centners (35.5 in 1953); accordingly, the total income of the kolkhoz reached 57 million rubles (Kozlov, Son Jin Pa, 1961: 3). It was a huge leap compared to seven years ago. If the election of Hwang Man Gum in 1953 was a turning point for the kolkhoz organization, then the 6-meter corn grown by the corn foreman Lee Lyubovi in 1960 symbolized the rapid growth of this kolkhoz. Her harvest of 1,650 centners per hectare on the farm of her working group surpassed the record for Iowa farms in the United States. This increase in the production of corn, a nutritious forage crop, led to high profitability in the livestock sector. Deeply moved by this remarkable success, Khrushchev, the General Secretary of the Communist Party of the Soviet Union, visited the kolkhoz in November 1961. He traveled around the Soviet Union

Kim Chang Jin
Harvest of joy:
A study of the
Soviet Uzbekistan
Korean millionaire
kolkhoz “Politotdel”
(1925-1985)

7. Many backward kolkhozes experienced financial difficulties, including going into debt to purchase heavy equipment through the MTS.

and promoted the success story of the “Politotzel” at every agricultural workers meeting⁸.

The production of kenaf, the most profitable crop of the “Politotdel” and a very useful industrial raw material in the postwar USSR, also increased significantly. Kenaf workers recorded world-class production, surpassing traditional producers of this subtropical crop — Brazil, India and Pakistan (Khakimov, 1961: 3). Brezhnev, the Soviet leader after Khrushchev, visited the kolkhoz in September 1970 to see this Soviet Korean collective farm (Hwang Man Gum, 1981: 38). The Norwegian prime minister who visited the “Politotdel” said that if other Soviet kolkhozes were like it, they would definitely adopt its management methods (Kim Brutt, 2019: 105).

As the kolkhoz income increased, its indivisible fund also increased, leading to extensive irrigation and land improvement works, and improvement of living conditions. In just a few years after the election of the new leader, living standards in the “Politotdel” improved significantly, just like those in the city. As a result, the village landscape changed completely — vast fields, well-fed cattle on highly productive farms, first-class tractor service and repair shops, colorful gardens, asphalt roads, and bright residential areas. In the early 1960s, one author described the central kolkhoz village as follows: “When someone enters the kolkhoz “Politotzel” village, he sees wide asphalt roads, European-style houses for farm workers surrounded by forests, large production facilities, various livestock complexes, saunas, schools, clubs, hospitals, shops, and so on” (Kozlov, Son Jin Pa, 1961: 19–20).

As the rural labor was industrialized, the village of the “Politotdel” began to turn into a type of garden city. Due to comprehensive mechanization of agricultural work and animal husbandry, in the 1970s the kolkhoz members were producing in just one hour what they had produced in a whole day in 1953. The annual income of the kolkhoz was 9.5 million rubles, and the average annual salary of its members — almost 1,700 rubles⁹. The material standard of living in this “truly agricultural city” was higher than in most cities. In 1974, the total monetary income of the kolkhoz exceeded 10.48 million rubles, from which 2.34 million rubles were sent to indivisible fund, 535 thousand — into social consumption fund, and 4.857 million — into personal consumption fund (Hwang Man Gum, 1977: 7; Hwang Man Gum, 1962: 10).

In the 1960s — 1970s, the “Politotdel” management committee, which had accumulated significant funds, focused on building communal social and cultural infrastructure for a dignified and enjoyable everyday life. With these funds, asphalt roads, electricity, water and gas facilities were built, and construction materials, transporta-

8. At the Tashkent Regional Council on November 13, 1961, Khrushchev mentioned the “Politotdel” as an example (Pak Deok Yeon, 1963: 9–10). He also praised it in the North Caucasus and Kazakhstan.

9. Newspaper “Lenin’s Banner”, 30.06.1970.

tion equipment and credits were provided to the kolkhoz workers to help them build affordable but good houses. In addition, they did not spare large investments in education, health care, leisure, culture and sports facilities. In the 1970s, the central village and each branch of the "Politotdel" had several primary and secondary schools, ten kindergartens, a cultural center (for 1,200 people), two large stadiums, a hotel (for 40 guests), a department store, a restaurant, a wedding hall, and four saunas with a barber shop and a beauty salon. These facilities were comparable to those in large cities. The kolkhoz had an automatic telephone system with about 500 numbers, three radio broadcasting rooms, a health center (for 100 people), and a youth camp (for 200 people). The kolkhoz football team played in the All-Union B Group. The "Politotdel" became a multi-ethnic peaceful community in which between 13 and 19 nationalities lived together at different times (Hwang Man Gum, 1977: 131).

In 1980, the "Politotdel" was a typical example of the situation when the difference in living conditions between urban and rural workers almost disappeared. The kolkhoz infrastructure and housing problems were completely resolved. The annual income of each household exceeded 7,000 rubles, and we should add to it income from individual gardens, various social benefits and subsidies (Hwang Man Gum, 1981: 28). In the central village of the kolkhoz and its branches, 900 children were cared for in 13 excellent kindergartens, 4,300 children studied in 7 secondary schools; there was a hospital with 120 beds and a clinic with 250 beds. At weddings held mainly after the autumn harvest in the event hall, the kolkhoz orchestra played live music. 700 kolkhoz pensioners led a comfortable life due to pensions paid by the kolkhoz in addition to state pensions (Hwang Man Gum, 1981: 36–38). How did this success become possible in the arid lands of Central Asia, on the southeastern outskirts of the Soviet Union?

Leadership: Personality, organization management and labor motivation

Hwang Man Gum was an entrepreneurial leader who managed the collective farm profitably and improved the living and cultural standards of farmers, looking to the future of the kolkhoz and the Soviet countryside. Many chairmen of Korean millionaire kolkhozes in Central Asia were of this type — competent, honest and thrifty, i.e., completely different from many other Soviet kolkhoz leaders (Kostyashov, 2015) — incompetent, lazy, corrupt and often alcoholics.

Hwang Man Gum's most urgent task was to ensure labor discipline. Kolkhoz members who could but did not want to work accounted for 30–40% of the kolkhoz labor force. From his first day, Hwang Man Gum visited each facility and workshop of the farm and met with enthusiasts. He taught workers by example, and they nev-

er left workplaces. As a result, the cotton harvest that used to take five months was completed in one month. Hwang Man Gum appointed several competent and experienced people, including socialist labor heroes, as work team leaders. He also took steps to reduce the area of too large individual plots, which led to some dissatisfied members leaving the kolkhoz. Due to such measures taken to strengthen labor discipline, the kolkhoz received its first modest income in 1954: members received 0.45 rubles in cash and 3.6 kg of grain per working day as a year-end dividend.

The second task of the leader was the expansion of agricultural land through restoration of wetlands and land improvement. In 1955, the kolkhoz members received 3.5 rubles in cash and 4.5 kg of grain per working day, which made them believe that the kolkhoz was developing and that a more prosperous and civilized life was possible in the future (Hwang Man Gum, 1961: 5). In 1955, agricultural production of the "Politotdel" with its improved labor discipline was already catching up with the advanced kolkhozes of the district.

Hwang Man Gum energetically implemented policies to rationalize labor organization based on the principles of recruiting people with enthusiasm and ability, applying new agricultural technology, actively introducing mechanization, and satisfying the material interests of members. As a result, the country recorded the highest yields of kenaf, cotton, and corn. The entrepreneurial leader Hwang Man Gum knew how to select and cultivate crops that provided the best economic returns with a limited amount of labor, and he was awarded the title of Hero of Socialist Labor.

In 1958, when the opportunity arose to purchase a large quantity of agricultural machinery from the MTS, the "Politotdel" bought 85 tractors, 55 cars, many connecting vehicles and dozens of electric motors, which allowed for mechanization of the kolkhoz farming (Hwang Man Gum, 1962: 14–15). Additional profits were generated by increased profitability in the livestock sector due to increased corn production, and also by greenhouse vegetable cultivation and quail farming. Hwang Man Gum was a leader with outstanding business acumen.

In 1960, the "Politotdel" became a large multi-sector farm with high profits in kenaf, cotton, corn production and animal husbandry. In particular, the development of the "Politotdel" as a kenaf-specialized farm in 1958 and the understanding of the organic link between corn production and livestock sector reflected Hwang Man Gum's pioneering vision. In 1960, Khrushchev chose the kolkhoz as one of the lighthouses of agriculture, which turned the "Politotdel" into a district advanced collective farm with an excellent learning center (Hwang Man Gum, 1961: 5–6).

Hwang Man Gum understood that high productivity, high living standards, social welfare, and cultural and sports activities were interrelated. The amateur art troupe of the "Politotdel" flourished, and

its football team could compete not only in Uzbekistan but also in the Soviet Union. Hwang Man Gum knew exactly what was needed to keep the youth in the kolkhoz near the capital of the republic Tashkent.

Hwang Man Gum had excellent political skills in establishing relations that could secure the continued support of high-ranking party and government leaders. As the Hero of Socialist Labor, in the 1960s and 1970s he was elected as a deputy of the Supreme Council of the Uzbek Republic and as a member of the Central Committee of the Communist Party of Uzbekistan; he attended the Plenum of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union in Moscow as an Uzbek representative¹⁰.

However, as the leader of the advanced agricultural production unit of the Soviet Union Hwang Man Gum did not fully support the state centralized economic planning in which production goals were often changed during the course of work. He had a critical perception of the top-down planned economic system and openly expressed his views that it was not efficient for the kolkhoz agricultural production to carry out plans handed down from Moscow or Tashkent, since such plans did not reflect the situation on the ground. Therefore, the production plan should take into account that each kolkhoz had different main products, location and soil features, i.e., the plan of the Soviet central agency and the kolkhoz's plan should be combined. According to Hwang Man Gum, production goals should be set per hectare for each area within the kolkhoz rather than be the same for the entire kolkhoz¹¹.

The "Politotdel" management committee made efforts to strengthen the capabilities and quality control of mid-level executives such as branch managers, work team leaders, work division leaders and mechanics based on their abilities and performance. Not only communists or close to the leadership were appointed. The management committee decided to limit the land plots of households, but the kolkhoz took responsibility for material security of the farm members; took measures to increase labor productivity through strengthening labor discipline, while paying attention to combining personal and social interests (Hwang Man Gum, 1962: 25).

In the early 1960s, the land area of the "Politotzel" was 5,577 hectares, of which 3,290 were cultivated, 427 were fallow lands, 195 —

10. Newspaper "Lenin's Banner", 24.02.1967; 18.01.1973; 30.05.1975.

11. Newspaper "Lenin's Banner", 15.12.1964. However, Hwang Man Gum's 32-year brilliant career as a leader of the millionaire kolkhoz "Politotdel" came to an end when he was arrested during his business trip to Moscow in December 1985. He was accused of being involved in the so-called Uzbek "cotton scandal". After three and a half years in prison, Hwang Man Gum was released in May 1989 as innocent, but then the Soviet Union, not to mention the "Politotdel", was in decline (Kim Brutt, 2019).

pastures, and 1,537 — grazing lands. The total number of members was 2,092, of which 1,598 were able-bodied¹². Of the cultivated land, 1,224 hectares were given over to kenaf, 405 — to cotton, 462 — to corn, and 419 — to alfalfa (Kozlov, Son Nin Pa, 1961: 4). During this period, the “Politotdel” had 14 combined work teams, i.e., tractor-field work teams: each of them, consisting of four cotton, seven kenaf, one vegetable-bean, one fiber crop-corn, and one corn group, was assigned a fixed amount of cultivated land, tractors, agricultural machinery, and livestock for a specified period of time (Khakimov, 1961: 8); each was given seasonal, monthly and ten-day tasks by the management committee and had to report their results to agronomists. The labor of all members and mechanics was calculated by the accounting staff. Members were paid a monthly advance, and a final settlement was made at the end of the year.

The kolkhoz party organization played a very important role in selecting and distributing talents in each sector and work team. The kolkhoz party secretary was considered a vice-chairman of the management committee. Although the party organization was basically ideological-political, its activities¹³ were not limited to propaganda or organization of kolkhoz members, i.e., the main task of the Soviet kolkhoz was to increase agricultural productivity, and the party organization took it for granted that the kolkhoz would serve that national task.

Agricultural and livestock productivity

Until the mid-1940s, the main crop of the “Politotdel” was rice, the traditional staple food of Koreans; however, later it mainly grew kenaf, cotton and corn, which were highly profitable crops. During the Soviet era, the Russian Republic was basically a grain producing region, and the state production plan was applied quite strictly, which made it difficult for kolkhozes to grow highly profitable crops. On the

12. Pensioners and students studying long-term programs at distant educational institutions were excluded from the list of able-bodied persons.

13. In the early 1960s, more than 80 party members worked as propagandists, instructors and reporters for the “Politotdel”. Many of them were leaders, foremen, teachers, doctors, engineers and kolkhoz innovators. They communicated and explained party and government decisions to farm workers and provided information on domestic and international situations. The center of such mass political activity were five propaganda offices especially active during election periods. The party organization published the wall newspaper “Thunderbolt” on the kolkhoz news and posted the results of the socialist competition on the notice board.

contrary, Central Asia, especially Uzbekistan, enjoyed the advantage of relatively flexible crop cultivation¹⁴.

The turning point in the simultaneous increase in productivity in both agricultural and livestock sectors of the “Politotdel” was the corn harvest that surprised the world in 1960. Lyubov Li’s corn brigade (work team) set an unprecedented record of 1,850 centners per hectare of green corn, which ensured a solid feed base for animal husbandry. This record became widely known in the USSR, and in 1962 the kolkhoz organized the “youth corn growing school” to disseminate Lyubov Li’s experience. In 1962–1963, more than 700 kolkhoz and sovkhoz members, including from other republics, completed these training courses (Pak Deok Yeon, 1963: 8–9).

Kenaf and cotton with their high productivity determined the continued growth of the millionaire kolkhoz. The average yield of kenaf, a source of industrial raw materials, increased from 36 centners in 1953 to 215 centners in 1961, and Cheon Chil Seong brigade got 264 centners — the world record at that time (Khakimov, 1961: 41). During this period, the total production of kenaf increased more than tenfold (Hwang Man Gum, 1962: 26), while cotton yields, due to advanced sowing methods and mechanization, reached 50 centners per hectare in 1961 (Hwang Man Gum, 1962: 39). In general, from 1953, the production of kenaf has increased 14.4 times, of meat — more than 50 times, wool — 34 times, eggs — 98 times in ten years (Hwang Man Gum, 1961: 6–9; Khakimov, 1961: 7–8). In the early 1960s, corn grower Li Lyubov, milker Kwon Ro Ja and pig breeder Nikolai Kim were the “three lighthouses” of increased productivity in the “Politotdel”, and this high productivity increased the total income of the kolkhoz 295 times — from 193,000 rubles in 1953 to 57 million rubles in 1960. In 1966, after the Soviet currency reform in 1961 (the nominal value was devalued by 1/10), total revenue amounted to 8,755,000 rubles, of which net profit — 1,706,400 rubles (Hwang Man Gum, 1962: 23).

In 1966, the total income of the “Politotdel” was 8,774,906 rubles, of which 7,774,629 came from crops, 1,878,815 — from cotton, and 839,333 — from livestock; the total expenditures amounted to 1,477,497 rubles, of which 290,707 were spent on mineral fertilizers, 44,555 — on pesticides, 59,448 — on seeds, 120,118 — on forage, 98,343 — on fuel, 148,375 — on insurance, 459,975 — to support personnel, and 105,436 — on the repair of tractors and agricultural machinery¹⁵. The distribution of net profit was as follows: income

Kim Chang Jin

Harvest of joy:

A study of the
Soviet Uzbekistan
Korean millionaire
kolkhoz “Politotdel”
(1925–1985)

14. This is why Uzbekistan had the largest share of advanced kolkhozes in the Soviet Union from the late 1930s (Ilyinykh, 2024: 109).

15. Central State Archive of the Uzbek SSR (1966). Collection 90, Inventory 10, File 1722, p. 127.

tax — 303,272 rubles, indivisible fund — 943,229, mutual aid fund and pension fund — 15,517, living and cultural fund — 269,287¹⁶.

In 1971, the total farmland of the “Politotdel” was 6,305 hectares (4,105 — irrigated land, 2,200 — arable land); it had 2,477 cows and 11,000 horses. As for agricultural machinery, there was a high level of mechanization — 225 tractors, 15 grain harvesting combines, more than 50 cotton collectors, 65 kenaf peelers, 110 cars, 226 electric motors, and more than 150 other units of equipment (Hwang Man Gum, 1977: 7).

In 1970, the average cotton yield in Uzbekistan was 27 centners per hectare, while the yield of the “Politotdel”, which started its cultivation only in 1958, was much higher — about 35 centners (economic yield was 25 centners per hectare¹⁷); the yield of kenaf reached 178 centners and of corn — 70 centners. In 1973, there were 1,800 hectares of cotton fields with the yield of 40 centners per hectare, and cotton harvesting was 93% mechanized¹⁸. As a result, in 1975 the total income of the “Politotdel” was 11 million rubles¹⁹. In 1984, the cotton yield reached 40.18 centners per hectare and kenaf yield — 235 centners; each cow produced 5,028 kg of milk and milk production more than doubled compared to the 1960s²⁰; thus, the total income of the kolkhoz in 1984 increased to 16,558,000 rubles²¹. In 1985, kenaf harvesting was fully mechanized (including fiber separators).

Table 1. Sown area of industrial crops and production²²

Crop	Sown area	Irrigation area	Total production	Average yield
Cotton	1,410	1,410	52,011	36
Kenaf				
Seed	140	140	921	6
Stem	1,595	1,595	286,554	179
Seed and stem	140	140	6,746	48

16. Central State Archive of the Uzbek SSR (1966). Collection 90, Inventory 10, File 1722, p. 128

17. Newspaper “Lenin’s Banner”, 30.06.1970.

18. Newspaper “Lenin’s Banner”, 25.10.1973.

19. Newspaper “Lenin’s Banner”, 14.01.1976.

20. Newspaper “Lenin’s Banner”, 06.02.1985.

21. Newspaper “Lenin’s Banner”, 02.02.1985.

22. Central State Archive of the Uzbek SSR (1966). Collection 90, Inventory 10, File 1722, p. 109.

Kim Chang Jin

Harvest of joy:

A study of the

Soviet Uzbekistan

Korean millionaire

kolkhoz “Politotdel”

(1925-1985)

By the mid-1960s, the “Politotdel” reached its peak — the highest level in terms of agricultural and livestock productivity and the standard of living even at the level of the Soviet Union, which was only ten years after 1953, when it was considered backward. The period of Brezhnev’s rule is called stagnation by Western historians, and the “Politotdel”, an advanced kolkhoz located near the capital of the Republic of Uzbekistan, was effectively responding to the challenges of accelerating urbanization and continuing growth. As of January 1, 1967, the “Politotdel” consisted of 2,297 households in 14 villages; the total number of kolkhoz members (regardless of participation in labor activities) was 5,988, with children — 11,623; 4,531 were able-bodied over 16 years of age (2,159 men, 2,372 women). There were 613 workers in the auxiliary enterprise, transportation and kolkhoz association (not engaged in agriculture), and 16 participants of various training courses.

There are several types of kolkhoz communal funds — indivisible, consumption, welfare, and cultural funds, of which indivisible fund is the economic basis of the kolkhoz system and financial resource for expanded reproduction. The source of these funds is cash income from the sale of agricultural produce. According to the Article 12 of the 1935 Kolkhoz Rules, the kolkhoz is to allocate 12–20% of its annual financial income to indivisible fund²³. The table below shows the trend of growth of indivisible fund in 1953–1960, when the “Politotdel” was turning from backward to advanced. From 1958, its results exceeded the standards set by the Kolkhoz Rules.

Table 2. Growth of indivisible funds: 1953–1960 (Hwang Man Gum, 1961: 27)

Year	1953	1958	1960
Deduction amount (in thousands of rubles)	29	627.7	1,374.4
Share of total income (%)	15.4	20	25

Consumption fund was mainly used for housing, leisure, education and cultural activities of villagers. If the kolkhoz wanted to pay additional pensions to retired members, a separate social security fund²⁴ was created. Cultural fund, which provided opportunities for recre-

23. Newspaper “Lenin’s Banner”, 13.09.1950.

24. According to the decision of the Soviet Cabinet of Ministers on September 4, 1964, kolkhozes were to deduct 2.5% of their total income in 1964 and 4% in 1965 to the social security fund. Pensioners working in kolkhozes or agricultural institutions were to receive full pension, regardless of their salary.

ation and attendance at artistic performances, also played a significant role. In 1966, the “Politotdel” paid 878 rubles to 23 elderly and disabled members and 376,302 rubles to 35 pregnant women; 2,319 rubles were allocated for the education of the talented youth, including 730 rubles in scholarships; 187,431 rubles were allocated for activities of cultural institutions and cultural events, 235 rubles — for filming movies and staging plays. The kolkhoz paid its members working in these sectors a salary of 137,212 rubles²⁵.

The high level of welfare in this Korean advanced kolkhoz can be clearly seen in health care, recreation and cultural life. In the mid-1960s, the “Politotdel” had a 100-bed hospital, a pharmacy, a clinic, six medical centers, a maternity hospital, four bathhouses (for 350–400 people) and a sanatorium (for 25 people per shift; for about 250–300 people per year)²⁶. The “Politotdel” and three neighboring Korean kolkhozes built a joint tuberculosis sanatorium (Hwang Man Gum, 1977: 111). In 1970, about 4,000 students were studying in one shift in the kolkhoz village schools. Each child’s stay in 13 kindergartens and nurseries from morning until evening was paid 200 rubles per year. Thus, the problem of preschool childcare and school education was completely resolved²⁷.

After the war, the Soviet rural policy can be summarized as “eliminating the gap between urban and rural areas” in terms of living standards. The “Politotdel” seemed to be an example of this policy. The advanced Korean kolkhoz in Central Asia reached the peak of the Soviet-style agricultural socialist civilization in the 1960s: people visiting the “Politotdel” were struck by the kolkhoz central village which resembled “a completely modern small town”: asphalt roads, green poplars on both sides of roads, two- and three-story school buildings, standard houses with all amenities, a beautiful cultural center, a clean hospital, and social service buildings, including a studio and a hairdressing salon. Residents lived in houses with four to six rooms, a kitchen, a bathroom, water supply, sewerage, gas facilities and a garden with flower beds and orchards. There was even a system for ordering groceries and snacks by phone, which were delivered right away. At the “happiness hall”, young people held weddings and the elderly held Korean-style 60th-birthday parties²⁸.

Club and cultural center were the busiest places in everyday life of the kolkhoz members: films were shown almost every day, youth balls were held, and various amateur art groups actively participated. In 1966, in the kolkhoz villages of the “Politotdel” there were 5 cultural centers and clubs with 2,627 seats, 3 libraries with 8,710 seats, 13

25. Central State Archive of the Uzbek SSR (1966). Collection 90, Inventory 10, File 1722, p. 133.

26. Newspaper “Lenin’s Banner”, 06.09.1967.

27. Newspaper “Lenin’s Banner”, 30.06.1970.

28. Newspaper “Lenin’s Banner”, 29.01.1967.

kindergartens and preschools (812 children), 9 schools (2,917 children), 1 shoe repair shop, 3 hairdressing salons, 1 health resort, 4 saunas, 1 restaurant, 1 bakery, 43 kolkhoz apartments with 3,790 residents, and 1 stadium with 7,000 seats²⁹. The "Politotdel" library, perhaps the largest in the Soviet countryside at that time, had four rooms on the second floor of the palace of culture, 13,000 volumes and 800 readers (the library was transferred to the district administration in 1987)³⁰.

In 1955, the Amateur Art Troupe, the Youth Dance Troupe (Concert Troupe), was organized for the kolkhoz youth. In 1970, it was awarded the title of People's Dance Troupe. This troupe had the composer Timofei Hwang as its music instructor and consisted of nine musicians (performers), four singers, and seven dancers. The average age of the troupe members was 22. Its singers, including the mechanic Vladimir Kang and the telephone company operator Yevgeny Hwang, had not only Korean and Japanese songs, but also Russian, Ukrainian, Romanian and Spanish, and even an Uzbek dance in the repertoire.

In 1976, the "Politotdel" had not only a palace of culture, an open-air cinema and a club but also eight branches of music school, five libraries and a dance research institute led by actors from the Navoi State Grand Theater in Tashkent. Every performance of the youth chorus was sold out (1,200 seats). The chorus was close to the level of a professional art troupe, and in 1976 it received the Lenin Communist Youth League (Komsomol) Prize for its great contribution to the cultural life of the rural working youth (Hwang Man Gum, 1961: 36). In the late 1970s, the "Politotdel" was the first in the district to introduce the position of deputy chairman for culture, responsible for cultural education, music school, stadium, dance studio and three ensembles including the youth one (the first deputy chairman was Moisei Huang³¹). Cultural workers had the same rights as agricultural, for example, all members of the youth dance troupe were provided with comfortable housing³².

The "Politotdel", an advanced kolkhoz in the late 1950s, was the most enthusiastic about sports activities among Korean kolkhozes. Already in the early 1960s, the size of its stadium was comparable to that of Tashkent's Pakhtakor, and it had a 30-member soccer team in the B-class of the Soviet Union League. In addition to football, which was their favourite sport, the kolkhoz youth enjoyed almost all sports, including basketball, volleyball, table tennis, tennis, bicycle racing, gymnastics, boxing, athletics, wrestling, sambo, weightlifting and janggi (Korean chess) (Hwang Man Gum, 1961: 36). The

29. Central State Archive of the Uzbek SSR (1966). Collection 90, Inventory 10, File 1722, p. 143.

30. Newspaper "Lenin's Banner", 07.06.1988.

31. Newspaper "Lenin's Banner", 21.12.1979.

32. Newspaper "Lenin's Banner", 10.07.1982.

“Politotdel” football team was so popular that spectators came to its matches even from Tashkent, and on match days, the kolkhoz working day was shortened, although workers were to complete their compulsory work.

In the early 1970s, in the “Politotdel” 350 young men and women participated in sports activities, including first- and second-class football players, athletes, wrestlers and tennis players. The kolkhoz had a well-equipped stadium with a capacity of 20,000 people, dormitories, restaurants and parking³³. Such exciting sports activities were organized by the sports council (Hwang Man Gum, 1962: 132). The new stadium of the kolkhoz was large enough for 12,000 people, which was rare even in small and medium-sized cities in the Soviet Union³⁴. The “Politotdel” created the first rural hockey team and built a sports complex at the kolkhoz level, in which 600 people from 11 sectors were engaged in sports activities. In the early 1980s, the kolkhoz sports department had 26 masters of sports, 23 candidates for masters, and about 70 first-class players³⁵.

Conclusion

The “Politotdel”, organized in 1925 on the banks of the Chirchik River in the Tashkent Region of Uzbekistan, made a qualitative leap in the early 1950s. Its key to the significant and rapid increase in agricultural and livestock productivity can be explained by the entrepreneurial spirit of its leader who focused on cultivating profitable crops, efficient labor organization in each sector, labor motivation of workers, developing agricultural infrastructure, mechanization through the purchase of many large agricultural machines, and scientific farming methods adapted to local conditions. In the 1950s, the “Politotdel” was a famous advanced kolkhoz in Uzbekistan, in the 1960s–1970s it became one of the most famous millionaire kolkhozes in the Soviet Union. During this period, like other advanced Korean kolkhozes, the “Politotdel” turned into a garden city, an “oasis” in arid lands of Central Asia. It was a typical example of a multi-ethnic peaceful community created by people who organized the kolkhoz production system, using institutional support of the state socialist system. Various production and social-cultural facilities of the “Politotdel” were created by joint labor of its members and the soviet-style commons³⁶ from which all villagers benefited jointly.

33. Newspaper “Lenin’s Banner”, 18.01.1973.

34. Newspaper “Lenin’s Banner”, 23.08.1968; 30.06.1970.

35. Newspaper “Lenin’s Banner”, 10.07.1982.

36. As a sociological concept, commons are not a commodity to be bought and sold but a basis for collective reproduction: community members can use commons according to mutually agreed rules and social norms and prac-

The "Politotdel" and other Korean millionaire kolkhozes accumulated common assets through the joint labor and cooperation of kolkhoz members and rural intellectuals, using both the state purchase system and the kolkhoz market mechanisms. Such kolkhozes did not rely solely on state support but formed community assets through their indivisible, consumption and cultural funds. They created a new social system in which opportunities and benefits were provided to all villagers by the multi-ethnic friendly community. Such kolkhozes can be considered innovators who created Soviet-style commons in the rural hybrid "bottom-up" economy, i.e., these were small kolkhoz cities with self-organized commons.

Thus, Soviet millionaire or advanced kolkhozes (from the mid-1930s to the 1980s) were peasant "from below" forms of relatively autonomous local socialism within the state socialist system, which developed through "harvests of joy". Numerous advanced kolkhozes had record yields exceeding the state production goals in agriculture, proving that productivity could be increased through the use and flexible application of the collective farm system. Advanced kolkhozes' villages were economically prosperous and socially peaceful (multi-ethnic) communities responding to the challenges of urbanization since the 1950s. However, in the late 1980s — early 1990s, as a result of the wave of dismantling and privatization of the Soviet economic system, most of the advanced kolkhozes disappeared into history along with the kolkhoz system³⁷.

References

- Bollier D. (2014) *Think Like a Commoner: A Short Introduction to the Life of the Commons*, New Society Publishers.
- Conquest R. (1986) *The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine*, Oxford University Press.
- Decisions of the Party and Government on Economic Issues (1917–1967), vol. 2. (In Russian)
- Guinan J., O'Neill M. (2019) *The Case for Community Wealth-Building*, Polity Press.
- Honneth A. (2011) *The Struggle for Recognition. The Moral Grammar of Social Conflicts*. Internet Archive. (In Korean)
- Hwang Man Gum (1961) *Collective Farm Turns to Communism*, Tashkent: State Publishing House. (In Russian)
- Hwang Man Gum (1962) *I Work and Only Work*, Moscow: Publishing House of Agricultural Literature. (In Russian)
- Hwang Man Gum (1977) *Kolkhoz "Politotdel"*, Moscow: Kolos. (In Russian)
- Hwang Man Gum (1977) *The Kolkhoz was a Polity*, Moscow: Kolos. (In Russian)

tices used to manage such resources (Bollier, 2014; Ostrom, 1990; Standing, 2021).

37. The "Politotdel" experienced a huge shock in 1985 when its legendary leader Hwang Man Gum was arrested in Moscow. After the collapse of the Soviet Union, in 1992, the kolkhoz was privatized and transformed into an agricultural enterprise "Dustlik (Friendship)".

- Hwang Man Gum (1981) *Bounty of the Land*, Tashkent: Uzbekistan. (In Russian)
- Hwang S. G. (1956) *Collective Farms with High Yields*, Almaty: Kazakhstan State Publishing House. (In Russian)
- Hwang Young Sam (2007) A review of the formation and development of the Korean economic community in Uzbekistan. *Historical and Cultural Studies*, vol. 26. (In Korean)
- Ilyinykh V. A. (2024) Collective farms in the USSR in the second half of the 1930s: Dynamics of monetary incomes, *Humanities of Siberia*, vol. 31, no 2, pp. 102–110. (In Russian)
- Jan Douwe van der Ploeg (2008) *The New Peasantries: Struggles for Autonomy and Sustainability in an Era of Empire and Globalization*, Routledge.
- Jan Douwe van der Ploeg (2013) *Peasants and the Art of Farming: A Chayanovian Manifesto*, Fernwood Publishing.
- Khakimov R. (1961) *Three Lighthouses of the Collective Farm*, Tashkent: State Publishing House of the Uzbek SSR. (In Russian)
- Kim Brutt (2019) *Hwang Man Gum: Through Olympus and Golgotha*, Tashkent: Baktria Press. (In Russian)
- Kim Brutt (2021) *Equal among the First*, Tashkent: Baktria Press. (In Russian)
- Kim Chang Jin (2024) “Lost paradise”: The phenomenon of Soviet Korean advanced kolkhozes in Central Asia. *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 2, 4. (In Russian)
- Kim Chang Jin (2025) The phenomenon of Soviet Korean millionaire kolkhozes in Central Asia: The Uzbek kolkhoz “Polar Star”. *Dongbang Hakji*, no 210. (In Korean)
- Kondrashin V. (1997) History of the village Lokh, *Peasant Studies. Theory. History. The Present Time*, Moscow: MSSES. (In Russian)
- Kostyashov Yu. (2015) *Everyday Life of the Post-War Village: From the History of the Reset-tled Kolkhoz in the Kaliningrad Region (1946–1953)*, Moscow: Political Encyclopedia. (In Russian)
- Kozlov V., Son Jin Pa (1961) *Struggle for the Integrated Development of the Economy*, Tashkent: State Publishing House of the Uzbek USSR. (In Russian)
- Lim Young-sang (2007) Korean kolkhoz in the Tashkent Province, Uzbekistan. *Historical and Cultural Studies*, vol. 26. (In Korean)
- Nikulin A. M. (2017) An omitted intellectual tradition: The Chaianov school on collective farming. Reconciling failure and success: Soviet elites and the collectivized village. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, vol. 65, no 3, pp. 423–444.
- Novik D. S., Shcherbakov A. P. (1939) *The Kolkhoz “Kazris”*, Almaty: Kazakhstan State Publishing House. (In Russian)
- Ostrom E. (1990) *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Pak Deok Yeon (1963) *The Golden Decade*, Tashkent: State Publishing House of the Uzbek USSR. (In Russian)
- Scott J. C. (1971) *The Moral Economy of the Peasant Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*, New Haven: Yale University Press.
- Scott J. C. (1985) *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*, New Haven: Yale University Press.
- Seong Dong Gi (2006) *Kim Byung Hwa: Immortal Korean Hero of Uzbekistan*, Seoul: Overseas Koreans Foundation. (In Korean)
- Shin D. V. (2021) *Soviet Koreans: Hero of Socialist Labor*, Moscow: Slavic-Korean Orthodox Society. (In Russian)
- Standing G. (2019) *Plunder of the Commons*, London: Penguin Books.
- Ten E. (2005) *The Legend of Kim Pen Hwa*, Tashkent: Istiklol. (In Russian)
- The Care Manifesto* (2020): *The Politics of Interdependence*, Verso.
- Tomlin V. N. (2021) *State and Collective Farms in 1946–1964*, Moscow: AIRO-XXI. (In Russian)
- Vanin Yu. V. (Ed.) (2006) *Kim Pen Hwa and the Kolkhoz “Polar Star”*, Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russian)
- Venzher V. G. (1965) *The Collective Farm System at the Present Stage*, Moscow: Economics. (In Russian)

Zamagni S., Zamagni B. (2010) *Cooperative Enterprise: Facing the Challenge of Globalization*, Edward Elgar Publishing.

Zaslavskaya T. I. (2000) Pages of creative biography. *Theoretical Heritage of Agricultural Economists of the 1950s — 1980s and the Contemporary Agricultural Reform. People, Ideas, Facts*, Moscow. (In Russian)

Kim Chang Jin
Harvest of joy:
A study of the
Soviet Uzbekistan
Korean millionaire
kolkhoz "Politotdel"
(1925-1985)

Урожай радости: исследование советско-узбекского корейского колхоза-миллионера «Политотдел» (1925–1985)

Ким Чан Чжин, доктор политических наук, профессор Университета Сунгконгэ. Ён Донгро, 320, Гуро Гу, Сеул, Корея. E-mail: koruskim@gmail.com

Аннотация. Данное исследование представляет собой попытку понять уникальную природу советского колхоза, который был одновременно сельскохозяйственной производственной единицей и ключевым институтом сельского сообщества. Вопрос о «передовых колхозах (миллионерах)» — один из тех, что раскрывают ограничения и преимущества советской колхозной системы в целом. Более того, именно опыт «передовых колхозов» (с середины 1930-х до 1980-х годов) позволил крестьянам развить форму местного социализма «снизу» через «урожаи радости», а не «урожаи печали». «Политотдел» был одним из самых известных корейских колхозов-миллионеров не только в Узбекистане, но и в Советском Союзе на протяжении почти тридцати лет с конца 1950-х годов. В 1953 году, когда его руководителем был избран Хван Ман Гум, обладавший сильным предпринимательским духом, «Политотдел» достиг поворотного момента и совершил скачок вперед за короткий период времени. Его секретами успеха были трудовая дисциплина, обеспечиваемая эффективной организацией труда и справедливой заработной платой, выращивание кенафа и хлопка в качестве основных прибыльных культур, механизация (приобретение крупной сельскохозяйственной техники после реорганизации МТС — машинно-тракторных станций) и прочная кормовая база (благодаря рекордному урожаю кукурузы). «Политотдел» и другие корейские колхозы-миллионеры в Центральной Азии накапливали общие активы местного сообщества в сотрудничестве с сельской интеллигенцией. Руководители колхозов, менеджеры среднего звена и фермеры «Политотдела» были не пассивными индивидами, просто подчинявшимися правилам государственной командной экономики, а новаторами, которые на протяжении десятилетий создавали в сельском обществе Узбекистана «общественные блага советского типа, управляемые снизу» мирными многонациональными общинами. Через исторический опыт передового колхоза можно понять те институциональные и практические особенности советского колхозного строя, которые не представлены в общей картине «провального колхозного строительства и сельской жизни».

Ключевые слова: советский колхоз, двойственность колхоза, борьба корейцев за признание, общественные блага, многонациональное мирное сообщество

Трудовые ресурсы из Узбекистана в развитии Нечерноземной зоны России (1975–1985 годы)

З. Р. Ишанходжаева

Замира Райимовна Ишанходжаева, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Узбекистана Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека. Узбекистан, 100174, Ташкент, Алмазарский район, ул. Университетская, д. Е-mail: zamira.i@rambler.ru

EDN: OJQHSC

Аннотация. Данная статья посвящена анализу роли трудовых ресурсов, прибывших из Узбекистана, в освоении Нечерноземной зоны РСФСР в 1975–1985 годах. Работа основана на материалах Национального архива Узбекистана, научной литературе, публикациях периодической печати исследуемого периода, а также нормативно-правовых актах центральных и республиканских органов власти СССР и Узбекской ССР. Автор рассматривает механизмы привлечения и использования узбекских трудовых ресурсов для реализации всесоюзной программы комплексного развития сельского хозяйства Нечерноземья. В статье представлен обстоятельный анализ документов, регламентировавших процесс переселения, организации труда и бытового устройства узбекистанцев в новых регионах. Определены цели, масштабы их участия и основные направления хозяйственного развития в рамках программы. Отдельное внимание уделяется выявленным проблемам, с которыми столкнулись переселенцы: трудности адаптации к климатическим и природным условиям Нечерноземья, социально-бытовые вызовы и организационно-управленческие просчеты, сопровождавшие реализацию проекта. Анализируются причины этих проблем: слабая подготовленность инфраструктуры на местах, недостатки в планировании и реализации мер по социальному обустройству переселенцев, а также ограниченное внимание к их национально-культурным особенностям. Проведенное исследование позволяет глубже понять специфику межрегиональных миграционных процессов в СССР, выявить механизмы взаимодействия между республиками и регионами, а также осмыслить социально-экономические и культурные последствия мобилизационных кампаний советского периода.

Ключевые слова: сотрудничество, экономика, Нечерноземье, мелиорация, ирригация, комплексное освоение, мелиораторы, инженеры, рабочие

Узбекистан и Россия — стратегические партнеры, которым удалось достичь весомых результатов в развитии всесторонних и многоплановых отношений, сформировать солидную договорно-правовую базу, охватывающую практически все направления сотрудничества. Между двумя государствами созданы механизмы эффективного взаимодействия по различным сферам в духе стратегического партнерства и союзничества. Активный политический диалог лидеров двух стран, основанный на принципах взаимного уважения

и доверия, позволил за короткие сроки существенно нарастить масштабы связей в экономической и культурно-гуманитарной сферах. В настоящее время продолжается системная работа по всемерному развитию сотрудничества в данных направлениях. Экономические связи Узбекистана с Россией и другими государствами СНГ имеют глубокие исторические корни и играют немаловажную роль в развитии как нашей республики, так и остальных стран Содружества.

Выходцы из Узбекистана внесли значительный вклад в создание и развитие мощной мелиоративной базы в Ивановской, Новгородской и Владимирской областях РСФСР. Их участие было особенно заметно в строительстве сельскохозяйственных комплексов и объектов культурно-бытового назначения, а также в передаче накопленного в республике опыта индустриальных методов ирригации и комплексного освоения земель. Благодаря труду и профессионализму множества специалистов из Узбекистана, командированных в эти регионы вплоть до 1987 года, были достигнуты значимые результаты в освоении сельскохозяйственного потенциала Нечерноземья. Этот трудовой вклад требует детального научного изучения.

Участие Узбекской ССР наряду с другими союзными республиками бывшего Советского Союза в процессе преобразования российской Нечерноземной зоны представляло собой закономерное явление и не являлось случайностью. Следует подчеркнуть, что узбекский народ на протяжении многих столетий накопил богатейший опыт в сфере ирригационного и мелиоративного строительства, получивший глубокое осмысление и научное обобщение в трудах таких выдающихся узбекских ученых, как Я. Г. Гулямов, А. Р. Мухаммеджанов и других представителей научной исторической школы Средней Азии (Гулямов, 1957; Мухаммеджанов, 1987). Этот уникальный опыт, берущий начало в многовековой практике ирригации в условиях орошаемого земледелия, был успешно востребован и творчески переосмыслен в советский период, в частности при освоении Голодной, Джизакской, Каршинской степей, а также Сурхан-Шерабадской долины (Аминова, 1967).

В контексте данной темы актуальным представляется привлечение трудов как отечественных, так и зарубежных исследователей, уделявших внимание вопросам трудовой миграции, регионального развития и демографической политики в СССР. Среди наиболее заметных российских специалистов, внесших значительный вклад в изучение процессов внутренней миграции трудовых ресурсов, стоит выделить Ж. А. Зайнчковскую, которая в своих фундаментальных исследованиях подробно анализировала межреспубликанские перемещения трудовых ресурсов, включая миграцию из республик Средней Азии в другие регионы СССР (Zayinchkovskaya, 2005). Не менее значимыми являются труды А. Г. Вишневского, видного демографа, изучавшего вопросы трудовых ресурсов, миграционных потоков и народонаселения СССР, в том числе процессы трансформации структуры рабочей силы с учетом участия республик Сред-

ней Азии (Вишневский, 2001). Среди зарубежных исследователей, в той или иной степени рассматривавших вопросы трудовой миграции населения среднеазиатских республик в регионы России, следует отметить Терри Мартина, сосредоточившегося в своих работах на изучении политики национального распределения труда и «коренизации», включая ее влияние на трудовые ресурсы республик Средней Азии (Martin, 2001). Значительное внимание вопросам трудовой мобилизации, миграции и социально-экономических трансформаций в Советском Союзе уделяет Льюис Сигельбаум, который в своих исследованиях подробно освещает распределение рабочей силы и механизмы ее перемещений в условиях централизованной экономики (Siegelbaum, 2008). Все эти исследователи затрагивают проблемы перемещения трудовых ресурсов как внутри отдельных регионов, так и в масштабе всего СССР, что позволяет рассматривать их труды как важную базу для комплексного анализа межреспубликанских миграционных процессов в годы советской индустриализации.

Цель и методы исследования

Поддержка, оказанная Узбекской ССР в освоении Нечерноземной зоны Российской Федерации, представляет собой уникальный пример масштабной мобилизации трудовых, материальных и интеллектуальных ресурсов в контексте реализации всесоюзных программ комплексного развития сельского хозяйства и инфраструктуры. В нем принимали участие не только непосредственно командированные специалисты и рабочие из Узбекистана, но и инженеры, научные сотрудники, проектировщики десятков промышленных предприятий, научно-исследовательских и проектных институтов, а также сотрудники профильных министерств и ведомств республики, что свидетельствует о высокой степени институциональной координации на уровне союзных и республиканских органов управления.

Принимая во внимание весь комплекс проблем, сопровождавших реализацию программы, — включая объективные трудности, вызванные климатическими и социально-экономическими условиями региона, а также субъективные управленческие издержки, — нельзя вместе с тем нивелировать значимость трудовых достижений узбекского народа на полях Нечерноземной зоны России. Эти достижения отражают не только профессионализм, самоотверженность и высокую степень ответственности специалистов, направленных на реализацию программы, но и демонстрируют высокий уровень межреспубликанской интеграции, ставшей одной из ключевых характеристик хозяйственного взаимодействия в рамках планово-административной системы народно-хозяйственного комплекса СССР.

Анализ архивных материалов, опубликованных статистических данных и свидетельств участников проектов позволяет утверждать, что программа освоения Нечерноземной зоны не только продемон-

стрировала возможности республиканских кадров и организаций, но и выявила институциональные проблемы, связанные с управлением миграцией трудовых ресурсов, координацией поставок материально-технических ресурсов и обеспечением социальной инфраструктуры для участников программы. Несмотря на все трудности, освоение Нечерноземной зоны Российской Федерации при участии Узбекской ССР оставило значимый след в истории межреспубликанского сотрудничества и стало важной вехой в развитии интеграционных процессов в рамках единого народно-хозяйственного комплекса Советского Союза.

Особую роль в структуре анализа занял историко-сравнительный метод, позволивший сопоставить процессы трудовой миграции из Узбекистана с аналогичными явлениями в других союзных республиках, а также проанализировать участие трудовых ресурсов республики в освоении различных регионов Советского Союза, включая Нечерноземье и целинные земли. Применение данного метода дало возможность выявить как общие закономерности, так и региональные и временные особенности миграционных процессов на различных этапах переселения: до, во время и после указанного периода. Источниковедческий анализ, основанный на критическом осмыслении и сопоставлении широкого круга документальных материалов — постановлений ЦК КПСС, Совета Министров СССР, союзных и республиканских министерств и ведомств, отчетов аграрных управлений, — позволил провести институциональную критику и реконструкцию нормативно-правовых механизмов реализации программ трудовой миграции и переселения. Количественно-статистический метод применялся для систематизации и обработки данных, представленных в материалах ЦСУ СССР, Госплана, союзных и республиканских министерств сельского хозяйства. С помощью данного метода удалось проанализировать такие ключевые показатели, как численность переселенцев, направленных и принятых на работу в Нечерноземье, площадь освоенных земель, количество построенного жилья, ферм, социальных объектов, а также динамику производительности труда, что позволило ретроспективно оценить эффективность реализации программы. Метод контент-анализа печатных и устных источников (газет «Правда Востока», «Известия», журналов «Коммунист», «Коммунист Узбекистана» и др.) дал возможность выявить ключевые дискурсы, идеологические клише и символические конструкции, связанные с темами трудового подвига, братства народов и социалистического строительства, а также проследить трансформацию коллективного восприятия трудовой миграции в массовом сознании. Социально-антропологический подход, реализованный посредством проведения интервью с непосредственными участниками освоения и переселения, позволил реконструировать историю повседневности на местах, проанализировать бытовые условия, процессы адаптации к новой социальной и культурной среде, а так-

же учесть этнопсихологические факторы, формировавшие особенности восприятия переселенцами специфики новой среды обитания.

Применение нарративного и биографического методов дало возможность интегрировать в исследование элементы личных историй переселенцев («малых историй»), писем, дневников и устных свидетельств, что позволило воспроизвести индивидуальные и коллективные судьбы и придать исследованию необходимую микроисторическую и культурно-антропологическую глубину. Использование проблемно-хронологического метода обеспечило возможность периодизации освоения Нечерноземной зоны в 1975–1985 годах: 1975–1978 годы — этап организационного становления программы и мобилизации ресурсов; 1979–1981 годы — пик ее реализации и наибольшего вовлечения трудовых ресурсов; 1982–1985 годы — этап спада, характеризовавшийся сокращением масштабов переселения и постепенным сворачиванием программы. Такой подход позволил не только выявить причинно-следственные связи, но и провести дискурсивный анализ механизмов реализации и итоговых результатов трудовой миграции по годам.

Таким образом, совокупное применение указанного комплекса методов дало возможность осуществить всестороннее, многомерное и детальное исследование рассматриваемой проблемы, выявить ее институциональные, социально-экономические и культурно-антропологические аспекты, а также воссоздать человеческое измерение исторического процесса освоения российской Нечерноземной зоны специалистами из Узбекской ССР, что существенно обогатило современное научное знание в области истории межреспубликанских миграционных процессов в СССР.

Аграрный кризис 1970-х и государственные программы развития Нечерноземья

К началу 1970-х годов в сельском хозяйстве СССР начали все отчетливее проявляться признаки стагнации, сопровождавшиеся нарастанием кризисных явлений. Причины столь сложной ситуации крылись прежде всего в утопичности коммунистической модели развития общества, в слабостях тоталитарной системы управления, административно-командных методах регулирования экономики, отсутствии рыночных механизмов и многоукладности в сельском хозяйстве. Все эти факторы объективного и субъективного характера серьезно тормозили развитие аграрного сектора, который в период с 1970 по 1975 год продемонстрировал крайне незначительный прирост валовой продукции — всего 6%. Наиболее остро кризисные тенденции проявились в сельском хозяйстве Россий-

ской Федерации, где за тот же период объем производства даже снизился на 4%¹.

Усугубляла ситуацию демографическая динамика в сельской местности: происходил интенсивный отток населения. Так, если в 1959 году в ней проживало 55,9 млн человек, то в 1966 году — уже 52,5 млн, в 1970 году — 49,1 млн, а к 1979 году — лишь 42,2 млн человек. Таким образом, за два десятилетия численность сельского населения Российской Федерации сократилась более чем на 13 млн человек². Вследствие этого шло запустение многих деревень, плодородные земли выводились из оборота или заболачивались, разрушались производственные мощности и социальная инфраструктура села.

Особенно остро эти процессы протекали в Нечерноземной зоне РСФСР, охватывавшей 29 областей и автономных республик Центрального, Северного, Северо-Западного, Волго-Вятского и Уральского экономических районов. В этом регионе проживало около 61 млн человек, что составляло 44% населения России. Сельскохозяйственные угодья на 1 января 1978 года составляли 48 млн гектаров, из них пашня занимала 32 млн гектаров. Здесь производилось около 40% молока и яиц, треть всего мяса, более половины картофеля, 33% овощей, примерно пятая часть зерна и почти вся продукция льноводства РСФСР³.

Нечерноземье представляло собой регион с огромным экономическим потенциалом, который, однако, использовался тогда далеко не полностью, а зачастую и крайне неэффективно. Значительные площади сельхозугодий нуждались в осушении, известковании, расчистке от кустарников и мелкоколесья. Требовалось укрепление материально-технической базы аграрного производства, улучшение жилищных условий и социально-культурного обслуживания сельского населения, а также развитие транспортной инфраструктуры (Шевельков, 2008).

Учитывая значимость российского Нечерноземья в народно-хозяйственном комплексе СССР, особенно в решении продовольственной проблемы, которая в те годы приобретала все большую остроту, ЦК КПСС и Совет Министров СССР 20 марта 1974 года приняли постановление «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР», а в последующие годы и ряд сопутствующих нормативных актов⁴. В этих докумен-

З.Р. Ишанходжаева
Трудовые ресурсы из Узбекистана в развитии Нечерноземной зоны России (1975–1985 годы)

1. Народное хозяйство СССР в 1980 г.: Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1981. С. 205.
2. Там же.
3. Там же. С. 11.
4. Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР: «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» (20.03.1974); «О дальнейшем развитии сельского хозяйства Московской области в 1981–1985 годах» (16.07.1979); «О дальнейшем комплексном развитии сельского хозяйства Ленинградской области в 1981–1985 гг.»

тах содержалась программа комплексного развития сельского хозяйства региона, а также предусматривался всесторонний экономический и социально-культурный прогресс одного из крупнейших районов страны.

Одной из ключевых государственных задач считалось обеспечение высоких темпов развития сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР за счет интенсивной мелиорации земель, комплексной механизации и химизации производства, широкого внедрения достижений науки и передового опыта.

Важным условием комплексного освоения региона было признано развитие строительной индустрии, включая создание предприятий по производству строительных материалов и изделий, необходимых для водохозяйственного, производственного и социального строительства. Также предусматривалось активное развитие транспортной инфраструктуры: строительство железных и автомобильных дорог, линий электропередачи и связи, водопроводов и газопроводов. Еще одним элементом программы было строительство современных оросительных систем и дренажных сетей, главной целью которых являлось повышение эффективности использования оросительных земель и предотвращение их заболачивания.

На основе этих решений перед органами управления сельским хозяйством, партийными и советскими структурами Российской Федерации, областей и автономных республик Нечерноземной зоны ставилась задача повышения эффективности сельскохозяйственного производства. Основными направлениями развития определялись рост производства зерновых культур, картофеля, овощей, льна и сахарной свеклы, а также приоритетное развитие молочно-мясного животноводства как ведущей отрасли региона. Наряду с этим планировалось активное развитие свиноводства, птицеводства и овцеводства. Для реализации программы в период 1976–1980 годов были выделены капитальные вложения и материально-технические ресурсы в размере 35 млрд рублей.

Особое внимание в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР уделялось мелиорации земель как ключевому компоненту долгосрочной программы развития сельского хозяйства. Согласно утвержденным планам, к 1990 году предполагалось завершить мелиорацию всех сельхозугодий региона, в том числе осушение 9–10 млн га, орошение 22,65 млн га и проведение культурно-технических работ на 10 млн га земель, не нуждающихся в осушении.

(16.10.1979); «О дальнейшем развитии и повышении эффективности сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР в 1981–1985 годах» (12.03.1981); «Об оказании шефской помощи в строительстве объектов сельского хозяйства и связанных с ним отраслей промышленности в Нечерноземной зоне РСФСР в 1981–1985 годах» (27.08.1981) / URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.09.2025).

Кроме производственной программы, документ предусматривал широкие меры по социальному развитию сельских населенных пунктов. Планировалось возведение благоустроенных поселков, усадеб совхозов, жилых домов, школ, интернатов, дошкольных учреждений, домов культуры, клубов, больниц, предприятий бытового обслуживания и других объектов социальной инфраструктуры. Также намечалось строительство более 25 тыс. километров автомобильных дорог с твердым покрытием.

Следует отметить, что руководство СССР в тот период было подвержено «гигантомании» — реализации масштабных проектов, таких как освоение целинных земель, строительство БАМа и других «строек коммунизма», на которых концентрировались значительные финансовые, материально-технические и человеческие ресурсы. Впоследствии выяснилось, что далеко не все эти проекты были экономически обоснованы и эффективно реализованы. Так, несмотря на значительные государственные инвестиции, направленные на развитие аграрной инфраструктуры, поставленная задача полного обеспечения продовольствием населения не была решена. Нараставший кризис экономики СССР, особенно заметный во второй половине 1980-х годов, наиболее болезненно отразился на Нечерноземной зоне как в экономическом, так и социальном аспектах.

Программа участия Узбекской ССР в освоении Нечерноземной зоны РСФСР

В условиях централизованного управления в СССР привлечение трудовых ресурсов других союзных республик, в том числе из Узбекистана, для освоения Нечерноземья было вполне закономерной практикой. Экономика региона рассматривалась в контексте единого народно-хозяйственного комплекса, которым управляли из центра. Руководящие политические и хозяйственные органы, зачастую без широкого участия республиканских структур, определяли основные направления и конкретные задачи социально-экономического развития СССР и обеспечивали проведение единой политики в этой сфере.

13 ноября 1974 года ЦК КП Узбекистана и Совет Министров республики приняли постановление № 531 «О мероприятиях министерств, ведомств, проектных и общественных организаций Узбекской ССР по оказанию шефской помощи Новгородской и Ивановской областям в выполнении постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1974 года за № 206 “О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР”». Постановление было подписано первым секретарем ЦК КП Узбекистана Ш. Рашидовым и председателем Совета Министров Н. Худайбердыевым. В документе содержалась программа

участия республики в освоении Нечерноземной зоны, предусматривавшая привлечение к этому процессу множества министерств, ведомств, общественных организаций и средств массовой информации. Руководство республики придавало шефской помощи большое значение и держало ее под постоянным контролем.

Вслед за этим постановлением был разработан и утвержден конкретный план мероприятий для Новгородской и Ивановской областей. В «Предложениях» министерств, ведомств и других организаций Узбекской ССР была четко определена ответственность каждого участника за строительство или выполнение работ, с указанием сроков и объектов в соответствующих регионах Нечерноземной зоны РСФСР. Так, по Новгородской области на 1974–1975 годы предусматривалось:

1. Министерству мелиорации и водного хозяйства Узбекской ССР, назначенному генеральным подрядчиком, поручалось строительство двух опорных баз для передвижных механизированных колонн (ПМК) в Шимском и Солецком районах, каждая из которых имела сметную стоимость порядка 160–162 млн рублей. Кроме того, планировалось возведение двух многоквартирных жилых домов (по 24 квартиры каждый) при базе ПМК в Шимском районе, создание оросительной системы на площади 500 гектаров в совхозе «Прожектор» и проведение мелиоративных мероприятий на аналогичных площадях. Помимо этого, на 1976–1980 годы намечалось строительство в Шимском районе опытно-показательного совхоза «Ташкентский» с профилем овощеводства и молочного животноводства, общей сметной стоимостью 25 млн рублей.

2. Строительному объединению «Узколхозстрой» поручалось возвести животноводческую ферму на 400 голов крупного рогатого скота в совхозе «Заря» Старорусского района, а также специализированный комплекс для откорма 4000 голов крупного рогатого скота в колхозе «Родина» Солецкого района. Объединению «Узсельхозтехника» и Министерству энергетики и электрификации Узбекской ССР предстояло выполнить монтажные и электромонтажные работы на объектах животноводческого производства в рамках субподрядных обязательств.

Особое внимание в «Предложениях» уделялось мелиорации земель как ключевому фактору повышения эффективности сельскохозяйственного производства в Нечерноземной зоне. В частности:

3. Министерству мелиорации и водного хозяйства Узбекской ССР поручалось оказать содействие в создании объединенной базы водохозяйственных организаций в поселке Мостищи под Новгородом. По согласованию с Главным управлением строительства водохозяйственных объектов Нечерноземной зоны Минводхоза СССР (Главнечерноземводстрой) и Новгородскими областными структурами предусматривалось продолжение мелиоративных работ в Шимском и Солецком районах, а также строительство жилья для работников водохозяйственных организаций.

В «Предложениях» были предусмотрены задачи и для работы Узбекской ССР во второй подшефной области — Ивановской. Так, в период 1975–1980 годов Главное управление строительства совхозов Средней Азии (Главсредазирсовхозстрой), назначенное генеральным подрядчиком, должно было построить в Ивановской области две опорные базы ПМК, жилые помещения общей площадью 20 тысяч квадратных метров и опорно-показательный совхоз животноводческого направления. В рамках десятой пятилетки Главсредазирсовхозстрою было поручено также строительство межобластной базы строительной индустрии Главнечерноземводстроя, включавшей завод по производству железобетонных изделий мощностью 80 тысяч кубометров продукции в год, а также базы ПМК с необходимыми жилыми поселками.

В рамках освоения новых земель в Ивановской области планировалось создание овощемолочного совхоза «Узбекистан» в Фурмановском районе, общей площадью пашни 6,6 тыс. гектаров. Проектом предусматривалось строительство молочного комплекса на 1200 голов крупного рогатого скота с последующим расширением до 2400 голов. Для обеспечения животноводческого комплекса кормовой базой планировалось провести мелиорацию земель общей площадью 3 тыс. гектаров, из которых 600 гектаров предназначались для выращивания овощей. Сметная стоимость совхоза вместе с центральной усадьбой и инженерными коммуникациями составляла от 25 до 26 млн рублей.

Мобилизация трудовых ресурсов и переселение

При освоении новых территорий особую актуальность приобрел вопрос обеспечения их трудовыми ресурсами. В тот период эта задача решалась в основном за счет организованного переселения трудящихся из других регионов СССР с последующим закреплением значительной их части на новых местах проживания и работы. Подобная практика успешно применялась в процессе освоения Голодной степи (Мирзачуля) в Узбекской ССР, куда прибывали переселенцы со всего Советского Союза. Несмотря на неблагоприятные климатические условия региона — экстремальные температуры, сильные ветра и суровые зимы — переселенцы активно участвовали в строительстве оросительных каналов, дорог, освоении земель, а также в создании и благоустройстве новых населенных пунктов. Благодаря их труду на месте пустынных земель появились новые города, поселки, промышленные предприятия, возделанные поля и сады.

Аналогичная ситуация сложилась и в Нечерноземной зоне России, где нехватка трудовых ресурсов ощущалась особенно остро. Для восполнения дефицита рабочей силы руководство СССР применяло политику организованного переселения, направляя

в регион трудящихся из других союзных республик, в том числе из Узбекистана.

Вопросы обеспечения трудовыми ресурсами подшефных областей Нечерноземной зоны РСФСР были учтены в постановлении ЦК Компартии и Совета Министров Узбекской ССР от 13 ноября 1974 года, принятом во исполнение директивы ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1974 года. В частности, постановлением предписывалось ежегодно направлять из Узбекистана по 200 квалифицированных молодых рабочих на постоянную работу в каждую из подшефных областей, а также формировать студенческие строительные отряды численностью по 500 человек для работы в летний период на объектах, возводимых узбекскими строительными организациями.

Кроме того, соответствующие поручения по комплектованию передвижных механизированных колонн (ПМК) квалифицированными кадрами были даны Главному управлению строительства совхозов Средней Азии, Министерству мелиорации и водного хозяйства Узбекской ССР и другим организациям, участвовавшим в освоении Нечерноземной зоны. В соответствии с этими решениями только за период с 1975 по 1977 год в Новгородскую и Ивановскую области было направлено около двух тысяч молодых специалистов из Узбекистана. Так, в начале 1975 года в эти регионы прибыло более 1300 добровольцев⁵.

Интересные сведения о кадровом обеспечении объектов в Нечерноземье содержатся в интервью с бывшим главным инженером треста «Узновгородводстрой» В. И. Блиновым:

«Сначала на Нечерноземье ехали добровольцы, потому что велась очень активная агитация через средства массовой информации. Позже, когда поток добровольцев стал сокращаться, Минводхоз республики стал рассылать разнарядки по областям Узбекистана, чтобы обеспечить трест «Узновгородводстрой» рабочими. Много специалистов отправили в Новгородский регион и Ташкентский институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства, и техникумы, которые направляли туда своих студентов на производственную практику. Сам трест направлял своих представителей в другие республики — в Прибалтику, Белоруссию, Молдавию, Ленинградскую область — для агитации рабочих из этих регионов. Почему именно там? Потому что население этих республик уже имело опыт работы в схожих климатических условиях. Кроме того, в Новгород прибывали рабочие по комсомольским путевкам. Мы также проводили агитацию в воинских частях»⁶.

Блинов отмечал, что в подразделениях треста трудились и местные рабочие.

5. Национальный архив Республики Узбекистан (далее — НАРУз). Ф. 837. Оп. 41. Д. 3359. Л. 27, 29.

6. «Коммунист Узбекистана». 1983. № 2. С. 32.

Таким образом, в освоении Нечерноземной зоны РСФСР принимали участие не только узбекистанцы, но и представители других союзных республик, а также местное население. Об этом свидетельствуют и архивные документы. Например, в 1978 году в тресте «Узновгородводстрой» Минводхоза Узбекской ССР работало 1637 человек, из них 662 — уроженцы Узбекистана; в 1983 году — 1979 человек, из которых 896 прибыли из республики; в 1984 году — 1837 человек (775 из Узбекистана), а в 1985 году — 2573 человека (1094 из Узбекистана). Эти данные показывают, что посланцы Узбекистана составляли менее половины от общего числа работников⁷. Между тем в официальных публикациях, например, в статье заведующего отделом водного хозяйства ЦК Компартии Узбекистана В. Сускина «Узбекистан — Нечерноземью», опубликованной в журнале «Коммунист Узбекистана», все работавшие в указанном тресте выдавались за «приехавших из Узбекистана», что фактически представляло собой искажение реальной картины⁸.

Таким образом, в регулярном режиме в освоении Нечерноземной зоны России участвовали несколько тысяч выходцев из Узбекистана. Однако сводные данные об их реальном количестве в официальных источниках отсутствуют или крайне ограничены. В частности, В. Сускин указывал, что на конец 1982 года в Нечерноземье трудились более 8,5 тысячи рабочих и служащих из Узбекистана, из них в подразделениях треста «Узновгородводстрой» — 3100 человек, треста «Ивановоирсовхозстрой» — 2830 человек, треста «Узвладмирводстрой» — 1430 человек, управления «Узпарфиноводстрой» — 950 человек. Однако архивные данные показывают, что среди них была значительная доля работников из других союзных республик и местного населения⁹.

Итак, можно констатировать, что участие представителей Узбекской ССР в освоении подшефных районов Нечерноземья осуществлялось в более умеренных масштабах, чем это зачастую показывалось в официальных публикациях. Вероятно, авторы таких публикаций сознательно обходили стороной этот вопрос, чтобы подчеркнуть масштабы столь известной тогда гигантомании. Тем не менее значимость вклада Узбекистана и его представителей в развитие Нечерноземья была довольно велика.

Текучесть кадров: масштаб и причины

Проблема кадров, как показывают исследованные документы и материалы, оставалась острой на протяжении почти всего периода работы в Нечерноземной зоне. Анализ показывает, что далеко не все

7. НАРУз. Ф. 837. Оп. 41. Д. 3359. Л. 27, 29.

8. «Коммунист Узбекистана». 1983. № 2. С. 29.

9. НАРУз. Ф. 2743. Оп. 1. Д. 2423. Л. 143.

специалисты, прибывшие из Узбекистана для работы в подшефных областях российского Нечерноземья, закреплялись на новом месте. Вследствие этого текучесть кадров была крайне высокой. Так, из 631 человека, направленного в 1978 году по комсомольским путевкам, к концу года на месте работы оставались лишь 59 человек, что дает 83% текучести. Причинами служили не только сложные погодные и климатические условия региона, но и ряд социальных факторов. В частности, ощущался острый дефицит благоустроенных общежитий для холостяков, жилья для семей и детских учреждений. Например, в 1978 году жильем были обеспечены лишь 24 семьи из 636, состоявших на очереди в тресте «Ивановоирсовхозстрой»¹⁰.

В процессе работы узбекские специалисты в Нечерноземной зоне сталкивались с многочисленными проблемами в организации общественного питания. Столовые работали с перебоями, отсутствовали водопроводы, а перебои с подачей электроэнергии были обычным явлением. Организация досуга также оставляла желать лучшего: клубы, где они имелись, зачастую оказывались закрыты — по вечерам или ограничивались показом старых кинофильмов и танцами под магнитофон. Поэтому приезд в Нечерноземье узбекских артистов театра, кино и ансамблей «Бахор», «Ялла» становился для работников настоящим праздником.

Проведенный нами анализ причин текучести кадров в тресте «Ивановоирсовхозстрой» в 1980 году показал следующую картину. При росте среднесписочной численности рабочих до 2476 человек, выбыло 1304 человека, из которых 916 уволились по собственному желанию, а 203 — за прогулы и иные нарушения трудовой дисциплины. Среди уволившихся по собственному желанию 299 человек ушли из-за неудовлетворенности социально-экономическими условиями труда, 106 — по бытовым причинам, 35 — из-за тяжелого физического труда, еще 35 — из-за изношенного оборудования, 37 — из-за вредности работы, 80 — из-за низкой оплаты труда, 29 — из-за невозможности работать по специальности, а 156 — из-за неудовлетворенности социально-бытовыми условиями. Таким образом, основной причиной текучести кадров являлось недовольство социально-экономическими условиями труда и быта. Существенное влияние на этот показатель оказывали также трудности работы на болотистых почвах региона, где мелиораторам приходилось приспосабливаться к проливным дождям и суровому климату¹¹.

Особенно тяжелыми были условия для работников системы «Госкомводстроя» Узбекской ССР в Новгородской области. Узбекские механизаторы имели значительный опыт работы в пустынях, включая передвижение барханов и освоение орошаемых земель, однако на бескрайних болотах Нечерноземья использование землеройной

10. НАРУз. Ф. 2743. Оп. 1. Д. 2423. Л. 143.

11. НАРУз. Ф. 2743. Оп. 1. Д. 2423. Л. 66.

техники сталкивалось с постоянным увязанием машин, высокой влажностью и частыми дождями, мешавшим работе. По словам бывшего главного инженера треста «Узновгородводстрой» Блинова, «основной причиной отъезда наших специалистов была неспособность привыкнуть к специфическим условиям работы, как бы они ни старались». Он отмечал, что за период с 1974 по 1987 год Министерство мелиорации и водного хозяйства Узбекской ССР направило в Нечерноземье около 50 тысяч человек, но закрепились на месте всего около 100 человек¹². Архивные документы подтверждают исключительно высокую текучесть кадров в тресте «Узновгородводстрой». Так, в 1976 году здесь было принято на работу 1215 человек, а уволено 1007; в 1978 году — 3458 человек приняли, а 3916 уволились; в 1980 году — 3150 и 3242 соответственно¹³.

Несмотря на кадровые проблемы, республика предпринимала все усилия для улучшения условий жизни своих специалистов. Так, в тресте «Ивановоирсовхозстрой» в 1981–1983 годах было сдано 1533 кв. м жилья. Трест «Узновгородводстрой» за период с середины 1970-х годов до конца 1982 года построил более 30 тыс. кв. м жилья для своих работников. В подшефных областях (Новгородская, Ивановская, Владимирская) отделы рабочего снабжения (ОРСы) создавали сеть столовых, магазинов, буфетов, обеспечивали горячее питание. Узбекская ССР поставляла своим специалистам овощи, фрукты, мясные продукты, консервы, растительное и животное масло, а также молочные продукты и промышленные товары.

Эти меры привели к определенным положительным результатам. Если в 1982 году текучесть кадров в тресте «Ивановоирсовхозстрой» составляла 42,2%, то в 1983 году, в год массовой сдачи жилья, она снизилась до 34,8%, а в 1985 году — до 30,5%. Таким образом, своевременные меры шефствующих организаций позволили частично сократить текучесть кадров. Однако проблема сохранялась и в последующие годы. Например, в 1984 году в трест «Ивановоирсовхозстрой» по комсомольским путевкам из Узбекистана прибыли 32 человека, но закрепились только 6; по организованному набору рабочих прибыли 52 человека, закрепились 21. В 1985 году по комсомольским путевкам приехали 43 человека, но на месте остались лишь 6, а из 63 человек, направленных по организованному набору, закрепились лишь пятеро¹⁴.

Высокий уровень текучести кадров наблюдался и в другой подшефной области — Новгородской. Так, в тресте «Узновгородводстрой» в 1981 году было принято 3421 человек, а уволено 2766; в 1982 году — 3588 и 3678 соответственно; в 1983 году — 3286 и 3370 (среди уволившихся 2361 человек прибыл из Узбекистана); в 1984 году — 2762 и 2904; в 1985 году — 3842 и 3117. Аналогичная тенденция от-

12. «Коммунист Узбекистана». 1983. № 2. С. 32.

13. НАРУз. Ф. 837. Оп. 41. Д. 3359. Л. 27–29.

14. НАРУз. Ф. 837. Оп. 41. Д. 3359. Л. 27–29.

мечалась и во Владимирской области. Там текучесть кадров в 1984 году составляла 44,7%, а в 1985-м — 20,4%¹⁵.

Проблемы профессиональной структуры и подготовки кадров

Значительная текучесть кадров, ставшая настоящей ахиллесовой пятой в реализации масштабной программы освоения российской Нечерноземной зоны, объясняется не только уже обозначенными выше объективными и субъективными факторами, но и некачественным подбором трудовых ресурсов, осуществлявшимся на местах органами организованного набора (оргнабора) и обкомами комсомола Узбекской ССР. Анализ архивных материалов и свидетельств участников процесса показывает, что зачастую на строительные и мелиоративные объекты Нечерноземья направлялись лица с судимостями, прогульщики, безработные, а также граждане, не имевшие профессиональной подготовки. Нередки были случаи, когда по комсомольским путевкам прибывали люди, чей возраст превышал 40 лет. Подобная формально-бюрократическая практика ответственных за подбор кадров организаций оборачивалась для республики существенными социально-экономическими издержками, поскольку способствовала высокой текучести рабочих и специалистов, что, в свою очередь, тормозило своевременное выполнение плановых заданий, возложенных на посланцев республики в процессе освоения так называемой «второй целины».

С целью анализа профессионального состава направленных в Нечерноземье трудовых ресурсов из Узбекистана можно обратиться к данным треста «Ивановоирсовхозстрой» за 1981 год. Согласно этим материалам, из числа 2301 специалиста, направленного в подшефные области, рабочие составляли 1646 человек, в том числе квалифицированные — 1507 человек. Из последних 715 человек представляли строительные профессии, 754 — механизаторские специальности, а 372 человека относились к инженерно-техническому персоналу¹⁶. Таким образом, основную массу прибывших составляли рабочие, однако среди них сохранялась значительная доля лиц, не имевших необходимой профессиональной квалификации.

Это обстоятельство обусловило потребность в организации системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров непосредственно на местах. С этой целью в подшефных областях начали функционировать учебные комбинаты, первый из которых был создан в 1976 году в тресте «Ивановоирсовхозстрой». Только в 1981 году в нем прошли подготовку экскаваторщи-

15. Текущий архив Министерства мелиорации и водного хозяйства РУз. Ф. 2483. Оп. 2. Д. 2486. Связка 201. С. 24, 126; Д. 6153. Связка 198. С. 39, 102; Д. 6562. С. 30; Д. 6498. С. 28–29; Д. 6939. С. 13, 24, 94.

16. НАРУз. Ф. 2743. Оп. 1. Д. 3444. Л. 33; Д. 4067. Л. 1.

ков, бульдозеристов и специалистов других востребованных профессий 179 человек, а еще 239 человек освоили вторые профессии¹⁷. Аналогичные меры принимались в учебных комбинатах треста «Узновгородводстрой» и управления «Узпарфиноводстрой», где ежегодно обучались около 180 квалифицированных рабочих. В тресте «Узвладимирводстрой» система подготовки рабочих функционировала с момента начала освоения Нечерноземья, ежегодно обеспечивая подготовку до двухсот и более человек. Однако, как показывают документы, запланированные задания по подготовке и переподготовке рабочих кадров зачастую оставались невыполненными¹⁸.

К концу исследуемого периода наблюдалась определенная положительная динамика в подготовке и переподготовке рабочих массовых профессий из числа посланцев Узбекистана. Так, если в учебном комбинате треста «Ивановирсовхозстрой» в 1982 году прошли подготовку и обучение вторым профессиям 459 человек, то уже в 1984 году это число увеличилось до 1166 человек. Обучение велось также на курсах при механизированных колоннах, где рабочие осваивали, например, профессии машинистов многоковшовых экскаваторов, что позволяло им оперативно включаться в эксплуатацию поступавшей новой техники. Принятые меры по профессиональной подготовке и переподготовке кадров заметно улучшили ситуацию с укомплектованием объектов квалифицированными специалистами. Например, если в 1983 году численность работающих в тресте «Ивановирсовхозстрой» составляла 2565 человек, включая 1846 рабочих, 835 механизаторов и 404 инженерно-технических работника, то уже в 1984 году эта численность возросла до 2649 человек, в том числе 1920 рабочих, 849 механизаторов, 904 рабочих строительных профессий и 405 инженерно-технических специалистов¹⁹.

Таким образом, проблема кадров на протяжении всего периода освоения узбекистанцами Нечерноземной зоны оставалась весьма актуальной. Несмотря на системные усилия по обеспечению объектов рабочей силой — путем мобилизации тысяч узбекистанцев, привлечения кадров из других республик и вербовки местного населения — потребности трестов в квалифицированных кадрах удовлетворялись лишь частично. Наибольшей проблемой продолжала оставаться крайне высокая текучесть кадров, что приводило к недоукомплектованности объектов строительства и мелиорации, замедлению темпов работ и, как следствие, к невыполнению в установленные сроки плановых заданий по освоению подшефных областей российской Нечерноземной зоны²⁰.

17. НАРУЗ. Ф. 2743. Оп. 1. Д. 3444. Л. 33; Д. 4067. Л. 1.

18. НАРУЗ. Ф. 2743. Оп. 1. Д. 3153. Л. 185.

19. НАРУЗ. Ф. 2743. Оп. 1. Д. 4067. Л. 4.

20. НАРУЗ. Ф. 2743. Оп. 1. Д. 4616. Л. 54.

ИСТОРИЯ

Таким образом, назревшие в советском сельском хозяйстве потребности перевода его на рельсы интенсивного развития, повышения эффективности производства за счет комплексной механизации, химизации и мелиорации земель, совершенствования организационно-управленческих структур, решения приоритетных задач в сфере животноводства и создания прочной кормовой базы обуславливали необходимость разработки и реализации масштабных целевых программ. Особенность подобных программ заключалась в их межотраслевом и межведомственном характере: к их формированию и выполнению привлекались многочисленные министерства, ведомства и отраслевые структуры, объединяя ресурсы и усилия для решения ключевых проблем народного хозяйства в строго определенные сроки.

Одной из таких целевых программ стала программа комплексного развития сельского хозяйства Нечерноземной зоны Российской Федерации, предполагавшая всесторонний прогресс региона, как в хозяйственно-экономическом, так и в социально-культурном аспектах. Следует отметить, что комплексный подход к освоению земель, противопоставленный практике последовательного (поэтапного) освоения — сначала водохозяйственное строительство, затем сельскохозяйственное освоение, — явился более прогрессивной и рациональной моделью, адекватно отражавшей потребности становления социально ориентированной экономики в новых условиях²¹.

Узбекская ССР, наряду с другими союзными республиками, оказывала значительную материально-техническую поддержку закрепленным за ней регионам российской Нечерноземной зоны, осуществляя поставки строительных материалов, мелиоративной и землеройной техники, а также строительного оборудования, зачастую преодолевая тысячи километров расстояния. Республика мобилизовала тысячи строителей, механизаторов и мелиораторов, которые, несмотря на непривычные для южных регионов суровые природно-климатические условия, проявляя упорство и самоотверженность, трудились на укрепление материально-технической базы сельскохозяйственного освоения подшефных областей РСФСР²².

На этом пути у узбекистанцев неизбежно возникали трудности как объективного, так и субъективного характера, существенно осложнявшие выполнение плановых заданий в установленные сроки и в предусмотренных объемах. Анализируя мировой опыт реализации аналогичных проектов, представляется рациональным использование вахтового метода организации труда, позволяющего контингенту, привыкшему к оседлому образу жизни, времен-

21. НАРУз. Ф. 2743. Оп. 1. Д. 4616. Л. 349; Д. 4897. Л. 135; Д. 5236. Л. 50.

22. «Строительная газета». 2 мая 1983.

но пребывать на территории Нечерноземья, а затем возвращаться на родину. Такой подход позволил бы более экономно расходовать трудовые ресурсы, бережнее относиться к уникальным специалистам-мелиораторам и ирригаторам, без участия которых полноценное освоение новых земель было бы невозможным.

Тем не менее, несмотря на все сложности, процесс освоения Нечерноземной зоны не прекращался ни на один день. Усилиями посланцев Узбекской ССР были возведены важные хозяйственные объекты, осуществлялось освоение земель, вводились в эксплуатацию промышленные и культурно-бытовые объекты. Таким образом, вклад специалистов из республики в развитие подшефных областей российской Нечерноземной зоны стал важной страницей в истории межреспубликанского сотрудничества и трудовых миграций в советский период истории Узбекистана.

Библиография

- Аминова Р. Х. и др. (ред.) (1967). История Узбекской ССР. В 4 т. Т. 3. Ташкент: Фан.
- Вишневский А. Г. (2001). Население России в XX веке: Исторические очерки. М.: Наука.
- Гулямов Я. Г. (1957). История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент: Изд-во АН УзССР.
- Мухаммеджанов А. Р. (1987). История орошения Бухарского оазиса. Ташкент: Фан.
- Шевельков А. И. (2008). Аграрная политика по развитию Нечерноземья в 1970–1980-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 9. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 180–199.
- Martin T. (2001). The Affirmative Action Empire. Ithaca: Cornell University Press.
- Siegelbaum L. H. (2008). Cars for Comrades. Ithaca: Cornell University Press.
- Tishkov V., Zayonchkovskaya Zh., Vitkovskaya G. (2005). Migration in the Countries of the Former Soviet Union. 2005. URL: https://www.iom.int/sites/g/files/tmzbd1486/files/jahia/webdav/site/myjahiasite/shared/shared/mainsite/policy_and_research/gcim/rs/RS3.pdf (дата обращения: 22.09.2025).

Labor resources from Uzbekistan in the development of Russia's Non-Black Earth Region (1975–1985)

Zamira R. *Ishankhodjaeva*, DSc (History), Professor, Department of History of Uzbekistan, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan. University St., 4, Almazar district, Tashkent, 100174, Uzbekistan. E-mail: zamira.i@rambler.ru

Abstract. The article considers the role of labor resources from Uzbekistan in the development of Russia's Non-Black Earth Region from 1975 to 1985 based on the materials from the National Archive of Uzbekistan, scientific literature, periodicals and normative-legal acts of the central and republican authorities of the USSR and the Uzbek SSR. The author describes the mechanisms of attracting and employing Uzbek labor resources in the all-Union program for the integrated development of agriculture in the Non-Black Earth Region. The article presents a detailed analysis of documents regulating resettlement, organization of labor and living conditions of Uzbek workers in new regions; of the goals, scope of participation and main directions of economic development within the program; of the problems of resettlers, including difficulties in adapting to the cli-

matic and natural conditions of the Non-Black Earth Region, social and everyday challenges, organizational and managerial shortcomings in the implementation of the project; of such causes of these problems as insufficient local infrastructure, shortcomings in planning and implementing measures for social integration of resettlers, limited attention to their national-cultural features. The study provides a deeper understanding of the interregional migration in the USSR, revealing mechanisms of interaction between republics and regions and explaining social-economic and cultural consequences of the Soviet mobilization campaigns.

Key words: cooperation, economy, Non-Black Earth Region, land reclamation, irrigation, integrated development, land reclamation workers, engineers, workers

References

- Aminova R.Kh. et al (Eds.) (1967) *Istoriya Uzbekskoi SSR. T. 3* [History of the Uzbek SSR. Vol. 3], Tashkent: Fan.
- Gulyamov Ya.G. (1957) *Istoriya orosheniya Khorezma s drevneishih vremen do nashih dney* [History of Irrigation in Khorezm from Ancient Times to the Present Day], Tashkent: Academy of Sciences of UzSSR.
- Martin T. (2001) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*, Ithaca: Cornell University Press.
- Mukhammadzhanov A. R. (1987) *Istoriya orosheniya Bukharskogo oazisa* [History of Irrigation in the Bukhara Oasis], Tashkent: Fan.
- Shevelkov A. I. (2008) Agrarnaya politika po razvitiyu Nechernozemya v 1970–1980-e gg. [Agrarian policy for the development of the Non-Black Earth Region in the 1970s–1980s]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost. Vyp. 9*, Ekaterinburg: Ural Federal University, pp. 180–199.
- Siegelbaum L. H. (2008) *Cars for Comrades: The Life of the Soviet Automobile*, Ithaca: Cornell University Press.
- Vishnevsky A. G. (2001) *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki* [Russia's Population in the 20th Century: Historical Essays], Moscow: Nauka.
- Tishkov V., Zayonchkovskaya Zh., Vitkovskaya G. (2005) *Migration in the Countries of the Former Soviet Union*. 2005. URL: https://www.iom.int/sites/g/files/tmzbd1486/files/jahia/webdav/site/myjahiasite/shared/shared/mainsite/policy_and_research/gcim/rs/RS3.pdf

“New” rural-agrarian movements in India: Continuities and shifts

S. K. Suthar, Sh. Singh

Sudhir Kumar Suthar, PhD (Political Science), Assistant Professor, Centre for Political Studies, Jawaharlal Nehru University, New Mehrauli Road, New Delhi, 110067, India. E-mail: sudhir131@gmail.com

Shailza Singh, PhD (Political Science), Associate Professor, Department of Political Science, Bharati College, University of Delhi, C-4, Dada Satram Mamtani Marg, Janakpuri, New Delhi, 110058, India. E-mail: shailza134@gmail.com

EDN: GTERCR

Abstract. Political mobilization of farmers in India has always interested and puzzled scholars studying agrarian change. The major political phenomenon in India's agrarian history were farmers movements in the 1980s, which showed the strength of organization and mobilization of such leaders as Mahindra Singh Tikait and Sharad Joshi. This phenomenon gradually faded away by the 1990s. However, in recent decades India once again witnessed farmers protests with three major demands: waiving off agricultural loans; more rationalized Minimum Support Price covering more crops and input costs; implementation of the Swaminathan Committee report's recommendations¹. The national magazine's cover called these protests “farmers revolt”. In the interview, Yogendra Yadav, a political activist associated with Swaraj Abhiyan, called them a historical moment and a move towards “peasant rebellion”. The article considers the nature of farmers mobilization from 2014 to 2020, focusing on the initial phase of this movement and emphasizing that farmers protests should not be seen as sporadic, scattered and short-term unrest, as they appear *prima facie*. Instead, these protests reflect a major shift in the nature of social movements in India in general and agrarian movements in particular, being different from the 1980s farmers movements. Recent protests show that the new rural youth want to reimagine Indian rural society, develops new methods of protests and negotiations and new class distinctions, considering diverse ideological positions on the rural-agrarian question. This new rural social class is against the right-wing populism and neo-populism of the 1980s farmers movements, but it is also against the Indian left-wing idea of modernity and the definition of rural India in terms of class politics. The authors argue that recent protests should be characterized as rural-agrarian rather than farmers, since they suggest the rural-agrarian dominance in the Indian political economy and define the new rural and post-green revolution as agrarian. Given the growing sense of losing identity under urbanization and corporatization, the new rural-agrarian class faces a serious existential threat that leads to protests and their culmination in the form of movement. The authors make some conclusions about this movement, highlighting its recent trends. The article consists of four sections: foundations of this movement evolution; concept of rural-agrarian movements; features

1. URL: <https://ruralindiaonline.org/article/all-reports-by-the-swaminathan-commission>.

of new farmers unrest, different from movements in the 1970s and 1980s; critical analysis in the context of existing theories.

Key words: political mobilization of farmers; India; new rural-agrarian movement; rural youth; farmers' protests; political economy; new rural social class

Preconditions for movements

The recent rural-farmer mobilization started after the killing of six farmers in the police firing in Mandsaur, Madhya Pradesh. After this news, farmers organizations in different parts of the country decided to develop a nationwide strategy of organized protest. About 150 organizations united in the All-Indian Kisan Sangharsh Committee (AIKSC), which was a historical political moment in the history of Indian democracy. Never before in the history of India farmers organizations worked together on a policy agenda for the countryside². The major feature of this political unity was that these organizations distanced from political parties and their mobilization agenda. The AIKSC decided to work on a common minimum program with a focus on protests and within a wider policy agenda — on implementing recommendations of the Swaminathan Committee report. Although farmers movements of the 1980s also claimed to keep away from political parties, they joined right-wing forces in different states. The AIKSCC not only refused to be associated with any party, but also welcomed participation of all parties, organizations and individuals — from left, right and centrist political forces, who agreed with its common minimum program. In fact, left organizations are the major mobilizing forces. The All-Indian Kisan Sabha (AIKS) and All-Indian Kisan Mahasabha (AIKMS) not only supported the movement but, unlike in the 1980s, actively involved in its mobilization. The AIKSCC also had various factions of Kshetkari Sangathana and Bhartiya Kisan Union (BKU).

The committee started its political activity by holding rallies in various parts of the country to mobilize farmers. Its major aim was to force the central government to adopt farmer friendly policies focusing on rural-agrarian development. The resistance had to be much stronger, since the government in Delhi lacked effective opposition. Rallies turned into the protest march to the national capital on November 20–21, in which thousands of farmers participated. The protest march was followed by the Kisan Sansad (farmers parliament) proposal of two major bills to waive off farmers loans.

What made these organizations come together and form this coalition? Many political leaders associated with the movement argued that Mandsaur was a trigger. Farmers unrest was the result of the

2. All Indian Kisan Sabha is an exception.

accumulated social-economic distress, on the one hand, and political negligence of this crucial issue, on the other hand. This rural unrest was against the state policies — state inability to ensure remunerative prices for farmers products and structural changes posing a threat to the rural-agrarian society.

One major point of this mobilization was the land question: the new government tried to make land acquisition easier to facilitate land grabbing for the corporate sector. In the times of economic crisis and unemployment accompanied by high inflation rates, land and agriculture are the only sources of survival and livelihood in the countryside. Increase in the number of farmers suicides, people’s protests against land acquisition (starting with West Bengal and then in Bhatata Parasaul), state unwillingness to even acknowledge the crisis led to rural-agrarian unrest in the last decade (Vasavi, 2012; Reddy, Mishra, 2009; Jodhka, 2006; 2014; Mohanty, 2005).

In the recent past, there have been movements to defend farmers right to land and livelihood and tribal communities right to forest and water³ (for instance, against land acquisition in the Niyamgiri and Kolapur districts of Orissa⁴, against giving Panna diamond mines to a private firm, small-scale resistance against the government’s attempts to use land near rural areas for urban waste dumps⁵). The final blow was when the central government made arbitrary modifications in the land acquisition act and tried to push it through a resolution. Many farmers from the south state of Tamil Nadu gathered at Jantar Mantar, Delhi, carrying human skulls and bones and holding dead rats in their mouth, which symbolized terrible economic conditions of Indian farmers. A month later farmers in the Sikar and Ganganagar districts of Rajasthan also protested against the government neglect of farmers issues. In the interview, Vijoo Krishnan, who works with the All-Indian Kisan Sabha, said: *“It is wrong to assume that these protests are sporadic and occurred suddenly. They are just a manifestation of farmers unrest against the way various governments have dealt with their concerns. In many states, the state had been proactively involved in giving land to corporations without taking farmers concerns into account”*.

Another major issue for rural economy is the killing of people involved in cattle trade in the name of *gauraksha*. People who depend on dairy business for their livelihood suffered the most. States like

3. Although the mainstream Hindi or English media did not report these movements, they mobilized many people against state’s interventions in the industrial corporate interests.
4. The movement in Niyamgiri was against land acquisition for the POSCO project, the movement in Kolapur — against the Vedanta project.
5. One such small movement has formed recently in the Ganganagar district of Rajasthan, where the government decided to use land for a waste dump. Villagers protested — organized sit ins and rallies in the district town in October 2017.

Rajasthan, with vast livestock population and developed dairy economy, faced serious challenges, which was a major cause of unrest and movement in Sikar. In the interview, Amra Ram, a leader of the movement in Sikar, explained: *“Economy of North and Central Rajasthan suffered major rural collapses due to violence against people involved in sale and purchase of cattle. When the government refuse to waive off loans and stopped providing jobs in the organized sector, on the one hand, and destroyed rural economy step by step, on the other hand, people were left with no choice but to fight back”*.

The third major shock for the rural-agrarian economy was demonetization (*notebandi*) which started on November 8, 2017, and was a huge blow to the already collapsing rural economy. India's rural-agrarian economy is largely cash-based with limited banking facilities and means of financial transactions. Government's decision to promote online transactions with mobile phones came as a shock to the rural economic transactions, blocking payments for seeds, labor and primarily for periodic purchase of food and other necessary goods for households⁶. In the interview, Mekhala Krishnamurthy mentioned the impact of demonetization on small traders of Harda mandi: *“Small-town agro-commercial capitalists in Madhya Pradesh witnessed their political currency undergoing a kind of demonetization in an ascendant economic regime favoring large-scale corporate capital”*⁷. Bhagirath Soni, a taxi-driver in a small town in the Hanu-mangarh district of Rajasthan (another major protest site) said: *“We don't know what happened but suddenly after notebandi everything stopped. People were afraid to withdraw money, even if they had it. It seemed as if money transactions stopped. Before I used to make enough money in this business for my family. Now it's impossible”*.

Government neglect of rural issues in general and farmers issues in particular led to mass unrest in the countryside, which was obvious during our visit to the Vidarbha region of Maharashtra in June 2017. In the interview, Santosh Lakshmanrao from the Yawatmal district of Vidarbha, mentioned this stress two months before rallies: *“Agriculture and rural society are in terrible condition. We don't know how to say it, but we know that the government doesn't take us seriously. The government works for big players and not for farmers and the poor. This will explode one day. When and how — I don't know”*. In the village Donoda, in which Lakshmanrao lives, there has been more than one suicide almost every year in the last decade. During our stay there, one of the younger villagers said: *“Take a picture of this person (pointing to the man standing next to him). He is going*

6. A collection of essays was published to critically analyze how demonetization had harmed rural-agrarian economy // URL: <https://culanth.org/fieldsights/1222-demonetization-critical-responses-to-india-s-cash-less-experiment>.

7. URL: <https://culanth.org/fieldsights/1209-trading-notes>.

to commit suicide soon... and one by one in the next few years we all will”. Another person standing next to him added: “*We are all graduates. We didn’t get a job after graduation — there were no jobs. Even if there were, one has to pay a lot to buy a job position, for which the farmer has to sell his land. We didn’t want to sell our land due to our emotional attachment to it and our village. We decided to continue with agriculture and live in the village. Now we are in agriculture with 3–4 acres of land, which is not enough for good living today. Nobody wants their daughters to marry boys like us, because we live in the village and we have no wealth. We all are not married although we are almost 30 years old... Our life is a waste*”. These words reflect deep anxiety, alienation and above all identity crisis of farmers in rural areas. When government decisions affect rural-agrarian economic structures, this leads to a social-cultural collapse — many people cannot cope with these structural changes.

Yashwant took part in the Kisan Sansad on November 21–22, organized by the AIKSCC. In the interview, Yashwant, a combine driver from the Sangrur district of Punjab, said: “*We have no choice but to fight. Have you ever heard about a bank taking action against an industrial debtor? But when a farmer fails to repay a loan for few months after paying it in time for two–three or more years, bank representatives start knocking on his door and threatening him... Our boys have no jobs. I came here for them. I so not care about results, but I am satisfied that I did my duty*”.

Many believe that the demand of some dominant castes for reservation in government positions is also a result of a growing sense of frustration and crisis of *pehchan* (a close English concept is identity). Villagers do not consider these protests as simple rallies or social movements. In the interview, Rajaram Singh from the All-Indian Kisan Mahasabha, an active partner of the AIKSCC, said: “*It’s the fight of rural-agrarian India for survival and identity. We have no other way but to protest*”.

Thus, exclusion, marginalization and neglect are essential to understand the evolution of recent movements. Their cumulative impact in the last decade in general and in the last three years in particular explains the ongoing rural-agrarian mobilization.

New gramin kisan biradari (rural-agrarian community)

The key analytical categories of the traditional approaches to rural-agrarian change are land, credit and resources (economic categories), caste, kinship and religion (sociological categories). Rural policies and farmers mobilization have also been explained within these theoretical frameworks. In the last two decades, “vanishing villages” (Gupta) and farmers gradually losing interest in agriculture have become major concerns in debates on agrarian change in India.

Many scholars, primarily sociologists, argue that the traditional category of “rural-agrarian” is not so useful for understanding social-political-economic change in the countryside. In contemporary neo-liberal India, the rural is not limited to the agrarian and vice-versa. According to Jodhka, “rural was largely seen as a homogenous entity without internal complexities, diversities and emerging changes in its internal structure both horizontally and vertically”. To show the nature of rural-agrarian change, Priyanshu Gupta and Manish Thakur argued that the classical political economy approach of rural-agrarian dominance is not so useful for understanding the “fundamental transformation of the village from the spatial habitat of the traditionally dominant to the waiting room for the aspiring and the despairing”.

However, in both global and Indian context, there is a reviving interest in the rural-agrarian. The crisis in Indian agriculture, attributed to the aftereffects of the green revolution (Shiva), growing role of global capital (Jha, Himanshu Kumar) and above all increasing rates of urbanization (Gupta), has determined concerns about the interpretation of the rural-agrarian, which many scholars consider a major reason for outmigration and increase in numbers of suicides in rural India. However, the new urban also faces challenges. Some of the major concerns about India’s uncontrolled urbanization are declining employment opportunities, air and water pollution, expansive and alienated individualized lifestyle. These challenges made some rural areas search for new ways to imagine the rural-agrarian instead of looking at urban spaces as the only destination for progress and better living.

Imagining the new rural is not about returning to the roots; it is also not confined to the agrarian rural. The new idea or the new rural is both economically and social-culturally diverse, it implies collective efforts to recreate the rural-agrarian with new social-cultural ethics and values. It is this desire of the new rural which brings people together to defend the rural-agrarian even though it is seen as a space of despair and non-profitable business. What attracts people in rural life is its social security, fresh air and vegetables, relatively less expensive lifestyle and a sense of community. Urban lifestyle and alienation, race for progress and money, high cost of living are some of the factors that discourage the rural youth from leaving rural spaces.

The existing category of farmers movements or peasant rebellion does not fully explain the changing character of the village society and contemporary movements. First, many protest participants were not farmers in a traditional sense: some did not own land (nor their families), many were not engaged in agriculture. Second, their clothes or dressing style was quite different from the traditional image of the farmer or peasant: most participants (especially in Mandasaur and even Delhi) were wearing paint-shirt, most leaders were not wearing the traditional farmer dress (like *dhoti kurta*). In fact, many participants were English speaking young people without any

experience of rural life. V. M. Singh, a leader in the AIKSC, is a Delhi University graduate; Yogendra Yadav and Avik Saha also are urban dwellers.

The current farmers movement consists of two social-economic groups: first, those engaged in agriculture for their livelihood and rural in their lifestyle — middle and small farmers, large farmers who have gradually joined the group of small farmers after the family division of land (according to Beitte, large farmers and landless workers do not fall into this category); second, a new class in rural spaces, which considers the rural as the new future. The term “new rural-agrarian” indicates the revival of rural-agrarian society in the Indian political discourse. This new imagination is not based on classical cultural ideas or cultural revivalism. The political economy logic of the rural as the future with a social-technical regime constitute this new rural. New rural movements represent a new political elite in the Indian countryside, which defines rural as a spatial center, agrarian as a cultural expression but also accepts some urban values and amenities. This new elite understands the regressive nature of rurality which needs to be addressed to develop new imagination.

Participants of mass farmers protests in Delhi in July and then November 2017 defined *“themselves not as farmers but as related to rural economy as an integral part of farming. They have relatives and friends among farmers, therefore believing that it is their moral duty to stand with them in these times of crisis”* (from the interview with Yashwant Kumar from the Baman village, Tehsil Akkalkuwa, Maharashtra). Similarly, in Nagpur we met young people who wanted to go back to their villages provided they got some economic security. Although they were critical about village life, they were also aware of discrimination and alienation in urban spaces. Prakash, a participant of the movement from Tamil Nadu, who could not complete his engineering studies due to crop failure and inability to pay off his bank loan, said: *“People move to urban areas, seeking new opportunities, but all of them are dissatisfied. They got nothing. Even my family tried it. Many others did. Many families are at a loss. Our future is rural not urban. What should we do in cities? We cannot even rent a house. In our village, we had a house and respectable living. In city nobody knows you”*. Sudhakar, who graduated from university, opened a dairy farm and spent a month on the streets of Delhi, said: *“I am here for my sons. I want to give them a decent life which is possible only in village. They should go out, study, learn new things, but village gives you a natural life. My parents gave me that and I want to give this to my children. It’s not a fight for money; it’s a fight for prestige and rural survival”*.

Unlike the rural elite of the 1980s and 1990s, which also defended traditional rural customs and structures, this new rural class accepts the fact that village society needs to be changed. What connects this new elite with the rural is not the economic relationship

*S. K. Suthar,
Sh. Singh
“New” rural-
agrarian
movements in
India: Continuities
and shifts*

with the agrarian sector but social-cultural ties, everyday practices and sense of belonging manifested in public spaces, rural communities and new forms of political mobilization as new connecting factors. Unlike other countries, India's new peasantry and idea of the rural are not developed in urban centers but by villagers that do not have job or have job in the nearby urban center, i.e., every day they travel to work and back to the village. The new movement also attracts people from the organized sector, who consider the countryside as their permanent settlement, and the rural youth associated with the rural-agrarian even if not engaged in agriculture. As V. M. Singh, the major political leader in the All-Indian Kisan Sangharsh Coordination Committee, said: *"In the oath after the Kisan Sansad we promised that we are one biradari (community), i.e., kisan biradari, and not any other caste or religion (as a community identity). We understand that to build a united movement it is necessary to have a common identity that does not cause disagreement. Moreover, a consensus is emerging among people on this issue. We cannot be the same as we were two or three decades ago"*.

Although capitalist development of Indian agriculture can be considered a factor of the new rural-agrarian, as Marxists scholars would argue, there are other crucial factors of this phenomenon. Indian rural-agrarian change has its own trajectory different from the western logic of capitalist agriculture as determining class consciousness. Diversification logic is not fully suitable for the Indian context (in some backward regions, the mode of production debate is still relevant, but in many other parts of India it is not a methodologically useful concept). Farmers in India learned to balance the self-sustaining agriculture and capitalist accumulation. Most farmers grow commercial crops for market needs but also produce food essential for their own consumption and strive to diversify their sources of income without giving up agriculture.

Thus, the two major determinants of this new rural-agrarian can be seen as independent analytical categories. First factor is the strong non-farm economy that has facilitated diversification of rural economy and paved the way for the village-city interaction in both economic and cultural terms, which provided rural population with access to urban services in rural areas and opened up rural culture to urban values. This process determined consumerist trends in rural society, but it also helped the rural youth overcome some traditional rural prejudices, especially the caste division. The use of technologies in various spheres of life including agriculture also affected agrarian relations. For instance, mobile phones changed the way of mobilizing agricultural labor, other technologies, including gadgets available for rent, changed the nature of inter-family relations in rural areas. The second major determinant of the new rural-agrarian is the gradual withdrawal of the state from organized rural employment, and what further complicates this process is the growing participation

of marginalized rural groups due to the policy of reservation. This has helped to change the social fabric of rural life: the marginalized groups previously associated with the reservation policy are now economically better off and started to demand reservations in government agencies (movements in Haryana, Gujarat and Maharashtra).

In Punjab, Tamil Nadu, Gujarat, Rajasthan and Karnataka, there are efforts to revive villages in new ways. In Punjab, such efforts are made by villagers. In some states, the government has played a proactive part, for instance, in Kerala the government invested in projecting the rural as a popular cultural tourist destination (idea of a model village). Similarly, some Punjab villages are new destinations for week-end holidays and outings. The government of Rajasthan made similar efforts. These policies aim at both developing the rural as tourist or cultural destinations and reviving the rural-agrarian as a collective space.

Moreover, social-economic changes affected traditional rural elites by facilitating integration of weaker groups into the rural society and economy. The new rural elite recognize the role of marginalized groups in democratization of the country. Demographically, this is new rural youth (mainly men) associated with the capitalist mode of industrial production or service sector. They cannot be placed in the traditional upper-caste, bullock capitalists, rural-rich or *kulaks* (some scholars explained India's agrarian change in the 1960s–1970s with these categories that mainly describe the new elite in rural India, which was a major beneficiary of the green revolution). These new youth are not economically strong and work on farms but share the requests of farmers (including tenants or sharecroppers) and rural population⁸. The new rural imagination of the Indian youth does not necessarily come from the middle peasantry or intermediary classes, as Lenin claimed, — rather from various social-economic categories (primarily marginal farmers) of rural India and semi-urban centers that have developed in recent decades and manifest certain features of “new rurality” (Jodhka) as embedded in the agrarian sector and the rural as a social-cultural space.

The current farmers movements can be interpreted as a political expression of this new rural elite that uses different and new strategies of political mobilization. They wear jeans and t-shirts, use social media to spread their political agenda, are interested in innovations in agricultural production, are trained in management, rural development and technological advances in agriculture; moreover, they know legal provisions concerning the agricultural sector and social securi-

8. Surinder Jodhka (2014; 2016) proposed a new social methodology to address some of these complexities in the Indian society, economy and politics. See also the seminar presentation of Jodhka, highlighting the category of diversification in villages as not necessarily agrarian // URL: www.ruraagrarianstudie.org.

ty programs. One main reason why these progressive groups receive huge support is growing dissatisfaction with the right-wing populism (nationalism, issues of *gauraksha*, *notebandi*, the prime minister's election promises of waiving off farmers loans or doubling farmers incomes). Thus, the new political movement receives support not only of farmers but of different social-economic groups. Contrary to the ruling party's claim of representing the masses (as populist regimes globally claim), India's rural-agrarian population has questioned the cultural narrative of exclusion and marginalization of few religious and social groups.

Mass protests in the Sikar district of Rajasthan are an example of this kind of political mobilization. Protests in Sikar started with farmers who demanded to waive off loans; gradually people from all groups, including bus drivers, grain merchants, shopkeepers, auto rickshaw drivers and so on, joined farmers — both men and women. This movement was a remarkable example of an entire district peacefully defending its position. In the interview, Amra Ram, a leader of the All-Indian Kisan Sabha and a leader of this movement, said: *“Everyone realizes that the rural-agrarian is in a deep crisis. India is a rural society which is largely agrarian. The youth don't see any other future but fighting for the survival of rural India. They also understand the need to change if this fight is won. This understanding of the need for resistance led this movement to success”*.

Thus, the current rural-agrarian movement indicates a new politics for rural India and agriculture, which is based on the new idea of the rural. Similarly, today's notion of agriculture also differs from the green revolution's idea of profitable agriculture: new agriculture needs more state support and new ideas, on the one hand, and protection of natural resources and care for public health, on the other hand.

Old and new farmers movements and new rural-agrarian movements

One major development in the Indian politics in general and farmers politics in particular is the changed ideological understanding of agrarian change. The current movement is an amalgamation of existing conflicting perspectives based on serious intellectual rethinking on the part of left-wing and farmers organizations (but not right-wing circles).

Farmers and villagers resistance during the 1960s–1970s was largely based on the Marxist-Leninist understanding of class relations and agrarian change. In this understanding capitalist development of agriculture was to determine social transformations in society — capitalist agriculture would gradually replace feudal primordial identities with class identities (Mohanty), and such a change was to be led by the middle peasantry. This idea was questioned by other

Marxist scholars like Utsa Patnaik (Patnaik, Thorner) who argued, referring to Chayanov’s works, that Indian agriculture should not follow the European path. However, it was mainly Marxist ideology that made land redistribution its primary political demand. Such movements were largely led by the educated upper caste and urban-rich class, who could better explain the nature of rural change in India after independence (Lershee et al).

Agrarian politics changed in the late 1980s, when farmers movements took a populist turn demanding more benefits from the state. Compared to the left-wing movements of previous decades, these new movements were qualitatively different — as “new farmers movements” (united large and small farmers), but neither marginal farmers nor landless workers were a part of political agenda of these movements. Many scholars considered them populist with a Hindu right-wing cultural orientation in their mobilization strategies (Brass, 1995; Hasan, 1999; Assadi, 1985; Omvedt, 1999). They had no clear perspectives on the issues of labor and caste, and their everyday practices were close to the right-wing political ideology (Gupta, 1997).

The current forms of protests can be seen as an amalgamation of the previous types of movements. In the interview, Vijay Jawandia, a farmer leader of Maharashtra, who worked with the KSS, said: *“The left in India believe that a farmer is a farmer, regardless of land size and nature of production. Farmers from all castes and classes suffer from similar forms of discrimination and exclusion. Similarly, farmers movements realized that the left opposition to globalization and Indian agricultural integration into the global economy was not baseless. Today we see the impact of this integration. This understanding can change the face of farmers politics in India”*. Vijay Jawandia said this few months before the strengthening of farmers movements started. In one interview, Yogendra Yadav, a leader of the Jai Kisan Aandolan, said: *“This is for the first time in the history of India that red and green farmers organizations stand together”*.

In the 1980s, movements were largely based on farmers demands on the Indian state. Under economic reforms, leaders of these movements welcomed Indian agricultural integration into the global economy, failing to realize that this integration would threaten farmers by supporting corporate farming and state withdrawal from the rural-agrarian sector. In addition, movements in the 1980s ignored the tribal question and the role of women in India’s agricultural change. Today, what unites 184 farmers organizations of India is the plight of agriculture, rural communities and spaces. To begin and to avoid any conflict of interest between various social-economic groups of rural society, the AIKSC chose this name and a minimum agenda as policy demands. Various organizations abandoned their demands for labor reforms, tenancy rights and land reforms to strengthen the movement, just as did organizations ignoring the demands of landless workers and focusing on the demands of large and middle farmers. Thus, var-

ious groups could successfully develop a common minimum program to form a united movement, which is a politically positive step. Various traditional distinctions (regional, caste, language, etc.) were not allowed to break this unity (albeit only for few months).

The nature of current movements in India and their political character question the dominant traditional understanding of agrarian politics. Compared to transnational agrarian movements in South America and other parts of the world, India's movements are unique in many respects (Edelman). Unlike South America or Russia, where agriculture is not accompanied by large rural population, the Indian agrarian question is not merely economic but also social-cultural; unlike China, India develops liberal democracy. One of the major achievements of India's movements is their conceptual challenge to the idea of authoritarian populism which is defined as "politics of a struggle between 'the people' and some combination of malevolent, racialized and/or unfairly advantaged 'Other' at home or abroad or both; it justified interventions in the name of 'taking back control' in favor of 'the people'⁹, returning the nation to 'greatness' or 'health' after real or imagined degeneration attributed to those others"¹⁰.

The corporate-politician nexus threatens the development of any political alternative. In the times of political crisis, such a movement is a ray of hope. People from all social groups and regions came together, gathered in the national capital and made their presence visible, which nobody could have imagined a decade ago. The left-wing political groups in India have learnt much from their experience of the rural-agrarian politics. As Vijoo Krishnana said, *"the left demands of the 1960s and 1980s are not relevant anymore. We cannot demand the distribution of land we used to demand two decades ago. The nature of labor in the agrarian sector has also changed. Farmers of the 1970s and 1980s are now marginal. The social-economic context of our demands has changed. Today we need to speak about natural resources, tenant farmers, people belonging to different caste groups, and we have succeeded in doing so. Above all, we have been trying to highlight the increasing intervention of global capital and its impact on rural economy"*. Other political groups agreed with some ideas of the left-wing organizations.

The current movement seems to question the right-wing shift. When assessing the possibility of the movement falling into the hands of the right-wing forces, as happened with the BKU, V. M. Singh said: *"The right-wing shift in the 1980s–1990s was determined by certain factors affecting movements at that time. To form a political opposition to the Congress party, they aligned with the right-wing forces. However, unlike those movements, the current movement aims at exposing the lies of the ruling right-wing government and party. In*

9. From the Indian Prime Minister announcement of demonetization.

10. Indian debates on nationalism in the last two years are the best example.

other words, the contemporary farmers movement denies that kind of politics and tries to expose its lies to the people; therefore, we are in opposition to that kind of politics”.

In addition to differences in the political agenda, there are differences in the social character of both phases. In the 1990s, the movement supported the *kisan* identity as opposing the urban elite identity. One could see *kisan* leaders wearing *dhoti* and *topi* and speaking their local languages. Sharad Joshi, a popular farmer leader from Maharashtra, identified a fundamental contradiction — “Bharat (rural India) versus India (cities and urban lifestyle)”. This difference was clearly visible in all forms of farmers protests. However, the current movements are very different in nature: most of their leaders are very well educated and trained in the political language; their mobilization strategies are both different and innovative. The very idea of the Kisan Sansad was innovative” it was expected to begin on November 20–21 simultaneously with the parliament session: the Indian Parliament did not convene a meeting, but the farmers decided to implement their agenda, and 534 (equal to the members of the parliament) delegates gathered — women from various parts of the country, most of them had lost a family member due to suicide. Thereby, this ‘parliament’ was a symbolic recognition of women’s question as an essential part of the rural-agrarian question. The rejection of caste identity and demands against the government’s anti-poor cattle policies are also emblematic of an alternative political agenda.

S. K. Suthar,
Sh. Singh
“New” rural-
agrarian
movements in
India: Continuities
and shifts

Some critical remarks

Despite the initial momentum and partial success of the AIKSCC, there are few critical issues to be addressed. First, the AIKSCC alone has not achieved anything for farmers in terms of the state policy (in Maharashtra it was led by Raju Shetty, in Rajasthan — by the AIKS). Individual movements have succeeded in forcing state governments to accept their demand for waiving off loans and for reworking their formula for deciding the MSP. However, the central government did not make any concessions to any of the AIKSCC’s demands.

Second, like farmers movements in the 1980s, the contemporary movements have shown their ability to negotiate with the state (Suthar, 2025). However, the major challenge of the era of neo-liberal economy is to negotiate with the state and to achieve the implementation of one’s program. Any rural-agrarian political movement cannot survive without formulating its position on two crucial issues: how to involve the state in the rural-agricultural economy and how to resist corporations and prevent their gradual seizure of resources. The present movement successfully resolved the first question but failed to resolve the second one — what role the market should play in the rural-agrarian sector and how to fight the corporate cap-

ital (only left-wing groups but not the AIKSCC works on resolving these questions). In the recent past, the left-wing organizations proposed some ways to counteract the growing role of corporate capital in land acquisition and even tried to rework their approach based on rural social structures by addressing various castes and classes and all groups of farmers.

What makes the current movement politically and socially special is its mobilization strategies. Unlike few effective movements (like anti-corruption movement or the right to information movement), this movement was not created by NGOs but by ordinary people like the people of Mandsaur. Although the AIKSCC did have some NGOs as their partner organizations; however, their number is too small compared to political organizations representing farmers. What reminds of the 1980s is the threat to the current movement: rural-agrarian movements tend to fall into the hands of populist forces mobilizing in the name of nationalism or cultural preservation. We will have to see if the 'new' rural elite can say no to such political forces.

References

- Balagopal K. (1987) An ideology for the provincial propertied class. *Economic & Political Weekly*, vol. 22, no 50, pp. 1544–1546.
- Brass T. (1995) *New Farmers' Movements in India*, Oregon: Frank Cass and Company Ltd.
- Gill S. S. (1985) Genesis of Punjab problem. Samiuddin A. (Ed.). *The Punjab Crisis: Challenge and Response*, Delhi: Mittal Publishers.
- Gupta D. (1997) *Rivalry and Brotherhood: Politics in the Life of Farmers in Northern India*, Delhi: Oxford University Press.
- Gupta D. (2005) Whither the Indian village: Culture and agriculture in 'rural' India. *Economic & Political Weekly*, vol. 40, no 8, pp. 751–758.
- Gupta D. (2015) The importance of being 'rurban': Tracking changes in a traditional setting. *Economic & Political Weekly*, vol. 50, no 24, pp. 37–43.
- Gupta P., Thakur M. (2017) The changing rural-agrarian dominance: A conceptual excursus. *Sociological Bulletin*, vol. 66, no 1, pp. 42–57.
- Gurunani S., Dasgupa R. (2018) Frontier urbanism: Urbanization beyond cities in South Asia. *Economic & Political Weekly*, vol. 53, no 12, pp. 41–45.
- Harriss-White B., Shah A. (2011) Resurrecting scholarships on agrarian transformations. *Economic & Political Weekly*, vol. 46, no 39, pp. 13–18.
- Himanshu P. J., Rodgers G. (2018) *The Changing Village in India: Insights from Longitudinal Research*, Delhi: Oxford University Press.
- Jodhka S. (2006) Beyond 'crises': Rethinking contemporary Punjab agriculture. *Economic & Political Weekly*, vol. 41, no 16, pp. 1530–1537.
- Jodhka S. (2014) Emergent ruralities: Revisiting village life and agrarian change in Haryana. *Economic & Political Weekly*, vol. 49, no 26–27, pp. 5–17.
- Jodhka S. (2016) Revisiting the rural in 21st century India. *Economic & Political Weekly*, vol. 51, no 26–27.
- Kundu A., Saraswati L. R. (2012) Migration and exclusionary urbanization in India. *Economic & Political Weekly*, vol. 47, no 26–27, pp. 212–227.
- Maji S., Saha P. (2017) Unprecedented job losses, wage decline in unorganized sector post-demonetization. *Wire*, November 8.

- Mohanty B. B. (2005) ‘We are like the living dead’: Farmer suicides in Maharashtra, Western India. *Journal of Peasant Studies*, vol. 32, no 2, pp. 243–276.
- Naga R. (2016) *State and Social Movements: A Study of Niyamgiri and POSCO Movements in Odisha*, Jawaharlal Nehru University.
- Reddy N., Mishra S. (2009) *Agrarian Crisis in India*, Delhi: Oxford University Press.
- Suthar S. K. (2017a) Farmers agitations in Maharashtra and MP are product of rural India’s identity crisis. *Wire*, June 8.
- Suthar S. K. (2017b) What ails rural Rajasthan. *Indian Express*, September 22.
- Suthar S. K. (2022) *Dilapidation of the Rural*, Palgrave Mcmillan.
- Suthar S. K. (2025) *Farmer Power: The 2020–21 Movement, the State and Agricultural Reforms in India*, Penguin Random House India.
- Vasavi A. R. (2012) *Shadow Spaces: Suicides and Rural Predicament in India*, Delhi: Three Books Collective.
- Verghese P. (2018) *Political Implications of Tourism Policy: Case Study of Vyathiri and Waynad in Kerala*, Jawaharlal Nehru University.
- Yadav Y. (2002) Understanding the second democratic upsurge: Trends of Bahujan participation in electoral politics in the 1990s. Frankel F., Hasan Z., Bhargava R., Arora B. (Eds.). *Transforming India: Social and Political Dynamics of Democracy*, Delhi: Oxford University Press.

«Новые» сельско-аграрные движения в Индии: преемственность и изменения

Судхир Кумар Сутхар, доктор политических наук, доцент, Центр политических исследований, Университет Джавахарлала Неру. Нью-Мехраули Роуд, Нью-Дели, 110067, Индия. E-mail: sudhir131@gmail.com.

Шайлза Сингх, доктор политических наук, доцент, кафедра политических наук, Колледж Бхарати, Университет Дели. С-4, Дада Сатрам Мамтани Марг, Джанакпури, Нью-Дели, 110058, Индия. E-mail: principalbc@gmail.com.

Аннотация. Политическая мобилизация фермеров в Индии всегда вызывала интерес и вопросы у исследователей аграрных изменений. Главным политическим феноменом в аграрной истории Индии стали фермерские движения 1980-х годов, продемонстрировавшие потенциал политической организации и мобилизации таких лидеров, как Махиндра Сингх Тикаит, Чоудхари Чаран Сингх и Шарад Джоши, но постепенно сошедшие с политической арены к 1990-м годам. В последние десятилетия в Индии вновь прошли протесты фермеров с тремя основными требованиями: списание сельскохозяйственных кредитов; обоснованные минимальные закупочные цены, покрывающие большее количество культур и производственных затрат; выполнение рекомендаций доклада Комитета Сваминатана. На обложке национального журнала эти протесты были названы «бунтом фермеров», а в своем интервью Йогендра Ядав, политический активист, связанный с движением «Сварадж Абхиян», назвал их историческим моментом и шагом к «крестьянскому восстанию». Статья описывает мобилизацию фермеров в период с 2014 по 2020 годы, фокусируясь на ее истоках и подчеркивая, что протесты фермеров не следует рассматривать как спорадические, разрозненные и краткосрочные беспорядки, какими они кажутся на первый взгляд. Напротив, эти протесты отражают существенный сдвиг в характере социальных движений в Индии в целом и аграрных движений в частности по сравнению с 1980-ми годами. Недавние протесты показывают, что новая сельская молодежь стремится

переосмыслить индийское сельское общество, разрабатывает новые методы протестов и переговоров и новые классовые критерии, учитывая разные идеологические позиции по сельско-аграрному вопросу. Новый сельский социальный класс выступает против правого популизма и неопопулизма 1980-х годов, но также и против индийской левой идеи современности и классовой модели сельского общества. Авторы считают, что недавние протесты следует характеризовать скорее как сельско-аграрные, а не фермерские, поскольку они доминируют в индийской политэкономии и определяют новую сельскую и пост-зеленую революцию как аграрную. Испытывая чувство утраты идентичности в условиях урбанизации и корпоратизации, новый сельско-аграрный класс сталкивается с серьезной экзистенциальной угрозой, которая приводит к протестам и их кульминации в форме нового сельско-аграрного движения. Авторы делают обобщенные выводы об этом движении, освещая некоторые тенденции его развития. Статья состоит из четырех разделов: основы эволюции движения; концепция сельско-аграрных движений; особенности новых фермерских волнений, отличающиеся от таковых в 1970–1980-е годы; критический анализ в контексте существующих теорий.

Ключевые слова: политическая мобилизация фермеров; Индия; новое сельско-аграрное движение; сельская молодежь; фермерские протесты; политэкономия; новый сельский социальный класс

From fields to cities: Social-economic and ideological transformations in Vietnam's peasant communities

**Anh The Phung, Nghia Minh Bui, Chung Quang Le,
Quyet Thi Nguyen**

Anh The Phung — PhD (History), Deputy Head, Faculty of Political Science and Law, Ho Chi Minh City University of Technology and Engineering, Vo Van Ngan St., 01, Thu Duc Ward, Ho Chi Minh City, 71300, Vietnam. E-mail: anhpt@hcmute.edu.vn

Nghia Minh Bui — Lecturer, Institute of International Political Economy, University of Finance–Marketing, Nguyen Kiem St., 778, Duc Nhuan Ward, Ho Chi Minh City, 71300, Vietnam. E-mail: buinghia@ufm.edu.vn

Chung Quang Le — Lecturer, Faculty of Political Science and Law, Ho Chi Minh City University of Technology and Engineering, Vo Van Ngan St., 01, Thu Duc Ward, Ho Chi Minh City, 71300, Vietnam. E-mail: chunglq@hcmute.edu.vn

Quyet Thi Nguyen — PhD (Philosophy), Associate Professor, Faculty of Political Science and Law, Ho Chi Minh City University of Technology and Engineering, Vo Van Ngan St., 01, Thu Duc Ward, Ho Chi Minh City, 71300, Vietnam. E-mail: quyetnt@hcmute.edu.vn

EDN: PJPTSK

Abstract. Vietnam's rapid rural urbanization has determined complex social-economic, cultural and ideological changes in peasant communities. The article considers these transformations through the economic restructuring of rural labor and land use, cultural adaptation of traditional practices, and evolving ideological representations of the Vietnamese peasantry. The article is based on secondary sources (ethnographic studies, policy documents, and statistical data) and a comparative thematic approach combining rural sociology and critical discourse analysis. The findings reveal that while urbanization contributes to economic diversification and social mobility, it also creates persistent challenges such as land grabbing, growing inequality, and cultural erosion. Contrary to linear modernization theories, the study identifies hybrid rural-urban realities with smallholder farming, kinship networks, and symbolic land relations. Ideologically, rural population combines traditional communal ethics and individualist, market-oriented logics. The comparative analysis of Russian, Chinese and other transitional economies proves the universality of such dilemmas, particularly the tension between modernization and rural continuity. The study concludes with policy recommendations for inclusive and culturally sensitive rural development, emphasizing the need to integrate formal reforms with grassroots agency and local knowledge, which contributes to ongoing debates in rural sociology and peasant studies with relevance for both Vietnamese policymakers and the global agrarian thought.

Key words: cultural adaptation, hybrid rurality, ideological change, land grabbing, peasantry, rural urbanization, Vietnam

Introduction: Rural urbanization and the Vietnamese peasant question

Vietnam's transition from a predominantly agrarian society to a rapidly industrializing and urbanizing nation has profoundly reshaped its rural landscapes and life worlds of its peasant communities (Nguyen, 2023). Since the *Đổi Mới* reforms, rural transformation has been a pillar of the national development strategy, closely connected with the Communist Party of Vietnam (CPV) model of socialist-oriented modernization (Communist Party of Vietnam, 2021). While this strategy ensured economic growth, infrastructural development and poverty reduction, it also had complex consequences for rural livelihoods, social relations and cultural continuity (Nguyen et al., 2024a; Nguyen et al., 2021). Recently, Vietnam's development trajectory has been shaped by strategic state responses to intertwined technological, geopolitical and environmental challenges, which further affects policy priorities and governance approaches to rural restructuring and land-use change (Lai et al., 2025). Thus, urbanization is not only a spatial process but a multidimensional transformation that blurs conventional boundaries between rural and urban lifestyles, with far-reaching implications for land use, labor organization, identity formation, and social reproduction (Gillen et al., 2025; Nguyen et al., 2012).

Despite a growing body of works, social implications of urbanization in Vietnam remain fragmentarily studied, since researchers focus on specific dimensions (land question, migration, livelihood diversification) without integrating economic, cultural and ideological transformations into a single analytical framework, thus ignoring the defining feature of Vietnam — urbanization under socialist land relations management, strong state, and moral, kinship and cultural logics of land and labor relations. As urban infrastructure and industrial zones penetrate into agricultural areas, traditional livelihoods are displaced or reconfigured, often through informal or semi-regulated mechanisms rather than legal dispossession (Fan et al., 2019; Nguyen, Rigg et al., 2020). At the same time, peasant households still perceive land as a source of social security, cultural and intergenerational continuity, which produces hybrid rural-urban realities, in which peasant identities coexist with diversified economic practices (Gillen et al., 2019; Nguyen, Gillen et al., 2020).

Such transformations affect social values, aspirations and world-views of rural communities. The ideological dimension of urbanization influences how peasants perceive land ownership, education, labor mobility and social mobility, often leading to generational tensions between inherited communal ethics and market-oriented rationalities (Ha et al., 2021; Nguyen, Nguyen, 2024). However, the state modernization discourse usually presents rural population as passive beneficiaries or backward peasants in need of reform, thereby underestimating peasant agency, adaptive capacity and resistance potential

(Nguyen et al., 2024a; Phan, 2023). From the philosophical perspective, agrarian labor and land have cultural-symbolic meanings that cannot be reduced to economic functions, which raises fundamental questions about dignity, tradition and collective memory under modernization (Onosov, 2024).

The article presents a critical interpretation of empirical studies, policy analyses and statistical data on urbanization in Vietnam. By systematically integrating principles of rural sociology, agrarian studies and development research, the article moves beyond sectoral or case-specific descriptions to broader understanding of how Vietnamese peasant communities have changed. The central research question is how urbanization in Vietnam has reconfigured peasant livelihoods, identities and worldviews under socialist land relations management and rapid industrialization. To answer this question, first, the article provides an overview of research of economic restructuring in rural Vietnam, focusing on changes in employment patterns, livelihoods, and land use; second, considers cultural transformations associated with urban influence, including changes in rituals, festivals, housing practices and communal life; third, analyzes ideological changes of the peasant class, particularly attitudes toward education, mobility, agriculture and rural future. Together these dimensions show that urbanization in Vietnam does not constitute a linear transition from rural to urban life — it is rather a negotiated process marked by adaptation, sustainability and contradictions. Such an approach emphasizes the need to conceptualize rural change not only in terms of structural modernization but also in relation to enduring social meanings and peasant agency.

Analytical approach and sources

The article presents a thematic and critical overview of existing research to explain how urbanization has reshaped peasant livelihoods, cultural practices and ideological orientations in Vietnam, i.e., what are broader patterns of rural transformation, which are not always visible in case studies or sector-specific analyses. The review focuses on rural and peri-urban Vietnam during the post-*Đổi Mới* period, with particular attention to regions that have experienced rapid urbanization, such as areas around Hanoi and the Mekong Delta. Some comparative cases from other transitional and agrarian contexts are added to situate the Vietnamese experience within general discussion about rural urbanization and peasant transformations.

The review is based on a comprehensive body of secondary sources, including ethnographic studies, scientific articles, official documents, government and institutional reports, and national statistical datasets. These materials were chosen for their empirical depth, analytical rigor and relevance to the key dimensions of rural transfor-

mation (land relations change, livelihood restructuring, rural-urban migration, cultural change, and peasant agency). Sources were selected according to three main criteria: first, clear geographic relevance to rural and peri-urban Vietnam, particularly regions undergoing accelerated urbanization; studies that explicitly address economic, cultural or ideological aspects of rural change rather than consider urbanization as a purely spatial or technical process; methodological transparency and conceptual clarity. Foundational theoretical works, such as Scott's *The Moral Economy of the Peasant* (1977) and Hall et al.'s *Powers of Exclusion* (2011), were included to provide a conceptual anchor and to connect the Vietnamese case to broader regional and global discussions about land, power and agrarian transformation.

The selected works were subjected to comparative thematic analysis in three interrelated areas: economic restructuring, cultural adaptation, and ideological transformation. This thematic organization allows for a systematic examination of how changes in land use, labor arrangements and income strategies intersect with changes in cultural practices, social values and peasant worldviews. The analysis also included elements of critical discourse analysis to identify how urbanization is framed in policy narratives and academic interpretations. Particular attention was paid to contrasts between the state modernization discourse that often depicts peasants as passive or backward and empirical studies emphasizing peasant agency, adaptation and resistance (Nguyen et al., 2024; Phan, 2023; Nguyen, Nguyen, 2024).

Rural Vietnam before urbanization: Social, economic and cultural indicators

To understand transformations determined by urbanization, we need to consider social, economic and cultural conditions of rural life in Vietnam before the start of large-scale industrialization and urban expansion. Vietnam's countryside was characterized by agrarian livelihoods, dense social relations and deeply embedded moral and cultural frameworks that structured everyday life. These conditions formed the social and ideological "starting point" for rural communities' interpretation and response to urbanization.

For much of the twentieth century and in the early years of the *Đổi Mới* reforms, Vietnam's rural economy consisted mainly of smallholder agriculture, particularly wet-rice cultivation. Farming households typically managed fragmented plots allocated through collective or semi-collective arrangements, relying heavily on family labor rather than hired workers (Nguyen, Tran, 2002; Vu, 1998). Agricultural production was meant primarily for household subsistence, with market playing a supplementary rather than central organizing role for rural livelihoods. This subsistence–market balance was a defining feature of rural economies. While households sold surplus crops or engaged in small trade to

get cash, food security and risk minimization remained priority tasks. Agricultural decisions were determined not so much by profit maximization as by concerns about stability, seasonal uncertainty, and household reproduction (Scott, 1977). This logic fostered a cautious engagement with markets and diversified livelihood strategies, including petty trade, handicrafts, and seasonal off-farm work long before the start of intensive urbanization. Household labor organization reflected both economic necessity and cultural norms, for instance, generational and gender distribution of farming tasks, with women often bearing responsibility for both agricultural production and domestic labor, while men supplemented household income with wage labor or migration (Nguyen et al., 2012). The household functioned as the primary unit of production, consumption and social security, with strong interdependence among family members and limited access to external labor markets.

Land was a key asset in rural Vietnam — not only a productive resource but also a foundation of social identity and moral order. Beyond its economic value, land had symbolic meanings connected to ancestry, lineage continuity and collective memory. Access to land provided households with a sense of security in the face of economic shocks and social marginalization, even when agricultural incomes were low (Nguyen, Gillen et al., 2020).

Rural communities were organized through dense kinship networks that structured access to land, labor and mutual assistance. Informal arrangements (land sharing, labor exchange and intergenerational transfers) played a crucial role in ensuring livelihoods, particularly during periods of labor shortage. These practices were based on trust, reciprocity and long-term social obligations, reinforcing community cohesion while limiting individual autonomy (Nguyen, Rigg et al., 2020).

Village governance combined formal administrative structures and informal moral authority. While state institutions exercised oversight, the daily regulation of social life was often carried out by village elders and kin groups, which reflected what Scott (1977) conceptualizes as a moral economy, in which economic behavior is determined by shared expectations of justice, obligation and social responsibility. Decisions about land use, labor allocation and conflict resolution were evaluated not only in legal or economic terms but also based on moral judgments rooted in communal values.

Culturally, rural Vietnam was characterized by strong communal ethics emphasizing solidarity, mutual support and respect for social hierarchy. Village rituals, festivals and religious practices supported collective identity and connections between the community, ancestors, and land and performed both symbolic and practical functions, ensuring social cohesion and legitimizing established patterns of authority and cooperation (Vu, 1998). Intergenerational continuity was a core ideological principle: families strived to maintain lineage ties by caring for elders and preserving land for future generations. Edu-

cation, although valued, was often treated with caution, since households compared its potential benefits with the current need for labor and future risks of uncertain urban employment. Aspirations for social mobility coexisted with the prevailing ethics of risk aversion due to the historical experience of war, labor shortage and economic instability (Nguyen et al., 2012).

This ideological orientation did not imply passivity or resistance to change but reflected a pragmatic adaptation to structural constraints. Peasant households prioritized security, continuity and collective well-being over rapid accumulation or individual achievements. These cultural and ideological foundations profoundly influenced how rural communities later perceived urbanization, shaping patterns of adaptation, resistance and choice of market-oriented practices.

Taken together, these foundations prove that before urbanization rural Vietnam was not a static or isolated world but rather a socially complex and culturally rich landscape of agrarian livelihoods, moral economies and deeply rooted communal values. It is these foundations that explain why urbanization in Vietnam has led to hybrid results rather than a transition from peasant agriculture to urban life.

International and theoretical context: Rural urbanization in other countries

One influential framework for understanding rural transformation is the concept of the moral economy suggested by Scott (1977): the peasant economic behavior is determined by normative expectations of subsistence security, reciprocity, and social justice. Rather than acting as profit-maximizing agents, peasants prioritize risk minimization and livelihood stability, particularly in conditions of insecurity. This framework has proven especially relevant for analyzing resistance to land grabbing and uneven development results due to its focus on the peasant perception of justice and entitlement under externally imposed changes. In Vietnam, the moral economy perspective helps to explain why rural households continue to value land for its social and symbolic functions despite the decline in its economic returns (Nguyen, Gillen et al., 2020; Phan, 2023).

In addition to this perspective, Hall, Hirsch and Li's (2011) concept of powers of exclusion offers a political-economic approach for explaining how access to land and resources is restructured under urbanization. This framework highlights four intersecting mechanisms — regulation, force, market, and legitimation, with which rural population may lose land and livelihoods. Unlike the moral economy perspective, which emphasizes normative expectations and resistance, the powers of exclusion framework focuses on institutional arrangements, legal ambiguities and governance practices that allow for land commodification and dispossession. Applied to Southeast Asia, this approach shows how the state development projects and market re-

forms can marginalize rural communities even without open coercion. In Vietnam, this approach provides a critical insight into the land acquisition and compensation disputes associated with peri-urban expansion (Fan et al., 2019; Phan, 2023).

The third influential perspective emphasizes deagrarianization and hybrid rurality, challenging assumptions that urbanization necessarily destroys peasant agriculture: declining agricultural employment does not automatically lead to the dissolution of agrarian identities or land relations. Nguyen, Gillen and Rigg (2020) conceptualize this situation as “an economic transition without agrarian transformation”, highlighting the coexistence of smallholder farming with wage labor and informal economic activities. Similarly, Gillen, Nguyen and Rigg (2025) describe rural–urban relations that produce hybrid social-economic spaces rather than separate rural and urban zones. Such perspectives emphasize continuity, adaptation and negotiated change, offering a more nuanced understanding of urbanization as a multi-level and unpredictable process.

Together, these theoretical approaches provide complementary lenses for interpreting urbanization: moral economy implies normative expectations and ethical tensions, powers of exclusion — institutional and political dynamics, and hybrid rurality — persistence of agrarian practices under urban pressure. Rather than choosing one framework, we combine three to explain Vietnam’s distinctive trajectory.

Comparative studies of other transitional economies prove that urbanization has uneven and context-specific outcomes. In China, land expropriation associated with urban expansion led to the widespread social-economic precarity among landless farmers, despite formal mechanisms of compensation and urban integration (Li et al., 2024). Similar to Vietnam, Chinese rural residents often retain strong land relations as a source of security and identity, challenging state narratives of modernization and urban citizenship (Nguyen et al., 2024a). In Russia, there are additional dimensions of rural transformation, particularly labor shortage, informal employment and the erosion of rural human capital. Shagaida (2024) describes how official statistics often obscure agriculture’s dependence on unregistered migrant labor, masking structural vulnerabilities of the rural economy. Gusakov and Gusakova (2024) further emphasize that rural sustainability depends not only on infrastructural investment but also on the long-term development of human and social capital through education, employment opportunities and community cohesion. Dorofeev et al. (2024) similarly stresses the importance of cultural and leisure infrastructure in preserving rural population and mitigating outmigration, which is similar to the challenges the Vietnamese rural regions face.

Studies in Turkey and other parts of the Global South reveal the same processes of land dispossession, labor precarity and livelihood

*Anh The Phung,
Nghia Minh Bui,
Chung Quang Le,
Quyet Thi Nguyen*
From fields to
cities: Social-
economic and
ideological
transformations in
Vietnam’s peasant
communities

diversification. Kavak et al (2025) describe how seasonal migrant farm workers in Turkey navigate the intersection of agricultural production and social reproduction in conditions of insecurity. In Africa and Latin America, rural households respond to urbanization and migration with hybrid strategies that combine agricultural and non-farming activities (Lugo-Espinosa et al., 2024; Moreda, 2025; Ngong et al., 2025). These cases prove the global relevance of hybrid rurality while highlighting the importance of local institutional and cultural contexts.

However, comparative approach has limitations: Vietnam has distinctive features, including collective land ownership, strong state involvement in land relations management and moral-symbolic significance of land for peasant communities. While international cases reveal similar problems (inequality, dispossession and cultural disruption), they cannot fully explain the specific ways in which Vietnamese peasants respond to urbanization under the socialist-oriented governance. Comparative approach serves not as an explanatory but as a contextual reference point for a better understanding of Vietnam's trajectory. Thus, we consider Vietnam's experience within broader theoretical and international debates while analytically focusing on the national context of rural transformation, examining how economic restructuring, cultural adaptation and ideological change unfold in the given institutional and social environment.

Economic restructuring under urbanization

In Vietnam, urbanization has been accompanied by profound economic restructuring that reshapes land relations, labor allocation and class differentiation in peasant communities. Rather than producing uniform economic effects, these changes unfold unevenly across regions and social groups, providing new opportunities for some households and deepening vulnerability for others.

Land conversion constitutes one of the most visible and controversial dimensions of urbanization in Vietnam. Since the acceleration of industrialization and infrastructure development, large areas of agricultural land have been turned into industrial zones, transport networks and suburbs. In Hanoi, farmland conversion accounted for approximately 65% of land-use change from 1990 to 2010, fundamentally altering peri-urban landscapes (Fan et al., 2019). National statistics indicate that hundreds of thousands of hectares of agricultural land ceased to be agricultural during the 2010s, affecting millions of rural residents (General Statistics Office of Vietnam, 2020). These processes were especially significant in peri-urban areas, where rural and urban functions increasingly overlap. In such zones, land conversion is often a part of administrative decisions presented as being "in the interests of society", but their implementation is often char-

acterized by legal ambiguity, limited transparency and unequal bargaining power between local authorities and rural households (Phan, 2023). Compensation mechanisms, although formally mandatory, often fail to reflect the long-term livelihood value of land, especially its symbolic and social security functions for rural households (Nguyen, Gillen et al., 2020).

The results of land conversion are uneven: some households can reinvest compensation payments into business, housing or education, facilitating upward mobility; others spend compensation funds quickly and face long-term income insecurity, particularly when lacking skills or access to stable non-farm employment (Nguyen, Rigg et al., 2020). These diverse trajectories show that land dispossession under urbanization does not merely redistribute space but restructures economic risks and opportunities for rural communities.

In addition to land conversion, urbanization has determined significant changes in labor allocation and livelihood strategies. Vietnam has experienced a steady decline in agricultural labor, as rural workers increasingly move to work in industry, construction and service sector. Once the majority of rural population worked in agriculture, but this share has decreased since the early *Đổi Mới* period due to both push factors (shrinking land allotments and low farming incomes) and pull factors associated with urban labor markets (Ha et al., 2021). However, this transition does not mean a complete abandonment of agriculture — there are many multi-structured households, in which family members are engaged simultaneously in farming, wage labor and informal economic activities in rural and urban areas (Gillen et al., 2019; Nguyen et al., 2012). Smallholder farming often continues despite low profitability, functioning as a form of livelihood insurance given the precarity of urban employment (Nguyen, Rigg et al., 2020), i.e., rural households strategically diversify their activities rather than specialize in non-agricultural work.

Labor under urbanization has a gender dimension: men migrate for wage labor, while women increasingly take responsibility for both agricultural production and household care, intensifying their workload and expanding their economic roles (Nguyen, Rigg et al., 2020). Although this shift can enhance women's decision-making power in households, it also reinforces gender vulnerabilities, particularly since access to social protection and labor rights protection remains limited.

In general, livelihood diversification under urbanization reflects adaptation rather than linear modernization. Rural households actively navigate new economic landscapes by combining old and new practices, although peasant choices are limited by structural inequalities in labor markets and in access to resources. Economic restructuring has contributed to growing inequality and class differentiation in rural Vietnam. Statistical data indicates widening income gaps both within and between rural regions: differences between the highest and the lowest rural income groups have increased substantial-

Anh The Phung,
Nghia Minh Bui,
Chung Quang Le,
Quyet Thi Nguyen
From fields to
cities: Social-
economic and
ideological
transformations in
Vietnam's peasant
communities

ly, with the richest quintile earning more than ten times the income of the poorest in some regions (General Statistics Office of Vietnam, 2020). These differences are particularly noticeable in areas experiencing rapid urbanization, where access to land compensation, education and non-farm employment varies significantly. There are also regional and ethnic differences: for ethnic minorities and residents of remote or ecologically vulnerable regions, urbanization often comes as land dispossession without adequate alternatives due to limited infrastructure, low education and weaker integration into labor markets (Nguyen, Khuat, 2024; Nguyen, Nguyen, 2024). On the contrary, households near major urban centers or transport hubs are more likely to benefit from new economic opportunities, which contributes to spatially uneven development.

These trends determined a phenomenon that can be described as rural precariat — a group of land-poor or landless households dependent on unstable wage labor, informal employment and temporary migration. While officially classified as undergoing urbanization or modernization, these households often lack access to social protection under economic shocks (Ha et al., 2021; Phan, 2023). Comparative studies of China and other transitional economies reveal similar patterns, but Vietnam is characterized by persistent moral and symbolic attachments to land, which exacerbates social consequences of its dispossession (Li et al., 2024; Nguyen et al., 2024a).

Thus, in Vietnam economic restructuring under urbanization has not led to a homogeneous transition toward prosperity but has differentiated outcomes determined by access to land, household strategies, gender relations and regional location. Such uneven effects are essential for understanding the broader social implications of urbanization and for examining how economic changes intersect with cultural adaptation and ideological transformation.

Cultural adaptation and transformation of rural life

Economic restructuring under urbanization is accompanied by far-reaching cultural transformations that reshape everyday practices, symbolic systems and forms of social cohesion in Vietnam's rural communities. These changes do not simply entail cultural loss or replacement but rather adaptation, selective preservation and in some cases commodification.

Traditional rituals and festivals have long played a central role in structuring rural life in Vietnam, supporting communal bonds and connections between land, ancestry and collective identity. Under urbanization, these practices did not disappear but significantly changed. In many localities, rituals linked to agricultural cycles (village festivals, ancestral commemorations and seasonal celebrations) were adapted to new social-economic realities: reduced dependence

on agriculture, time constraints associated with wage labor and mobility have affected participation patterns and ritual meanings (Gillen et al., 2019; Nguyen et al., 2012).

Ethnographic studies identify diverse cultural changes. In some communities, rituals are kept in simplified forms or were rescheduled to urban work rhythms, reflecting adaptive strategies that maintain symbolic continuity under new constraints. In other communities, especially ethnic minority groups, traditional festivals have undergone erosion or commodification for tourism or cultural tasks (Nguyen, Nguyen, 2024). Such transformations bring both economic benefits and the risk of rituals losing their social and spiritual functions. Everyday cultural practices are similarly affected: changes in consumption patterns, media exposure and leisure activities coexist with rather than fully replace established norms. While market-oriented values and individual aspirations begin to dominate, they develop within existing moral frameworks, producing hybrid cultural forms rather than simply destroying the previous ones. Therefore, cultural adaptation under urbanization is uneven and controversial, shaped by local histories, generational dynamics and access to resources.

Transformation of rural environment constitutes another visible dimension of cultural change. Traditional houses (built from local materials and adapted to local environmental conditions) have been increasingly replaced by urban architectural forms. Growing incomes, aspirations for better life and state rural development programs have accelerated this transformation, changing village landscapes and everyday spatial practices (Nguyen, Tran, 2002; Vu, 1998). While new housing is often associated with improved living standards and higher social status, there are significant cultural and environmental implications. Nguyen and Khuat (2024) describe the gradual loss of architectural traditions among ethnic minority communities, in which traditional housing embodied collective knowledge, climatic adaptation and social organization. The replacement of traditional housing with standardized construction methods affects intergenerational knowledge transmission and distinctive cultural features of rural settlements. There are efforts to preserve traditional cultural heritage, often through heritage site designation or cultural heritage protection initiatives. However, such efforts often prioritize visual preservation over lived practice, separating architecture from its social context. As a result, preservation is often combined with ongoing cultural transformation, which turns rural environment into a site where modernization aspirations, cultural memory and policy interventions intersect, revealing ambivalent cultural consequences of urbanization.

Cultural participation and leisure activities play an important but often underestimated role in supporting rural social cohesion. Traditional forms of collective action (communal labor, village meetings and celebrations) have historically ensured trust and reciprocity within rural communities. Under migration and livelihood diversification,

*Anh The Phung,
Nghia Minh Bui,
Chung Quang Le,
Quyet Thi Nguyen*
From fields to
cities: Social-
economic and
ideological
transformations in
Vietnam's peasant
communities

these forms of participation weaken: migration reduces labor and time resources for communal activities, affecting everyday social interactions and collective responsibilities (Gillen et al., 2025; Nguyen et al., 2012). Recent comparative studies show that cultural and leisure infrastructure is critical for preserving human and social capital in rural areas. Dorofeev et al. (2024) argue that participatory cultural activities in rural Russia contribute to quality of life and help mitigate outmigration by fostering a sense of belonging. Similar trends are evident in Vietnam, where declining cultural participation can exacerbate social fragmentation, particularly among the youth and elderly left behind by migration. Nevertheless, rural communities continue to develop adaptive responses: new forms of association (cultural clubs, religious groups and informal networks) compensate for declining traditional participation. These initiatives demonstrate that social cohesion is not simply eroded by urbanization — it is reconstituted by evolving practices. However, access to such opportunities remains uneven, often reflecting broader inequalities in income, education and regional development (Ha et al., 2021).

Thus, cultural transformation under urbanization in Vietnam is characterized by adaptation rather than uniform decline. Rural rituals, environments and forms of social participation are reshaped through complex negotiations between tradition and modernity, mobility and belonging. Such cultural dynamics are inseparable from economic restructuring and provide essential context for understanding corresponding ideological changes.

Ideological changes and reconfiguration of peasant worldviews

In addition to economic restructuring and cultural transformation, urbanization in Vietnam has led to significant ideological changes in how peasants understand work, land, education and social mobility. These changes are not just additional adaptations to the market but reflect deeper reconfigurations of values, aspirations and morals, and such changes are unevenly distributed among generations and social groups, producing hybrid worldviews in which traditional rural ethics coexists with market-oriented rationalities.

Historically, Vietnam's peasantry worldview was determined by subsistence ethics, emphasizing security, stability and risk minimization rather than accumulation. According to Scott (1977), such orientations develop in contexts of vulnerability, where protection of household reproduction takes priority over profit maximization. In rural Vietnam, this ethics was reinforced by collective memories of war and institutional uncertainty, which determined cautious perception of markets and strong attachment to land as a source of security (Nguyen, Tran, 2002; Vu, 1998). Under urbanization, this ideological orientation has gradually changed: increased engagement in wage la-

bor, market competition and consumer culture has led to more market-rational ideas of work and land use. Farming is increasingly evaluated in terms of economic efficiency rather than moral obligations, and land is sometimes reinterpreted as a tradable asset rather than an inherited trust (Fan et al., 2019; Phan, 2023). Nevertheless, this transformation remains partial, since many rural households keep agricultural land despite low returns — as insurance under the labor market volatility and urban precarity (Nguyen, Gillen, Rigg, 2020).

Attitudes toward risk also changed: although peasants are increasingly engaged in entrepreneurial activities and non-agricultural employment, risk aversion has not disappeared. Instead, households focus on diversification, combining farming, wage labor and informal activities to balance opportunities and security (Nguyen, Rigg et al., 2020). This ideological hybridity proves that market rationality supplants rather than supplants subsistence ethics.

Education became a central axis of ideological transformation, particularly in generational aspirations. For younger rural cohorts, schooling is increasingly perceived as the main path of social mobility and escape from agricultural labor to urban employment in industry or services, which reflects broader societal narratives about hardship and limited prospects of agriculture (Ha et al., 2021; Nguyen et al., 2012). Parents often share these aspirations, investing in education despite economic constraints. However, this investment is ambivalent: education is valued as means of upward mobility, but it also implies symbolic devaluation of farming, contributing to declining intergenerational continuity in agricultural knowledge and practice (Nguyen, Nguyen, 2024). Thus, agriculture is increasingly associated with older generations, women and those with limited choices.

However, reluctance to engage in agriculture does not necessarily mean rejection of rural identity. Many educated rural youth maintain emotional and material ties to their home villages by sending remittances, participating in rituals and keeping land rights as a form of security (Gillen et al., 2019). These patterns reveal that aspirations for mobility coexist with enduring attachments to rural places, complicating narratives of irreversible urban assimilation. Ideological transformations associated with urbanization have produced hybrid identities marked by moral tension: on one hand, individualism, self-improvement and financial success have become increasingly important for younger and more mobile population; on the other hand, communal ethics of obligations, reciprocity and respect for ancestry still determines social expectations and moral judgments in rural communities (Nguyen et al., 2012; Vu, 1998). This coexistence of individual aspirations and communal obligations resonates with philosophical ideas of Self in Confucian and communitarian traditions, emphasizing relational identity and moral standards rather than atomistic individualism (Pham et al., 2023).

This moral tension is evident in attitudes toward land. While land commodification and compensation mechanisms encourage instrumental views of land ownership, land retains moral and symbolic significance associated with lineage, dignity and belonging (Nguyen, Gillen et al., 2020). Land conflicts often reflect not only material considerations but also perceptions of moral injustice and disrespect for peasant identity (Phan, 2023), i.e., cannot be understood solely in economic terms but are shaped the enduring ethical principles through which rural communities interpret social change.

This moral tension was conceptualized as “deagrarianization without depeasantization” — agricultural employment declines while peasant identities and values persist (Nguyen, Gillen et al., 2020). Rather than indicating ideological inconsistency, this hybridity reflects adaptation to rapidly changing structural conditions. Comparative studies of transitional economies reveal similar patterns, but Vietnam’s experience stands out due the moral centrality of land under socialist-oriented governance (Nguyen et al., 2024a): religious and ethical worldviews, particularly Buddhist understandings of social responsibility and moral conduct, continue to influence how rural actors evaluate land, labor and social justice under market pressures. Onosov (2024) argues that agrarian labor embodies ethical meanings related to dignity and collective memory, suggesting that the erosion of peasant values has implications beyond economic efficiency. While such perspectives may seem idealized, they are supported by empirical findings about the enduring normative significance of rural life under modernization. Together Confucian-communitarian and Buddhist ethical traditions provide a cultural-moral foundation for ideological change in rural Vietnam, shaping both adaptation and resistance patterns.

In general, ideological change under urbanization in Vietnam is not linear transition but complex coexistence. Subsistence ethics and market rationality, communal obligations and individual aspirations, continuity and breaks coexist in peasant worldviews, supplementing economic restructuring with reordering of meanings, identities and moral life.

Discussion: Hybrid rurality and Vietnam’s urbanization path

By integrating economic, cultural and ideological dimensions of change, we showed that rural transformation in Vietnam cannot be adequately understood using linear models of modernization that assume a gradual replacement of agrarian life by urban-industrial systems. Instead, Vietnam’s experience is best characterized by hybrid rurality, in which continuity and transformation coexist in dynamic and often contradictory ways.

Economic restructuring under urbanization has changed land relations and livelihood strategies rather than determined a uniform

abandonment of agriculture: land conversion and compensation processes provide highly uneven outcomes, which means upward mobility for some households and insecurity and precarity for others (Fan et al., 2019; Nguyen, Rigg et al., 2020; Phan, 2023). Livelihood diversification rather than specialization is the dominant adaptive strategy — households combine farming, wage labor and informal activities in rural-urban areas (Gillen et al., 2019; Nguyen et al., 2012).

These economic changes are inseparable from cultural transformation. Rituals, festivals, housing practices and forms of community participation are not simply eroded by urbanization but selectively adapted, simplified or commodified (Nguyen, Khuat, 2024; Nguyen, Nguyen, 2024). Cultural change unfolds unevenly, shaped by migration, generational change and unequal access to resources. While some forms of communal life weaken under mobility and time constraints, new associations and practices develop and support social cohesion, albeit in different forms (Dorofeev et al., 2024; Gillen et al., 2025).

At the ideological level, urbanization reconfigures how peasants understand work, land, education and the future. The transition from subsistence ethics to market rationality is partial and negotiated, as households continue to value land for its security and symbolic significance even when agricultural returns decline (Nguyen, Gillen et al., 2020; Scott, 1977). Educational and mobility aspirations coexist with enduring attachment to village life, leading to generational tensions rather than ideological conflicts (Ha et al., 2021; Nguyen, Nguyen, 2024). Together, these dimensions determine rural transformation as a multi-layered process, in which material change, cultural adaptation and ideological negotiation unfold simultaneously.

The Vietnamese case challenges linear rural-to-urban transition models for several reasons. First, socialist-oriented land relations governance sets the rules of urbanization: collective land ownership, state-led allocation and administrative land conversion are what distinguishes Vietnam from economies in which privatized land markets dominate, intensifying the moral and political costs of land loss (Hall et al., 2011; Nguyen et al., 2024a). In Vietnam, land remains central not only as an economic asset but as a foundation of social identity, security and legitimacy.

Second, strong kinship networks and household-based strategies maintain the interconnectedness between the countryside and the city rather than their spatial separation. Migration does not dissolve village ties but often reinforces them through remittances, ritual participation and land retention, producing multi-structured livelihoods rather than permanent relocation (Gillen et al., 2019; Nguyen et al., 2012). These patterns complicate conventional distinctions between rural and urban populations and undermine assumptions of irreversible rural decline.

Third, Vietnam's rural transformation is deeply embedded in moral, cultural and ideological frameworks that affect responses to eco-

economic change. Moral economy continues to influence perceptions of justice and rights, particularly in land acquisition and compensation disputes (Phan, 2023; Scott, 1977). Confucian-communitarian and Buddhist ethical traditions influence how rural actors evaluate individual success, communal obligations and social responsibility, contributing to ideological hybridity rather than a singular market ethos (Nguyen et al., 2024a; Pham et al., 2023). Thus, urbanization in Vietnam produces deagrarianization without depeasantization due to the interaction of institutional condition, historical experience and cultural continuity.

Moreover, the Vietnamese experience has broader implications for theories of rural change and development. First, it shows the limitations of modernization concept that defines urbanization as social-cultural homogenization, since Vietnam demonstrates hybridity, contingency and negotiated transformation rather than a linear trend (Gillen et al., 2025). Second, the Vietnamese experience highlights the relevance of the moral economy perspective for understanding rural transformation in contemporary conditions, since even under market expansion and industrialization normative expectations in relation to land, labor and social justice remain powerful factors of rural behavior and resistance (Phan, 2023; Scott, 1977). Third, the study contributes to discussion about rural sustainability by focusing on culture and ideology in addition to economic indicators. The Vietnamese case proves that sustainable rural transformation requires attention to social meaning, identity and agency and not simply economic restructuring.

Thus, urbanization in Vietnam represents a special path of transformation determined by hybrid economic practices, adaptive cultural forms and complex ideological change. It is important to recognize this complexity for both empirical studies of Vietnam's peasant communities and theoretical debates in rural sociology and development research. Rather than considering rural areas as transitional spaces destined for disappearance, the Vietnamese case implies reconceptualization of rurality as an evolving, resilient and socially meaningful domain within broader processes of modernization.

Conclusion and policy implications

By moving beyond sectoral or linear interpretations of modernization, the study describes rural transformation in Vietnam as a process of hybridization, and this perspective has some policy implications. First, rural and urban development policies should combine economic indicators with social and cultural dimensions of rural life. Land-use planning and compensation mechanisms should be based on the definition of land not only as a productive asset but also as a foundation of social security, identity and dignity for rural households. Policies

that ignore these meanings risk exacerbating conflict, inequality and social disorientation.

Second, under urbanization livelihood strategies increasingly diversify, which is why policies should support mixed livelihood systems rather than prioritize the complete abandonment of agriculture or rapid urban integration (investing in rural non-agricultural employment, improving access to training, social protection for informal and migrant workers at precarious positions in the rural-urban economy).

Third, cultural sustainability should be considered an integral part of rural development. Support for local cultural practices, traditional heritage and community-based leisure activities can strengthen social cohesion and human capital, especially in the context of high mobility and demographic changes. Such investments directly contribute to the long-term sustainability of rural communities.

Finally, policies should recognize peasant agency and ideological diversity. Rural populations are not passive recipients of modernization but active participants in change, using moral, cultural and kinship resources to adapt to new conditions. Participatory governance mechanisms that include rural voices in land-use decisions, development planning and cultural preservation can increase legitimacy and reduce social tensions associated with urban expansion.

Understanding rural urbanization in Vietnam requires an analytical shift from deterministic modernization model to a more nuanced model of hybrid rurality. By considering simultaneously economic restructuring, cultural adaptation and ideological change, this study contributes to broader discussions about rural transformation in transitional economies. Future research would benefit from empirical studies of intergenerational dynamics, gender differentiation and long-term social consequences of land conversion. For policymakers, the Vietnamese case proves that sustainable and inclusive development depends not only on economic growth but also on social meanings, cultural practices and moral economies of rural life.

*Anh The Phung,
Nghia Minh Bui,
Chung Quang Le,
Quyet Thi Nguyen*
From fields to
cities: Social-
economic and
ideological
transformations in
Vietnam's peasant
communities

References

- Communist Party of Vietnam (2021) *Documents of the 13th National Party Congress*, National Political Publishing House.
- Dorofeev A. F., Belozeroval I. A., Krikun E. V., Davityan M. G. (2024) Organization of the rural population's leisure activities as a factor of preservation and development of the rural human capital. *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 4, pp. 246–256.
- Fan P., Ouyang Z., Nguyen D. D., Nguyen T. T.H., Park H., Chen J. (2019) Urbanization, economic development, environmental and social changes in transitional economies: Vietnam after Doimoi. *Landscape and Urban Planning*, vol. 187, pp. 145–155.
- General Statistics Office of Vietnam (2020) *Statistical Yearbook of Vietnam*, Statistical Publishing House.

- Gusakov T.Yu., Gusakova L. K. (2024) Settlement sustainability as a result of the human and social capital development (on the example of the urban-type settlement Oktyabrskoe in the Republic of Crimea). *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 4, pp. 218–245.
- Gillen J., Nguyen T. A., Rigg J. (2019) Nice to meet you: Encountering introductions and departures in the field. *Area*, vol. 51, no 4, pp. 771–778.
- Gillen J., Tuan Anh N., Rigg J. (2025) The ties that bind: Rural-urban entanglements in Northern Vietnam. *Handbook on Rural-Urban Linkages in the Global South*, Edward Elgar Publishing, pp. 101–113.
- Ha N. M., Dang Le N., Trung-Kien P. (2021) The impact of urbanization on poverty reduction: An evidence from Vietnam. *Cogent Economics & Finance*, vol. 9, no 1. URL: <https://doi.org/10.1080/23322039.2021.1918838>.
- Hall D., Hirsch P., Li T. (2011) *Powers of Exclusion: Land Dilemmas in Southeast Asia*, University of Hawai'i Press.
- Kavak S., Benlisoy E., Ceren Z. (2025) Seasonal migrant farm workers at the nexus of production and social reproduction in contemporary Turkey. *Agriculture and Human Values*. URL: <https://doi.org/10.1007/s10460-025-10720-5>.
- Lai N. V., Le C. Q., Nguyen Q. T. (2025) Vietnam's strategic management and organisational adaptation to technological, geopolitical and environmental challenges. *Journal of International Studies*, vol. 21, no 2, pp. 68–86.
- Li M., Li J., Haq S. u., Nadeem M. (2024) Agriculture land use transformation: A threat to sustainable food production systems, rural food security, and farmer well-being? *PLoS ONE*, vol. 19, no 1. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0296332>.
- Lugo-Espinosa G., Acevedo-Ortiz M. A., Aquino-Bolaños T., Ortiz-Hernández Y. D., Ortiz-Hernández F. E., Pérez-Pacheco R., López-Cruz J. Y. (2024) Cultural heritage, migration, and land use transformation in San José Chiltepec, Oaxaca. *Land*, vol. 13, no 10. URL: <https://doi.org/10.3390/land13101658>.
- Moreda T. (2025) Cross-border seasonal migrant labour and agricultural commodity production in the Ethiopia–Sudan borderlands. *Agriculture and Human Values*. URL: <https://doi.org/10.1007/s10460-025-10716-1>.
- Ngong T. H., Yenlajai B. J., Tume S. J. P., Mairomi H. W., Alusoh C. N., Kimengsi J. N. (2025) Migration and agricultural development in the Santchou Landscape of Cameroon. *Discover Sustainability*, vol. 6, no 1. URL: <https://doi.org/10.1007/s43621-025-00976-6>.
- Nguyen D. P., Tran M. D. (2002) *Main Measures to Promote Industrialization and Modernization of Agriculture and Rural Areas in the Red River Delta*, National Political Publishing House.
- Nguyen M. T. N., Vo L. T. C., Wei L. (2024a) The politics of modernization: Shifting construction of the peasant, mobility trajectories and rural revitalisation in post-reform China and Vietnam. *Journal of Political Sociology*, vol. 2, no 2, pp. 21–42.
- Nguyen N. T., Khuat N. T. (2024) Sustainable preservation of vernacular architecture for enhancing urban cultural welfare in Vietnamese ethnic minority communities. *FWU Journal of Social Sciences*, vol. 18, no 4, pp. 127–139.
- Nguyen T. A., Gillen J., Rigg J. (2020) Economic transition without agrarian transformation: The pivotal place of smallholder rice farming in Vietnam's modernisation. *Journal of Rural Studies*, vol. 74, pp. 86–95.
- Nguyen T. A., Gillen J., Rigg J. (2021) Retaining the old countryside, embracing the new countryside: Vietnam's new rural development program. *Journal of Vietnamese Studies*, vol. 16, no 3, pp. 77–110.
- Nguyen T. A., Rigg J., Derks A. (2020) 'My children are small and my husband works far from home': Juggling land and labour in a Vietnamese village. *South East Asia Research*, vol. 28, no 3, pp. 248–266.
- Nguyen T. A., Rigg J., Luong T. T. H., Dinh T. D. (2012) Becoming and being urban in Hanoi: Rural-urban migration and relations in Viet Nam. *Journal of Peasant Studies*, vol. 39, no 5, pp. 1103–1131.

- Nguyen T.N.T., Nguyen Q. T. (2024) Cultural transformation and the evolution of festivals: The impact of modernization on the K'Ho ethnic minority in Vietnam. *Journal of Under-represented and Minority Progress*, vol. 8, no 2, pp. 62–88.
- Nguyen T.Q. (2023) Confucius' conception of the political being and its significance for building the political being in present-day Vietnam. *IKENGA — International Journal of Institute of African Studies*, vol. 24, no 2, pp. 1–23.
- Nguyen T.V., Nguyen Q. T., Do H. T.T., Nguyen K. V.N., Phung A. T. (2024) Buddhism, social dynamics and scientific perspectives in contemporary Vietnam. *European Journal of Science and Theology*, vol. 20, no 3, pp. 49–63.
- Onosov A. A. (2024) Peasant question in the common cause philosophy. *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 3, pp. 7–24.
- Pham L. T., Nguyen T. V., Nguyen H. T., Do H. T.T., Nguyen K. N.V., Nguyen Q. T. (2023) Between communitarianism and confucianism: Charles Taylor and the Confucian concept of Self in comparative perspective. *Bogoslovni Vestnik*, vol. 83, no 3, pp. 553–566.
- Phan T. T. (2023) Farmers' resistance to agricultural land transformation in Vietnam. *Thammasat Review*, vol. 26, no 2, pp. 273–296.
- Scott J. C. (1977) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*, Yale University Press.
- Shagaida N. I. (2024) Is it possible to quickly eliminate labor shortage in Russian agriculture? *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 2, pp. 139–152.
- Vu O. (1998) *Agriculture and Rural Areas on the Path of Industrialization, Modernization, Cooperation and Democratization*, National Politics Publishing House.

С полей в города: социально-экономические и идеологические трансформации крестьянских общин Вьетнама

Ань Тхе Фунг — кандидат исторических наук, заместитель декана факультета политических наук и права, Технологический и инженерный университет Хошимина, ул. Во Ван Нган, 01, район Тху Дык, Хошимин, 71300, Вьетнам.
E-mail: anhpt@hcmute.edu.vn

Нгиа Минь Буи — лектор Института международной политэкономии, Университет финансов и маркетинга, ул. Нгуен Кiem, 778, район Дык Нхуан, Хошимин, 71300, Вьетнам. E-mail: buinghia@ufm.edu.vn

Чун Куанг Ле — лектор, факультет политических наук и права, Технологический и инженерный университет Хошимина, ул. Во Ван Нган, 01, район Тху Дык, Хошимин, 71300, Вьетнам. E-mail: chunglq@hcmute.edu.vn.

Куэт Ти Нгуен — кандидат философских наук, доцент, факультет политических наук и права, Технологический и инженерный университет Хошимина, ул. Во Ван Нган, 01, район Тху Дык, Хошимин, 71300, Вьетнам. E-mail: quyetnt@hcmute.edu.vn

Аннотация. Быстрая урбанизация сельских районов Вьетнама обусловила сложные социально-экономические, культурные и идеологические изменения в крестьянских общинах. В статье эти трансформации рассматриваются через призму экономической реструктуризации сельского труда и землепользования, культурной адаптации традиционных практик и эволюции идеологических представлений вьетнамских крестьян. Статья основана на вторичных источниках (этнографические исследования, правительственные документы и статистические данные) и сравнительно-тематическом подходе, сочетающем сельскую социологию и критический дискурсивный анализ. Согласно результатам исследования, урбанизация способствует экономической диверсификации

и социальной мобильности, но в то же время порождает такие устойчивые проблемы, как захват земель, растущее неравенство и культурная эрозия. В отличие от линейных теорий модернизации, исследование выявило гибридные сельско-городские реалии с элементами мелкого фермерства, родственных сетей и символически нагруженными земельными отношениями. С идеологической точки зрения сельское население сочетает традиционную общинную этику и индивидуалистическую, рыночно-ориентированную логику поведения. Сравнительный анализ российской, китайской и других переходных экономик подтверждает универсальность подобных дилемм, в частности, сохраняющееся напряжение между идеями модернизации и сельской преемственности. Статья завершается рекомендациями в отношении инклюзивного и ориентированного на культуру развития сельских районов, подчеркивая необходимость интеграции формальных реформ с низовыми инициативами и локальным знанием и внося тем самым вклад в продолжающиеся дискуссии представителей сельской социологии и крестьяноведения, которые имеют значение как для вьетнамских политиков, так и для мировой аграрной мысли.

Ключевые слова: культурная адаптация, гибридная сельская жизнь, идеологические изменения, захват земель, крестьянство, урбанизация сельских районов, Вьетнам

Хлопок как ресурс (де)модернизации в Узбекистане и источник национализмов

Б. А. Алимджанов

Бахтиёр Абдихакимович Алимджанов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института антропологии АН Республики Узбекистан.

Республика Узбекистан, Ташкент, ул. Мирзо Улугбека, 81.

E-mail: balimdjnov@gmail.com

EDN: OQZTNS

Аннотация. В статье анализируется хлопок как ресурс модернизации и демодернизации социальной жизни в Узбекистане с конца 1980-х годов до сегодняшнего дня. Хлопок является основным элементом колониальной ситуации в Узбекистане и воспринимался как часть демодернизационного проекта с конца 1980-х до середины 1990-х годов. Хлопок — важнейший материальный символ политической идеологии узбекского общества, всякий узбекский национализм определяется отношением к хлопку. Трактовки роли хлопка в истории Узбекистана динамичны, аморфны и зависят от конкретного культурного и политического контекста. Основные исследовательские вопросы статьи: как хлопководство превратилось из элемента демодернизационного проекта в демодернизационный? Как это отразилось на культуре и мировосприятии интеллигенции? Каким образом в 2000-е годы хлопок снова стал ресурсом модернизации в независимом Узбекистане? Почему хлопок не стал деколониальным проектом «национального возрождения»? В написании статьи автор опирается на разработки С. Н. Абашина по национализму. Национализм ситуативен и зависит от исторического контекста и интересов элит: отношение к хлопку определяется как часть проекта демодернизации в Узбекистане, как неудавшийся советский опыт. Одновременно отношение к хлопку стало катализатором роста национализма, который приобрел форму «плаксивого», обвиняющего во всех бедах советский проект модернизации, который в «одночасье» превратился в «демодернизационный». Узбекский национализм 1980-х годов по своему характеру сильно отличается от национализма 2000-х. Первый делал упор на «исправление» советской системы, второй носил утопический характер — модернизационный, хлопок для этого национализма стал играть роль *Другого*.

Ключевые слова: хлопок, модернизация, Узбекистан, «национализм интеллигентов», С. Абашин, Ж. Баландье

За предыдущие 150 лет каждая политическая система в Средней Азии пыталась «освободить» и ускорить развитие страны посредством хлопководства. Парадоксально, но хлопок стал материальным фактором и модернизации, и демодернизации местных экономических и политических структур. Модернизация, в основном предполагая техническое обновление производств, частично перекраивала и местные элиты: власть навязывала им коренные *измене-*

ния в хлопководстве, выгодные всем акторам. Когда взаимовыгодность исчерпывала себя, возникала демодернизационная ситуация. Элиты начинали сопротивляться изменениям в сельском хозяйстве и продвигали «феодалный» проект. Национализм играл цементирующую роль в этих отношениях между властью и элитами, принимая разные формы — от постоянно «незавершенного» нациестроительства до махрового национализма. Каждый раз новая власть, чтобы утвердиться и легитимировать существующие отношения, использовала дискурс «освобождения от диктата хлопка». В свое время хлопок был гарантией интеграции Туркестана в Российскую имперскую структуру и в мировой капитализм. При Советах хлопок стал олицетворением освобождения местного населения от капитализма и феодализма. В постсоветском Узбекистане хлопок официально объявлен символом освобождения от диктата Москвы и коммунистов. Таким образом, хлопок последовательно играл роль угнетения, освобождения, модернизации и демодернизации. А кроме того, он также олицетворял национализм, патриотизм и ресентимент.

В отличие от других национализмов, узбекский национализм воплотился в конкретном материальном объекте — хлопке. «Осязаемый» узбекский национализм — «не ускользающий», можно считать его довольно устойчивым, он меняет свое содержание исключительно под давлением извне или под контролем властей. Одновременно узбекский «хлопковый национализм» многослоен и гибок. В то время как европейские национализмы опираются на развитие печати, капитализма и крушения империй, узбекский национализм укладывается в конкретные временные рамки, логичен и поддается анализу.

Узбекский «хлопковый национализм» не слишком чувствителен к исламу и традиции. Он не эссенциален и предрасположен к свободной интерпретации. Одновременно его влияние ограничено лишь местной интеллигенцией и фактически не участвует в формировании местных элит.

Хлопок, начиная со второй половины XIX столетия, стал считаться символом модернизации в Средней Азии (Беккерт, 2014). Советская модернизация вообще была заточена именно на развитие хлопководства в Узбекистане. С подачи советских идеологов хлопок стал признаком «национализирующегося» Узбекистана, а образы хлопка появились на гербе советского Узбекистана. «Узбек» и «хлопок» стали ассоциативными понятиями. Вырачивание хлопка трактовалось идеологами как освобождение советского Востока от феодализма и торжество социализма в Узбекистане, иными словами, хлопок стал олицетворением освобождения узбеков от «векового угнетения». Однако уже в 1970-е годы экономическая ситуация постепенно меняется и хлопок начинает терять свой модернизационный ресурс. Начиная с середины 1980-х годов в среде интеллигенции Узбекистана широко распространяются антихлопковые настроения, хлопок превращается в символ угнетения. Именно в это время возникает на-

ционалистический дискурс в форме критики хлопка как монокультуры. Основной причиной этого политического явления можно считать убежденность национальной интеллигенции, что расширение хлопковых полей стало основной причиной отсталости и сверхэксплуатации местного населения. Широкое применение труда студентов и жителей городов во время сбора хлопка порождало недовольство. Хлопок стал символом колониализма и политической зависимости республики от Москвы. Назовем этот тип национализма «национализмом интеллигентов». «Борьба» с выращиванием хлопка стала катализатором политических акций и публичного освещения коррумпированности политических элит советского Узбекистана. В конце 1980-х годов интеллигенция считала, что хлопководство способствовало возникновению в Средней Азии «феодального социализма» (Уляхин, 1991: 129).

Особо нужно отметить, что правящие местные элиты в 1988–1991 годах не стремились к политической и экономической независимости (Абашин, 2011) и, на мой взгляд, использовали хлопковую риторику для увеличения дотаций из Центра. Возможно, не получив желаемого, местные элиты и сделали ставку на национализм и критику советского прошлого. Им на руку сыграли «националистически» настроенная местная и творческая интеллигенция. Представители национальной культуры стали основными критиками экономической политики Центра по отношению к Узбекистану.

В рамках статьи мы хотели бы ответить на следующие исследовательские вопросы: как хлопководство превратилось из модернизационного проекта в демодернизационный? Как это отразилось на культуре и мировосприятии интеллигенции? Каким образом в 2000-е годы в независимом Узбекистане хлопок снова стал ресурсом модернизации? Почему хлопок не стал деколониальным проектом «национального возрождения»?

В своем анализе мы опираемся на разработки С. Н. Абашина по узбекскому национализму. Так, при объяснении феномена негативного отношения к хлопку в Узбекистане он считал, что «национализм не является изначально заданной программой или колеей, а связан с конкретными контекстами, позволяет увидеть различные постсоветские траектории национализмов в Центральной Азии» (Абашин, 2011: 198). Именно исторические контексты определяют отношение к хлопку как проекту демодернизации в Узбекистане как «неудавшемуся». Под демодернизацией понимается процесс отказа от ускоренного развития местной экономики, отказ от техники в сельском хозяйстве, возврат к ручному труду, усиление силовых (принудительных) методов в ведении хозяйства. Одновременно отношение к хлопку стало катализатором национализма, который приобрел форму «плаксивого» национализма, обвиняющего во всех своих бедах советский проект модернизации, в «одночасье» превратившийся в «демодернизационный».

Узбекский национализм 1980-х годов по своему характеру, на наш взгляд, сильно отличается от национализма 2000-х. В пер-

вом упор делался на «исправление» советской системы, он носил утопический характер, хлопок для этого национализма стал играть роль *Другого*. Второй — современный узбекский национализм опирается на идею национального государства, неотъемлемой частью которой является «десоветизация» Узбекистана.

Я рассматриваю хлопок в антропологическом и историческом контексте как активного агента, подпитывающего местные национализмы. С этой точки зрения хлопок является непосредственно продуктом колониальной ситуации, не теряющим своего значения в постколониальном Узбекистане.

Колониальной ситуацией, по Ж. Баландые, считается наличие контроля и открытости местной экономической и политической системы центральным властям (Баландые, 2013). Однако парадокс состоит в том, что во время наивысшего расцвета хлопководства в советском Узбекистане экономика хлопка была самой коррумпированной и непрозрачной, так что концепт Баландые нуждается в корректировке. Однако нас больше интересует, как «открытость» экономики (спускаемый сверху ежегодный план объемов урожая хлопка) уживалась с национализмом и коррупцией в сфере хлопководства? По нашему мнению, именно эти разрывы между плановой экономикой и коррупцией в местных сельскохозяйственных структурах и порождали национализм узбекской интеллигенции и части элиты советского Узбекистана. Ослабление контроля над хлопком давало надежду местным элитам повлиять на колониальную ситуацию. Таким образом, модернизация по-советски превращалась в колониальный надзор над производством хлопка, который порождал недовольство элит республики, считавших, что Центр обделяет их при распределении материальных ресурсов. Местные элиты и интеллигенция предполагали, что республика дает Центру хлопка больше, чем получает взамен материальных ресурсов для своего развития. Такое неравенство обмена раздражало местных производителей хлопка, хотя во многих случаях эта риторика скрывала коррупцию и воровство верхушки (Cusciolla, 2017). Узбекская элита в 1980-е годы считала, что хлопок стал «монокультурой» в сельском хозяйстве, и потому потерял статус продукта модернизации местной экономики и социальной жизни. Иными словами, дискурс о «монокультуре хлопка» стал триггером недовольства элит Центром, хотя настоящей причиной была не «монополизация хлопководства» в Узбекской ССР, а невыгодный обмен ресурсов между ними.

В современном постсоциалистическом Узбекистане хлопковый сектор занимает 33% всех орошаемых земель¹. Несмотря на такой масштаб, хлопок не воспринимается как «проклятие» или как колони-

1. Ильхамов А. Последствия строительства канала Кош-Тепа в Афганистане для системы водоснабжения в Узбекистане. <https://cenasiaduedilgence.uk/wp-content/uploads/2023/11/Ikhamov-Qosh-Tepa-Uzb-Water-Supply-Rus.pdf> (дата обращения: 20.01.2025).

альный продукт, а вновь элемент модернизации, он уже не символ Другого — колониального, а неотъемлемая часть узбекского национализма(ов). Таким образом, современный узбекский национализм потерял внешнее материальное проявление, превратившись в «национализм в себе». Интересно, что хлопок уже не ассоциируется с «узбеком», по замыслу новой элиты он стал «безликим» и обрел хозяина в лице фермера, который, по мнению властей, стал «обладателем и хозяином» хлопка (хотя его производят и крупные агрокластеры).

Двузначность символизма хлопка в современном Узбекистане порождает эпистемологический разрыв, который ведет к возникновению «неколониальных мотивов» и порождает новые национализмы. Эти новые национализмы несколько отличаются от национализмов Восточной Европы. Местные национализмы — «ускользающие» (Малахов, 2021), но становятся устойчивыми понятиями в среде нового поколения интеллигенции, которая уже критикует «слабость» и «коррупционность» постсоциалистических элит. В отличие от национализмов Восточной Европы, узбекские национализмы не имеют традиции либерализма, и во многом опираются на диссидентские идеи советского времени: они воспроизводят националистический дискурс 1970–1980-х годов. Исламские и консервативные идеологии фактически не влияют на формирование новых узбекских национализмов. Всё как бы возвращается на круги своя: «интеллигентский национализм» снова набирает силу, связывая современность с 80-ми годами прошлого века. На этот национализм влияют несколько факторов: безработица в селе, образование крупных кластеров по хлопководству, неэффективное управление, неравномерное распределение ресурсов между столицей и регионами. И все чаще слышатся голоса, что во всем виноват хлопок. Во время президентства И. Каримова (1989–2016 гг.) на селе всех принуждали собирать хлопок, в результате с сентября по декабрь школьники и студенты были заняты сбором урожая этой культуры. Узбекская молодая интеллигенция объясняет свою «малообразованность» и «отсталость регионов» Узбекистана именно этим принудительным сбором хлопка в своих детстве и юности. Таким образом, хлопок вновь описывается как причина национальной отсталости и провал модернизации современного Узбекистана каримовского периода. «Ненависть» к хлопку порождает ресентимент у местной интеллигенции, которая выливается в махровый ретронационализм, выражающийся в ненависти ко всему советскому.

Интеллектуальное обоснование хлопковой «демодернизации»

В исторической литературе существует корпус статей и монографий о хлопке как демодернизационном ресурсе Центральной Азии. Подобная демодернизация понимается как ограниченное использование техники в сельском хозяйстве, упор на ручной труд, низ-

кая оплата труда, принудительное привлечение к труду школьников, студентов и сельских женщин. Все эти мероприятия советского периода вызывали сопротивление местных элит и интеллигенции, на основе которого и сформировался «интеллигентный национализм». При этом почти все согласны с тем, что причиной демодернизации стала монокультура хлопка как основа дисбалансов в сельском хозяйстве советского Узбекистана. Именно монокультура хлопка породила экологические проблемы (например, высыхание Аральского моря), снижение благосостояния сельских жителей, привела к усилению асимметричных отношений между местными элитами и Центром. Исследователи пытаются объяснить развитие хлопководства в 1970–1980-е годы в советском Узбекистане как результат «деформации» экономики (Растяйников, 1996), «высокого модерна» (Obertreis, 2017), «проклятием» (International crisis group, 2005: 30), «расхищением национальных богатств» (Назаров, 2023), причиной «периферийности» (Нарзикулов, 1991), господством хлопковой монокультуры (Дерюгина, 2018) и «национализмом» элит (Абашин, 2011: 201). Отличной является позиция этнографа С. П. Полякова, который на излете Советского Союза опубликовал монографию «Традиционализм в современном среднеазиатском обществе» (Поляков, 1989), в которой признает в целом провал советской модернизации в Средней Азии, в частности в Узбекистане, но считает причиной поверхностный характер этой модернизации. Так, его исследование указывает, что в советском Узбекистане стремительно развивалось приусадебное хозяйство, и развивались подобного рода «буржуазные» отношения. Однако в целом в локальных историографиях до сих пор доминирует точка зрения, осуждающая советскую хлопковую политику в Средней Азии. Тотальная критика хлопковой индустрии в Узбекистане к тому же шла в рамках политической борьбы внутри страны и громкого коррупционного «хлопкового дела».

На наш взгляд, помимо громких политических сюжетов, дискредитация хлопка как символа угнетения и сверхэксплуатации происходила при помощи также визуальной культуры, особенно кино. Именно в 1980–1990-е годы был создан ряд фильмов, откровенно осуждавших узбекский хлопок как монокультуру. Это художественные фильмы «Темир хотин» («Железная женщина»), «Абдулладжан», «Майсаринг иши» («Проделки Майсары»), «Отамдан қолган далалар» («Отчие земли»), негативно описывающие хлопок как политический проект и демонстрирующие влияние хлопка на социальную и культурную жизнь населения. Немаловажную роль в «демонизации» хлопка сыграли тексты о частной собственности на землю ученых-экономистов и обществоведов. Некоторые узбекские историки критиковали систему колхозов и совхозов, которые, по их словам, уничтожили творческую энергию узбекского крестьянства, став источником сверхэксплуатации и несправедливого распределения экономических ресурсов в селе. Например, исследовательница Н. Махкамова утверждает, что «к 1917 году в Туркестане в числе мужчин работоспособного возраста (то есть

старше 18 лет) 76% были владельцами различной по размерам и видам собственности»². По мнению историков независимого Узбекистана, советская власть, уничтожив частную собственность и собственников, заложила основу сверхэксплуатации населения Средней Азии. Так эмоциональная оценка позднесоветского периода и некритическое отношение к периоду независимости породили негативное отношение к хлопку у местной элиты и интеллигенции.

Трансформация хлопка как символа демодернизации/модернизации происходила в несколько этапов. С конца 1980-х до середины 1990-х годов хлопок воспринимался как демодернизационный проект, но уже в конце 1990-х годов он стал интерпретироваться как национальное богатство. Именно тогда колхозы и совхозы преобразовывались в фермерские хозяйства и объединялись в производственные кластеры. Впрочем, в Узбекистане этот процесс регулируется и контролируется государством. Хлопок не перестал быть стратегическим продуктом, он олицетворяет могущество государственных структур. В этом смысле хлопок не только товар, но прежде всего важнейший политический и идеологический инструмент политической системы и опора властных элит. Видимо, поэтому писать о хлопковом «бизнесе» в СМИ не поощряется.

Позднесоветская практика массового привлечения населения на уборку хлопка продолжалась до конца 2000-х годов, однако, по оценкам многих наблюдателей, Узбекистан отказался от принудительного детского труда в этой отрасли. Снова, как и в 1950–1960-е годы, хлопок стал катализатором реформ в сельскохозяйственной отрасли республики. Совместно с западными партнерами строятся новые текстильные фабрики. Узбекистан стремительно движется к реализации неолиберальных идей в экономике, хотя и с запозданием почти на 30 лет по сравнению с другими постсоветскими республиками. Но, несмотря на текущую реставрацию модернизационного потенциала хлопка, именно этот продукт остается символом демодернизации в умах молодого поколения узбекской интеллигенции. Подобная амбивалентность хлопка создает интеллектуальный раскол и основу для новых национализмов в узбекском обществе.

Как хлопководство превратилось из модернизационного проекта в демодернизационный

В 1980-е годы узбекская советская интеллигенция стала активно критиковать тяжелые условия работы и жизни на селе. Виной этого объявили хлопководство. Хлопок стал признаком угнетения и одновременно олицетворением власти — чужой и собственной.

2. *Махкамова Н. Р.* Средние собственники Узбекистана — основа благополучия государства (история и современность). <http://dspace.khazar.org/jspui/bitstream/20.500.12323/927/1/28.pdf> (дата обращения: 20.01.2025).

Хлопок представлялся материально оформленным выражением несправедливого распределения ресурсов между центром и периферией. Необходимо учитывать тот факт, что в 1970–1980-е годы многие студенты — выходцы из сел получили гуманитарное образование в Ташкенте и остались в нем работать. Именно тогда молодые драматурги и писатели стали все больше писать о социальных проблемах села. Одним из первых произведений, повествующих о социальных проблемах на узбекском селе, была комедия «Темир хотин» («Железная женщина», 1990)³. Главный герой пьесы Қўчқор — тракторист-алкоголик. В один прекрасный день в его село приезжает ученый с женщиной-роботом хлопкоробом. Робот становится женой Қўчқора и выполняет все домашние дела на селе. Но во время сбора хлопка даже женщина-робот от непосильного труда выгорает и ломается. Пафос комедии заключался в том, чтобы показать непосильный труд сельской женщины и несчастного тракториста, находящего утешение в алкоголе. Хлопок в этой комедии становился маркером бедности и неравенства между городом и селом. Именно в хлопке виделась причина беспросветной жизни простого узбекского хлопкороба, отнюдь не являвшегося конечным бенефициаром этого продукта. И так хлопкороб все трудится, а его жизнь не меняется к лучшему. Выводы из этой комедии состояли в том, что на селе ничего не меняется, модернизация не происходит, хлопководство представляет собой демодернизационный проект.

Фильм «Абдуладжан, или Посвящается Стивену Спилбергу» (1991) комично показывает культурную сторону демодернизации узбекского общества. Сторож сельмага в узбекском кишлаке пишет письмо Спилбергу, поскольку посмотрел некоторые его произведения в местном видеосалоне. Он рассказывает историю контакта с внеземной цивилизацией, произошедшей в колхозе «Коммунизм». В фильме население узбекского села верит в чудеса и ждет спасителя. И тут местный колхозник встречает мальчика-инопланетянина, приглашает его домой. Мальчик-инопланетянин получает имя Абдуладжан и начинает творить эти чудеса. Фильм демонстрирует духовный кризис в узбекском селе. Хотя в фильме нет собственно сцен, связанных с хлопком, но невольно создается ощущение, что среднеазиатская деревня стала оазисом Средневековья при несостоявшейся модернизации.

В фильме «Проделки Майсары» рассматривается своеобразная феодализация советских прокуроров и судей. Здесь демодернизация проявляется в поведении узбекских госслужащих, ведущих себя как феодалы. Так советский модернизационный проект воспринимался как новая форма для все того же «неизменного» узбекского феодализма. Хлопок в подобного рода фильмах-комедиях становится фо-

3. *Бошбеков Ш.* Темир хотин (комедия). [https://n.ziyouz.com/books/uzbek_dramaturgiyasi/Sharof%20Boshbekov.%20Temir%20xotin%20\(komediya\).pdf](https://n.ziyouz.com/books/uzbek_dramaturgiyasi/Sharof%20Boshbekov.%20Temir%20xotin%20(komediya).pdf) (дата обращения: 21.01.2025).

ном, маркирующим «отсталость» узбекской деревни и феодализации ее социальных отношений. В этих фильмах советскость представлена как, прежде всего, принуждение, в результате любая модернизация изначально как бы включает в себя неизбежную «собственную» демодернизацию. Ориентализация советской демодернизации и гиперкритика советских реформ со стороны узбекской интеллигенции породили, таким образом, в 80-е годы XX века национализм.

Конечно, одним из мощных катализаторов превращения хлопковой экономики в демодернизационный проект стал коррупционный скандал в Узбекистане во второй половине 1980-х годов, известный под именем «хлопкового дела» (Уяма, 2021; Юнусова, 2018). В связи с ним в Узбекистане действительно было арестовано, уволено или понижено в статусе множество должностных лиц. 40 из 65 секретарей обкомов и райкомов партии были сняты со своих постов до января 1985 года, а в 1986 году только 34 из прежних 177 членов ЦК КП Узбекистана были переизбраны. Одним из самых громких процессов «хлопкового дела» стал арест и суд над председателем совхоза Папского района Адылова. По мнению Абашина, именно «дело Адылова» в глазах жителей всего СССР наклело на местное население ярлык «отсталого и остановившегося в своем развитии» (Абашин, 2023: 122). Таким образом, критика так называемого демодернизационного хлопкового проекта стартовала с двух сторон: из Москвы и из среды местной интеллигенции. Интересно, что Адылов на суде оправдывал свои поступки тем, что строил «капитализм в отдельно взятом кишлаке».

Элиты Узбекистана продолжали курс модернизации и не воспринимали критику Центра и интеллигенции, настаивая на незавершенности модернизации советского Узбекистана и требуя больше ресурсов из Центра: хлопок стал разменной монетой в торге между Центром и местными элитами. Интеллигенция требовала больше ресурсов для облегчения жизни республики, а также культурной автономии, и в результате возник своеобразный национализм, переросший в ультранационализм и исламизм. Национализм местных интеллигентов не поддерживался элитами, он использовался в политической борьбе за распределение символических ресурсов. В первой половине 1990-х годов «национализм интеллигентов» выдохся под репрессивным давлением властей. На смену «национализму интеллигентов» пришла государственная идеология «национального возрождения». Инициативу националистического дискурса перехватила узбекская политическая элита и властные структуры.

Каким образом в 2000-е годы хлопок снова стал ресурсом модернизации в независимом Узбекистане?

Отношение к хлопку и хлопководству стало резко меняться сразу после обретения Узбекистаном политической независимости. Мо-

дернизацию в 1990-е годы узбекские власти понимали специфически технократически, стремясь, в основном на словах, обновить соответствующие производственные площадки. Тем временем заводы закрывались, а применение ручного труда расширялось. Но модернизацию воспринимали как мечту, которая должна осуществиться в недалеком будущем, это явление в политической жизни Узбекистана можно объяснить «эффектом колеи» (path dependence). Новая «старая» власть, которая состояла из бывших коммунистов, попыталась «освободить» население от «диктата хлопка». Хлопок снова стал символом освобождения от плохой «старой» власти. Почти 150 лет хлопок считался в Узбекистане символом модернизации, и только в 1980-е годы на короткое время превратился в демодернизационный проект. Усилиями И. Каримова хлопок опять объявляется символом модернизации современного Узбекистана. Я бы назвал это явление «риторическим национализмом», когда на словах обещают экономическую модернизацию, а на практике идет процесс демодернизации в обертке модернизации. В 1990-е годы усилиями первого президента Узбекистана И. Каримова начали проводиться реформы, дабы вернуть хлопководство в модернизационное русло. В 1998 году на месте советских колхозов и совхозов появляются фермерские и дехканские хозяйства (Постановление Кабинета министров, 2002; Ражабов, 2014). Фермерские хозяйства создавались по результатам открытого конкурса, в котором председательствовал хоким (губернатор) области. Его цель состояла в «поиске способных, имеющих соответствующие знания и навыки, трудолюбивых и предприимчивых граждан для предоставления им права на организацию фермерского хозяйства» (Постановление Кабинета министров, 2002). Фермерским хозяйствам вменили осуществлять «продажу продукции для государственных нужд и соблюдение севооборота». Реформы в сельском хозяйстве предполагали в перспективе создать класс собственников. В настоящее время именно фермеры производят почти 99% хлопка в республике. Главное отличие фермерского выращивания хлопка от советского состоит в том, что фермер является арендатором земли. Власти республики отмечают высокую производительность фермерских хозяйств, а фермерское движение стало признаком «победы» рыночных отношений в селе. В отличие от колхозов и совхозов, фермерское хозяйство, по мнению властей, отвечает интересам населения и является стимулом для развития и «модернизации» агропроизводства, которое «извратила» советская система. Основная задача правительства сегодня — ограничить экспорт хлопка-сырца и перерабатывать его в республике до готовой продукции. Развитие хлопководства предполагает обновление ирригационных сетей, строительство текстильных фабрик и увеличение занятости населения. Через развитие хлопководства, по замыслу руководства, возникнет средний класс, который станет опорой государства в проводимых реформах. Интересно отметить, что власти не признают завершенность эко-

номической модернизации, соглашаясь с критиками, что еще много нужно сделать в сфере сельского хозяйства, чтобы достичь процветания и благополучия в узбекском селе.

В 2016 году президентом Узбекистана стал Ш. М. Мирзиёев, который продолжил реформирование, в частности, хлопководческих хозяйств. Президент Мирзиёев предложил создать кластеры, которые объединяли бы все цепочки — от выращивания хлопка до производства готовой продукции. В 2020 году в Узбекистане их насчитывалось уже 73. Как отмечают узбекские исследователи:

«Хлопково-текстильные кластеры охватывают не только легкую промышленность, но и десятки других отраслей производства, включая пищевую промышленность, фармацевтику, производство строительных материалов и другие. Конечными целями данной системы являются создание высококачественной продукции под брендом «Узбекистан», социальная защита населения, обеспечение занятости, создание достойных условий труда и решение других важных задач» (Халматжанова, 2020).

Именно при Мирзиёеве хлопок обрел законченные модернизационные черты. В названиях научных статей все чаще стал звучать термин «модернизация» в привязке к хлопку (Байкузиева, 2019; Садыкова, 2019; Юсупов, 2023). «Модернизация» и «хлопок» вкупе стали определять туманную перспективу непрерывного развития и актуальности «выхода» к цивилизованному миру. Экономическая модернизация ставится выше политической и культурной, определяя вектор развития и источник перманентных «преобразований».

Почему хлопок не стал деколониальным проектом «национального возрождения»

Хлопок в Узбекистане имел шанс стать деколониальным проектом еще в конце 1980-х годов. После провала «национализма интеллигентов» в 1990-е годы снова начала преобладать идея модернизации вместо деколониальности. Она близка и понятна властям Узбекистана, а деколониальность заменена на антиколониальный дискурс, который используется в основном в критике репрессий и недостаточного финансирования Центром советского Узбекистана. Деколониальность в большинстве случаев понимается как проявление махрового национализма или как очередной проект демодернизации в форме возврата к доколониальному состоянию. Для воспроизводства деколониального дискурса фактически отсутствует творческая интеллигенция, которая смогла бы производить альтернативные дискурсы модернизации. Деколониальный дискурс остается маргинальным. В 1990-е годы деколониальный дискурс воспроизводился некоторыми писателями и поэтами, например, Т. Мурадом, Х. Худойбердиевой. Худойбердиева писала в своих мемуарах: «Моя мать Шарафат Ханназар кизи умерла в тридцать пять лет, выпив отравленной воды

из арыка на хлопковом поле» (Қосимов, 2023: 387). В одном из своих стихотворений Худойбердиева писала: «Мои поля стали полями горьких слез моих дедов. Мои поля стали полями их горестного пота. Мои поля стали полями увядшей, как цветок, жизни моих женщин» (Худойбердиева, 2013). В 1990-х годах писатель Т. Мурад опубликовал роман «Отамдан қолган далалар» («Отчие долины»). В нем он показал сложную жизнь узбекского крестьянина за последние 150 лет. В его романе есть элементы деколониальности, и для него колониальная модернизация — это изнанка жизни с непрекращающимися репрессиями, подавление личности. Творчество Мурада долгое время было запрещенным.

В большинстве случаев деколониальный дискурс в политической и культурной жизни превращается в антиколониальный дискурс, или в романтизацию доколониальных социальных отношений, и даже в политический эскапизм. Довольно редко высказывания интеллигенции доходят до элиты или простого читателя. Отсутствует внятная рефлексия деколониальности в ситуации победившей «модернизации». Деколониальная критика трактуется властными дискурсами как часть модернизационного проекта Узбекистана, и во многих случаях этот дискурс ретроспективен, он несет в себе националистический заряд и пытается воспроизвести «национализм интеллигентов» 1980-х годов. Вездесущность модернизаторского дискурса всячески подавляет деколониальный дискурс, порой вбирая в себя элементы последнего. «Незавершенность» модернизационного проекта в современном Узбекистане проявляется в том, что модернизация пронизывает все социальные поры и тотально вобрала в себя хлопок и систему распределения ресурсов, связанных с хлопком (воду, землю, инвестиции, людской труд). «Темная сторона» модернизации, т.е. демодернизация, апеллирует к тотальной незавершенной модернизации. В этой «странной» и всегда незавершенной ситуации деколониальность и демодернизация выступают неосознанными частями модернизации.

Заключение

Хлопок — важнейший материальный символ политической идеологии узбекского общества. Хлопок стал основой как модернизационных, так и демодернизационных проектов в истории Узбекистана. Трактовки роли хлопка в истории и современности Узбекистана динамичны, часто аморфны, зависят от конкретного культурного и политического контекста. Навязанная модернизация всех сторон жизни узбекского общества в большинстве случаев приобретала форму национализма, демодернизации и антиколониализма. Эти дискурсы уживались и уживаются сейчас, и принимают разные причудливые формы, оставаясь чувствительными к внешнему влиянию и манипулированию. В 1980-е годы хлопок стал источником «национализма интеллигентов», создавая сюжеты сопротивления и борь-

бы за ресурсы. Исторически извечная «хлопковая тема» является подпиткой не только для национализмов, но и для борьбы с феодализмом узбекских элит; она выражает беспомощность социального проекта в Узбекистане, постоянно воспроизводя демо-дерновый элемент узбекской социальной жизни. Однако согласно проектам современных властей Узбекистана, хлопок обретает все признаки капитализма, а в социальной и политической жизни становится фактором возникновения новых форм национализмов.

Библиография

- Абашин С. Н. (2011). Нации и постколониализм в Центральной Азии двадцать лет спустя: переосмысливая категории анализа/практики // *Ab Imperio*. № 3. С. 193–210.
- Абашин С. Н. (2023). Зона молчания, «дело Адылова»: Центральная Азия как советский Другой // *Государство, религия, церковь за рубежом*. № 3/4(41). С. 120–148.
- Байкузиева Г. А. (2019). Содержание и особенности структуры сельского хозяйства в регионах в условиях модернизации экономики // *Проблемы современной науки и образования*. № 12-2 (145). С. 102–105.
- Баландье Ж. (2013). Колониальная ситуация: теоретический подход // *Ab Imperio*. № 2. С. 29–64.
- Беккерт С. (2014). Империя хлопка. Всемирная история. Институт Гайдара.
- Дерюгина И. В. (2018). Сельское хозяйство Узбекистана: от хлопковой монокультуры к продовольственной безопасности // *Инновации и инвестиции*. № 9. С. 65–81.
- Қосимов У., Жуманов А. (2023). Ижодкор шахс ва поэтик маҳорат (Ҳалима Худойбердиева портретиға чизгилар) // *Educational Research in Universal Sciences*. Т. 2. № 18 SPECIAL.
- Малахов В. С. (2021). Национализм: ускользающий объект // *Социология власти*. Т. 33. № 2. С. 8–30.
- Назаров О. М. (2023). Усиление хлопковой монополии в Сурхандарьинской области и его социально-экономические последствия // *Образование и инновационные исследования*. № 6. С. 45–48.
- Нарзикулов Р. (1991). Двумилый Янус в сердце Азии: некоторые итоги 70-летнего развития среднеазиатских республик в составе СССР // *Восток*. № 5. С. 121–129.
- Поляков С. П. (1989). Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М..
- Ражабов Ф. Т. (2014). Фермерские хозяйства Узбекистана: развитие и региональные особенности // *Позиционирование России и ее регионов в современном мире: общественно-географический анализ и прогноз*. СПб.: ЦУП. С. 152–157.
- Растяников В. Г. (1996). Узбекистан. Экономический рост в агросфере: аномалии XX века. М.: Институт Востоковедения РАН.
- Садыкова Ш. М. (2019). Системная модернизация Узбекистана // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. № 2-1.
- Уляхин В. Н. (1991). Многоукладность в советской и зарубежной Азии // *Восток*. № 5.
- Уяма Т. (2021). Влияние перемен периода перестройки на становление политических систем стран Центральной Азии: чувство угрозы и авторитаризм // *Международная аналитика*. Т. 12. № 1. С. 55–73.
- Халматжанова Г. (2020). Кластеры — фактор, определяющий развитие аграрного сектора Республики Узбекистан // *Развитие регионального АПК и сельских территорий: современные проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, СибНИИЭСХ СФНЦА РАН, Новосибирский ГАУ. Новосибирск, 15–16 октября 2020 г.* Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос».
- Худойбердиева Ҳ. (2013). Буюк қушлар. Тошкент.

- Юнусова Х. Э. (2018). XX век Узбекистан: некоторые вопросы изучения по «хлопковому делу» // Проблемы современной науки и образования. № 4 (124). С. 70–74.
- Юсупов З. (2023). Пути улучшения технической модернизации сельского хозяйства Республики Узбекистан // Международная конференция академических наук. Т. 2. № 5. С. 87–90.
- Cucciolla R.-M. (2017). Legitimation through Self-victimization the Uzbek Cotton Affair and its repression narrative (1989-1991) // Cahiers du monde russe. № 58(4). P. 639-668.
- International Crisis Group (ICG). (2005). The Curse of Cotton: Central Asia's Destructive Monoculture.
- Obertreis J. (2017). Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991. V&R Unipress.

Cotton as a resource for (de)modernization and a source of nationalism in Uzbekistan

Bakhtiyor A. Alimdzhanov, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Anthropology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. Mirzo Ulugbek St., 81, Tashkent, 100170, Uzbekistan. E-mail: balimdzhanov@gmail.com

Abstract. The article considers the role of cotton as a resource for modernization and de-modernization of social life in Uzbekistan from the late 1980s to the present day. The author argues that cotton was a key product in the colonial period, and its perception as a de-modernizing force changed from the late 1980s to the mid-1990s; that cotton has become an integral part of the Uzbek political ideology, and every type of Uzbek nationalism is based on the perception of cotton. The article presents the changing interpretations of cotton's role in the Uzbek history as determined by cultural-political contexts, raising the following research questions: how cotton growing turned from a modernization project to a de-modernization project; how this transformation affected culture and worldview of the intellectual elite; how cotton once again become a source for modernization in independent Uzbekistan in the 2000s; why cotton has not become a de-colonial project of “national awakening”. The author refers to the works of S. N. Abashin on nationalism, describing Uzbek nationalism as situational and depending mainly on the historical context and interests of elites: cotton is perceived as part of de-modernization project in Uzbekistan and as a failed Soviet experiment; at the same time, the perception of cotton became a catalyst for nationalism of the “blame-the-Soviets” type, i.e., the Soviet modernization project is blamed for all the troubles and declared a “de-modernization” project. Uzbek nationalism of the 1980s was very different from that of the 2000s: the former emphasized the need to “fix” the Soviet system, while the latter was rather utopian due to its focus on modernization and perception of cotton as *Other*.

Key words: cotton, modernization, Uzbekistan, “nationalism of intellectuals”, S. N. Abashin, G. Balandier

References

- Abashin S. N. (2011) Natsii i postkolonializm v Tsentralnoi Azii dvadtsat let spustya: pereosmyslivaya kategorii analiza/praktiki [Nations and postcolonialism in Central Asia twenty years later: Rethinking categories of analysis/practice]. *Ab Imperio*, no 3, pp. 193–210.
- Abashin S. N. (2023) Zona molchaniya, “delo Adylova”: Tsentralnaya Aziya kak sovetsky Druh [Zone of silence, the “Adylov case”: Central Asia as the Soviet Other]. *Gosudarstvo, Religiya, Tserkov za Rubezhom*, no 3/4, pp. 120–148.
- Baikuzieva G. A. (2019). Soderzhanie i osobennosti struktury selskogo khozyaistva v regionah v usloviyah modernizatsii ekonomiki [Content and features of the structure of regional agriculture under economic modernization]. *Problemy Sovremennoi Nauki i Obrazovaniya*, no 12–2, pp. 102–105.

- Balandier G. (2013) Kolonialnaya situatsiya: teoretichesky podkhod [Colonial situation: A theoretical approach]. *Ab Imperio*, no 2, pp. 29–64.
- Beckert S. (2014) *Imperiya khlopka. Vsemirnaya istoriya* [Empire of Cotton: A Global History], Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara.
- Cucciolla R.-M. (2017) Legitimation through self-victimization: The Uzbek cotton affair and its repression narrative (1989–1991). *Cahiers du Monde Russe*, vol. 58, no 4, pp. 639–668.
- Deryugina I. V. (2018) Selskoe khoziaistvo Uzbekistana: ot khlopkovoi monokultury k prodovolstvennoi bezopasnosti [Agriculture in Uzbekistan: From cotton monoculture to food security]. *Innovatsii i Investitsii*, no 9, pp. 65–81.
- International Crisis Group (ICG) (2005) *The Curse of Cotton: Central Asia's Destructive Monoculture*, ICG.
- Khalmatshanova G. (2020) Klastery — faktor, opredelyayushchy razvitie agrarnogo sektora Respubliki Uzbekistan [Clusters as a factor determining the development of the agricultural sector in the Republic of Uzbekistan]. *Razvitie regionalnogo APK i selskikh territoriy: sovremennyye problemy i perspektivy*, Novosibirsk: “Zolotoy kolos”.
- Khudoyberdieva Kh. (2013) *Buyuk qushlar* [Great Birds], Tashkent.
- Malakhov V. S. (2021) Natsionalizm: uskolzayushchy ob'ekt [Nationalism: An elusive object]. *Sotsiologiya Vlasti*, vol. 33, no 2, pp. 8–30.
- Nazarov O. M. (2023) Usilenie khlopkovoy monopolii v Surkhandarinskoy oblasti i ego sotsialno-ekonomicheskie posledstviya [Strengthening cotton monopoly in the Surkhandarya Region and its social-economic consequences]. *Obrazovanie i Innovatsionnyye Issledovaniya*, no 6, pp. 45–48.
- Narzikulov R. (1991) Dvuliky Janus v serdtse Azii: nekotorye itogi 70-letnego razvitiya sredneaziatskikh respublik v sostave SSSR [Two-faced Janus in the heart of Asia: Some results of the 70-year development of Central Asian republics in the USSR]. *Vostok*, no 5, pp. 121–129.
- Obertreis J. (2017) *Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991*, V&R Unipress.
- Polyakov S. P. (1989) *Traditsionalizm v sovremenном sredneaziatskom obshchestve* [Traditionalism in the Contemporary Central Asian Society], Moscow.
- Qosimov U., Zhumanov A. (2023) Izhodkor shakhs va poetik maxorat (Xalima Khudoiberdieva portretiga chizgilar) [Creative personality and poetic skill (a portrait of Khalima Khudoyberdieva)]. *Educational Research in Universal Sciences*, vol. 2, no 18.
- Razhabov F. T. (2014) *Fermerskie khoziaistva Uzbekistana: razvitie i regionalnye osobennosti* [Uzbek farms: Development and regional features]. *Pozitsionirovanie Rossii i ee regionov v sovremenном mire: obshchestvenno-geografichesky analiz i prognoz*, Saint Petersburg: TsUP Publ.
- Rastyannikov V. G. (1996) *Uzbekistan. Ekonomichesky rost v agrosfere: anomalii XX veka* [Uzbekistan. Economic Growth in Agriculture: Anomalies of the 20th Century], Moscow: Institut vostokovedeniya RAN.
- Sadykova Sh.M. (1991) Sistemnaya modernizatsiya Uzbekistana [Systemic modernization of Uzbekistan]. *Bolshaya Evraziya: razvitie, bezopasnost, sotrudnichestvo*, no 2–1.
- Ulyakhin V. N. (1991) *Mnogoukladnost v sovetskoy i zarubezhnoy Azii* [Multi-Structure in Soviet and foreign Asia]. *Vostok*, no 5.
- Uyama T. (2021) Vliyaniye peremen perioda perestroiki na stanovleniye politicheskikh sistem stran Tsentralnoy Azii: chuvstvo ugrozy i avtoritarizm [The impact of the perestroika changes on political systems in Central Asian countries: A sense of threat and authoritarianism]. *Mezhdunarodnaya Analitika*, vol. 12, no 1, pp. 55–73.
- Yunusova Kh.E. (2018) XX vek Uzbekistan: nekotorye voprosy izucheniya po “khlopkovomu delu” [20th-century Uzbekistan: Some issues of the “cotton case”]. *Problemy Sovremennoy Nauki i Obrazovaniya*, no 4, pp. 70–74.
- Yusupov Z. (2023) Puti uluchsheniya tekhnicheskoy modernizatsii selskogo khoziaistva Respubliki Uzbekistan [Ways to improve the technical modernization of agriculture in the Republic of Uzbekistan]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya akademicheskikh nauk*, vol. 2, no 5, pp. 87–90.

Структура потребления традиционных блюд сельским населением Республики Саха (Якутия): зональные, этнокультурные и сезонные различия¹

В. Д. Парилова, Т. Н. Гаврильева

Варвара Даниловна Парилова, аспирант, Высшая школа экологических наук Университета Тохоку, Сендай, Япония; аспирант, Финансово-экономический институт Северо-Восточного федерального университета. 677000, Якутск, ул. Белинского, 58. E-mail: varvaraparilova@gmail.com

Туйара Николаевна Гаврильева, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель отдела ГБУ «Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия)». 677000, Якутск, ул. Курашова, 22. E-mail: tuyara@list.ru

EDN: QNTRHC

Аннотация. Статья представляет количественное описание структуры современного рациона сельского населения Республики Саха (Якутия) на основе данных опросного обследования 400 домохозяйств в 18 поселениях, проведенного в 2021–2023 годах. В фокусе анализа — 40 наименований традиционных блюд, по которым в анкете фиксировались самоотчетные данные о повседневной и сезонной частоте потребления. Анализ выстраивается в трех измерениях: повседневном, региональном (по социально-экономическим зонам) и сезонном. Результаты показывают наличие устойчивой группы технологически простых блюд (мясной суп, оладьи, варенье и морсы из местных ягод), формирующих общий повседневный слой питания во всех обследованных зонах. Региональные различия проявляются в распространенности блюд, связанных с локальными типами хозяйства: оленины — в арктических и южных поселениях, молочных и мясных блюд — в центральных и западных, северной рыбы — в арктических селах русских старожилов и эвенков. Особого внимания заслуживает значительное расхождение между сезонной и повседневной частотой потребления ряда блюд (кумыс — 43,5% в июне против 1–4% в режиме регулярного потребления; строганина — 76,3% в декабре против 2–31% регулярно), указывающее на специфический режим сезонно-маркированного присутствия этих блюд в рационе. Сопоставление полученной структуры сезонности с классической периодизацией питания якутов, описанной А. А. Саввиным на материале 1930–1940-х годов, обнаруживает значительную преемственность четырехтактного календарного ритма при исчезновении тех материальных условий, которые в тот период делали этот ритм необходимым. Объяснение механизмов вос-

1. Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-55-70104 (2021–2023 гг.) и государственного задания ГБУ АНИЦ РС (Я) на НИР «Адаптация механизмов управления устойчивым развитием северных и арктических территорий в условиях изменения климата» (2025 г.), приказ МОиН РС (Я) № 01-03/2583 от 27.12.2024 г.

производства этой темпоральной структуры выходит за рамки настоящей описательной работы.

Ключевые слова: социология и антропология питания, коренные народы Севера, Республика Саха (Якутия), традиционные блюда, сезонность питания, пищевые системы

*В. Д. Парилова,
Т. Н. Гаврильева*
Структура потребления традиционных блюд сельским населением Республики Саха (Якутия): зональные, этнокультурные и сезонные различия

Пищевые системы сельских сообществ Республики Саха (Якутия) находятся в состоянии непрерывной реконфигурации. На протяжении последних столетий — с включением региона в имперские, советские и постсоветские экономические и культурные системы — менялись и состав ежедневной пищи, и практики ее добычи, заготовки и обмена. Современный этап этой длительной трансформации связан с интенсивным включением рыночных продуктов в рацион, изменением технологий заготовки и хранения, трансформацией хозяйственных укладов и климатическими сдвигами. Эти процессы в литературе о продовольственных системах коренных народов редко описываются как простое вытеснение локальных продуктов индустриальными: исследования последних двух десятилетий показывают, что речь идет об изменении пищевых систем, при котором локальное и рыночное, повседневное и сезонно-праздничное, домашнее производство и рыночные поступления образуют сложные гибридные конфигурации (Crate, 2006; Kuhnlein, Receveur, 1996; Васильева, Гаврилова, 2022; Кадук, 2017; Takakura, 2015). Понимание структуры этой реконфигурации значимо как для исследований продовольственной безопасности и адаптации к климатическим изменениям, так и для документации устойчивости пищевых культур коренных народов.

Сельская Якутия представляет собой яркий показательный кейс. Регион сочетает значительное этническое и природно-климатическое разнообразие, длительную историю государственной (советской и постсоветской) трансформации хозяйственных укладов, высокую логистическую сложность и сохраняющуюся опору значительной части сельского населения на локальные пищевые ресурсы. Существующие работы по питанию коренных народов Якутии преимущественно носят историко-этнографический характер (Чикачев, 1990; Николаев, 2010; Саввин, 2005), либо сосредоточены на отдельных аспектах — роли оленины (Роббек и др., 2015), роли скотоводства (Crate, 2006), культуре холода (Романова, Данилова, Алексеева, 2024; Сулейманов, 2018). Систематические количественные описания современного рациона с межзональным и межэтническим сопоставлением на уровне региона остаются редкими (например, Борисова (Иванова) и др., 2020).

Настоящая статья представляет результаты первого этапа двух-этапного опросного обследования 400 сельских домохозяйств в 18 поселениях Республики Саха (Якутия) (2021–2023 гг.), реализованного в рамках международного исследовательского проекта (García

Molinos et al., 2022, 2024). Анализ сосредоточен на 40 наименованиях традиционных блюд, по которым в анкете фиксировались самоотчетные данные о частоте регулярного и сезонного потребления. В фокусе внимания — три взаимосвязанных вопроса: какие традиционные блюда сохраняются в современном рационе сельского населения; как их потребление различается по социально-экономическим зонам и этнокультурным группам; и какую сезонную структуру оно демонстрирует. Под «традиционными» в работе понимаются блюда, основанные на локальных природных ресурсах и технологиях их обработки, имеющие длительную историю использования в местных сообществах и воспринимаемые жителями как культурно значимые; «традиционность» при этом рассматривается как исторически сформированный конструкт, а не как неизменная данность (Hobsbawm, Ranger, 2012).

Статья носит преимущественно описательный характер. Ее цель — представить систематическое количественное описание структуры современного питания сельской Якутии в зональном, этнокультурном и сезонном измерениях. Вопрос о механизмах воспроизводства наблюдаемой структуры — прежде всего темпоральной, обнаруживающей значительную преемственность с периодизацией А. А. Саввина (2005) при отсутствии прежних материальных оснований ее необходимости, — требует отдельного теоретического анализа, выходящего за рамки настоящей работы.

Цель и задачи исследования

Настоящее исследование выполнено в области антропологии питания, в традиции изучения пищевых систем северных сельских сообществ (Kuhnllein, Reseveur, 1996), и направлено на систематическое описание структуры потребления традиционных блюд сельским населением Республики Саха (Якутия) в трех измерениях — повседневном, региональном и сезонном. В число задач работы входят: оценка повседневной и сезонной частоты потребления 40 наименований традиционных блюд в обследованных сельских поселениях; выявление зональных и этнокультурных различий в распространенности отдельных блюд и групп блюд; описание сезонной структуры потребления, включая сопоставление с классической периодизацией питания, описанной А. А. Саввиным в 1940–1950-х годах (2005)². Анализ ориентирован на эмпирическое описание; вопрос о механизмах воспроизводства фиксируемой структуры составляет предмет отдельной работы.

2. Саввин реконструировал систему питания саха до развития земледелия (то есть до середины XIX века) на основе архивных и устных источников. Его работа впервые была опубликована в 2005 году.

Республика Саха (Якутия) занимает обширную территорию с низкой плотностью населения (0,32 чел./км²) и высокой степенью природного и культурного разнообразия. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 года, на начало 2021 года численность населения составляла 981,9 тыс. человек, из которых 32,4% проживало в сельской местности³. Несмотря на малую численность, в регионе сосуществуют более 130 этнических групп. Наиболее многочисленны саха (якуты) и русские, также широко представлены коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока (эвенки, эвены, юкагиры, чукчи, долганы). Особую этнокультурную группу составляют русские старожилы (Боякова, 2012: 75). Природно-климатическое разнообразие (тайга, тундра, лесотундра, прибрежные территории) определяет хозяйственные практики и продовольственные системы региона. В сельской местности сохраняется зависимость от локальных ресурсов, что поддерживает ключевую роль традиционной пищи в рационе.

Эмпирическая база настоящей статьи представляет собой первый этап двухэтапного систематического обследования сельских домохозяйств Якутии (two-stage systematic household survey), реализованного в рамках совместного международного исследовательского проекта; подробное методологическое описание дизайна опубликовано в: (García Molinos et al., 2024). Полевая работа первого этапа проведена в июне-декабре 2021 года; в трех поселениях обследование было проведено в начале 2022 года в связи с сезонными проблемами доступности.

Выборка сформирована методом целевой стратификации по пяти социально-экономическим зонам Республики Саха (Якутия): Арктической (5 поселений), Центральной (7), Южной (1), Восточной (1) и Западной (4) (рис. 1). Отбор поселений внутри страт проводился неслучайным образом — по совокупности содержательных критериев головного проекта: (1) распределение по пяти экономическим зонам; (2) людность поселения; (3) преобладающий тип традиционной хозяйственной деятельности (оленоводство, скотоводство и коневодство, рыболовство, охотничий промысел); (4) этнокультурная композиция по данным ВПН 2010 (поселения с преобладанием саха, эвенов, эвенков, русских старожилов и смешанные); (5) транспортная доступность в полевой период, что в условиях бездорожья и зимников Якутии является существенным ограничением для полевой работы. Соответственно, выборку 400 домохозяйств в 18 поселениях следует рассматривать как целевую стратифицированную, а не вероятностную: она не предназначена для статистического оценивания параметров генеральной совокупно-

*В. Д. Парилова,
Т. Н. Гаврильева*
Структура потребления традиционных блюд сельским населением Республики Саха (Якутия): зональные, этнокультурные и сезонные различия

3. Республика Саха (Якутия) в цифрах: Краткий статистический сборник, 2024.

сти сельского населения Якутии, а ориентирована на содержательное сопоставление социально-экономических зон с контрастными хозяйственными и этнокультурными профилями. В связи с этим в статье не приводится случайная ошибка выборки и доли по результатам опроса не интерпретируются как оценки соответствующих долей в генеральной совокупности.

Обследование охватило 400 частных домохозяйств 18 поселений в 16 районах республики. Людность поселений, согласно ВПН 2020, варьировалась от 99 до 2172 человек (табл. 1). Средний размер домохозяйства составил 3,5 человека. Среди участников опроса 35,3% были моложе 18 лет, 52,9% — в возрасте от 18 до 59 лет, 11,4% — старше 60 лет; 49,8% составили женщины, 47,2% — мужчины, 3% не указали пол.

Единицей анализа в настоящем исследовании является домохозяйство. На каждое домохозяйство заполнялась одна анкета; информантом выступал глава семьи или иной член домохозяйства, играющий ключевую роль в заготовке, приготовлении и распределении пищи, в подавляющем большинстве случаев — взрослая женщина, что отражает гендерное распределение домашнего и пищевого труда в сельских домохозяйствах региона.

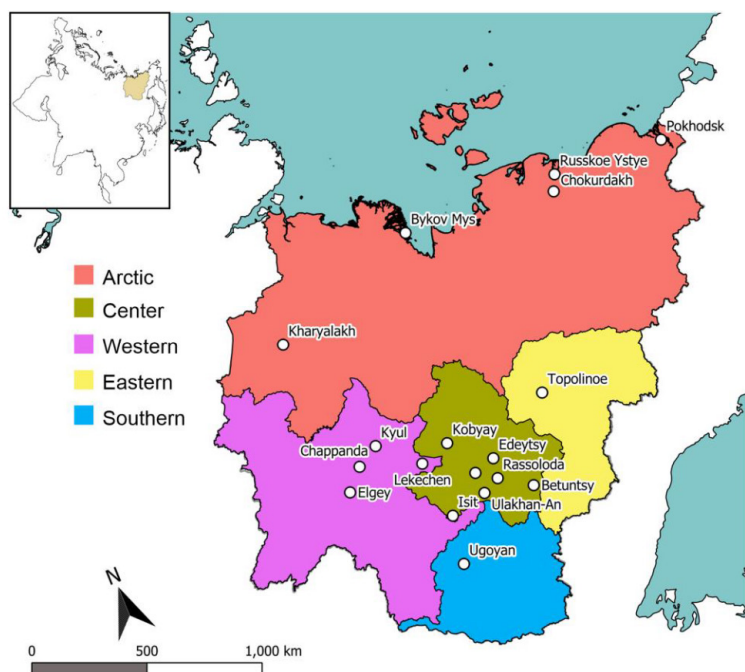

Рис. 1. Карта Республики Саха (Якутия) с указанием границ социально-экономических зон и расположения обследованных поселений

Социально-экономическое обследование сельских домохозяйств производилось на основе анкеты из 99 вопросов, охватывающих демографию, денежные доходы и натуральные поступления, потребление товаров и услуг, ведение личного подсобного и традиционного хозяйства, доступность природных ресурсов и наблюдаемые климатические изменения. Часть вопросов была открытой.

Опрос проводился очно с информированием жителей через администрацию поселения. Анкеты заполнялись интервьюерами со слов информанта в общественных местах (клуб, администрация) или по месту проживания. Случаи отказа от участия были немногочисленны и в подавляющем большинстве связаны не с принципиальным нежеланием отвечать, а с отсутствием взрослых членов домохозяйства в момент обхода или занятостью взрослых; в таких случаях производилась замена домохозяйства в пределах того же поселения. Формальные коэффициенты результативности (response rate, cooperation rate) систематически не фиксировались, что мы признаем как ограничение проекта.

Для изучения частоты употребления блюд, которые в данном исследовании классифицируются как традиционные, исследовательской группой проекта был составлен список из 40 наименований, основанный на обзоре научной и популярной литературы (Илларионов, Илларионова, 2019; Оконешникова, 2021; Тарбахов, 2009). В опроснике также предусматривалась возможность выбора пункта «Другое» с добавлением блюда по усмотрению респондента.

Данные о частоте регулярного и сезонного потребления получены методом самоотчетов респондентов. Они отражают разделяемую в обследованных домохозяйствах нормативную структуру практик — представление о том, какие блюда и в какое время принято употреблять, — а не результат прямого наблюдения за пищевым поведением или фиксации фактического потребления. Соответственно, приводимые в статье показатели частоты следует интерпретировать как характеристики коллективной нормативной картины питания, а не как точные оценки доли домохозяйств, фактически потребляющих то или иное блюдо в конкретный календарный период.

*В. Д. Парилова,
Т. Н. Гаврильсва*
Структура потребления традиционных блюд сельским населением Республики Саха (Якутия): зональные, этнокультурные и сезонные различия

СОВРЕМЕННОСТЬ

Социально-экономические зоны	Муниципальные районы	Национальный состав населения муниципального района (ВПН 2020)	Поселение	Кол-во домохозяйств	Виды хозяйственной деятельности (полевые материалы авторов)
Северная (Арктика)	Нижнеколымский	Русские (в т.ч. русские старожилы), саха (якуты), эвены, чукчи, юкагиры. В с. Походск живут преимущественно русские старожилы	Походск	10	Оленеводство, рыбалка, собирательство
	Оленекский	Эвенки, саха (якуты). В с. Харыялах живут преимущественно эвенки	Харыялах	25	Оленеводство, охота, рыбалка, собирательство
	Булунский	Русские (в т.ч. русские старожилы), эвенки, саха (якуты), эвены. В с. Быков Мыс живут преимущественно эвенки	Быков Мыс	15	Рыбалка, охота, собирательство
	Аллаиховский	Саха (якуты), русские (в т.ч. русские старожилы), эвены, юкагиры. В с. Русское Устье живут преимущественно русские старожилы	Чокурдах	35	Рыбалка, охота, собирательство
			Русское Устье	10	Рыбалка, собирательство
Центральная	Амгинский	Саха (якуты)	Бетюнцы	30	Скотоводство, собирательство
	Хангаласский	Саха (якуты), русские. В селах Исит и Улахан-Аан живут преимущественно саха (якуты)	Исит	10	Скотоводство и коневодство, охота, собирательство
			Улахан-Аан	30	Скотоводство и коневодство, охота, собирательство
	Кобяйский	Саха (якуты), русские, эвены. В селе Кобяй живут преимущественно саха	Кобяй	35	Рыбалка, охота
	Горный	Саха (якуты)	Магарас	25	Скотоводство и коневодство, охота, собирательство
	Намский	Саха (якуты)	Едейцы	30	Скотоводство и коневодство, охота, собирательство
	Мегино-Кангаласский	Саха (якуты)	Рассолода	15	Скотоводство и коневодство, охота, собирательство

Западная	Верхневиллюйский	Саха (якуты)	Кюль	20	Скотоводство и коневодство, охота, собирательство
	Виллюйский	Саха (якуты)	Лекечен	15	Скотоводство и коневодство, охота, собирательство
	Нюрбинский	Саха (якуты)	Чап-пан-да	25	Скотоводство и коневодство, охота, собирательство
	Сунтарский	Саха (якуты)	Эльгяй	35	Скотоводство и коневодство, охота, собирательство
Восточная	Томпонский	В районе в целом: саха (якуты), русские, эвены. В с. Тополиное живут преимущественно эвены	Тополиное	25	Оленеводство, охота
Южная	Алданский	Русские, эвены, саха (якуты). В с. Угоян живут преимущественно эвены	Угоян	10	Оленеводство, охота

В этой статье традиционными мы считаем блюда, которые:

- основаны преимущественно на локальных природных ресурсах и технологиях их обработки;
- имеют длительную историю использования в местных общинах;
- воспринимаются жителями как культурно значимые.

При этом «традиционность» рассматривается как конструкт: каждое такое блюдо когда-то имело исторические истоки и создавалось людьми, а не существует как неизменное данное.

Методология сбора данных включала фиксацию как частоты употребления, так и календарного периода употребления каждого блюда. Так как блюда, которые мы исследуем, употребляются с разной частотой в разные месяцы, при расчете медианы или среднего количества дней употребления продукта, эти события в некоторых случаях могут быть «размыты» нулевыми или низкими значениями, что приведет к занижению истинного влияния событий. В связи с этим методология анализа была структурирована на два направления: (1) частота и (2) сезонность потребления блюд по месяцам. Процесс категоризации блюд на часто и редко употребляемые в пищу основывался на подсчете количества домохозяйств (%), употреблявших продукт чаще одного раза в неделю в течение по крайней мере шести месяцев за последний год. Для определения списка сезонных и несезонных блюд было выяснено количество домохозяйств (максимум 400), употреблявших в пищу блюда из списка в определенный месяц. Месяцы в таблицах сгруппиро-

ваны по сезонам; исключения составляют ноябрь (межсезонье между осенью и зимой, время забоя скота) и март (межсезонье между зимой и весной, начало отела). Затем блюда были упорядочены по разнице между месяцами с минимальным и максимальным потреблением: если разница составляла менее 20% от максимального значения, блюдо относилось к несезонным, после чего все блюда ранжировались по частоте потребления.

Ограничения

Дизайн исследования имеет ряд ограничений, которые мы фиксируем для корректной интерпретации результатов. Во-первых, выборка является целевой стратифицированной, а не вероятностной; приводимые проценты описывают распределения в обследованной совокупности 400 домохозяйств 18 поселений и не являются оценками параметров генеральной совокупности сельского населения Республики Саха (Якутия). Во-вторых, систематический учет коэффициентов результативности и подробная статистика отказов в ходе полевой работы не велась. В-третьих, единицей анализа выступает домохозяйство, и внутридомохозяйственные различия в пищевых практиках не реконструируются. В-четвертых, ретроспективный характер вопросов о частоте и сезонности потребления влечет известный риск ошибки воспоминания (recall bias), типичный для пищевых обследований такого типа. Эти ограничения, однако, не препятствуют решению поставленных задач: исследование является дескриптивно-сопоставительным, а не оценивающим параметры популяции, и его выводы следует интерпретировать в логике сопоставления социально-экономических зон и этнокультурных групп, а не репрезентации сельского населения Якутии в целом.

Результаты

Категоризация традиционных блюд на часто и редко употребляемые в пищу

Анализ показал наличие универсального ядра рациона сельского населения Якутии (из традиционных блюд), которое остается относительно стабильным независимо от географических и этнических различий. Мясной суп демонстрирует самые высокие показатели регулярного употребления во всех поселениях и зонах (табл. 2). Это отражает глубокую укорененность мяса в жизни народов Якутии: в условиях сурового климата оно является источником энергии, белка и жира (Сукнева и др., 2019; Роббек и др., 2015). При этом состав супа варьируется в зависимости от места проведения опроса: в Арктике, а также в Южной и Восточной Якутии, где пре-

имущественно проживают эвенки и эвены, его готовят из оленины, тогда как в Западной и Центральной, населенной преимущественно саха, из говядины.

Варенье из местных ягод занимает второе место по популярности и также употребляется регулярно повсеместно с вариацией процентного употребления от 52 до 80%. Морс из местных ягод регулярно употребляют от 38% домохозяйств в Арктике до 80% в Восточной Якутии. Эта закономерность отражает не только пищевые предпочтения, но и адаптивные стратегии населения к местным природным ресурсам. Популярность блюд из ягод указывает на сохранение практик использования дикоросов, которые исторически играли ключевую роль в обеспечении витаминами в условиях короткого северного лета (Саввин, 2005: 34).

Оладьи регулярно едят в 49–64% домохозяйств по всем районам. Это свидетельствует об успешной интеграции блюда в кулинарную систему Якутии, где оно заняло нишу простого, сытного и технологически доступного продукта, который сейчас используется в том числе как ритуальное подношение (Борисова и др., 2020: 82). К распространенным, но менее регулярным блюдам можно отнести пирожки, якутскую лепешку, якутские вафли, ойбоҕос (мясное блюдо из ребер), малосольную рыбу, суорат, халахыты.

Таблица 2. Доля домохозяйств, заявивших о потреблении блюда не реже одного раза в неделю в течение шести и более месяцев в предыдущем году, %

Социально-экономические зоны	РС(Я)	Северная (Арктика)	Западная	Центральная	Южная	Восточная
Мясной суп	91	82	97	93	80	100
Варенье из местных ягод	65	52	61	73	80	76
Оладьи	56	55	49	59	60	64
Морс	54	38	49	61	70	80
Сметана (суегэй), сливки	43	15	56	53	20	40
Пирожки	42	56	33	36	40	64
Оленина жареная	26	71	2	1	70	100
Оленина вареная	25	69	2	1	70	100
Суорат	23	2	33	30	20	24
Күөрчэх (взбитые сливки)	20	0	15	33	20	24
Лепешка якутская	17	13	22	15	10	24
Малосольная рыба	16	26	6	10	10	52
Жареные караси	15	3	21	19	0	8
Суп из карасей	15	1	21	20	0	8

*В. Д. Парилова,
Т. Н. Гаврильева*
Структура потребления традиционных блюд сельским населением Республики Саха (Якутия): зональные, этнокультурные и сезонные различия

Суп из потрохов	13	2	19	14	0	24
Якутские вафли	12	11	15	10	10	12
Ойобос (блюдо из ребер)	11	15	11	6	10	24
Строганина	10	31	5	2	0	16
Халахыты	10	1	18	11	10	4
Замороженная жеребятина	10	1	20	9	0	8
Жареная рыба	8	19	6	3	10	8
Печень замороженная	8	8	8	5	0	32
Балык	8	16	5	4	0	20
Утиный суп	7	1	14	7	0	8
Быырпах	7	2	7	9	0	12
Кровяная колбаса (хаан)	6	1	9	6	0	20
Мүһэ	6	4	3	6	0	20
Саламаат	5	4	5	5	0	8
Индиگیرка	5	11	3	1	0	16
Харта	4	0	8	4	0	8
Чохоон	4	0	6	2	0	24
Кумыс	4	1	4	4	0	8
Утэһэлээх эт	3	1	6	1	0	12
Юкола	3	6	1	1	0	12
«Мартышки»	3	0	5	2	0	8
Тугунки	2	2	2	1	0	4
Вареный или тушеный заяц	2	0	1	1	0	12
Суп из бычьих хвостов	2	0	2	2	0	4
Тансык	1	1	2	1	0	4
Хайах	1	0	2	1	0	4

Этнокультурные и региональные особенности

Региональные различия связаны прежде всего с типами традиционной хозяйственной деятельности и этническим составом населения, а также транспортной удаленностью и доступностью тех или иных пищевых видов. Например, в Южной Якутии, где исследование проводилось только в одном эвенкийском селе, отмечено меньшее разнообразие традиционных блюд, что может быть объяснено не только этническими особенностями, но и изолированностью села, сообщение с которым в летнее время может быть только по реке, а также отсутствием некоторых пищевых видов (караси, различные виды белой рыбы).

Употребление оленины (вареной и жареной) особенно различается по зонам. Например, в Центральной и Западной Якутии ее почти не едят, тогда как в Арктике ее регулярно употребляют в 69–71% опрошенных домохозяйств. Южная и Восточная части Якутии также демонстрируют высокую популярность оленины, что может быть связано с тем, что села Угоян и Тополиное являются местами проживания коренных малочисленных народов Севера (эвенков и эвенов соответственно), а также ввиду ее доступности и относительной дешевизны по сравнению с привозным мясом — говядиной или свининой. Оленину можно купить в местных магазинах или с рук по доступной цене. Кроме того, в Якутии сохраняется практика деления добытым на охоте мясом, рыбой и дичью с родственниками и соседями, у эвенков и эвенов этот обычай называется «нимат» (Сирина, 2012). У якутов (саха) есть упоминания о следующих практиках передачи еды — «кэһии» (гостинец) (полевые материалы авторов, 2021–2023) или «абыратыы» (социальная помощь) (Argounova-Low, 2009: 486). Однако формы потребления оленины меняются. Если в более раннее время оленина употреблялась преимущественно в вареном виде, то сейчас она встраивается в гибридные пищевые конфигурации, сочетающие локальный белок с дешевыми и хорошо хранимыми покупными продуктами. Обследование суточного рациона питания в с. Харыялах в ноябре 2022 года показало, что подавляющее большинство опрошенных ужинает олениной с макаронами — в частности, в виде «макарон по-флотски», последние являются недорогим, легким в транспортировке и хранении источником углеводов.

Потребление молочных продуктов демонстрирует противоположную картину. Разведение крупного рогатого скота и лошадей является традиционной хозяйственной деятельностью саха (якутов), поэтому потребление сметаны (сливок) в селах Западной и Центральной Якутии составляет 53–56% против 15–20% в Северной (Арктической) и Южной Якутии. Там же выше потребление блюд из мяса КРС и лошадей (замороженная жеребятина, замороженная печень, кровяная колбаса (хаан), харта и др.), других молочных продуктов (чохоон), а также блюд из дичи (утинный суп) и карасей (озерная рыба).

В с. Тополиное, где проживают эвены, зафиксирован широкий ассортимент блюд, традиционных как для этого народа, так и для саха (якутов), что свидетельствует о широком проникновении якутской кухни в этот регион, несмотря на то что животноводство там представлено в основном оленеводством. И наоборот, в изолированных арктических селах Русское Устье и Походск (преимущественно русские старожилы), Быков Мыс (преимущественно эвенки) молочные и мясные блюда якутской кухни гораздо менее распространены, но очень высока доля северной рыбы в рационе. В связи с этим нужно заметить, что список блюд, которые мы использовали для нашего исследования, не является исчерпывающим.

К примеру, как отмечает А. Г. Чикачев, гастрономический репертуар русских старожилов характеризуется значительным разнообразием рыбных блюд (более 30 наименований) (Чикачев, 1990).

Анализ сезонности потребления традиционных блюд

А. А. Саввин в своей фундаментальной монографии «Пища якутов до развития земледелия» выделил четыре периода, основываясь на колебаниях в питании. Өлүк сах, весенний период недоедания, начинающийся в апреле, характеризовался истощением зимних запасов и минимальной продуктивностью скота. Сайынҕы ускэм, летний период изобилия, отмечался массовым производством молочных продуктов и активной заготовкой природных ресурсов. Балаҕан аһа, осенний период недостатка, представлял собой переходное время, когда летняя продуктивность снижалась, но зимние запасы еще оставались нетронутыми. Наконец, куһунҕу ускэм, осенне-зимний период изобилия, знаменовался забоем скота, масштабной рыбной ловлей и использованием накопленных запасов (Саввин, 2005: 27).

Современные данные демонстрируют поразительную устойчивость этих паттернов (табл. 3). Зимний период с ноября по январь действительно характеризуется максимальным разнообразием и интенсивностью употребления традиционных блюд. Строганина достигает пика в декабре с показателем 76,3% домохозяйств, индигирка (салат из замороженной рыбы) поднимается до 59,8%, замороженная печень до 67,8%, замороженная жеребятина до 59,5%. Эти цифры контрастируют с летними минимумами: строганина падает до 35,3% в июле, индигирка до 26,5%, демонстрируя разницу в 54–56% от максимальных значений. Летний период сохраняет свою специфику как время молочного изобилия. Кумыс достигает пика в июне (43,5%), что более чем в два раза превышает его зимнее употребление (20,8% в ноябре). Бырпах (кисломолочный напиток) демонстрирует еще более выраженную сезонность, поднимаясь с зимних 25,8% до летних 51,8%.

Согласно нашим данным, в сельских поселениях Якутии наблюдается четкая структура сезонности традиционных блюд: дихотомия между зимней и летней кухней сохраняется (рис. 2). Зимний полюс сосредоточен вокруг технологий заморозки мясных и рыбных продуктов. Строганина, индигирка, замороженная жеребятина и печень формируют кластер блюд, потребление которых достигает максимума в декабре-январе и минимума в летние месяцы. Этот паттерн может отражать не просто доступность холода для естественной заморозки, но и более глубокую культурную логику, согласно которой зима воспринимается как время изобилия, а холод — как ресурс (подробнее о влиянии холода на культуру питания народов Якутии у Романова, Данилова, Алексеева, 2024; Су-

лейманов, 2018). Летний полюс концентрируется вокруг молочной ферментации и свежих продуктов. Кумыс, бырпах, саламат демонстрируют согласованные летние пики, особенно в июне, что связано не только с биологическими циклами, но и с культурным календарем, центром которого является праздник Ысыах, который традиционно празднуется в день летнего солнцестояния. Но не стоит строго разделять мясные и молочные блюда по времени года, потому что мясные блюда хоть и реже, но употребляются в пищу и летом. К примеру, утэһэлээх эт (вареное мясо на шпажках) следует летнему паттерну и употребляется в пищу во время Ысыаха (Борисова и др., 2020: 85).

Согласно нашим наблюдениям, существуют также несколько технологических кластеров, каждый из которых демонстрирует специфические сезонные паттерны. Кластер заморозки включает строганину, индигирку, замороженную жеребятину и печень, все с выраженными зимними пиками. Кластер ферментации объединяет кумыс, бырпах и суорат с летними максимумами. Кластер тепловой обработки, включающий мясной суп, пирожки и оладьи, демонстрирует минимальную сезонность и стабильно высокое употребление круглый год. Также в данных исследования выявлена корреляция между так называемой «традиционностью» блюда и выраженностью его сезонности. Употребляемые до развития земледелия, согласно Саввину, якутские блюда демонстрируют максимальную сезонную вариативность. Строганина и кумыс, представляющие quintessence кулинарной культуры народов Якутии, показывают разницу между сезонными максимумами и минимумами в 50–56%. В то же время блюда, пришедшие позже, такие как пирожки и оладьи, демонстрируют минимальную сезонность с разницей всего в 2–3%. Среди этих блюд выделяется стабильно распространенный во все времена года мясной суп, который можно назвать основой питания жителей сельской Якутии.

Таблица 3. Сезонные и несезонные блюда, согласно ответам домохозяйств, %

Сезонные блюда												
Месяцы	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	1	2
Утиный суп	42,8	42,3	74,3	60,8	52,8	52,0	59,0	47,0	43,8	43,5	43,0	42,5
Замороженная жеребятина	42,0	35,0	33,0	32,8	31,8	32,0	32,5	39,0	55,8	59,5	53,0	49,8
Хаан	50,0	45,3	44,0	42,8	41,5	41,3	44,3	53,3	29,7	28,1	30,0	31,0
Замороженная печень	44,0	37,8	36,5	36,3	35,0	35,3	35,8	43,8	62,8	67,8	58,8	53,8
Утэһэлээх эт	24,0	23,8	25,5	46,3	28,0	26,8	24,3	24,5	25,0	24,8	25,5	24,3
«Мартышки»	24,3	19,8	19,8	20,5	20,3	20,3	20,3	23,8	33,3	39,5	32,8	30,0
Бырпах	26,8	27,3	30,5	51,8	45,5	42,5	29,8	27,0	26,0	25,8	27,0	27,0
Кумыс	21,0	21,5	23,5	43,5	32,0	28,5	23,0	21,5	20,8	20,8	21,5	21,3

Строганина	47,3	40,0	37,0	36,5	35,3	35,3	35,3	41,0	53,3	76,3	56,3	51,5
Индигирка	35,3	29,8	28,0	27,5	26,5	26,8	26,5	30,3	38,8	59,8	42,8	38,8
Халахыты	33,3	28,8	27,8	27,5	27,5	27,8	28,0	31,3	19,6	13,2	22,3	27,0
Несезонные блюда												
Месяцы	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	1	2
Мясной суп	92,8	92,5	92,8	92,8	92,5	92,5	92,5	92,5	92,8	94,5	93,3	93,3
Пирожки	90,8	90,5	90,5	91,0	91,0	91,0	90,8	90,8	90,8	92,5	90,5	90,5
Оладьи	91,5	91,5	91,8	91,8	92,0	92,0	92,0	92,0	92,0	93,8	91,3	91,3
Якутские лепешки	60,5	59,8	60,0	62,0	60,0	59,8	60,0	59,3	59,3	60,8	60,3	59,8
Варенье из местных ягод	83,0	81,3	81,0	81,8	82,8	84,0	84,5	84,5	84,3	86,3	83,5	83,3
Морс	86,3	84,0	83,8	83,3	82,8	84,0	85,3	86,0	86,8	89,0	86,0	86,3
Суп из карасей	62,0	60,5	62,0	65,5	63,8	64,0	63,3	62,0	65,3	63,5	63,5	63,8
Баахыла (вафли)	47,8	47,3	47,5	51,3	47,5	47,3	46,8	46,5	46,5	47,0	47,8	47,3
Сметана	69,5	70,5	72,5	76,3	76,0	75,5	72,5	71,5	69,0	69,8	68,8	68,5
Жареные караси	65,3	62,8	66,0	70,0	67,3	66,8	66,0	64,3	67,3	66,0	65,8	65,5
Куорчэх	46,3	46,8	47,8	52,0	52,0	52,0	48,3	47,3	50,0	51,5	49,3	48,3
Слабосоленая рыба	50,0	48,8	51,0	54,8	54,5	54,8	54,5	53,0	52,0	56,5	52,0	51,3
Балык	39,3	36,8	37,8	43,0	42,3	42,3	40,8	37,8	38,5	42,8	39,0	38,8
Жареная рыба	30,3	29,3	29,0	29,3	28,5	28,8	33,3	31,5	31,5	34,3	33,5	33,0
Жареная оленина	35,8	34,5	34,0	33,8	33,8	34,0	34,3	35,0	38,5	40,8	37,5	36,5
Вареная оленина	35,0	34,0	33,5	33,8	33,5	33,8	33,8	34,8	38,3	40,8	37,8	36,8
Суп из потрохов	60,0	55,8	55,0	56,5	55,0	55,5	56,3	60,0	67,8	66,5	64,3	63,0
Михэ	17,8	16,5	17,0	18,3	16,8	16,8	17,0	18,5	19,8	20,5	18,8	18,5
Хайах	8,0	8,0	8,3	8,5	8,3	8,3	7,8	8,0	8,3	9,8	8,8	8,5
Суорат (кефир)	48,8	49,3	53,3	60,3	57,3	56,8	51,5	49,0	48,0	47,5	48,3	48,5
Чохон	20,3	18,8	19,5	22,5	21,3	21,0	19,0	20,0	22,8	24,8	23,0	22,0
Ойгос (ребра)	47,0	43,5	43,8	48,8	41,8	42,0	42,8	46,3	53,3	55,8	51,5	49,5
Саламат (каша)	25,3	25,3	26,8	35,0	26,5	26,5	25,3	25,3	25,3	26,0	26,0	25,8
Юкола	15,5	15,0	15,0	21,0	21,8	21,0	16,8	15,5	15,8	20,0	17,3	16,3
Вареный или туш. заяц	21,8	20,0	20,0	19,5	19,0	19,8	26,5	28,0	24,7	20,7	26,2	29,0
Харта (потроха)	42,8	37,5	37,3	38,5	35,0	34,5	35,5	41,8	27,2	24,4	28,1	30,0
Тугунки слабосоленые	18,3	17,5	18,5	25,3	27,5	31,8	28,5	19,5	18,5	18,5	18,3	18,3
Тансык	4,5	4,0	4,0	4,0	3,8	3,8	3,8	4,3	5,8	7,3	6,0	5,8
Суп из бычьих хвостов	9,8	8,8	9,0	9,0	8,8	9,0	9,3	12,3	22,2	17,0	24,3	28,0

Сопоставление данных по сезонности (табл. 3) с показателями регулярного употребления (табл. 2) выявляет характерную особенность современного якутского питания. Многие блюда, де-

монстрирующие высокую сезонность на республиканском уровне, показывают крайне низкие показатели регулярного употребления в обследованных селах.

В. Д. Парилова,
Т. Н. Гаврильева
Структура потребления традиционных блюд сельского населения Республики Саха (Якутия): зональные, этнокультурные и сезонные различия

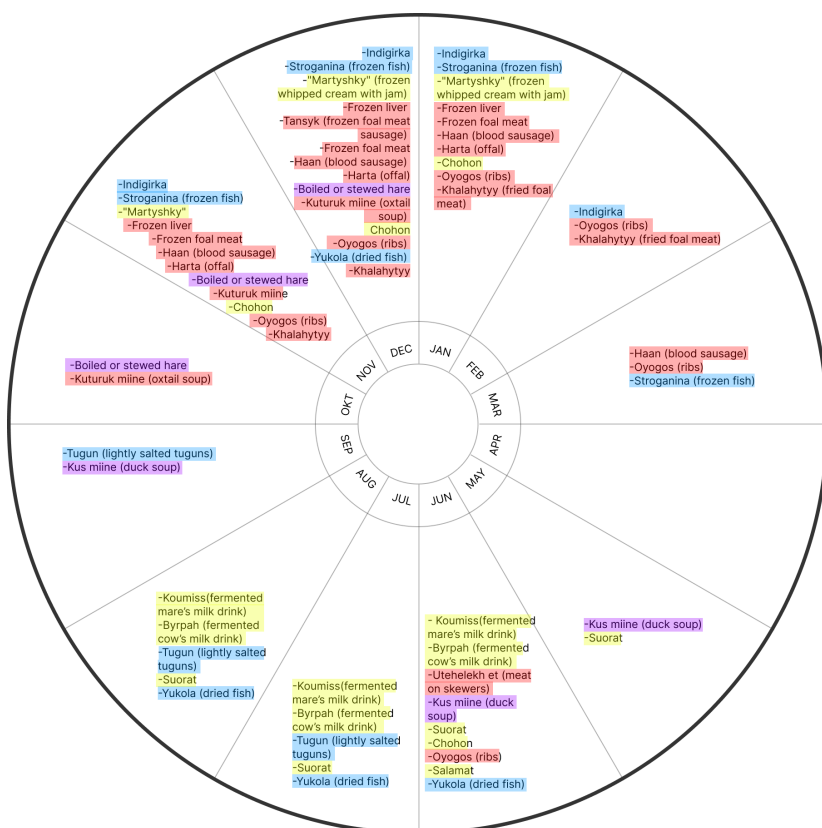

Рис. 2. Календарь потребления традиционных блюд согласно данным исследования

Кумыс, показывающий ярко выраженную летнюю сезонность с пиком в июне (связано с празднованием Ысыаха), регулярно употребляется в пищу лишь в 1–4% домохозяйств. Строганина, достигающая зимнего пика в 76,3% домохозяйств, регулярно потребляется только в 2–31% семей в зависимости от места проживания. Расхождение между сезонным пиком и повседневным потреблением указывает на специфический режим присутствия этих блюд в рационе: они существуют в нем не как непрерывно потребляемые, а как блюда, появляющиеся в определенном окне календарного периода. Этот режим сезонно-маркированного присутствия отличается как от непрерывного присутствия повседневных блюд (мясной суп, оладьи), так и от полной утраты блюд, вышедших из рациона.

Изменение технологического контекста (распространение современных способов заготовки и хранения, доступность рыночных продуктов) трансформирует условия, в которых ранее существовало повседневное потребление этих блюд, но не отменяет их присутствия в рационе — оно перераспределяется в иной режим. Существующие исследования связывают сокращение повседневного потребления подобных блюд с высокой стоимостью и трудоемкостью их приготовления, начавшейся еще в советский период (Борисова и др., 2020: 41, 51), а также с переходом охоты и рыбалки из основных хозяйственных занятий в разряд индивидуальных практик («хобби») (Гоголев, Федоров, 2022: 33).

Употребление дичи в культурных контекстах подчеркивает связь между пищевыми практиками и культурным календарем. Так, у саха (якутов) как народа, в XVII–XIX веках принявшего православие, традиционным блюдом на Николин день является добытая в весенний охотничий сезон вареная утка, утиный суп и оладьи. В 2018 году этот день получил официальное региональное переименование: указом Главы Республики Саха (Якутия) 22 мая был учрежден как День сайылыка — день переезда на летние пастбища⁴. Зимние пики потребления строганины (76,3% в декабре) и индигирки (59,8%) совпадают с новогодними праздниками, июньский пик кумыса — с празднованием Ысыаха. Сезонная структура потребления, таким образом, оказывается сопряжена не с одним календарем, а с наложением нескольких — хозяйственного, православного, советского (Новый год) и государственно-регионального (День сайылыка, Ысыах в его современной публичной форме). Подробный анализ механизмов этого сопряжения требует отдельной работы.

Функциональное значение традиционных блюд также выходит за рамки простого обеспечения. Особую роль традиционные продукты (например, мясо, дичь, деликатесная рыба, сливки, варенье) играют в обмене между селом и городом. Сельская еда для городских жителей, имея особую ценность, вносит вклад в поддержание социальных связей с деревней и своими дальними родственниками (Argounova-Low, 2007: 56). Коллективные практики охоты, рыбалки и заготовки дикоросов служат механизмом социальной интеграции и культурной преемственности. Кроме того, эти виды обеспечивают диверсификацию рациона, поставляя витамины, микроэлементы и создавая вкусовое разнообразие, что особенно важно в условиях его относительной монотонности.

4. Указ Главы РС(Я) от 6 ноября 2018 года № 150 «Об учреждении Дня сайылыка в Республике Саха (Якутия)»

Проведенное обследование 400 сельских домохозяйств в 18 поселениях Республики Саха (Якутия) позволяет описать структуру современного рациона сельского населения региона в трех измерениях — повседневном, региональном (по социально-экономическим зонам) и сезонном.

В повседневном рационе устойчиво представлена группа технологически простых блюд (мясной суп — 92–94% домохозяйств, оладьи — 91–93%, варенье и морсы из местных ягод — 81–89%). Их доступность обеспечивается легко заменяемыми и хранимыми ингредиентами, а также относительной простотой приготовления. Эти блюда формируют базовый слой питания, общий для всех обследованных зон и этнокультурных групп. Региональные различия проявляются прежде всего в распространенности блюд, связанных с локальными типами хозяйственной деятельности: оленины в арктических и южных поселениях, молочных и мясных блюд — в центральных и западных, северной рыбы — в арктических селах с преимущественным проживанием эвенков и русских старожилов. Эти различия отражают сочетание этнокультурных предпочтений, природно-климатических условий и логистических ограничений.

Особого внимания заслуживает зафиксированное в данных значительное расхождение между сезонным и повседневным потреблением ряда блюд. Кумыс, по самоотчетам респондентов, в июне употребляется в 43,5% домохозяйств, а в режиме регулярного потребления — лишь в 1–4%; строганина достигает декабрьского пика в 76,3% при регулярном потреблении 2–31% в зависимости от поселения. Подобная структура указывает на то, что эти блюда не столько «утрачивают повседневный статус», сколько функционируют в специфическом режиме сезонно-маркированного присутствия в рационе — появляясь в окне культурно определенного календарного периода и затем исчезая. Этот режим отличается как от непрерывного присутствия повседневных блюд, так и от полной утраты блюд, вышедших из употребления.

Сопоставление полученной структуры сезонности с классической периодизацией питания якутов, описанной А. А. Саввиным на материале 1930–1940-х годов (Саввин, 2005), обнаруживает значительную преемственность четырехтактного календарного ритма — несмотря на исчезновение тех материальных условий (отсутствие холодильного оборудования, сезонность молочного хозяйства, ограниченная логистика), которые в момент описания Саввина делали этот ритм необходимым. Совпадение сезонных пиков потребления с современными праздничными датами (декабрьский пик строганины — Новый год, июньский пик кумыса — Ысыах) свидетельствует о том, что прежний темпоральный ритм продолжает воспроизводиться, опираясь на новые социальные основания. Анализ механизмов этого воспроизводства, требующий привлечения тео-

*В. Д. Парилова,
Т. Н. Гаврильева*
Структура потребления традиционных блюд сельским населением Республики Саха (Якутия): зональные, этнокультурные и сезонные различия

ретического аппарата антропологии времени и работы с историческими источниками, выходит за пределы настоящей описательной работы и составит предмет отдельного исследования.

Библиография

- Борисова И. З., Борисова А. А., Бианки И. и др. (2020). Проблема валоризации и популяризации культуры питания народов Севера в современных условиях (на примере Якутии): коллективная монография. Якутск: ООО «ПРИОРИТЕТ».
- Боякова С. И. (2012). Русские старожилы Якутии: культура и ландшафт // Арктика и Север. № 9. С. 73–80.
- Васильева В. В., Гаврилова К. А. (2022). Обменные практики и социальные сети как механизмы преодоления дефицитов в локальных сообществах Таймыра и Камчатки // Антропологический форум. № 54. С. 99–131.
- Гоголев А. И., Федоров С. И. (2022). Охотничья деятельность у якутов на современном этапе // Человек и культура. № 2. С. 30–37.
- Илларионов В. В., Илларионова Т. В. (2019). Якутская национальная кухня: традиции и современность // Манускрипт. Т. 12. № 12. С. 115–119.
- Кадук Е. В. (2017). Рыночный обмен и практики дележа в Анабарском районе Республики Саха (Якутия) // Этнографическое обозрение. № 6. С. 111–127.
- Николаев С. И. (2010). Пища якутов: (в свете соседних культур). Якутск: Якутский край.
- Оконешникова Н. В. (2021). Якутская национальная кухня. Якутск.
- Роббек Н. С., Барашкова А. И., Решетников А. Д., Румянцева Т. Д., Саввин Р. Г. (2015). Роль оленины в питании коренного населения Севера // Аграрный вестник Урала. Екатеринбург. Вып. 9 (139). С. 25–31.
- Романова Е. Н., Данилова Н. К., Алексеева Е. К. (2024). Антропология холода: культура питания коренных народов Республики Саха (Якутия) // Вестник Томского государственного университета. История. № 87. С. 165–175.
- Саввин А. А. (2005). Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). Якутск: Сахаполиграфиздат.
- Сирин А. А. (2012). Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Восточная литература.
- Сукнева С. А., Петров К. А., Барашкова А. С., Перк А. А. (2019). Ценность мяса якутской лошади для продления жизни человека на Севере // ЭКО. № 5 (539). С. 162–175.
- Сулейманов А. А. (2018). «Ресурсы холода» в системе питания якутов: традиции и современность // Научный диалог. № 2. С. 263–274.
- Тарбахов И. (2009). Благословенная пища якутов. Якутск: Көмүөл.
- Чикачев А. Г. (1990). Русские на Индигирке: Историко-этнографический очерк / А. И. Федоров. Новосибирск: Новосибирское отделение издательства «Наука».
- Argounova-Low T. (2007). Close relatives and outsiders: Village people in the city of Yakutsk, Siberia // Arctic Anthropology. Vol. 44. № 1. P. 51–61.
- Argounova-Low T. (2009). Black food: Subsistence, diet, and exchange in Yessei Yakut society // Ethnohistory. Vol. 56.
- Crate S. A. (2006). Cows, Kin, and Globalization: An Ethnography of Sustainability. Lanham, MD: AltaMira Press.
- García Molinos J., Gavriljeva T., Joompa P. et al (2022). Study protocol: International joint research project Climate Change Resilience of Indigenous Socioecological Systems (RISE) // PLoS ONE. Vol. 17. № 7. e0271792.
- García Molinos J., Yamada D., Parilova V. et al (2024). Future climate and land use changes challenge current dependencies on wild food harvesting by rural indigenous communities // PNAS Nexus. Vol. 3. № 12. pgaе523.
- Hobsbawm E., Ranger T. (2012). The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press.

Kuhnlein H. V., Receveur O. (1996). Dietary change and traditional food systems of indigenous peoples // *Annual Review of Nutrition*. Vol. 16. P. 417–442.

Takakura H. (2015). *Arctic Pastoralist Sakha: Ethnography of Evolution and Microadaptation in Siberia*. Melbourne: Trans Pacific Press.

В. Д. Парилова,
Т. Н. Гаврильева
Структура потребления традиционных блюд сельским населением Республики Саха (Якутия): зональные, этнокультурные и сезонные различия

Patterns of the traditional dishes consumption among rural population in the Sakha Republic (Yakutia): Zonal, ethnocultural and seasonal differences

Varvara D. Parilova, PhD Student, Graduate School of Environmental Studies, Tohoku University (Japan); Institute of Finances and Economics, North-Eastern Federal University. Belinskogo St., 58, Yakutsk, 677000, Russia.
E-mail: varvaraparilova@gmail.com

Tuyara N. Gavriyleva, DSc (Economics), Chief Researcher, Head of the Department, Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia). Kurashova St., 22, Yakutsk, 677000, Russia. E-mail: tuyara@list.ru

Abstract. The article provides a systematic quantitative description of the rural population's diet in the Republic of Sakha (Yakutia) based on the household survey conducted in 2021–2023 in 18 rural settlements (N = 400). The authors focus on 40 traditional dishes, for which self-reports on regular and seasonal consumption were collected. The diet is considered in three dimensions: everyday consumption, regional differences (social-economic zones), and seasonality. The findings show a stable group of technologically simple dishes — meat soup, pancakes, jams and drinks made from local berries — that form common everyday consumption in all settlements. Regional differences are determined primarily by local subsistence practices: venison in Arctic and southern settlements, dairy and horse-meat dishes in central and western settlements, northern fish in Arctic villages of Russian old-settlers and Evenki. A particularly notable finding is the substantial gap between seasonal-peak and regular frequencies of consumption for several dishes (kumys — 43.5% in June vs 1–4% regularly; stroganina — 76.3% in December vs 2–31% regularly), which indicates a seasonally distinct regime of their consumption. A comparison of the observed seasonal structure with the classical periodization of the Yakut food practices by A. A. Savvin (based on the 1930s–1940s data) reveals substantial continuity of the four-phase calendrical rhythm despite the disappearance of initial material conditions that once made this rhythm necessary.

Key words: sociology and anthropology of food, indigenous peoples of the North, Republic of Sakha (Yakutia), traditional dishes, food seasonality, food systems

References

- Argounova-Low T. (2007) Close relatives and outsiders: Village people in the city of Yakutsk, Siberia. *Arctic Anthropology*, vol. 44, no 1, pp. 51–61.
- Argounova-Low T. (2009) Black food: Subsistence, diet, and exchange in Yessie Yakut society. *Ethnohistory*, vol. 56.
- Borisova I. Z., Borisova A. A., Bianki I. et al (2020) *Problema valorizatsii i populyarizatsii kul'tury pitaniya narodov Severa v sovremennykh usloviyakh (na primere Yakutii)* [Issues of Valorization and Popularization of the Food Culture of Northern Peoples in Today's Conditions (on the Example of Yakutia)], Yakutsk: Prioritet.
- Boyakova S. I. (2012) Russkie starozhilye Yakutii: kultura i landshaft [Russian old settlers in Yakutia: Culture and landscape]. *Arctic and North*, no 9, pp. 73–80.
- Chikachev A. G. (1990) *Russkie na Indigirke: Istoriko-etnografichesky ocherk* [Russians on the Indigirka: A Historical-Ethnographic Essay]. Ed. by A. I. Fedorov, Novosibirsk: Novosibirskoe otделение izdatel'stva "Nauka".

- Crate S.A. (2006) *Cows, Kin, and Globalization: An Ethnography of Sustainability*, Lanham: AltaMira Press.
- García Molinos J., Gavrilova T., Joompa P. et al (2022) Study Protocol: International joint research project “Climate Change Resilience of Indigenous Socioecological Systems (RISE)”. *PLoS ONE*, vol. 17, no 7.
- García Molinos J., Yamada D., Parilova V. et al (2024) Future climate and land use changes challenge: Current dependencies on wild food harvesting by rural indigenous communities. *PNAS Nexus*, vol. 3, no 12.
- Gogolev A. I., Fedorov S. I. (2022) Okhotnichaya deyatelnost u yakutov na sovremennom etape [Hunting among the Yakuts at the present stage]. *Man and Culture*, no 2, pp. 30–37.
- Hobsbawm E., Ranger T. (2012) *The Invention of Tradition*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Illarionov V. V., Illarionova T. V. (2019) Yakutskaya natsionalnaya kukhnya: traditsii i sovremennost [Yakut national cuisine: Traditions and the present time]. *Manuscript*, vol. 12, no 12, pp. 115–119.
- Kaduk E. V. (2017) Rynochny obmen i praktiki delezha v Anabarskom rayone Respubliki Sakha (Yakutia) [Market exchange and share-out practices in the Anabar district of the Sakha Republic (Yakutia)]. *Etnograficheskoe Obozrenie*, no 6, pp. 111–127.
- Kuhnlein H. V., Receveur O. (1996) Dietary change and traditional food systems of indigenous peoples. *Annual Review of Nutrition*, vol. 16, pp. 417–442.
- Nikolaev S. I. (2010) *Pishcha yakutov (v svete sosednih kultur)* [Food of the Yakuts (Compared to Neighboring Cultures)], Yakutsk: Yakutsky kraj.
- Okoneshnikova N. V. (2021) *Yakutskaya natsionalnaya kukhnya* [Yakut National Cuisine], Yakutsk.
- Robbek N. S., Barashkova A. I., Reshetnikov A. D., Romyantseva T. D., Savvin R. G. (2015) Rol oleniny v pitanii korenного naseleniya Severa [The role of venison in the diet of indigenous peoples of the North]. *Agrarian Bulletin of the Urals*, Yekaterinburg, no 9, pp. 25–31.
- Romanova E. N., Danilova N. K., Alekseeva E. K. (2024) Antropologiya kholoda: kultura pitaniya korennykh narodov Respubliki Sakha (Yakutia) [Anthropology of cold: Food culture of indigenous peoples in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya*, no 87, pp. 165–175.
- Savvin A. A. (2005) *Pishcha yakutov do razvitiya zemledeliya (opyt istoriko-etnograficheskoy monografii)* [Food of the Yakuts before the Development of Agriculture (A Historical-Ethnographic Monograph)], Yakutsk: Sakhapoligraphizdat.
- Sirina A. A. (2012) *Evenki i eveny v sovremennom mire: samosoznanie, prirodopolzovanie, mirovozzrenie* [The Evenks and Evens in the Contemporary World: Identity, Natural Resources Use and Worldview], Moscow: Vostochnaya literatura.
- Sukneva S. A., Petrov K. A., Barashkova A. S., Perk A. A. (2019) Tsennost myasa yakutskoy lo-shadi dlya prodleniya zhizni cheloveka na Severe [The value of the Yakut horse meat for life expectancy in the North]. *ECO*, no 5, pp. 162–175.
- Suleymanov A. A. (2018) “Cold resources” in food system of the Yakuts: Traditions and the present day. *Nauchny Dialog*, no 2, pp. 263–274.
- Takakura H. (2015) *Arctic Pastoralist Sakha: Ethnography of Evolution and Microadaptation in Siberia*, Melbourne: TransPacific Press.
- Tarbakhov I. (2009) *Blagoslovennaya pishcha yakutov* [Blessed Food of the Yakuts], Yakutsk: Көмүөл.
- Vasilyeva V., Gavrilova K. (2022) Obmennye praktiki i sotsialnye seti kak mekhanizmy preodoleniya defitsitov v lokalnykh soobshchestvakh Taimyra i Kamchatki [Exchange practices and social networks as means of overcoming shortages in local communities of Taymyr and Kamchatka]. *Antropologichesky Forum*, no 54, pp. 99–131.

Барьеры доступа к медицинской помощи: сравнительный анализ городских и сельских территорий России¹

Е. В. Вьюговская, Е. Е. Малькова

Елена Васильевна Вьюговская, научный сотрудник, Лаборатория полевых исследований, Центр «Институт социального анализа и прогнозирования НСАП» Института прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119034, Москва, Пречистенская набережная, 11.
E-mail: vyugovskaya-ev@ranepa.ru

Евгения Евгеньевна Малькова, младший научный сотрудник, Лаборатория полевых исследований, Центр «Институт социального анализа и прогнозирования НСАП» Института прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119034, Москва, Пречистенская набережная, 11.
E-mail: malkova-ee@ranepa.ru

EDN: UHVRPS

Аннотация. Работа посвящена анализу субъективной оценки доступности медицинской помощи в Российской Федерации с акцентом на ключевые факторы неравенства: тип населенного пункта и возраст респондентов. Исследование основано на данных количественного опроса, проведенного в апреле 2025 года в рамках ежегодного мониторинга «Социальное положение и поведение населения в текущих условиях» (выборка: 1623 респондента в возрасте 18+ по всем регионам России, квотная выборка, метод — телефонный опрос), дополненных качественными нарративами из телефонных интервью.

Результаты исследования выявили устойчивую территориальную поляризацию: в то время как 51% жителей крупных городов (с населением более 100 тыс. человек) положительно оценивают качество медицинского обслуживания, в малых городах и сельской местности эта доля составляет лишь 40%. В крупных городах основным барьером становятся длинные очереди, в то время как в некрупных населенных пунктах доминирует триада проблем: дефицит узкопрофильных специалистов, географическая удаленность медучреждений и финансовые ограничения, связанные с затратами на транспортировку. Особое внимание уделено возрастной группе 55+, которая демонстрирует более низкие оценки качества медицинского обслуживания по сравнению с молодыми респондентами (18–34 года), что объясняется более высокой потребностью в медицинских услугах и, как следствие, более критическим и частым контактом с системой здравоохранения. Наиболее уязвимой категорией оказались жители малых населенных пунктов, в семьях которых есть лица, нуждающиеся в постоянном уходе: 62% из них дали негативную оценку доступности медицины. Развернутые нарративы подтверждают и иллюстрируют коли-

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

чественные выводы, демонстрируя структурные проблемы системы: кадровый голод, логистические и финансовые трудности пациентов, особенно маломобильных и пожилых людей.

Ключевые слова: доступность медицинской помощи, территориальные различия, сельское здравоохранение, возрастные группы, барьеры доступа, нехватка специалистов, удаленность медучреждений, финансовые ограничения

Введение и теоретическое обоснование

Территориальное неравенство в доступности медицинской помощи остается важной социально-экономической проблемой — географическая удаленность сильно осложняет своевременное получение медицинских услуг населением, в особенности проживающим в малых городах и сельских поселениях, и обнаруживает связанные с медицинским обслуживанием и уходом барьеры и трудности (Adams et al., 2021; Oosterveer, Young, 2015).

Далеко не новая, но по-прежнему актуальная проблематика территориальной изолированности, дефицита медицинского внимания и поддержки зачастую воспроизводится в публикациях, исследующих географические регионы с высокой дисперсией населения, «разбросанного» на большие и труднопреодолимые расстояния, с ярко выраженной сельской местностью и, как следствие, неоднородностью распределения социальных услуг и ресурсов, включая медицинское обслуживание. Так, значимость географического контекста и его влияние на получение качественных медицинских услуг и заботу о здоровье артикулируется в масштабной работе канадских ученых Джанель Хиппи, Виктора Маддалены и Сары Хит «Доступ к медицинским услугам в Западном Ньюфаундленде, Канада» (Access to health services in Western Newfoundland, Canada: Issues, barriers and recommendations emerging from a community-engaged research project). Проведенный опрос среди жителей Западного Ньюфаундленда позволил выявить основные проблемы: 1) нехватка врачей: 11,7% опрошенных не имеют семейного врача (family physician), а 36% вынуждены ездить за медицинской помощью в другие населенные пункты; 2) долгое ожидание: 60,8% респондентов назвали длинные очереди главным барьером; 3) транспорт и материальное обеспечение: жители отдаленных районов сталкиваются с высокими затратами на поездки и сложностями из-за плохой погоды, особенно зимой; 4) культурные барьеры: коренные народы испытывают неудобство, неловкость и даже страх перед проявлением расизма и отсутствием культурной чувствительности у медицинских работников; 5) гендерные различия: женщины отмечают нехватку помощи, в частности, в периоды беременности или направленной на психическое здоровье. Как следствие, люди вынуждены откладывать визиты к врачу, пока состояние не становится критическим, пациенты с хроническими заболеваниями (диа-

бет, гипертония, онкология) не получают регулярного наблюдения, женщинам, ожидающим рождения ребенка, приходится заранее переезжать в крупные города перед родами, а в особенно уязвимом положении оказываются пожилые и маломобильные жители (Hirre et al., 2014). Среди возможных решений авторы предлагают: 1) привлекать больше врачей в сельские районы (развитие программ обучения для студентов из сельской местности и создание стимулов для работы в отдаленных регионах); 2) усиливать роль медсестер-практиков (они могут взять на себя часть функций врачей и снизить нагрузку на систему); 3) оказывать финансовую поддержку (компенсация затрат на поездки для пациентов); 4) развивать телемедицину (увеличение числа консультаций через видеосвязь для сокращения времени ожидания и затрат на транспорт); 5) уделить пристальное внимание культурной и социальной адаптации медицинской помощи (обучение медработников для работы с коренными народами и другими уязвимыми группами) (Hirre et al., 2014).

Доступность медицинской помощи в сельской местности для ее населения, в том числе людей старшего возраста, часто нуждается в гериатрическом лечении и долговременном уходе, остается серьезной глобальной проблемой. Жители сельских районов сталкиваются с комплексом барьеров, включая социокультурные и экономические ограничения, недостаток качественного медицинского обследования, нехватку квалифицированных специалистов и отсутствие или слишком медленное развитие транспортной инфраструктуры (Мануильская и др., 2021; Рогозин, 2020; Старикам тут место, 2016; Douthit et al., 2015). В развивающихся странах, где 56% сельского населения не имеют доступа к базовым медицинским услугам, данная проблема усугубляется острым дефицитом медицинских кадров и ограниченным доступом к базовым услугам, таким как вакцинопрофилактика (Chowdhury, Ravi, 2022). Особую уязвимость демонстрирует сельское население пожилого возраста. Как показано на примере Индонезии, доступность медицинской помощи для данной категории дополнительно ограничивается факторами образовательного уровня, социально-экономического статуса и транспортной доступности (Prasetyo et al., 2023). При этом особое значение приобретает оценка потенциальной физической доступности услуг врачей общей практики, играющих ключевую роль в системе первичной медико-санитарной помощи в сельской местности (Joseph, Bantock, 1982).

Для преодоления такого дисбаланса требуется реализация комплексных мер на государственном и международном уровнях. К числу приоритетных направлений урегулирования относятся: обеспечение справедливого территориального распределения медицинских учреждений и увеличение охвата медико-социального обслуживания, включая неотложную медицинскую помощь и помощь профильных специалистов (universal health coverage); подготовка медицинских кадров с акцентом на оказание интегрированных ме-

медицинских услуг и проведение регулярного медицинского мониторинга (Chowdhury, Ravi, 2022; Prasetyo et al., 2023). Реализация предложенных мер является необходимым условием улучшения показателей здоровья сельского населения в целом, и пожилых и маломобильных (или немобильных) граждан в частности.

Схожие ограничения обнаруживаются и в исследованиях, фокусирующихся на развитых странах (Weinhold, Gurtner, 2014; WHO, 2010a, 2010b). Систематический обзор публикаций, посвященных трудностям оказания медицинской помощи населению, проживающему вдали от центра и в сельской местности в развитых странах (ОЭСР) австралийцев Эдвина Мсеке, Белинды Джессап и Тони Барнетта, выявил в 83,7% исследований (113 из 135 проанализированных работ за период с 1993 по 2023 г.) снижение доступности медицинских услуг с увеличением расстояния/времени поездки. Доступность медицинской помощи начинает существенно снижаться уже на расстоянии от 16,1 км или при продолжительности поездки от 30 минут. При этом сельские жители вынуждены преодолевать значительно большие дистанции для получения специализированной помощи по сравнению с услугами общего профиля (Mseke et al., 2024).

В ходе крупного исследования 2025 года Эстела Кабаньеро-Гарсия, Роберто Мартинес-Лакоба и их коллеги проанализировали 17 научных обзоров, посвященных барьерам доступа пожилых людей к медицинским, социальным и долгосрочным услугам («Barriers to health, social and long-term care access among older adults: a systematic review of reviews»). Основные результаты показали, что доступность услуг ограничивается комплексом взаимосвязанных факторов: социально-экономическими (уровень дохода, этническая принадлежность), географическими (удаленность проживания, транспортная инфраструктура), цифровыми (отсутствие необходимых навыков) и культурными барьерами. На основе этих данных авторы разработали концептуальную модель, подчеркивающую необходимость комплексного подхода к решению проблемы (Cabanero et al., 2025).

Аналогичные территориальные диспропорции выявлены в исследовании доступности медуслуг в уезде Дунхай (Китай), где 69% деревень имеют показатели ниже среднего по региону из-за удаленности и нехватки медучреждений. Особенно остро проблема проявляется в периферийных районах, где до 10% жителей тратят на дорогу до больницы более часа, что подтверждает универсальность географического барьера в разных социально-экономических контекстах. Эти работы совместно демонстрируют, что пространственное неравенство требует не точечных мер, а системных решений, учитывающих инфраструктурные и административные ограничения (Hu et al., 2013).

В российском контексте не в меньшей степени актуализируются проблемы социальной изоляции и уязвимости старшего поколе-

ния, особенно в негородской среде — в условиях, где старение часто сопряжено с накоплением социальных и экономических рисков, что усиливает зависимость от состояния местной инфраструктуры, включая здравоохранение (Мануильская, Рогозин, Солодовникова, 2022; Рогозин, Вьюговская, 2019). В статье О. К. Коробковой анализируются проблемы доступности медицинской помощи в сельской местности России. Автор отмечает существенный разрыв между конституционными гарантиями и реальной ситуацией: территориальная удаленность, слабая транспортная инфраструктура и низкая плотность населения ограничивают доступ к базовым медицинским услугам. Кадровый дефицит проявляется в концентрации врачей в районных центрах, что вынуждает сельских жителей обращаться преимущественно к фельдшерам. Материально-техническое отставание сельских медучреждений, включая недостаточную оснащенность и информатизацию, препятствует внедрению современных технологий, в том числе телемедицины. Трехуровневая система оказания помощи на практике оказывается неэффективной для отдаленных районов². Сокращение сети сельских медучреждений усиливает различия между городом и селом. В качестве решения автор предлагает комплекс мер: оптимизацию маршрутизации пациентов, развитие телемедицины и дистанционного обучения, модернизацию территориально-участкового принципа оказания услуг (Коробкова, 2015).

Продолжая исследование проблем доступности медицинской помощи в сельской местности, стоит обратиться к более поздним данным. В статье А. В. Колесникова отмечается, что, несмотря на прошедшие годы, ключевые проблемы — нехватка специалистов, удаленность медучреждений и сокращение финансирования — не только сохраняются, но и усугубляются из-за проводимых реформ. Если Коробкова (2015) фиксировала неэффективность трехуровневой системы, то Колесников уже констатирует ее негативные последствия: сокращение числа больниц на 72,5% в сельской местности и превращение сельских врачей в «диспетчеров», перенаправляющих пациентов в города. Это подтверждает, что за четыре года ситуация не улучшилась, а принятые меры лишь усилили диспропорции между городом и селом (Колесников, 2019).

Вопрос неравномерного распределения медицинской инфраструктуры в сельской местности отмечает и О. А. Воропинова: маломощные учреждения, катастрофическая нехватка санитарного транспорта и износ материально-технической базы создают замкнутый круг недоступности помощи. При этом, как показывает анализ Ставропольского края, даже существующие меры поддержки вроде программы «Земский доктор» не решают системных про-

2. 1-й уровень — амбулаторно-поликлинические медицинские учреждения;
2-й уровень — межмуниципальные центры, оказывающие специализированную амбулаторную и стационарную медицинскую помощь.

блем — низкой мотивации специалистов, отсутствия жилья и перспектив для молодых кадров. Перспективным направлением могло бы стать комплексное реформирование, сочетающее усиленное финансирование первичного звена с цифровизацией услуг и принципиально новыми подходами к закреплению кадров (Воропинова, 2022).

Среди реальных и реализуемых инструментов, способствующих повышению доступности медицинских ресурсов и обеспечению качественной и своевременной медицинской помощи, авторами выделяются услуги телемедицины, которые стали жизненно важным решением для улучшения предоставления медицинских услуг и результатов лечения пациентов в географически изолированных субъектах (*regions*) и сообществах (*communities*). Авторы подчеркивают роль теле- и цифровых технологий в преодолении географических барьеров, улучшении управления ресурсами и роста лояльности к лечению как таковому, особенно в развивающихся странах (Silva Junior, 2024); приводят доказательства значительного улучшения результатов лечения пациентов, экономии средств и повышения удовлетворенности за счет телемедицины и удаленного мониторинга, демонстрируя ее преобразующий потенциал (Vudathaneni, 2024); подчеркивают способность телемедицины расширять доступ для малообеспеченных слоев населения, пожилых граждан, а также устранять неравенство в здравоохранении в сельских районах (Almahroos, 2022). Кроме того, М. Батцнер и Я. Каффи (Butzner, Cuffee, 2021) сообщают о положительных результатах телемедицинских вмешательств в сельских сообществах США, включая повышение удовлетворенности пациентов и снижение затрат. В совокупности эти исследования подчеркивают эффективность телемедицины в расширении доступа и результатов лечения, особенно в отдаленных и малообеспеченных регионах.

Для сокращения неравенства при получении медицинской помощи населением перспективными являются устойчивые модели здравоохранения, включающие: телемедицину, мобильные медицинские службы, программы с участием общественных медицинских работников. По данным А. Арденни и коллег (Ardenny et al., 2025), такие подходы способны повысить эффективность оказания медицинской помощи на 40% и снизить заболеваемость предотвратимыми патологиями на 30%. Примечательно, что большинство стран с высоким уровнем дохода не имеют специализированных национальных политик для сельских больниц, хотя отдельные инициативы реализуются на субнациональном уровне или через федеральные механизмы (Rechel et al., 2016). Для устранения неравенства в доступности медицинской помощи требуется комплекс административных и технологических мер, среди которых можно выделить: экономические инструменты (субсидии, страховые модели), стратегическое территориальное планирование (оптимизация размещения медучре-

ждений), расширение всеобщего охвата услугами здравоохранения (Osadolor et al., 2022; WHO, 2021, 2018).

Е. В. Вьюговская,
Е. Е. Малькова
Барьеры доступа
к медицинской по-
мощи: сравнитель-
ный анализ город-
ских и сельских
территорий России

**Территориальные и возрастные различия в оценке
медицинской помощи**

В апреле 2025 года в рамках ежегодного мониторинга «Социальное положение и поведение населения в текущих условиях» респондентам предложили оценить качество медицинского обслуживания в их населенном пункте. Выборка составила 1623 человека, опрашивались граждане РФ в возрасте 18 лет и старше. Обследование проводилось по всем регионам России. Квоты на страты распределялись в соответствии с данными Росстата. Метод опроса — телефонный опрос.

Результаты показали поляризацию мнений: 47% опрошенных дали положительную оценку, и столько же — отрицательную (табл. 1). По сравнению с 2021 годом³ доля положительно оценивающих медицинское обслуживание выросла на 6 п.п. (с 41 до 47%), в то же время чуть увеличилась и доля оценивающих медицинские услуги в негативном ключе, этот показатель вырос на 3 п.п. (с 44 до 47%).

Таблица 1. Динамика оценки качества медицинского обслуживания: январь 2021 г. и апрель 2025 г., % по столбцу

Как Вы оцениваете качество медицинского обслуживания в Вашем населенном пункте?	Январь 2021 г. (N=2444)	Апрель 2025 г. (N=1623)
Хорошее	21	21
Скорее хорошее	20	26
Скорее плохое	19	22
Плохое	25	25
Не знаю/затрудняюсь ответить/отказ	15	6
Всего	100	100

В крупных населенных пунктах с численностью населения более 100 тысяч человек⁴ половина участников опроса положительно

3. Телефонный опрос в рамках НИР «Потребности людей старшего возраста», январь 2021 г., количество респондентов — 2444.
4. Деление на группы по численности населения. В первую группу (крупные населенные пункты) входят населенные пункты с численностью населения более 100 тыс. человек. По классификации ГрК РФ к ним относятся сверхкрупные, крупнейшие, крупные города, большие города. Во вторую группу (некрупные населенные пункты) входят населенные пункты с численностью менее 100 тыс. человек: средние и малые города, ПГТ, сельские поселения.

оценили медицинское обслуживание (51%). В то же время в некрупных городах (с населением менее 100 тысяч человек) и в сельской местности доля положительных оценок («Хорошо»/«Скорее хорошо») составила лишь 40% (табл. 2).

Таблица 2. Оценка медицинского обслуживания. Распределение по типу населенного пункта, % по столбцу

Как Вы оцениваете качество медицинского обслуживания в Вашем населенном пункте?	Населенный пункт более 100 тыс. чел.	Населенный пункт менее 100 тыс. чел.
Хорошее/Скорее хорошее	51	40
Плохое/Скорее плохое	43	54
Не знаю/затрудняюсь ответить/отказ	7	6
Всего	100	100

Оценка качества медицинского обслуживания варьируется в зависимости от возрастной группы. Наиболее положительно ее воспринимают респонденты в возрасте 18–34 лет (табл. 3). Однако поскольку субъективные оценки тесно связаны с личным опытом взаимодействия с системой здравоохранения, представления более старших возрастных групп могут в большей степени отражать объективное положение дел.

С возрастом растет потребность в медицинской помощи, что приводит к более частому и критическому контакту с медицинскими учреждениями. Это, в свою очередь, может способствовать более взвешенной и реалистичной оценке качества медицинских услуг. Как видно из данных, среди старших возрастных групп преобладают негативные оценки медицинского обслуживания.

Таблица 3. Оценка медицинского обслуживания в населенном пункте. Распределение по возрастной группе, % по столбцу

Как Вы оцениваете качество медицинского обслуживания в Вашем населенном пункте?	18–34 года	35–54 года	55–69 лет	70+ лет	Всего
Хорошее/Скорее хорошее	59	45	42	44	47
Плохое/Скорее плохое	37	50	50	46	47
Не знаю/затрудняюсь ответить/отказ	4	5	9	9	6
Всего	100	100	100	100	100

Продолжая анализ различий в восприятии качества медицинского обслуживания, зафиксированных между возрастными группами, следует обратить внимание и на другие социально значимые

факторы. Один из них — наличие в семье человека, нуждающегося в постоянном уходе. Необходимость оказывать помощь пожилым родственникам создает нагрузку на материальные и эмоциональные ресурсы семей, становится поводом для переоценки субъективного благополучия последних (Мануильская, Солодовникова, Малькова, 2023; Ипатова, 2013).

Распределение ответов по этому признаку также демонстрирует существенные различия. Респонденты, у которых в семье есть человек, требующий постоянной помощи (в большинстве случаев — пожилой родственник или родственник с инвалидностью), значительно чаще оценивают медицинское обслуживание как неудовлетворительное (табл. 4). Более половины таких респондентов (53 %) дали отрицательную оценку, тогда как среди тех, чьи семьи не включают нуждающегося в постоянном уходе, этот показатель ниже (46 %).

Таблица 4. Оценка медицинского обслуживания в населенном пункте. Распределение по наличию нуждающегося в уходе члена семьи, % по столбцу

Как Вы оцениваете качество медицинского обслуживания в Вашем населенном пункте	Нуждается ли Вы сами или другой член Вашей семьи, как проживающий, так и не проживающий с Вами, в постоянном уходе по состоянию здоровья?			
	Да, я нуждаюсь/другой член семьи нуждается	Нет, никто не нуждается	Затрудняюсь ответить	Всего
Хорошее/Скорее хорошее	42	48	73	47
Плохое/Скорее плохое	53	46		47
Не знаю/затрудняюсь ответить/отказ	5	6	27	6
Всего	100	100	100	100

Проблемы медицинского обслуживания особенно остро ощущаются в некрупных населенных пунктах, где есть семьи с нуждающимися в постоянном уходе. Согласно данным опроса (табл. 5), 62 % респондентов из небольших городов, ПГТ и сел, столкнувшихся с необходимостью ухода за больным родственником, оценивают качество медицины как «плохое» или «скорее плохое». Для сравнения: в крупных городах, населенных пунктах такой оценки придерживаются 48 % опрошенных в аналогичной ситуации.

Таблица 5. Оценка медицинского обслуживания в населенном пункте. Распределение по наличию нуждающегося в уходе члена семьи и по численности населенного пункта, % по столбцу

Тип населенного пункта	Как Вы оцениваете качество медицинского обслуживания в Вашем населенном пункте	Нуждаетесь ли Вы сами или другой член Вашей семьи, как проживающий, так и не проживающий с Вами, в постоянном уходе по состоянию здоровья?	
		Да, я нуждаюсь/другой член семьи нуждается	Нет, никто не нуждается
Город более 100 тыс.	Хорошее/Скорее хорошее	47	52
	Плохое/Скорее плохое	48	41
	Затрудняюсь ответить	5	7
	Всего	100	100
Город менее 100 тыс./ПГТ/село	Хорошее/Скорее хорошее	33	42
	Плохое/Скорее плохое	62	53
	Затрудняюсь ответить	5	6
	Всего	100	100

Для иллюстрации описанных тенденций ниже приведены нарративы респондентов, собранные в ходе телефонных интервью:

— *Медицина у нас хромает. У нас тут половины докторов нет, которые нужны. Приходится в область ездить. Вот и вся помощь. Потому что здесь не лечат, а калечат* (муж., 49 лет, Кемеровская обл., г. Березовский (население 43,3 тыс. человек)).

— *Я гемодиализный, у нас автобусы не ходят, и я вот за пятьдесят километров на такси езжу. <...> Хотя бы вот если бы за билеты выплачивали, хотя бы на такси на дорогу, мне лишнего не надо, пусть бы посчитали, сколько это получается. Два раза в неделю езжу на диализ* (муж., 64 года, Орловская обл., Краснотуркменский р-н, деревня).

— *Если бы врачи не уходили бы из государственных в частные. У нас в государственных больницах никого нету. Чтобы попасть к врачу, нужно записываться за месяц, за два. Травматологов не хватает, неврологов не хватает, хирургов. Говорят — «идите в платную». А если у человека нет финансов? Если пенсионер?* (муж., 37 лет, Удмуртская Республика, Глазовский р-н, село).

— *Если, допустим, нужен глазной вот, не просто терапевт участковый или там анализы сдать крови и мочи. Но чтобы врач вот глазной мог бы прийти и проверить зрение. Потому что если человек лежачий и не может прийти, если он ослеп,*

то уже ничего не сделаешь (жен., 66 лет, Самарская обл., Красноярский р-н, село;* ухаживает за нуждающимся в помощи родственником 97 лет).

— Ни врачей, никого нет, куда ни обращаешься — всё. Нет у нас врачей. А в Кинешму мы ехать не можем. Мы с Юрьевца (жен., 73 года, Ивановская обл., г. Юрьевец (население 7,9 тыс. человек); *ухаживает за инвалидом 36 лет).

— Я не знаю, какое оно (медицинское обслуживание). Дело в том, что я плохо передвигаюсь, поэтому для меня оно не очень хорошее. Трудно добираться до всего этого. Позовешь, вызовешь — скорая помощь приезжает (муж., 78 лет, высшее образование, Рязанская обл., Спасский р-н, село).

Е. В. Вьюговская,

Е. Е. Малькова

Барьеры доступа к медицинской помощи: сравнительный анализ городских и сельских территорий России

Заключение

Проведенное исследование подтверждает наличие глубокого и устойчивого территориального неравенства в доступности и качестве медицинской помощи в России. Анализ субъективных оценок населения выявил четкую дихотомию между крупными городами и малыми населенными пунктами, включая сельскую местность. При этом различия проявляются не только в уровне удовлетворенности, но и в принципиально отличных типах барьеров, с которыми сталкиваются жители. Для крупных городов характерна проблема временного доступа (длинные очереди, запись на месяцы вперед), в то время как для малых городов и сел на первый план выходят проблемы физического и кадрового доступа. Здесь население сталкивается с рядом взаимосвязанных барьеров: дефицит узких специалистов, географическая удаленность медицинских учреждений и неподъемные для многих финансовые затраты на транспортировку. Эта ситуация создает замкнутый круг: нехватка врачей ведет к росту нагрузки на оставшихся специалистов, снижению качества услуг и, как следствие, к их дальнейшему оттоку. Особую уязвимость демонстрируют люди старшего возраста (55+) и семьи, осуществляющие постоянный уход за больными или маломобильными родственниками. Именно эти группы, наиболее зависимые от системы здравоохранения, становятся заложниками территориального неравенства. Их критические оценки являются не просто субъективным мнением, а отражением объективной реальности, в которой получение своевременной и квалифицированной помощи сопряжено с непреодолимыми логистическими и экономическими трудностями. Нарративы респондентов красноречиво свидетельствуют, что существующая трехуровневая система маршрутизации на практике зачастую не работает, превращая сельских врачей в «диспетчеров», а пациентов — в «медицинских мигрантов», вынужденных самостоятельно преодолевать сотни километров.

Таким образом, существующая модель организации медицинской помощи не справляется с вызовами, обусловленными огромными пространствами и низкой плотностью населения. Без целенаправленной и адресной политики, учитывающей специфику негородских территорий, разрыв между «центром» и «периферией» будет только увеличиваться, создавая все более обширные «серые зоны» недоступности, где люди (в частности, пожилые и маломобильные граждане) зачастую лишены даже базовой поддержки.

На основе выводов исследования можно сформулировать следующие рекомендации для органов управления здравоохранением и социальной политикой.

Совершенствование кадровой политики

— Модернизация программ закрепления кадров, создание карьерных и профессиональных перспектив для молодых специалистов.

— Развитие системы телементорства и супервизии (внедрение обязательного регулярного взаимодействия врачей из малых населенных пунктов с профильными специалистами из федеральных или региональных центров для методической поддержки, повышения квалификации и снижения профессиональной изоляции).

— Расширение роли среднего медицинского персонала (делегирующее медсестрам и фельдшерам в ФАПах и сельских амбулаториях расширенного круга полномочий (например, ведение пациентов с хроническими заболеваниями под дистанционным контролем врача) после прохождения дополнительного обучения).

Развитие инфраструктуры и логистики

— Оптимизация маршрутизации пациентов (создание централизованных и субсидируемых региональных служб медицинской транспортировки (санитарное такси) для плановых поездок жителей отдаленных районов в специализированные центры).

— Внедрение мобильных медицинских комплексов (организация регулярных выездов передвижных флюорографов, маммографов, а также бригад узких специалистов (окулист, эндокринолог, невролог) в малые населенные пункты).

— Цифровизация и телемедицина (оснащение всех ФАПов и сельских амбулаторий устойчивым интернет-соединением и необходимым оборудованием (сканеры, камеры) для проведения полноценных телеконсультаций и дистанционного мониторинга состояния здоровья пациентов (например, с артериальной гипертензией, диабетом).

Финансовая и социальная поддержка уязвимых групп

— Введение целевых транспортных компенсаций (разработка механизма частичной или полной компенсации расходов на проезд к медучреждению для льготных категорий граждан (маломобильные, хронические больные, граждане с низким доходом), проживающих в населенных пунктах, не имеющих необходимых специалистов).

— Интеграция медицинской и социальной помощи на дому (усиление взаимодействия между органами здравоохранения и со-

циальной защиты для организации комплексного патронажа пожилых и маломобильных граждан, включающего не только уход, но и регулярные медицинские осмотры на дому).

Мониторинг и управление

— Проведение регулярных целевых опросов для мониторинга субъективной оценки доступности медицинской помощи среди наиболее уязвимых групп (пожилые, лица, осуществляющие уход) в малых населенных пунктах для оперативного выявления проблем.

Е. В. Вьюговская,

Е. Е. Малькова

Барьеры доступа к медицинской помощи: сравнительный анализ городских и сельских территорий России

Библиография

- Воропинова О. А. (2022). Современные проблемы сельского здравоохранения // ИПЭФ. № 2.
- Ипатова А. А. (2013). Судьбы старшего поколения ивановцев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3 (115). С. 151–164.
- Колесников А. В. (2019). Здравоохранение в сельской местности // Вестник технологической безопасности и сельского развития. № 3 (23). С. 30–37.
- Коробкова О. К. (2015). Проблемы совершенствования оказания медицинских услуг в сельской местности регионов Российской Федерации // Russian Journal of Economics and Law. № 1 (33). С. 179–186.
- Мануильская К. М., Рогозин Д. М., Грязнова О. С., Ипатова А. А., Вьюговская Е. В. (2021). Жизнь вне изоляции: концепция нового социального дома. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Мануильская К. М., Рогозин Д. М., Солодовникова О. Б. (2022). Дорожная карта старения, или Как не стать заложником своего дома после выхода на пенсию. М.: Издательский дом «РАНХиГС».
- Мануильская К. М., Солодовникова О. Б., Малькова Е. Е. (2023). Субъективное благополучие россиян: предпенсионный возраст как фактор риска // Социологические исследования. № 2. С. 104–114.
- Рогозин Д. М. (2020). Британская школа социальной геронтологии: библиографический обзор одного издательского проекта // Человек. Т. 31. № 3. С. 173–183.
- Рогозин Д. М., Вьюговская Е. В. (2019). Автоэтнография деревенского дома Русского Севера // Крестьяноведение. Т. 4. № 1. С. 98–122.
- Старикам тут место: социальное осмысление старения (2016) / Под ред. Д. М. Рогозина, А. А. Ипатовой. М.: Институт социологии РАН.
- Adams S. J., Babyn P., Burbridge B., Tang R., Mendez I. (2021). Access to ultrasound imaging: A qualitative study in two northern, remote, Indigenous communities in Canada // International Journal of Circumpolar Health. Vol. 80. № 1. Article 1961392.
- Almahroos A. A., Al-Harbi H. Y. N., Alali A. J., Awadh A. T., Altarafi H. A., et al. (2022). The impact of telemedicine on healthcare access and outcomes // Journal of Population Therapeutics and Clinical Pharmacology. Vol. 29. № 4. P. 2332–2340.
- Ardeny A., Le Hoang Nam, Pham Anh Tu. (2025). Sustainable health model: Increasing universal access to health services in remote areas // Journal of World Future Medicine, Health and Nursing. Vol. 3. № 1. P. 107–117.
- Butzner M., Cuffee Y. (2021). Telehealth interventions and outcomes across rural communities in the United States: Narrative review // Journal of Medical Internet Research. Vol. 23. № 8. Article e29575.
- Cabañero-Garcia E., Martinez-Lacoba R., Pardo-Garcia I. et al. (2025). Barriers to health, social and long-term care access among older adults: A systematic review of reviews // International Journal for Equity in Health. Vol. 24 (1). Article 72.

- Chowdhury J., Ravi P. R. (2022). Healthcare accessibility in developing countries: A global health-care challenge // *Journal of Clinical & Biomedical Research*. Vol. 4. № 4. P. 1–5. Article SRC/JCBR-164.
- Douthit N. T., Kiv S., Dwolatzky T., Biswas S. (2015). Exposing some important barriers to health care access in the rural USA // *Public Health*. Vol. 129. № 6. P. 611–620.
- Hippe J., Maddalena V., Heath S., Jesso B., McCahon M. E., Olson K. (2014). Access to health services in Western Newfoundland, Canada: Issues, barriers and recommendations emerging from a community-engaged research project // *Gateways: International Journal of Community Research and Engagement*. Vol. 7. № 1. P. 67–84.
- Hu R., Dong S., Zhao Y. et al. (2013). Assessing potential spatial accessibility of health services in rural China: A case study of Donghai county // *International Journal for Equity in Health*. Vol. 12. № 1. Article 35.
- Joseph A. E., Bantock P. R. (1982). Measuring potential physical accessibility to general practitioners in rural areas: A method and case study // *Social Science & Medicine*. Vol. 16. № 1. P. 85–90.
- Mseke E. P., Jessup B., Barnett T. (2024). Impact of distance and/or travel time on healthcare service access in rural and remote areas: A scoping review // *Journal of Transport & Health*. Vol. 37. № 1. Article 101819.
- Oosterveer M. T., Young K. T. (2015). Primary health care accessibility challenges in remote Indigenous communities in Canada's North // *International Journal of Circumpolar Health*. Vol. 74. № 1.
- Osadolor O. O., Osadolor A. J., Enabulele E., Akaji E. A., Odiwaya D. E. (2022). Access to health services and health inequalities in remote and rural areas // *Janaki Medical College Journal of Medical Science*. Vol. 10. № 2. P. 70–74.
- Prasetyo N. N., Maliangkay K. S., Novianti P. A., Pertiwi R., Annisa S. R. (2023). Health accessibility in rural areas for the elderly in Indonesia // *Jurnal Rumpun Ilmu Kesehatan*. Vol. 3. № 2. P. 15–26.
- Rechel B., Džakula A., Durán A., Fattore G., Edwards N., et al. (2016). Hospitals in rural or remote areas: An exploratory review of policies in 8 high-income countries // *Health Policy*. Vol. 120. № 7. P. 758–769.
- Silva Júnior E. J. S. da, Sidi F. S. F., Santos F. S., Cardoso G. G., Chaar M. S., Lima S. C. (2024). Telemedicina em zonas geograficamente isoladas // *Revista Contemporânea*. Vol. 4. № 12. Article e6939.
- Vudathaneni V., Lanke R., Mudaliyar M., et al. (2024). The impact of telemedicine and remote patient monitoring on healthcare delivery: A comprehensive evaluation // *Cureus*. Vol. 16. № 3. Article e55534.
- Weinhold I., Gurtner S. (2014). Understanding shortages of sufficient health care in rural areas // *Health Policy*. Vol. 118. № 2. P. 201–214.
- WHO (2010a). Rural poverty and health systems in the WHO European Region. https://www.who.int/docs/default-source/documents/publications/poverty-and-social-exclusion-in-the-who-european-region.pdf?sfvrsn=b48488fe_1&ysclid=mpvglfyoo0383265242
- WHO (2010b). Telemedicine: Opportunities and Developments in Member States. Report on the Second Global Survey on eHealth. World Health Organization. <https://iris.who.int/handle/10665/44497>
- WHO (2018). Imbalances in rural primary care: a scoping literature review with an emphasis on the WHO European Region. <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/346351/WHO-HIS-SDS-2018.58-eng.pdf?sequence=1>
- WHO (2021). WHO guideline on health workforce development, attraction, recruitment and retention in rural and remote areas. <https://www.who.int/publications/i/item/9789240024229>

Elena V. Vyugovskaya, Researcher, Field Research Laboratory, Center “Institute for Social Analysis and Forecasting”, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prechistenskaya Nab., 11, bldg. 1, Moscow, 119034, Russia. E-mail: vyugovskaya-ev@ranepa.ru

Evgeniya E. Malkova, Junior Researcher, Field Research Laboratory, Center “Institute for Social Analysis and Forecasting”, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prechistenskaya Nab., 11, bldg. 1, Moscow, 119034, Russia. E-mail: malkova-ee@ranepa.ru

*Е. В. Вьюговская,
Е. Е. Малькова*
Барьеры доступа
к медицинской по-
мощи: сравнитель-
ный анализ город-
ских и сельских
территорий России

Abstract. The article considers the subjective perception of healthcare accessibility in Russia, focusing on two key dimensions of inequality — type of settlement and age group, is based on the survey conducted in April 2025 as part of the annual monitoring “Social Position and Behavior of Population in Current Conditions” (N=1623, 18+, All-Russian sample, telephone survey) and supplemented with narratives from telephone interviews. The results show persistent territorial polarization: while 51% of residents in large cities (with population over 100,000) assess the quality of healthcare positively, only 40% do so in small towns and rural areas. In major urban centers, the primary access barrier is long wait, while in smaller settlements — a shortage of highly specialized specialists, geographic remoteness of medical institutions, and financial constraints associated with transportation costs. The authors pay special attention to the 55+ group with significantly lower estimates of healthcare quality compared to younger respondents (18–34-year-olds), which can be explained by the elders' higher need for medical services and, as a result, more critical and frequent contact with the healthcare system. The most vulnerable group are residents of small settlements with family members in need of constant care: 62% negatively assess healthcare accessibility. Interview narratives confirm and illustrate these findings, highlighting such structural problems as staff shortage, logistical and financial difficulties for patients, especially those with limited mobility and the elderly.

Key words: accessibility of health care, territorial differences, rural health care, age groups, access barriers, shortage of specialists, remoteness of medical facilities, financial constraints

References

- Adams S.J., Babyn P., Burbridge B., Tang R., Mendez I. (2021) Access to ultrasound imaging: A qualitative study in two northern, remote, indigenous communities in Canada. *International Journal of Circumpolar Health*, vol. 80, no 1.
- Almahroos A.A., Al-Harbi H.Y.N., Alali A.J., Awadh A.T., Altarafi H.A. et al. (2022) The impact of telemedicine on healthcare access and outcomes. *Journal of Population Therapeutics and Clinical Pharmacology*, vol. 29, no 4, pp. 2332–2340.
- Ardenny A., Le Hoang Nam, Pham Anh Tu. (2025) Sustainable health model: Increasing universal access to health services in remote areas. *Journal of World Future Medicine, Health and Nursing*, vol. 3, no 1, pp. 107–117.
- Butzner M., Cuffee Y. (2021) Telehealth interventions and outcomes across rural communities in the United States: Narrative review. *Journal of Medical Internet Research*, vol. 23, no 8.
- Cabañero-García E., Martínez-Lacoba R., Pardo-García I. et al. (2025) Barriers to health, social and long-term care access among older adults: A systematic review of reviews. *International Journal for Equity in Health*, vol. 24, no 1.

- Chowdhury J., Ravi P.R. (2022) Healthcare accessibility in developing countries: A global healthcare challenge. *Journal of Clinical & Biomedical Research*, vol. 4, no 4, pp. 1–5.
- Douthit N. T., Kiv S., Dwolatzky T., Biswas S. (2015) Exposing some important barriers to health care access in the rural USA. *Public Health*, vol. 129, no 6, pp. 611–620.
- Hippe J., Maddalena V., Heath S., Jesso B., McCahon M. E., Olson K. (2014) Access to health services in Western Newfoundland, Canada: Issues, barriers and recommendations emerging from a community-engaged research project. *Gateways: International Journal of Community Research and Engagement*, vol. 7, no 1, pp. 67–84.
- Hu R., Dong S., Zhao Y. et al. (2013) Assessing potential spatial accessibility of health services in rural China: A case study of Donghai county. *International Journal for Equity in Health*, vol. 12, no 1.
- Ipatova A. A. (2013) Sudby starshego pokoleniya Ivanovtsev [Fates of the older generation of Ivanovo residents]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 3, pp. 151–164.
- Joseph A. E., Bantock P.R. (1982) Measuring potential physical accessibility to general practitioners in rural areas: A method and case study. *Social Science & Medicine*, vol. 16, no 1, pp. 85–90.
- Kolesnikov A. V. (2019) Zdravookhranenie v selskoy mestnosti [Healthcare in rural areas]. *Bulletin of Technospheric Safety and Rural Development*, no 3, pp. 30–37.
- Korobkova O. K. (2015) Problemy sovershenstvovaniya okazaniya meditsinskih uslug v selskoy mestnosti regionov Rossiyskoy Federatsii [Issues of improving medical services in rural areas of the Russian Federation]. *Russian Journal of Economics and Law*, no 1, pp. 179–186.
- Manuil'skaya K. M., Rogozin D. M., Gryaznova O. S., Ipatova A. A., Vyugovskaya E. V. (2021) *Zhizn' vne izolyatsii: kontseptsiya novogo sotsial'nogo doma* [Life beyond Isolation: The Concept of a New Social Home], Moscow: Izdatelsky dom "Delo" RANKhiGS.
- Manuil'skaya K. M., Rogozin D. M., Solodovnikova O. B. (2022) *Dorozhnaya karta stareniya, ili kak ne stat zalozhnikom svoego doma posle vykhoda na pensiyu* [A Roadmap to Aging: How to Avoid Becoming a Hostage to Your Home After Retirement], Moscow: Izdatelsky dom "Delo" RANKhiGS.
- Manuil'skaya K. M., Solodovnikova O. B., Malkova E. E. (2023) Sub`ektivnoe blagopoluchie rossiyan: predpensionnyy vozrast kak faktor riska [Subjective well-being of Russians: Pre-retirement age as a risk factor]. *Sociological Studies*, no 2, pp. 104–114.
- Mseke E. P., Jessup B., Barnett T. (2024) Impact of distance and/or travel time on health-care service access in rural and remote areas: A scoping review. *Journal of Transport & Health*, vol. 37, no 1.
- Oosterveer M. T., Young K. T. (2015) Primary health care accessibility challenges in remote indigenous communities in Canada's North. *International Journal of Circumpolar Health*, vol. 74, no 1.
- Osadolor O. O., Osadolor A. J., Enabulele E., Akaji E. A., Odiwaya D. E. (2022) Access to health services and health inequalities in remote and rural areas. *Janaki Medical College Journal of Medical Science*, vol. 10, no 2, pp. 70–74.
- Prasetyo N. N., Maliangkay K. S., Novianti P. A., Pertiwi R., Annisa S. R. (2023) Health accessibility in rural areas for the elderly in Indonesia. *Jurnal Rumpun Ilmu Kesehatan*, vol. 3, no 2, pp. 15–26.
- Rechel B., Džakula A., Durán A., Fattore G., Edwards N., et al. (2016) Hospitals in rural or remote areas: An exploratory review of policies in 8 high-income countries. *Health Policy*, vol. 120, no 7, pp. 758–769.
- Rogozin D. M. (2020) Britanskaya shkola sotsialnoy gerontologii: bibliografichesky obzor odnogo izdatelskogo proekta [British school of social gerontology: A bibliographic review of one publishing project]. *Chelovek*, vol. 34, no 3, pp. 173–183.

- Rogozin D. M., Vyugovskaya E. V. (2019) Avtoetnografiya derevenskogo doma Russkogo Severa [Autoethnography of the village house in the Russian North]. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 1, pp. 98–122.
- Rogozin D. M., Ipatova A. A. (Eds.) (2016) *Starikam tut mesto: sotsialnoe osmyslenie stareniya* [A Place for the Elderly: Social Understanding of Aging], Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Silva Júnior E. J. S. da, Sidi F. S. F., Santos F. S., Cardoso G. G., Chaar M. S., Lima S. C. (2024) Telemedicina em zonas geograficamente isoladas. *Revista Contemporânea*, vol. 4, no 12.
- Voropinova O. A. (2022) Sovremennye problemy selskogo zdravookhraneniya [Contemporary problems of rural healthcare]. *IPEF*, no 2.
- Vudathaneni V., Lanke R., Mudaliyar M., et al. (2024) The impact of telemedicine and remote patient monitoring on healthcare delivery: A comprehensive evaluation. *Cure-us*, vol. 16, no 3.
- Weinhold I., Gurtner S. (2014) Understanding shortages of sufficient health care in rural areas. *Health Policy*, vol. 118, no 2, pp. 201–214.
- WHO (2010a) Rural Poverty and Health Systems in the WHO European Region. URL: https://www.who.int/docs/default-source/documents/publications/poverty-and-social-exclusion-in-the-who-european-region.pdf?sfvrsn=b48488fe_1&ysclid=mpvglfyoou383265242.
- WHO (2010b) Telemedicine: Opportunities and Developments in Member States. URL: <https://iris.who.int/handle/10665/44497>.
- WHO (2018) Imbalances in Rural Primary Care: A Scoping Literature Review with an Emphasis on the WHO European Region. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/346351/WHO-HIS-SDS-2018.58-eng.pdf?sequence=1>.
- WHO (2021) WHO Guideline on Health Workforce Development, Attraction, Recruitment and Retention in Rural and Remote Areas. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240024229>.

*Е. В. Вьюговская,
Е. Е. Малькова*
Барьеры доступа
к медицинской помощи:
сравнительный анализ городских
и сельских территорий России

«И вот тут я увидел совершенно другое лицо сельского хозяйства»

И. Б. Абакумов, А. М. Никулин

Игорь Борисович Абакумов, кандидат экономических наук, директор медиа-группы «Крестьянские ведомости», 143430, Московская область, городской округ Красногорск, деревня Желябино, ул. Саввы Морозова, 1.

E-mail: abakumov@kvedomosti.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

EDN: USLHJB

Аннотация. Первая часть биографического интервью Игоря Борисовича Абакумова открывается его рассказом о корнях рода, о семье, детстве и юности. Далее описываются его выбор профессии журналиста и этапы журналистской карьеры сначала в газете «Ленинское знамя», затем в газете «Известия» со специализацией именно в сельской журналистике. Важное место в интервью занимают размышления об эволюции сельской России в период перестройки, связанные с политической и идеологической борьбой вокруг экономических реформ, возникновением и становлением Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР). Особое внимание уделяется описанию уникального голландско-российского фермерского проекта, возникшего накануне распада СССР, и его последующей трудной истории. Другой замечательный проект, обсуждаемый в этом интервью, — создание ведущей постсоветской сельскохозяйственной газеты нашей страны «Крестьянские ведомости», основателем и главным редактором которой стал именно Игорь Абакумов. Данная часть этого интервью завершается размышлением о перипетиях постсоветской трансформации сельских массмедиа не только газетного, но и телевизионного и интернет-форматов в связи с судьбой известной с советских времен телепередачи «Сельский час». На протяжении всего интервью в его эпицентре находятся размышления о взаимоотношениях личности, общества и власти во взаимодействии со средствами массовой информации.

Ключевые слова: род, семья, сельская Россия, газета «Известия», перестройка, АККОР, фермерство, «Крестьянские ведомости», «Сельский час»

А. М. НИКУЛИН: Игорь Борисович, я очень рад, что Вы оказались у нас в редакции журнала «Крестьяноведение». По иронии судьбы, как правило, интервью у меня брали Вы, теперь мы поменялись ролями. Давайте начнем наш разговор с вопроса о Ваших корнях, Вашем детстве, о Вашей семье, а потом уже перейдем к профессиональной биографии.

И. Б. АБАКУМОВ: Рассказывать, где я родился, где учился, каковы мои корни, — очень увлекательно. Я свои корни начал «копать» только три года назад, прежде всего, для детей, которые начали задавать вопросы. Какие-то изустные упоминания иногда, вскользь, случались и оставались в моей детской памяти, но последующие расспросы натывались либо на молчание, либо на то, что «я не помню», либо «документы потеряны», либо «документы закопали, и мы не могли их найти» — это касалось времени Революции 1917 года и Гражданской войны, рубеж веков, рубеж смен политических укладов в стране. Сейчас у меня уже два тома истории двух семейных родов. Первый — по женской линии моей бабушки, это самое близкое. И второй — дедушки, по папиной-дедовой-прадедовой линии я проследил семейную историю до 1750 года. Дальше меня историки остановили, сказали, что дальше уже у людей были клички, и восстановить достоверно что-то невозможно. Искать информацию по церковным книгам. Кстати, оказалось, что церковные архивы сохранились лучше, чем архивы НКВД и КГБ. К тому же документы там написаны прекрасными почерками, ясное изложение, без ошибок — орфографических, стилистических, синтаксических и т.д. Я получил ксерокопии документов, начиная с 1750 года. Там была информация еще более ранняя, но по ней возможно было уйти в боковые ветви по кличкам, не было фамилий.

Моя прародина по отцовской линии село Копосово Нижегородской губернии (в советское время оно вошло в состав Нижнего Новгорода). Изначально это были церковные земли и их населяли монастырские крестьяне Троице-Сергиевой лавры. При Екатерине началось «избавление» монастырей от земель, поскольку считалось, что у церкви слишком много власти и денег. Так из разряда монастырских крестьяне нашего села попали в разряд экономических. Они не стали крепостными, но работали на государство. Грубо говоря, попали в такой царский совхоз, как государственные крестьяне. Они занимались земледелием, животноводством, переработкой, в некоторой степени торговлей. Из нашей семьи выходили и матросы — ведь Волга была рядом. В 1917 году предки отправились работать на Сормовский завод через речку — «через дорогу» практически. Стали высококвалифицированными рабочими.

А. М. НИКУЛИН: В каком смысле «через речку»?

И. Б. АБАКУМОВ: Там очень много притоков, рукавов. Село Копосово — это сейчас Сормово, район Нижнего. Такова история, если вкратце. Мы пока издали два тома, и уже потом продолжим исследовать более глубоко и спокойно.

Несколько раз в семейных исторических хрониках встречается имя Аввакум, но не знаю пока, с чем это связано. Я был там на кладбище при храме Святой Живоначальной Троицы и Абакумовых на нем полно... Старинное кладбище, с XVI века. И храм был деревянный XVI века, но сгорел. В XVIII веке построили уже каменный, вот он сохранился, и именно оттуда и писцовая книга.

*И. Б. Абакумов,
А. М. Никулин*
«И вот тут я уви-
дел совершенно
другое лицо сель-
ского хозяйства»

Есть торговая, боковая ветка рода, это уже речь об излете XVIII века. Торговля, судя по всему, пошла не шибко, поскольку знаменитых предков в купечестве не обнаружилось, но часть направилась вверх по Волге в сторону Твери. И потомок одного из них — Андрей Иванович Абакумов — выбился «в люди». У его отца не было денег на обучение, и он отдал сына писарем в гвардейский Преображенский полк. На строевую службу он не годился по зрению, но был грамотный, исполнительный, деятельный. Выслужился и через 20 лет возглавлял уже всю продовольственную службу армии Кутузова в 1812 году.

А. М. НИКУЛИН: Это генеральская должность.

И. Б. АБАКУМОВ: Да, он был генерал-провиантмейстер. Служил под началом генерала Дибича.

А. М. НИКУЛИН: Героя Кавказа?

И. Б. АБАКУМОВ: Да. Сравнительно недавно, в начале 1990-х, когда начали восстанавливать храмы, нашли под развалинами церкви в городе Торопце склеп с табличкой «Андрей Иванович Абакумов». Мне дед рассказывал, я знал про это. Склеп вскрыли: ордена при нем. Потомков он не оставил, все имущество, по данным церковных книг, завещал единственному племяннику Раздеришину. Тот был подпоручиком, младшим офицером, ушел с армией Врангеля и следы его потерялись. Накануне смерти Андрей Иванович раздал всю землю крестьянам, каждому выдал денежное содержание, положил определенную сумму в церковь на содержание (в документах указано, какую). От Александра I Андрей Иванович получил в награду за войну золотую табакерку. Не знаю, где она, никто ее не видел, в склепе ее не нашли. Александр Иванович прошел и Берлин, и Париж. В принципе, если посмотреть всю историю, то наша семья брала Берлин три раза: в 1750, 1814 и 1945-м.

А. М. НИКУЛИН: А при каких обстоятельствах вскрывали склеп?

И. Б. АБАКУМОВ: Его обнаружили при реставрации церкви, полезли под фундамент — там склеп. Захоронили его там по завещанию. Андрей Иванович Абакумов упоминается в Википедии, можно посмотреть.

А. М. НИКУЛИН: Впечатляет, какой предок у вас в роду был!

И. Б. АБАКУМОВ: Славных предков было много. И могу сказать, что ни одного беженца и эмигранта ни при каких обстоятельствах не было. Вторая часть семьи — это остзейские прибалтийские немцы — Гринберги. В основном из Эстонии. Эти обрусевшие немцы при Екатерине были переселены в Херсон и Одессу.

Остзейские немцы служили в армии, это была «военная кость», все служили. Предки мои учились в Одесском пехотном училище, потом служили в 37-м Екатеринбургском пехотном полку, который был сформирован в Екатеринбурге, но квартировал в Одессе. Все прапрадеды и прадеды носили русские имена с немецкой фамилией. Писались они русскими.

А. М. НИКУЛИН: Как Андрей Штольц из «Обломова».

И. Б. АБАКУМОВ: Ну да. Когда полк перевели в Лодзь, в 25 км от Варшавы, прадед женился на дочери домовладельца. Хороший был брак, красивая пара, есть их фотографии. И потом их мотало по гарнизонам: сначала в Санкт-Петербурге, потом — в Нижнем. У прадеда были четыре дочери и сын. В отставку он вышел в Нижнем и затем служил обер-полицмейстером в полиции, охранял Нижегородскую ярмарку. В 1916 году сильно простудился, получил пневмонию, скончался в феврале 1917 года. Он был подполковником, а полковников по этой линии не было. Его предок, мой прапрапрадед, был городничим в Екатеринбурге. Власти городничего подчиняются полиция и военные. Грубо говоря, военком — военная власть. Я в Екатеринбурге зашел в краеведческий музей, спросил, мне ответили: «Да, вот его портрет!»

Итак, дальше. В 1914 году, когда началась война, предки поменяли фамилию на Гринёвы — из патриотических соображений, и чтобы не привязывались... Мы нашли эти прошения о перемене фамилии.

А. М. НИКУЛИН: Знаковая фамилия из знаменитого пушкинского произведения!

И. Б. АБАКУМОВ: Да, Гринёвы они с 1914 года. Брат деда, тоже подполковник, поскольку воспитывался и долгое время дружил с семьей Оболенских, просил дать ему их фамилию. Но геральдическая комиссия сказала, что доказательств, чтобы претендовать на столь древнюю фамилию, маловато. И тогда они все стали Гринёвы.

Что дало это исследование? Во-первых, я восстановил доброе имя прадеда. У нас была семейная легенда (распространялась в основном по женской линии), что Владимир Иванович Гринберг (Гринёв) в 1916 году бросил семью — жену, четырех дочерей и сына, женился на гувернантке и уехал в Германию. И все верили в эту легенду, пока я не начал рыться в архивах. И оказалось, что похоронен он в Нижнем Новгороде. Я начинаю догадываться, что эта легенда придумана, чтобы не связывать семью, ее женский состав, с белогвардейским офицером.

А. М. НИКУЛИН: Вполне правдоподобно. Тогда офицеры сразу превратились в отверженных, их преследовали.

И. Б. АБАКУМОВ: Еще могу рассказать, например, почему в женской половине нашей семьи вообще не признавались самые популярные французские духи «Шанель № 5». Аналог — «Красная Москва» — пожалуйста, а «Шанель № 5» — нет! Мой дедушка, Сергей Андреевич, в своей жизни дважды был партизаном. Первый раз — в 1918-м, во время оккупации Архангельской области. Он, отслужив свое в армии, вернулся и вступил в ряды РСДРП(б), стало быть, старый большевик. Он служил в Польше, остался в Санкт-Петербурге, и партия направила его «на укрепление» в Архангельск.

*И. Б. Абакумов,
А. М. Никулин*
«И вот тут я увидел совершенно
другое лицо сельского хозяйства»

Вообще-то, он был квалифицированным мотористом, некоторое время работал на Путиловском заводе. Когда началась интервенция, его поставили командовать партизанским отрядом. Отряд попал под атаку английских танков. Паника была страшная! Большинство попали в плен, он тоже. Поместили их на остров Мудьюг. Здесь был первый, так сказать, «профессиональный концлагерь», созданный англичанами, а командовал им Эрнест Бо, француз русского происхождения. Дед Эрнеста Бо был пленным офицером армии Наполеона (по происхождению — бельгиец), то ли попал в плен, то ли сам сдался. Его сын стал парфюмером. Фабрика «Свобода» в Москве — это его фабрика. И Эрнест Бо, такой толстенький, сам из парфюмеров, командовал этим концентрационным лагерем на острове. Он лишился всего и был очень злой, очень жестокий человек. Деду моему лично, своими руками, клещами вырывал по одному зубу в неделю. Что-то хотел от него получить. У деда не было ни одного своего зуба, все стальные. Деду удалось бежать, за несколько недель до того, как их освободила Красная Армия. Это был массовый побег, залив замерз, они бежали по льду с острова на Большую землю, а по ним лупили из пулемета. Дед много рассказывал... В общем, этот «бобик» — Эрнест Бо, приехал в Париж, и, поскольку он был сыном поставщика Двора его императорского величества, кто-то из членов царской семьи его познакомил с Коко Шанель. И он ей продал рецепт своих духов. Потому-то в нашей семье женщины ненавидели «Шанель»! Вот такие у меня предки: с одной стороны — крестьяне, с другой — военные. Дед, Сергей Андреевич, после того, как был освобожден, работал в ЧК, сначала в Архангельске комиссаром...

А. М. НИКУЛИН: Перебью Вас: на Мудьюге оказался Абакумов или Гринёв?

И. Б. АБАКУМОВ: Абакумов, по крестьянской линии. Дед в Первую мировую дослужился до унтер-офицера. Это уже профессиональный военный, унтер — профессиональная должность. Стал смотреть, какое у него образование — «двухклассное образование». Два класса? Скорее, две ступени сроком в 9 лет. Дед свободно читал по-польски и по-немецки, без словаря. Я помню его библиотеку. Он ничего никогда не рассказывал, был закрытый. Я знаю только, что он участвовал в подавлении Ярославского восстания, за что получил маузер. Знаю, что был первым комендантом Соловецкого архипелага.

А. М. НИКУЛИН: Вот это да! С одной стороны, сам побывал в концлагере, а потом и концлагерь на Соловках организовывал.

И. Б. АБАКУМОВ: Нет, он не организовывал. Там в этот период не было советской власти, и его отправили туда комендантом, «представителем власти». Дед договаривался с монахами, чтобы они открыли зерновые склады. Они их открыли добровольно, никакого насилия не было, это всеми подтверждается. И он организовывал там из монахов первый совхоз. Потом был комиссаром Ар-

хангельской губчека. Все репрессии с расстрелами белых офицеров там завертелись, когда приехали Кедров и Кацнельсон. Кедров, родом из дворян, стал настоящим садистом, которого потом лечили в психиатрической клинике в Норвегии. Жуткое было время. Ад.

Дед старался, судя по его послужному списку, перемещаться в сторону дома. Так он по службе оказался в Нижнем Новгороде. Потом его отправили в Астрахань, потом — в Оренбург, во Фрунзе (ныне Бишкек), где он был помощником наркома НКВД. Это большая должность. И там его осудили по ст. 58 в 1937-м, по расстрельной статье — за шпионаж, естественно, на англичан (он же у них сидел). Дед уже ждал расстрела. В тюрьме ему, как офицеру, давали папирсы, а не махорку. А он никогда не курил и раздавал «табачок» всем, на папиросной же бумаге писал записки и в окошко выбрасывал, тюрьма стояла на горе. В записках было написано, кому и куда ее передать, где он находится. Кто-то записку подобрал, прочитал, передал, и это его спасло. В 1941-м ему вернули ордена, вернули звание, тогда старший майор госбезопасности — это генеральская должность, два больших ромба в петлицах. Вернули и партбилет, естественно. И отправили под Звенигород — командовать партизанским отрядом, который контролировал достаточно большую территорию между Звенигородом и Рузой. Это был партизанский отряд НКВД, там были одни чекисты, местного населения почти не было, только мальчишек использовали как связных. Иными словами, это был профессиональный, практически диверсионный отряд, что-то они там взрывали. Дед забрал с собой несовершеннолетнего младшего сына, брата моего отца, дядю Юру. Папа в этот момент учился в военном училище в Армавире на летчика-истребителя. Потом их училище эвакуировали в Фергану, потом — в Алма-Ату. Так что папа в Великой Отечественной не успел поучаствовать, только учился. В 1942-м вступил в партию, писал заявления «хочу на фронт!», но его оставили инструктором. Из-за этого он очень переживал. А двоюродный его брат со стороны Гринбергов, дядя Женя, я его помню, воевал артиллеристом под Сталинградом и Кенигсбергом, был там ранен. После ранения поступил в Артиллерийскую академию. Когда прорвали блокаду Ленинграда, Академия вернулась туда. А отец дяди Жени — дядя Боря, я его тоже помню, в 1917 году сразу принял сторону большевиков. В партию не вступил, но сказал, что будет служить в РККА. Был военным инженером, дослужился до полковника. Беспартийный! В партию он вступил только после войны. Может быть, его не принимали из-за происхождения, не знаю. Но приняли только тогда, когда он получил Сталинскую премию за то, что сконструировал затвор «катюши». За это он получил квартиру на ул. Горького в доме № 3 с видом на Кремль. А потом его перевели в Эстонию. Умер он в Ленинграде. Так что воевали все, в разных родах войск, на разных фронтах. Папа всю жизнь готовил курсантов, среди них и Герои Советского Союза, и известные летчики. Конечно, многие

*И. Б. Абакумов,
А. М. Никулин*
«И вот тут я уви-
дел совершенно
другое лицо сель-
ского хозяйства»

погибли, но среди его курсантов потери были очень маленькие, потому что подготовка была классная. Его не отпускали, он переживал, писал в ЦК и Сталину.

Когда Иван Кожедуб в 1950 году в ноябре объявил набор добровольцев в Корею, папа был первым. Кожедуб его лично инструктировал и проверял. Папа стал командиром звена уже на МиГ-15. В дивизии было только три летчика первого класса: Кожедуб, папа и командир полка Пепеляев, все остальные второго класса. Когда американцы решили стереть советский аэродром на территории Китая в пыль и прах, папа попал в самую заваруху. Это была знаменитая битва 12 апреля 1951 года, «Корейский сюрприз», как ее называли. Именно этот бой доказал американцам, что планам устроить атомные бомбардировки СССР и Китая не сбыться. Ведь ни один советский истребитель в этом бою не был сбит, а американцы только пленными потеряли более 100 летчиков.

Про Корейскую войну можно много рассказывать, она прошла через всю мою жизнь. Мои первые игрушки — папин шлемофон и пули, которые вытащили из его самолета и из него самого. Папа после Кореи дослуживал в Калуге, где я и родился. В Калуге стояла дивизия ПВО, которая охраняла Обнинскую АЭС. Помню, папа, как начальник воздушной разведки дивизии, периодически дежурил «по небу», и однажды над станцией пролетали американские самолеты-разведчики, на очень большой высоте. Они взлетали из Норвегии, а садились в Турции, пролетали над Москвой. Никто не знал, что у них на борту, то ли фотоаппарат, то ли атомная бомба, а взять их ничем не могли — ракет не было, истребители не доставали. Папа приказал поставить истребители на максимальной высоте в разгон, они пошли в разгон на форсаже, их вывели, что называется, «вдогон», самолеты начали по инерции подниматься — и тогда ударили из пушек и одного разведчика «достали». Он упал в районе Крыма. Экипаж погиб, а аппаратуру всю изъяли, посмотрели, что наснимали. Оказалось — крупные планы Обнинской АЭС. А также шикарно получился Кремль, хоть в журнал «Лайф» посылай. За это отец получил орден Красной Звезды, а за Корею два боевых ордена Красного Знамени и орден Ленина. Комдив Кожедуб за последний бой, где папа, прикрывая группу атакующих, дрался один с четырьмя парами, его сбили, но он оттянул их на себя, представил к званию Героя. Американцы любили гоняться за «одиночками», потому что одна пара заходит, атакует и уходит; вторая пара заходит, атакует и уходит. И так каждый из четырех летчиков отчитывается о сбитом русском самолете. Американские подсчеты наших потерь — у нас столько самолетов не было, сколько они записали. Я это все глубоко изучал, глубже некоторых историков. Папа позже написал книгу про Корею, хотя операция была засекречена, потому что воевали против войск ООН. У всех наших участников были китайские документы, а имена вроде Ли Си Цин. Вот в такой семье я вырос.

Родившись в Калуге, прожил там всего три месяца, и мы переехали в Жуковский — знаменитый авиационный центр. Папу «распределили» в ЦАГИ (тогда «почтовый ящик 747»), в лабораторию прочности летательных аппаратов. И он, как боевой летчик, консультировал конструкторов: на какой фигуре крыло сгибается, условно говоря. Умер он в 1994 году, похоронен в Жуковском. А я отслужил в армии, учился в аэроклубе, так что, естественно, летать умею.

А. М. НИКУЛИН: И «корочки» самолетные есть?

И. Б. АБАКУМОВ: А как же! Не на самолет, на планер. Хотел уйти в боевую авиацию, рост не тот: ограничения не выше 185 см, а у меня 185,5 было уже в 10-м классе. А там еще расти и расти. Поэтому я пошел в журналистику.

А. М. НИКУЛИН: А почему в журналистику?

И. Б. АБАКУМОВ: Папа посоветовал. У меня сочинения всегда были 5/5, русский язык и замысел. Я обычно брал свободную тему, и это было очень выигрышно, потому что можно было фантазировать. В армии я служил в Ленинграде, где общался со всеми Гринёвыми, которые там были, ходил к ним в увольнение. В Ленинграде я состоял в войсках связи, мы оборудовали связью «особо охраняемые объекты», как тогда говорили. И однажды обнаружили, что иностранное консульство прослушивает секретный кабель. Нам нужно было его оставить на том же месте, а дубль переложить по другому маршруту, и не по колодцам, которые по городу разбросаны, а по метро, чтобы к нему нельзя было подключиться. А по старому шпионам потом «дезу» сливали. Мы также летали монтировать антенные поля во Вьетнам (в Камрань), на Кубу в Лурдес. Монтировали антенные поля на космодроме в Плесецке. В Ужуре были, там наши ракетные шахты.

В общем, я вернулся из армии и позвонил коллеге по аэроклубу, которая училась на факультете журналистики и уже работала в «Комсомолке». А через нее познакомился с сотрудником московской областной газеты «Ленинское знамя». Им в редакцию нужен был курьер. А я после армии опять в ЦАГИ устроился, где работал после школы, но хотел быть поближе к журналистике. В общем, через полгода я уже работал корреспондентом, сразу начал писать. Потом поступил на журфак в МГУ без конкурса, как «дембель». Начинал в «Ленинском знамени» (Московская областная газета) и проработал там почти 10 лет. Сначала был, как все, криминальным репортером, потом — спецкором и сам выбирал себе интересную тему. Наша газета была самая тиражная из всех областных: 300 тысяч экземпляров — это очень большой тираж! Потом я стал заведомом информации, между прочим, самого большого в Москве, включая всеобластные газеты. Редакция «Ленинского знамени» находилась в Москве на Красной Пресне. Там же рядом «Московская правда», «Вечерняя Москва» и «Московский комсомолец». И наша газета, в отличие от всех остальных, была, что называется, «доно-

*И. Б. Абакумов,
А. М. Никулин*

«И вот тут я увидел совершенно другое лицо сельского хозяйства»

ром» по кадрам для «Правды», «Труда» и «Советской России», т.е. можно было перейти работать в них. Или в журналы — например, в престижную «Гражданскую авиацию» и летать по всей стране, и даже по всему миру.

Но один умный человек после долгой беседы сказал мне: «Слушай, есть такая тема — сельская». Я говорю: «Да ладно!» Я тогда еще не знал, что у меня сельские корни. Он стал объяснять: «Во-первых, этой тематикой мало кто хочет заниматься, и там нет конкуренции. Во-вторых, через некоторое время вопросы продовольствия будут на первом месте. В-третьих, плеяда писателей-деревенщиков — Белов, Астафьев начнет уходить в прошлое». Это было году в 1976–1977-м, и я попросился в отдел сельского хозяйства. Все были очень удивлены, ведь у меня классно шла карьера репортера-информационщика. Мы делали материалы, о которых можно было только мечтать, — и тут писать про «колхоз-навоз»? Я начал ездить и сразу писать, искать интересных людей. Не только про «надои-привесы», которые требовались, но больше всего про судьбы людей. И выяснилось, что это гораздо интереснее, чем разные ДТП, намного! Была такая организация — Народный контроль, встроенная в систему власти, финансировалась государством. В ней для каждой сферы экономики были свои специалисты. Если, допустим, инспектор НК едет на ферму, то это человек, который ранее работал в сельском хозяйстве и в нем разбирается. Если инспектор едет на завод, то он как минимум работал мастеров, его на мякине не проведешь. Мне захотелось посоветоваться с этими людьми, и было интересно посмотреть — что же они ищут. И я начал понимать, как система Народного контроля предваряла посадку какого-нибудь неугодного руководителя. Последовательность была такая — сначала приезжает Народный контроль, дает свое заключение. А в любом хозяйстве есть нарушения, сквозняк на ферме — уже нарушение. Их страшно боялись, потому что понимали, к чему это все приводит. Потом эта справка отправлялась в прокуратуру, в МВД/БХСС и в партийные органы. И в нужный момент эта справка доставалась. Это и есть та самая система компромата. Задача изначально ставилась — искать недостатки. Быстро понял, что система меняла людей, но не менялась сама. Один из председателей колхозов, куда приехал НК и я, как журналист, вышел со мной покурить. Он был на костылях — без ноги после войны — и, поскользнувшись, ему сложно было быть за рулем, его возил водитель. Он мне говорит: «Я смотрю, ты не подонкок. Чувствую, тебе интересно. У меня сейчас шофер по семейным обстоятельствам уезжает на две недели. У тебя права есть? Хочешь поработать? Много увидишь». Я взял отпуск за свой счет, работал у него шофером. И вот тут я увидел совершенно другое лицо сельского хозяйства. Что на самом деле происходит с сельским хозяйством, как его представляют в газетах и что от него хотят партийные власти. Это был очень хороший для меня урок.

А. М. НИКУЛИН: Это как-то удалось зафиксировать, осмыслить?

И. Б. АБАКУМОВ: Да. Была написана серия из четырех статей «Две недели с председателем». Их прочитал редактор с изменившимся цветом лица, потом они попали на стол секретарю обкома партии по идеологии, который потом инициировал мой вызов в обком партии, где со мной провели «отеческую беседу». Что это все не так на самом деле, что увиденное — это ошибка, ошибка политическая, а это влечет за собой «кадровые решения».

Я был молодой, борзый, мне было 22 года, после армии ничего не боялся, потому возьми, да и ляпни: «Не хотите читать в «Ленинском знамени», будете читать в «Нью-Йорк Таймс». И тут я увидел, как переворачивается лицо секретаря обкома, который со мной «отечески разговаривал». Я думал, ну все равно выгонят. Кстати, меня дважды пытались выгнать, один раз из «Ленинского знамени», второй — из «Известий». Секретарь обкома сказал: «Будем считать, что ты этого не говорил, а я этого не слышал. Публиковать не будем, но и увольнять не будем. Хорошо?» Я говорю: «Хорошо». На этом и сошлись. И дальше я начал копать совершенно спокойно, потому что понял, что у меня есть некая «индальгенция». Главный редактор, видимо, получив какие-то указания, начал меня беречь, в том числе и от критики коллег. Потом меня пригласили в газету «Известия» в сельхозотдел сразу на должность спецкора. По тем временам эта должность — как тайный агент Председателя Президиума Верховного Совета М. П. Георгадзе. Когда спецкор отправлялся в регион, об этом сразу же предупреждали местное руководство и партийные власти. Были в газетах еще и собкоры — собственные корреспонденты, которые жили постоянно в крупном городе, но критических статей, как правило, не писали. И когда нужно было кого-то «вздрыгнуть», то посылали спецкора, который как бы экстерриториален, ни от кого не зависит (ни материально, ни морально), никому там ничем не обязан, подчиняется только главному редактору, а главный — только ЦК. Поэтому, когда мы приезжали, нас прямо у трапа самолета встречали одна или две черных «Волги», сразу везли в ресторан — напоить, накачать.

В «Известиях» я с 1985 года. Как раз прошел Апрельский пленум, началась перестройка. Вот меня и пригласили как борзого и наглого. Спецкоров в «Известиях» вообще было мало, так еще и из «Ленинского знамени» раньше никого в них не брали. «Известия» считались элитной газетой, и я попал в коллектив, о котором можно было только мечтать. В «Ленинском знамени» был очень сильный коллектив, но в «Известиях» просто небожители. Там работали дипломаты — Валентин Фалин, Александр Бовин, Станислав Кондрашов, а также люди, о которых я только потом узнал, что они знаменитые разведчики. С ними можно было сидеть в кофейне за одним столиком и слушать их разговор — ну прямо передача «Международная панорама». Там были публици-

И. Б. Абакумов,

А. М. Никулин

«И вот тут я увидел совершенно другое лицо сельского хозяйства»

сты — Николай Боднарук, Ирина Круглянская, Евгений Жбанов, Эдвин Поляновский, многие, многие другие легенды профессии... Мой взлет начался в «Известиях». И речь не о статусе, я был слишком воспитан, чтобы воспринимать статус как некое богом данное что-то. Статус в данном случае — это возможность что-то сделать, чего-то добиться, донести мысль, был другой алгоритм подготовки статей. В «Ленинском знамени» я написал, отдал завотделом, тот подписал, потом главред прочитал — и в печать. А здесь читает вся редколлегия. А редколлегия утверждается в ЦК, в Отделе пропаганды. Некоторых вообще утверждали на уровне секретарей ЦК. Эти люди отвечали за слово. Это не просто газета была, а такой социально-политический институт.

А. М. НИКУЛИН: Да, это больше, чем газета.

И. Б. АБАКУМОВ: И все прекрасно это понимали. Если «Правда» — это чисто идеологическая институция: корреспондент приехал, в обкоме информацию получил, уехал. А «Известия» никому не подчинялись. У нас было написано: «Издатель — Президиум Верховного Совета». Тогда как раз началась перестроечная «горячка», и я попал в группу, которая готовила материалы по аграрной реформе. Группу возглавлял Горбачев. Лигачев хоть и был «ответственным» за село, его отодвинули. Группа заседала в санатории «Сосны». Закрытый санаторий ЦК, за Николиной Горой, охраняемый. И там были академики Леонид Абалкин, Станислав Шаталин, Владимир Тихонов...

А. М. НИКУЛИН: Они же не только селом занимались.

И. Б. АБАКУМОВ: Они всем занимались. По сельскому хозяйству — академики Владимир Тихонов, Александр Никонов, Алексей Емельянов. Из нашего сельхозотдела в группе участвовали два человека, которые попеременно ездили туда на неделю. Стенографистки из «Известий» записывали все разговоры. Это были не какие-нибудь конференции или семинары, разговоры могли вестись даже на дорожке в бассейне. Потом все это расшифровывалось, ложилось мне на стол, я должен был это все редактировать, обкатывать варианты формулировок и т.д. Я спрашиваю: «А можно это видоизменять?» Мне: «Делай, что хочешь. Мы тебе доверяем, ты фигню не напишешь. Ты видишь то, чего не видим мы, — вноси от себя». Я отдаю стенографистке, она все это перепечатывает и каждому раздает. Тогда я впервые увидел ксерокс. У нас в «Известиях» ксерокс был в оцинкованной комнате с бронированной дверью, и там сидел специальный человек. Ответственный секретарь газеты должен был давать разрешение на ксерокопирование. А в санатории ксерокс стоял в свободном доступе. Короче, напился я там этими мыслями. С Шаталиным мы просто подружились, и потом мы с ним делали один очень большой фермерский проект. Точнее, он взял на себя его продвижение по «верхам», поскольку был личным советником Горбачева.

Что мне дали «Известия»? «Расширение горизонта», взглядов на жизнь, иной уровень рассмотрения проблем. Сначала надо подняться на гору и осмотреться, поскольку принцип «Известий»: «Не смотри никогда снизу вверх, смотри сверху вниз». Это у меня запечатлелось четко.

Когда в 1985–1986 годах началось кооперативное движение, первый в стране сельхозкооператив был образован в деревне Снятинка Загорского района Московской области. Бывший замначальника «Мособлсельхозтехники» Тимур Кабирович Кадыров, которому надоела номенклатурная жизнь, купил бычков, поставил их на откорм, договорился с соседями, что у них будет убойный цех, и таким образом они зарегистрировали кооператив из нескольких человек. Мясо поставляли в Москву. Получилось очень неплохо. Я про это написал. В редакцию приехал экономист Валерий Максимович Рутгайзер, попросил познакомиться с кооперативщиками. Я позвонил Кадырову, мол, едем к тебе с экономистом, готовься. В результате мы там, у Тимура, зависли дня на четыре. Они все разговаривали-разговаривали. Закончилось дело тем, что Рутгайзер говорит Тимуру: «Сейчас в Новосибирске академик Заславская будет проводить конференцию, поехали со мной». Когда они обратно возвращались, позвонили мне из Домодедово — аж вздохнул: «Игорь! Тут такое! Такое!» Я: «Что стряслось? Переворот? Война?» Приезжаю утром в Снятинку, они уже там: «Заславская кинула хорошую идею: надо делать ассоциацию фермеров России». Тогда как раз в 1990-м «расколхозивание» началось, и пошло фермерство. Я говорю: «Что, надо объявление про учредительную конференцию давать? Которая потом объявит дату учредительного съезда?» Я к главному редактору «Известий» на следующий день: так и так. А главный — Иван Дмитриевич Лаптев — тогда ходил по лезвию бритвы между Горбачевым и Лигачевым. Лигачев отвечал за идеологию, главный тяготел к Горбачеву, но Лигачев главреда мог снять за «слишком левые» идеи. Он мне: «Напиши текст, мне надо посоветоваться». Я напечатал — на пишущей машинке в одном экземпляре. Через пару дней он согласовал. Но велел подбирать толковых людей на конференцию, не крикунов. Это были уже арендаторы, которые хотели быть фермерами. Вот тогда все и закрутилось. Оказывается, прошла команда с самого «верха», по всей «вертикали»: из ЦК ВЛКСМ, чтобы выделили место, по МВД — обеспечить охрану, по КГБ, естественно, контроль. ЦК ВЛКСМ предложили провести за городом в пансионате «Шереметьево».

Был создан оргкомитет, Тимур был его председателем, Рутгайзер зампредседателя, я его членом. Сейчас бытует легенда, которая поддерживается самой АККОР: что один из тех, кто инициировал создание АККОР, был Абакумов, потому что он в «Известиях» напечатал объявление. Причем об этом говорят Петриков, Башмачников. Ну это моя газета, что ли?! Определили мне такую роль!

А. М. НИКУЛИН: Соглашайтесь!

*И. Б. Абакумов,
А. М. Никулин*
«И вот тут я увидел совершенно
другое лицо сельского хозяйства»

И. Б. АБАКУМОВ: А я и соглашаюсь. Как на самом деле было: от ЦК ВЛКСМ это курировал второй секретарь ЦК, который сейчас вице-президент Академии наук, Николай Кузьмич Долгушкин. А исполнителем был «секретарь по селу» Валентин Петрович Денисов. И именно он определял, где это будет проходить и т.д. Именно он взаимодействовал с КГБ, чтобы на съезде не было политических манифестов, и с МВД — чтобы не было алкоголиков и наркоманов. Все было под жутким контролем, но «фишка» в том, что прошла команда — и все стали «за» фермерское движение. Я, как член оргкомитета, познакомился и с куратором от КГБ — он сказал, что они следят, чтобы из фермерского движения не организовали партию. Тогда же уже была создана ЛДПР, но под контролем.

А. М. НИКУЛИН: ЛДПР — это тоже «проект органов»?

И. Б. АБАКУМОВ: А чей еще мог быть проект в 1990-м? Это был проект многопартийной системы, вернее, ее имитации в СССР. Сказать, что «Жириновский создал партию» — это то же самое, что сказать, что Абакумов пришел и в газете напечатал объявление, и даже Георгадзе не обратил внимания. В общем, приехало народу — туча, причем мужики, которые работают на земле. На входе мы организовали фейс-контроль, чтобы всякого рода городских сумасшедших, собиравшихся покричать «Россию продали!», отводить подальше. В общем, пришли работяги-мужики, и как начали говорить!

И еще мы отсекали тогда Юрия Черниченко и Олега Попцова — они пришли на конференцию с целью создать крестьянскую партию. Я говорю: «Ребята, сейчас не надо! Я — «за», но в данный момент не надо, нас просто запретят!» — «Нет, Игорь, ты не понимаешь! Это нужно делать сейчас!» — кричал Черниченко. Я тоже уже кое-что видел в жизни и знаю, насколько быстро это все сворачивается. Говорю: «Это надо делать параллельно и в другом месте». — «А когда мы еще соберем людей?» Я говорю, что не получится «на чужом горбу в рай въехать». И в этот момент в том же 1990-м председатель колхоза Михаил Иванович Лапшин объявил о создании Аграрной партии (это был второй проект ЦК КПСС). Он объявил, но зарегистрирована она была только в 1991-м, уже постфактум. И все восприняли Лапшина нормально, потому что он был председателем колхоза, причем колхоза успешного.

Название АККОР придумал я на учредительной конференции. Ассоциация крестьянских фермерских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России — это полное наименование, так оно записано в материалах конференции. ЦК ВЛКСМ предоставил свой аппарат, весь Орготдел ЦК ВЛКСМ работал на АККОР.

Николай Кузьмич Долгушкин это все курировал как второй секретарь, а Валентин Петрович Денисов как «секретарь по селу» это все исполнял (совершенно недооцененная фигура в создании фермерского движения). Он же занимался журналом «Сельская молодежь». Это целенаправленное воспитание, типа «Московско-

го комсомольца», только на селе. Была, конечно, некая ревность между «Сельской молодежью» и «Известиями». Я говорю: «Никакой ревности быть не должно, мы все делаем одно дело. Два издания в оргкомитете лучше, чем одно». Я везде настаивал, что без их представителей мы не заседаем, чтобы не было потом обид. Они профессионалы в своей сфере. И дальше прошла конференция, которая назначила созыв съезда АККОР.

А. М. НИКУЛИН: Получается, что идея фермерской ассоциации плавно перетекла в АККОР?

И. Б. АБАКУМОВ: Да. Идея принадлежала Татьяне Ивановне Заславской, ее привезли в Москву Рутгайзер и Тимур Кадыров. Эти две фамилии сейчас в истории АККОР вообще не упоминаются, так же как и фамилия Денисова. Выходит, что один Башмачников у нас «создавал» АККОР. Хотя он тогда был консультантом ЦК, и мы к нему ходили на Старую площадь, но он как-то вяло реагировал. Сразу на конференции мы предложили, чтобы президентом АККОР стал А. М. Емельянов — академик тогда еще ВАСХНИЛ, человек умный, политически активный.

А. М. НИКУЛИН: О, и какой он оратор! Один из «прорабов перестройки», очень известный.

И. Б. АБАКУМОВ: Был еще момент: я для «Известий» готовил многие «перестроечные» статьи, в том числе редактировал и Емельянова, например, из 12 страниц сделать 6, это не так уж и легко, кое-что надо было просто-напросто переписать. Потом я с ним все согласовывал — чтобы с водой не выплеснуть и ребенка. Я и Тихонова редактировал, и Абалкина. И они все мне очень доверяли, потому что я длинную мысль делал короче, но менее емкой она не становилась. В этом мне помог опыт из санатория «Сосны», где мы готовили перестроечные документы. Я там очень многого наслушался, мой уровень высоко поднялся. Какие люди были умные! Сейчас нет таких.

А. М. НИКУЛИН: Конечно, советская власть готовила профессиональные кадры, что по партийной линии, что по комсомольской, что в журналистике. Однако все рухнуло... Я Заславскую спрашивал: «Татьяна Ивановна, было у Вас ощущение после 1991-го — как в 1941-м? У нас лучшая армия, замечательные маршалы — и все рушится на глазах, как же так?!» Это был для нее обидный вопрос, трагический. Она сказала: «Знаете, Саша, социум так сложно устроен... Жизнь так сложно устроена, что я вам честно могу сказать: мы не могли понять глубину, тяжесть проблемы, в которой мы оказались».

И. Б. АБАКУМОВ: А тогда конференция назначила съезд, и народ мирно разъехался. Но когда мы опубликовали отчет, когда все это разошлось по прессе, посыпались мешки писем в «Известия», в «Комсомолку». «Хотим делать, участвовать, рассказывать и т.д.». Подъем был неслыханный.

*И. Б. Абакумов,
А. М. Никулин*
«И вот тут я уви-
дел совершенно
другое лицо сель-
ского хозяйства»

А. М. НИКУЛИН: Да, население поверило и готовилось участвовать.

И. Б. АБАКУМОВ: Ну этому еще предшествовало постановление ЦК КПСС «О работе с письмами трудящихся». Вместо социологии были газеты, куда приходили письма. Они взяли на себя эту социологическую функцию. После этого постановления были образованы отделы писем в каждой редакции, от районной до газеты национального уровня, центральной прессы. Это были огромные отделы, по 20 человек. Они что-то отправляли «для принятия мер», что-то — «ставили на контроль». И были люди, которые делали еженедельный обзор почты, который утверждал главный редактор и отправлял в ЦК.

А. М. НИКУЛИН: Это была особая советская культура общения через газету с властью.

И. Б. АБАКУМОВ: Обратная связь, ради которой все это и создавалось. Тогда власть нуждалась в этом. Я помню, как с нами, «известницами» из сельхозотдела, очень внимательно беседовал И. С. Силаев, который тогда курировал сельское хозяйство. Потом он стал премьер-министром. Ну и на съезде АККОР Емельянов предложил выбрать меня вице-президентом по международным связям и связям с общественностью. Мол, ты же журналист, выступаешь всегда правильно — вот и вперед. Впрочем, ни он, ни другие академики меня на «ты» никогда не называли. По имени-отчеству «Игорь Борисович» и на «вы».

Дальше был проект «Инфра». Я «задружился» с атташе по сельскому хозяйству посольства Нидерландов Германом ван Виссеном. Мне было интересно — что такое вообще фермерство, потому что одно дело — объявить, а другое дело — знать. Я говорю: «Надо бы мне материалы получить, желательно переведенные». И он этим озадачился. Но времени было мало, и я начал писать по этим материалам обзоры о том, что в мире происходит с фермерством. И в этот момент (это 1989 год, излет) главному редактору Ивану Дмитриевичу Лаптеву позвонил Егор Лигачев. Лаптев меня вызывает: «Игорь, Лигачев требует тебя уволить». Я спрашиваю: «И что будем делать?» «Ну давай сделаем так...» — приглашает нашего кадровика в чине подполковника: «Игорь, на одном листе пиши заявление об уходе, на другом — о приеме на работу». Кадровику говорит: «Сделаешь два приказа, один — сегодня уволить, другой — завтра принять. Но второй приказ пока не регистрируй, пусть лежит». И об этом знали только три человека.

Приказ выполнил, Лигачеву отправил, тот сказал: «Молодец! По-партийному поступил». Лаптев мне: «Игорь, чтобы тебя месяц в редакции не было. Езжай, куда хочешь. Дам распоряжение, чтобы тебе выдали валюту, и вали отсюда в любую страну!» И я у ван Виссена спрашиваю: «Герман, а ты мне можешь устроить поездку? Деньги есть, главный велел». Он мне говорит: «Да я ждал этого вопроса! Мы тебе подготовим не поездку, а стажировку!» Это гораздо

круче. В общем, я уехал туда на месяц, потом вернулся с четырьмя статьями «Как я был фермером в Голландии». Это были полосные материалы. Представляешь — четыре дня было по полосе в «Известиях!». Это была такая бомба! Такая вещь! В них я сравнивал их «уход за фермерами» с нашими законами и правами. В Голландии мне подобрали фермерское хозяйство, где был сын, учивший русский язык. Вначале я был помощником у фермера — работал вручную, потом ворошил сено на тракторе. Позже в деревенском кооперативе первого уровня ходил вместе с фермером в банк получать кредит. Потом в кооперативе второго уровня, районного, потом — третьего уровня. В финале я выполнял функции дублера министра сельского хозяйства. Я вел совещание! Естественно, министр сидел рядом. А на совещании обсуждали, как отправить продовольственную помощь в РФ. Я потом министра спросил, как прошло? Он говорит: «Все отлично, квалифицированно, но очень эмоционально». У них, у бюрократов, так не принято. Я там узнал любопытные вещи, которых у нас нет и в помине. Когда я ворошил сено на тракторе, трактор заглох. Бывает. Я его не смог запустить, сижу, жду, пока придут. А рядом — автобан, дорога, народ едет, машет (про меня уже газеты написали — что «русский приехал изучать...»). Я тоже помахал. И машины начали останавливаться. Два или три «дальнобоя» остановились и несколько легковых машин. Мужики подошли: что случилось? Я «на пальцах» объяснил, что стряслось. Они показали: да вот, надо было воздушный клапан открыть. Открыли — и все заработало. Я приехал, машину поставил под навес. Утром за завтраком спрашиваю: вот такое было, что это? Мне хозяин: «А это древний голландский обычай — приветствовать работающего в поле человека. Если он поднял руку, значит, ему нужна помощь». И тут я понял, что мы далековато от них ушли в этом направлении, начиная с 1917 года.

Мы с фермером из моей стажировки пошли покупать ему трактор «Дойц». В банке разговор о кредите занял 40 минут, потом деньги ушли в механическую мастерскую. Там в каждой деревне работает механическая мастерская, где можно купить б/у технику, потому что новая дорогая. Это был 1989 год. Объясню, почему все так быстро: во-первых, отделение банка здесь же, во-вторых, банкир из этой же деревни и учился вместе с фермером в школе, в-третьих, он про фермера все знает, у него в компьютере информация, сколько у фермера земли, сколько удобрений внесено, как стоимость земли приросла, сколько укосов травы, сколько топлива фермер купил, какой расход топлива. Ведь все платежи проходят через банк. И нет кэша — почему? Потому что все фермеры являются акционерами крестьянского кооперативного банка. У них неприлично наличными расплачиваться друг с другом. У них нет огородов — если тебе нужна картошка, ты идешь покупать к тому фермеру, который ее профессионально выращивает. За курицей ты идешь к соседнему фермеру.

*И. Б. Абакумов,
А. М. Никулин*
«И вот тут я уви-
дел совершенно
другое лицо сель-
ского хозяйства»

Когда я вернулся со статьями, Лигачев к тому моменту потерял силу, Лаптеву ничего не было за эти статьи. Я пошел выпить с Германом ван Виссенем. Говорю: «Герман, я пришел к выводу, что нам начинать фермерское движение на ровном месте — пустое дело». Он говорит: «Я рад, что ты пришел к такому выводу». Давай, говорю, сделаем проект — несколько голландских фермеров и несколько российских фермеров селятся на одной территории. Голландцы образуют кооператив, работают, как работали, как привыкли, как знают. А наши не знают, что такое кооператив, вообще не знают, как это сделать в реальности с нашим законодательством, как совместить ежа и ужа, поэтому надо выделить территорию, где временно приостанавливается действие каких-то законов. А потом наши действующие законы под эту территорию начинают подстраиваться. Там будет отрабатываться модель взаимодействия русских и голландских фермеров. Как Маугли — жил среди волков и начал перенимать их повадки.

А. М. НИКУЛИН: Что-то типа свободной экономической зоны, где не действуют российские законы, а действуют законы кооперации голландско-российских фермеров? В некоторой степени — это утопический проект.

И. Б. АБАКУМОВ: Конечно, утопический. Но мы же большевики, мы же советские люди. Как в «Повести о настоящем человеке»: «Но ты же советский человек!» А с той стороны, я смотрю, отклик есть. Говорю: «Изучи у своих голландских начальников в минсельхозе — есть у них интерес к этому?» Через неделю он мне звонит: «Огромный интерес!» Мы написали записку, я с ней пошел к академику Шаталину. А он же «системщик», моделирование и прочее, ЦЭМИ руководил. Он: «О, да это же то, что нужно!» Я говорю: «Давайте формировать банду!» — «Да она готова! Абалкин, Тихонов, Емельянов. Пиши проект!» Никонова, правда, не назвал. Я говорю: «Давайте записку напомним и отдадим Силаеву, он — премьер, на его территории это все будет». Силаев же «системщик», «оборонщик», талантливый человек. Иван Степанович на моих глазах записку прочитал, говорит: «Обалденная история!» В общем, была образована межправительственная комиссия Нидерландов и РФ. С одной стороны, министр экономики Нидерландов Люберс (потом он стал министром экономики ЕС — еще Европейского сообщества, уже потом союзом ставшего), а с другой стороны Силаев. Договорились — по два миллиона долларов скинуть. По тем временам-то это огромные деньги. Наши резервировали деньги во Внешторгбанке, голландцы — в Рабо-банке (крестьянском кооперативном банке).

В общем, был создан проект «Инфра». Силаев, как «системщик», переговорил с Люберсом: «Давай выше подниматься. Давай по 50 фермеров с каждой стороны, всего 100 фермеров. Землю найдем». Землю нашли в том же Загорском районе, рядом с кооперативом «Снятинка», место, где было правительственное охотхозяйство

Брежнева, Соломенцева, Пуго. Тогда шла «борьба с привилегиями», и эти хозяйства пустовали. Но чтобы они функционировали, при начале их строительства оттуда выселили все население, дали им квартиры, то-се. Так что кроме охраны, никого не было.

А. М. НИКУЛИН: Таким образом, заполнили бывшую «номенклатурную пустоту»?

И. Б. АБАКУМОВ: Да, хорошее выражение. Для обустройства этой территории была на конкурсной основе выбрана голландская компания «Евроконсалт». А решение о выделении прошло в течение недели. Силаев позвонил председателю Мособлисполкома Черепанову: «Надо!» Тот: «А мне за это что?» — «Напиши, что тебе надо».

А. М. НИКУЛИН: Сколько же по площади она была, если речь шла уже о десятках фермеров?

И. Б. АБАКУМОВ: 50 га на каждый из 100 участков. Это площадь маленького колхоза, у среднего совхоза земли обычно 10 тыс. га, а здесь — 5 тыс. «Известия» опять опубликовали: «Объявляется конкурс на прохождение стажировки в Голландии для участия в проекте». После публикации как пошли письма — от Киргизии, Армении, Дальнего Востока до Калининграда, включая прочие регионы — мама дорогая! Я говорю: «Ребята, я не справлюсь с этим, пусть «Евроконсалт» разбирается». В общем, сначала отбирали по образовательному цензу: должно быть сельскохозяйственное образование и опыт сельской работы. Возраст — до 50 лет, это верхний предел. Обязательно наличие семьи. Пришло порядка 200 тысяч запросов, а нужно было отобрать 100. Потом сократили — с двумя высшими, до 45 лет, с двумя детьми, не с одним. В общем, набрали 150 человек — все равно отсеивать будет. 70 человек отправили на стажировку. Они там пробыли четыре месяца. За это время были нарезаны участки, подведены коммуникации, поставлены сборные типовые дома, заборчики — маленький штакетник, чтоб друг от друга не скрываться, а только участок обозначить. И отдельно были размечены участки для голландцев, без домов — они должны были что-то свое привезти. Но к этому моменту наступил август 1991 года. И все это остановилось. Фермеры после стажировки со знаниями уже переехали в дома, начали работать, у них уже и техника вся была. Причем часть б/у техники многие привезли с собой из Голландии. А что-то голландцы им просто подарили. И тут — заморожено финансирование с нашей стороны. Я — к Гайдару: помоги! Он: а нас не интересуют проекты СССР. Я — к Чубайсу. Тот — нас не интересуют проекты СССР, мы этим двум миллион долларов найдем другое применение. Но несмотря на это, на сегодняшний момент из 50 фермеров остались работать 25!

А. М. НИКУЛИН: По нынешним временам это хороший результат.

И. Б. АБАКУМОВ: Это не просто «хороший результат», это ге-

*И. Б. Абакумов,
А. М. Никулин*
«И вот тут я увидел совершенно
другое лицо сельского хозяйства»

ниальный результат! Это отсев меньше, чем в целом по сельскому хозяйству РФ.

А. М. НИКУЛИН: А голландские участки кому достались?

И. Б. АБАКУМОВ: Никому. Голландцы просто не приехали. Люди в фирме «Евроконсалт» по инерции продолжали работать, делали стыковку законодательства, проектирование, писали предложения, но это все уже в корзину шло. Через год они уехали и выставили счет за работу. Началась судебная тяжба, Минфин в конце концов заплатил из госбюджета. А выделенные деньги пропали.

Кстати, я собираюсь туда съездить и поговорить с теми фермерами. Земля на стыке нескольких областей: Владимирской, Московской, Ярославской и Тверской, это земля, которая никому не нужна. Это же невероятно интересно!

И вот этот проект «Инфра» вроде бы «затух», но на носу оказалась дата — 400 лет установления дипломатических отношений Нидерландов и России, Путин едет к королеве Беатрикс. И мне звонят из Минпромторга: «Игорь, что там по сельскому хозяйству можно? Надо какой-то проект запустить». Я: «А зачем запускать, вот он есть!» Начали поднимать бумаги, и выяснилось, что Постановление Правительства РСФСР «О финансировании...» этого проекта никем не отменялось! И что домики, в которых живут фермеры, до сих пор стоят на балансе Минсельхоза! Домики давно выработали свой ресурс, давно весь утеплитель высыпался, они уже стенки песком засыпают. Но дело в том, что это не их дома. Земля оформлена на них, а дома не их, снести их невозможно, потому что это чужая собственность. И этот бред продолжается 34 года уже. Я говорил с людьми из управления сельского хозяйства Загорского района, кто общается с этими фермерами: как они там себя мироощущают? «А они там ждут голландцев». Я говорю: «Так им уже лет по 70!» — «Да, но они ждут голландцев!»

А. М. НИКУЛИН: Какая абсурдно трогательная история.

И. Б. АБАКУМОВ: Государство их отправило за границу, как Петр I. Они там шикарно выучились, практиковались, им там предлагали остаться работать. Они же все специалисты, все с образованием. Но все вернулись — Родина, Горбачев, перестройка... Я предложил, давайте все возобновим, и тут же все бумаги по этому проекту, даже те, которые я не видел, появились у меня. Меня назначили в межправительственную комиссию «Нидерланды — Россия». Приехали те самые голландские специалисты, старые уже такие! И голландцы так это восприняли: «Да, мы это помним, да это же так было классно! Да, фермеры хотят приехать в Россию, давайте возобновлять!»

У нас была задача, которую поддержал Силаев как «системщик»: «100 фермеров — это уже опыт, за ним будут ездить со всего мира». Я опять поехал в Голландию. Путин встречался с королевой Беатрикс, она сказала, что прекрасно помнит этот проект. Но толь-

ко Путин уехал — над Донбассом сбили голландский «Боинг». Ну и все. Этому проекту фатально не везет.

Кто-то называет этот проект фикцией, кто-то — в частности, академик Петриков, который ничего про него не знает, но удивляется: «А почему не предложили местному населению?» Я говорю: там нет местного населения. «Такого не бывает!» Ну если там есть бабка и старик, то это не местное население, там должно быть дееспособное местное население. Специально выбрали территорию, где вообще нет местного населения. Это не маниловщина — это был реальный проект, он мог сработать. Причем это было живое желание с обеих сторон. И финансирование!

А. М. НИКУЛИН: Там важно было еще и состояние эмоционального подъема, когда люди горы свернут.

И. Б. АБАКУМОВ: Когда у людей эмоциональный подъем, поддержанный правительством, это синергия обалденная. Тогда, во время первого съезда АККОР, Емельянов мне сказал: «Нужно делать фермерскую газету, иначе все наши усилия уйдут в песок, — нужна объединяющая информационная структура». Мне это и поручили. Это тяжелая работа, но раз есть поручение — я ответственный человек. Собираю ребят из отдела сельского хозяйства «Известий», говорю: есть такое предложение, может, сделаем отделом сельского хозяйства сельскую газету? Мы пошли к директору издательства Ефремову, который отвечает за всю полиграфию. Я говорю: мы обречены на большие тиражи, а вам нужна загрузка оборудования. Помогите нам сейчас сделать пробный экземпляр, чтобы мы могли его показать инвесторам. Тогда еще слова «инвестор» не было, речь шла о богатых людях. Он согласился, взял на себя полиграфию, и мы сделали всю газету. Вся корреспондентская сеть «Известий» в регионах заметки прислала. Мы впервые в Советском Союзе напечатали бюллетень цен по рынкам в регионах в виде таблиц: хлеб, зерно, колбаса, молоко. И начали делать это ежемесячно. Я пошел с этим делом сначала в Агропромбанк, потом — в Центросоюз. Я же не знал, что там кооперации никакой нет, — думал, раз кооперативная структура, можно фермерам ее использовать: у них магазины, фермерам — реализация. Меня принял председатель правления банка Александр Александрович Обозинцев. Сказал — очень интересная идея. Как назовем? Я говорю: «Крестьянские ведомости». Он согласился: ну да, и ностальгия есть, воспринимается хорошо. Собрал членов правления, кто поближе был, спрашивает, сколько дадут. Они предложили миллион. А я всего тысяч на 100 рассчитывал! И Центросоюз, говорят, пусть миллион дает — они же богатые. Потом меня спрашивают — они же банкиры: «Ну а вы сколько дадите? Это же акционерное общество». Я говорю — у меня, кроме зарплаты, ничего нет. «Нет, надо, чтобы вы что-то вложили!» Я говорю — ну мозги. «Нет, мозги сейчас ничего не стоят». Я говорю — хорошо, продам дачу. Продам дачу — это был мой вклад. Пришел, наличку положил прямо

И. Б. Абакумов,

А. М. Никулин

«И вот тут я увидел совершенно другое лицо сельского хозяйства»

на стол. И мы начали выпускать «Крестьянские ведомости». Очень скоро выяснилось, что у меня не получается совмещать «Известия» и «Крестьянские ведомости». Это был 1991 год, и 19 августа было объявлено, что вся независимая пресса приостанавливает свою работу. А у меня там уже 20 человек работает.

1 февраля 1990 года мы выпустили пробный нулевой номер, а 1 февраля 1991-го первый регулярный, еженедельный номер «Крестьянских ведомостей». И с тех пор газета выходит еженедельно. Во время августовского путча я участвовал на другой стороне, за что от «Известий» был представлен к медали «Защитник свободной России». Получил эту первую государственную награду и ушел из «Известий» — уже на вольные хлеба, в бушующую бездну рынка — главным редактором «Крестьянских ведомостей». От Центросоюза мы получили еще помещение в аренду, на улице Гиляровского. Но потом очень быстро выяснилось, что это никакая не кооперативная структура. Там просто шел распил имущества Центросоюза. Они приватизировали все магазины, никаких пайщиков там давно уже нет.

Это была моя ошибка — надо было раньше понять, в чем дело, и я подумал, что надо скорее расставаться с этой структурой, пока она нас вместе с собой не утащит. Мы воспользовались ситуацией, поскольку выиграли конкурс на производство программы «Сельский час». Это 1996 год, «Голосуй или проиграешь». Банкир Александр Павлович Смоленский активно участвовал в этих выборах, он вместе с Березовским в награду получил «Первый канал» телевидения. Еще он получил в награду за выборы Агропромбанк. Короче, Смоленский, идя «навстречу пожеланиям трудящихся» от агропромышленного комплекса — председателей колхозов, решил восстановить «Сельский час» (который тогда закрыли демократы), и объявил открытый конкурс. В шорт-лист вошли три концепции: команды Юрия Черниченко, «Компании Вид» и «Крестьянских ведомостей», которая в тот момент была не на слуху. Всем выделили некоторую сумму денег на пилотный проект. И наш победил.

До этого в 1992-м закрыли «Сельский час» Черниченко, потому что он всегда ассоциировался с отделом сельского хозяйства ЦК КПСС. Тогда демократ Егор Яковлев возглавлял «Первый канал» — и программу выкинули оттуда вместе с Черниченко. Потом «Сельский час» возобновили — его вели политобозреватели Сергей Торчинский и Анатолий Иващенко. Иващенко ко мне очень хорошо относился, часто брал меня с собой в командировки, точнее, я ему разрабатывал тему как журналист, а он меня иногда в кадр помещал, я что-то комментировал.

К 1996 году у меня уже появился некоторый опыт видеожурналистики, я более-менее понимал, как это крутится, как лампы ставить, камеры. Мы выиграли — к нашему ужасу и неудовольствию «Первого канала».

К настоящему времени мы выкупили бренд «Сельский час» в полную нашу собственность. 3 декабря 1963 года вышел первый выпуск этой телепередачи, и у нас даже есть свидетельство от Книги рекордов России как о самой долгоживущей аграрной программы.

А. М. НИКУЛИН: Что значит «выкупить бренд», как это делается?

И. Б. АБАКУМОВ: Очень просто: когда мы выиграли тендер на право изготовления и трансляции, выяснилось, что бренд «Сельского часа» зарегистрировала какая-то компания. Тогда только началась регистрация брендов в России, и кто-то впрок для себя зарегистрировал, хотя это и была федеральная собственность. Тогда Смоленскому предложили выкупить его за 150 тыс. долларов. Смоленский отказался и спросил меня, как хотим назвать. Я говорю: «Есть же уже «Крестьянские ведомости». И «Первый канал» был вынужден раскручивать «Крестьянские ведомости», от чего телевизионщики еще больше озверели.

А. М. НИКУЛИН: Получается, как таковой «Сельский час» функционировал под именем «Крестьянских ведомостей»?

И. Б. АБАКУМОВ: При Алексее Васильевиче Гордееве, который стал министром сельского хозяйства с приходом Путина, в 2005-м начал формироваться национальный проект «Развитие АПК», в рамках которого стал нужен именно «Сельский час». Разыскали, кому этот бренд принадлежит, и выкупили. Передача с этим названием некоторое время выходила на «Втором канале», но без меня.

А. М. НИКУЛИН: «Крестьянские ведомости» и «Сельский час» шли параллельно?

И. Б. АБАКУМОВ: Нет, «Крестьянские ведомости» закончились в 2000 году.

А. М. НИКУЛИН: Почему?

И. Б. АБАКУМОВ: Потому что сочли, что сельскохозяйственная программа — это глубоко политизированная тема. В многомиллионной стране показывать деревенский сортир, даже если ты не говоришь об этом сортире, а он просто случайно попадает в кадр, всем понятно, что это такое. Короче, у нас сейчас на федеральных каналах нет ни одной сельскохозяйственной программы.

А. М. НИКУЛИН: А как же «Сельский час», который Гордеев выкупил?

И. Б. АБАКУМОВ: Да, он появился в 2005 году на «Втором канале», за эфир платило — на коммерческой основе — Российское аграрное движение. Программу вел Константин Ликutow. Но потом его закрыли по тем же причинам: сельское хозяйство показывать невыгодно. Выгодно показывать нефтяников.

Пять лет назад я позвонил Гордееву и рассказал, что пора бренд перерегистрировать и продлевать. Но «Российского аграрного движения» уже нет. Может, нам его подарите? Он позвонил кому надо,

*И. Б. Абакумов,
А. М. Никулин*
«И вот тут я увидел совершенно
другое лицо сельского хозяйства»

написали отказное письмо, и зарегистрировали, но уже как интернет-канал. Он на «Рутубе», в «ВК».

А. М. НИКУЛИН: Он невероятно популярен.

И. Б. АБАКУМОВ: Да, общее число просмотров — около 1,5 млн в неделю. Мы к этому спокойно относимся, специально не рекламируем — никому не надо объяснять, что такое «Сельский час»: ни молодым, ни старым.

А. М. НИКУЛИН: И в перспективе можно будет его вернуть на телевидение?

И. Б. АБАКУМОВ: Не стоит. Дело в том, что я слишком много и нервно реагировал на замечания, которые были к каждой программе. «Этого человека не надо, нам нужно поставить обязательно Аллу Пугачеву на садовом участке». У них такие представления — что я с ними буду бороться? Я пытался доказывать, на меня смотрели, как Ленин на мировую буржуазию. Телевидение — совершенно другой мир. Я к ним очень хорошо отношусь, но сельское хозяйство и реальная жизнь — это другое.

Продолжение в следующем номере

“And then I saw a completely different side of agriculture”

Igor B. Abakumov, PhD (Economics), Head of the “Krestyanskie Vedomosti” media group. Savva Morozov St., 1, Zhelyabino village, Krasnogorsk urban district, 143430, Moscow Region. E-mail: abakumov@kvedomosti.ru

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Abstract. This the first part of Igor Borisovich Abakumov’s biographical interview, which begins with his story about family roots, childhood and youth, then describes his choice of journalism as a profession and the stages of his journalistic career — first at the newspaper “Leninskoe Znamya [Lenin’s Banner]” and then at the newspaper “Izvestia [News]” — with the focus on rural journalism. In the interview, Abakumov considers the evolution of rural Russia during perestroika under the political-ideological struggle about economic reforms and the AKKOR [Association of Russia’s Peasant Households (Farms) and Agricultural Cooperatives]; describes the unique Dutch-Russian farming project implemented on the eve of the collapse of the USSR and its difficult history. Another remarkable project discussed in the interview is the leading post-Soviet agricultural newspaper “Krestyanskie Vedomosti [Peasant Newspaper]”, whose founder and Editor-in-Chief was Abakumov. This part of the interview concludes with reflections on the ups and downs in the post-Soviet transformation of the rural mass media, not only newspapers but also television and online media, in connection with the fate of the well-known Soviet-era television program “Selsky Chas [Rural Hour]”. Throughout the interview, Abakumov focuses on the relationship between the individual, society, power institutions and the media.

Key words: kin, family, rural Russia, “Izvestia” newspaper, perestroika, AKKOR, farmers, “Krestyanskie Vedomosti”, “Selsky Chas”

Сельские волнения в Индии: как крестьянские протесты заканчиваются успехом¹

Рецензия на книгу: Suthar S. K. Farmer Power: The 2020–21 Movement, The State And Agricultural Reforms In India. Penguin Random House India, 2025. 264 с.

А. А. Куракин

*Александр Александрович Куракин, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82.
E-mail: chto-delat@yandex.ru*

EDN: WEHLLM

В 2020 и 2021 годах Индию сотрясали массовые волнения фермеров. Их апогеем стал марш на Дели численностью около 300 тысяч участников. В нашей прессе данный феномен освещали, но не придавали особого значения, так что в сознании рядовых граждан он вряд ли оставил какой-то след, если вообще был замечен. Между тем данному событию даже посвящена объемная статья в англоязычной Википедии².

Под заголовком «В Индии протестующие фермеры штурмуют Дели» вышла статья в «Российской газете»³. Ее автор так описывает ситуацию в момент пика протестов: «Фермеры, которые уже более двух месяцев требуют от правительства пересмотреть вновь принятые законы в отношении регулирования сельскохозяйственного сектора, вступили сегодня в стычки с полицией. Вооруженные дубинками крестьяне пытаются свалить полицейские заграждения, разбивают припаркованные машины, таранят на своих тракторах автобусы с сотрудниками сил правопорядка. Один фермер погиб после того, как его трактор перевернулся в результате неудачного тарана». Газета сообщает и о причинах протеста, а именно недовольстве фермеров принятием в 2020 году двух законов и одной поправки к закону. Это закон о торговле сельскохозяйственной продукцией и коммерции и закон о соглашении о ценовых гарантиях

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС
2. https://en.wikipedia.org/wiki/2020–2021_Indian_farmers%27_protest#
3. https://rg.ru/2021/01/26/v-indii-protestuiushchie-fermery-shturmuiut-deli.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F

и сельскохозяйственных услугах. Поправка была внесена в закон о товарах первой необходимости 1955 года.

Газета.ру опубликовала статью под заголовком «Битва за урожай: как праздник в Индии обернулся беспорядками», в которой сообщается, что «День Республики в Индии обернулся кровавой бойней между полицейскими и фермерами, которые уже третий месяц бунтуют против новых законов о сельском хозяйстве»⁴.

Статьи сообщают, что правительство Индии хотело как лучше: ослабить власть посредников и повысить доходы сельскохозяйственных производителей. В «Российской газете» смысл законов описывают как предоставление фермерам дополнительной возможности выбора при реализации своей продукции, защиту фермеров от ценовых рисков и более прозрачные критерии при регулировании поставок товаров первой необходимости. Источником этой информации выступило посольство Индии в России, которое, разумеется, транслировало правительственную точку зрения. Газета.ру уточняет, что само проведение протестов было разрешено властями, но протестующие нарушили согласованные маршруты шествий, что и привело к столкновениям с полицией. «Российская газета» добавляет, что от погромщиков сразу отмежевался профсоюз фермеров, выступавший только за мирные акции протеста.

Оба издания тем не менее дают и трактовку сложившейся ситуации со стороны протестующих фермеров. Последние опасаются, что принятые законы усилят власть над ними со стороны сельскохозяйственных корпораций и крупных торговых компаний, а также приведут к ослаблению, если не отмене, правила минимальных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию.

Из приведенных статей в прессе очевидно, что налицо противоречия между намерениями правительства и позицией фермеров. Однако, во-первых, непонятна подоплека этих событий. Чего добивалось правительство? Каково было положение крестьян накануне принятия этих законов в 2020 году? Во-вторых, отчего столь резкая реакция крестьян. По-видимому, это первое настолько масштабное и радикальное волнение (почти восстание, бунт) фермеров в современной Индии. Неужели какие-то законы способны вызвать подобную реакцию, учитывая всю трагичную историю индийской деревни, выдавшую события и похуже? И каким образом крестьянам удалось организовать столь масштабное и скоординированное коллективное действие? Наконец, в-третьих, непонятно, почему правительство не было готово к такой реакции. Оно просто привыкло, что народ безмолвствует, следовательно, можно делать что хочешь? Или недооценило значимость самих законов, посчитав их не столь болезненными? Книга Судхира Кумара Сутара «Фермерская сила»

4. <https://www.gazeta.ru/social/2021/01/27/13457102.shtml?updated>

дает ответы на эти вопросы и рисует более детальную картину как самих событий, так и их контекста⁵.

Прежде всего, следует сразу сказать, что протесты закончились успехом для протестующих, так как принятые в 2020 году постановления и поправки были отозваны. Это крайне важный и необычный для крестьянских протестов результат. Обычно крестьян либо обманывают, либо жестоко подавляют. Также Сутар утверждает, что протесты проходили в целом мирно, дисциплинированно и организовано. Конечно, медиа любят обращать внимание на «жареные» факты в виде столкновений, разрушений, ранений и смертей. И, разумеется, без эксцессов не обошлось и в этот раз, особенно учитывая масштаб и продолжительность событий (за все время протестов погибли, ни много ни мало, около 700 человек). Напомним, что столица Индии была «окружена» протестующими около года. Однако ничего похожего на «бессмысленный и беспощадный» крестьянский бунт не случилось.

Автор начинает с утверждения, что столь длительные и организованные протесты опровергают тезис известного аграрного историка и социолога Б. Мура о том, что индийское крестьянство просто не способно сопротивляться каким-либо формам угнетения. По мнению Мура, оно гораздо более неорганизованное и отсталое в материальном и интеллектуальном плане, чем крестьянство Англии, Франции, Китая, России и многих других стран, что делает невозможным демократический протест⁶. Сутар же полагает, что данное событие является уникальным не только в индийской, но и в мировой истории, потому что это были протесты фермеров ради фермеров, без поддержки каких-либо политических партий или влиятельных групп гражданского общества. Иными словами, фермеры справились сами.

Следует сделать одно уточнение в определениях. Все-таки речь идет о фермерах или крестьянах? В заголовке книги стоит слово «фермеры», однако сам автор, обращаясь к вопросу дефиниций, употребляет термин «фермеры-крестьяне». Если опираться на определение крестьян Т. Шанина, то оно будет слишком жестким для описания состава протестующих в Индии⁷. С другой стороны, для нашего читателя крестьяне и фермеры сливаются в российском законодательстве под термином «крестьянско-фермерские хозяйства», которые противостоят личным подсобным хозяйствам

А. А. Куракин
Сельские волнения
в Индии: как кре-
стьянские протес-
ты заканчиваются
успехом

5. На данную тему уже вышли и другие публикации. См., например, сборник: *Moliner C., Singh D. (Eds.) (2024). The Indian Farmers' Protest of 2020–21: Agrarian Crisis, Dissent and Identity. Routledge.*
6. *Мур-мл. Б. (2016). Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.*
7. *Шанин Т. (1992). Понятие крестьянства / Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Прогресс-Академия.*

населения. Поэтому можно сказать, что индийских протестующих можно описать как мелких, преимущественно семейных сельскохозяйственных производителей, антиподом которых выступают сельскохозяйственные корпорации.

Сутар формулирует два главных тезиса, вокруг которых построена его книга. Во-первых, данный крестьянский протест является лишь частью более широкого социального движения в современной Индии. Более того, это движение имеет глобальные последствия. Во-вторых, данный протест оказался самой масштабной из целой серии протестов попыткой утверждения особой социально-экономической идентичности фермеров-крестьян Индии. Это произошло на фоне попыток сделать как традиционных крестьян, так и фермеров «невидимыми» для современной политики, когда на первый план выдвигаются такие несельскохозяйственные процессы, как индустриализация, информатизация, урбанизация, а применительно к сельскому хозяйству ставка делается на крупный корпоративный сектор. Здесь автор особо подчеркивает укорененность этого протеста в индийском контексте, что означает его независимость от организационной и финансовой поддержки извне.

Таким образом, Сутар характеризует фермерское протестное движение не как ситуативную реакцию на какие-то конкретные действия правительства, а как обострение застарелых проблем в аграрной политике современной Индии. Принятие этих трех постановлений лишь обозначило повод, предлог к тому, чтобы волна крестьянского недовольства вылилась в этот масштабный, но организованный и в целом мирный протест. Главная же проблема аграрной политики в современной Индии, по мнению Сутара, кроется в различном понимании вектора ее развития правительством и крестьянами. Если правительство является последовательным адептом либерализации, т.е. повышения открытости рынков для внутренних и зарубежных частных экономических акторов и сокращения роли государства в аграрном секторе, то сами крестьяне выступали за защитные меры и активное участие государства. Иными словами, современный вариант противоречий между фритредерством и протекционизмом. Принятые постановления 2020 года были сигналом для крестьян, что правительство активно двинулось в сторону либерализации и не обращает никакого внимания на их озабоченности. Это стало спусковым механизмом для крестьян, чтобы перейти от слов к делу.

Автор добавляет, что главная проблема неолиберальных реформ лежит далеко не только в экономической плоскости. Данные протесты индийских фермеров вскрыли социальную и политическую сторону вопроса. Три закона, принятые в 2020 году, возможно, имели под собой экономическое обоснование, однако, игнорируя социально-политические реалии современной сельской Индии, они вызвали политический ответ на, казалось бы, чисто экономические меры, с которым современная Индия столкнулась впервые. Игнорирова-

ние вопросов регионального социально-экономического неравенства и несправедливости привели к социальному взрыву.

Для того чтобы понять, почему сельская Индия так отреагировала на государственные законодательческие инициативы, необходимо учитывать контекст и историю вопроса. На момент принятия этих злосчастных законов между правительством и фермерскими союзами уже накопилось изрядное недоверие. Автор намекает, что даже сами фермерские союзы не ожидали такой народной реакции, но выпустив джинна из бутылки, им самим уже было некуда отступать. По его мнению, все началось еще в 2016 году. Именно такое долгое вызревание позволило протестам превратиться в организованное сопротивление, а не в стихийный бунт. За это время фермеры сформировали свою идентичность и осознали свои политические интересы, что позволило объединить в одном движении столь разнородные группы. Само это движение отражает зародившийся новый тип политики в современной Индии, одновременно возвращая к жизни известные формы гражданского ненасильственного неповиновения, связываемые с именем М. Ганди.

Первоначально протесты возникли в штате Пенджаб, однако довольно быстро они охватили ряд штатов страны и достигли своей кульминации в «блокаде» Дели. Сутар выделяет три стадии разворачивания протестного движения. Первая состояла в зарождении локального протеста против принятых трех постановлений в Пенджабе, когда в июне 2020 года местные союзы фермеров открыто выступили против действий правительства, и начали распространять свои лозунги за пределы штата. Во второй стадии полиция заблокировала марш на Дели в штате Харьяна, что побудило влиться в протест местных фермеров. Третья стадия началась после присоединения к маршу фермеров штата Уттар-Прадеш после тракторных шествий в День Республики: ряд протестующих фермеров отклонились от заранее согласованного с полицией маршрута, что вылилось в кровавые столкновения с полицейскими. Новость о смерти одного из фермеров стала быстро распространяться. Однако ее затмил эпизод захвата Красного форта и водружения на нем ряда флагов, включая флаг сикхов. Власти сразу сочли это покушением на суверенитет Индии и начали принимать меры. Ситуация обернулась таким образом (мы здесь опускаем подробности), что фермеры Уттар-Прадеша решили поддержать протесты в тяжелый для них период. В результате к январю 2021 года более 300 тысяч человек оккупировали четыре главные автострады, ведущие к Дели.

Особенность данного фермерского протеста состоит и в том, что у протестующих не было какого-то четкого предварительного плана действий. Все развивалось одновременно и организовано, и стихийно, как бы странно это ни звучало. У протестующих была дисциплина и были лидеры, но это не были лидеры партийного типа. Несмотря на то что группа представителей от фермеров постоянно

А. А. Куракин

Сельские волнения в Индии: как крестьянские протесты заканчиваются успехом

вела переговоры с правительством во время протестов, они не были командирами или вождями протестующих.

Протесты возникли на фоне практически отсутствующей политической оппозиции принимаемым законам. Во-первых, сами оппозиционные партии возражали против этих законов скорее формально, нежели всерьез. Во-вторых, господствующая политическая партия являлась тогда, да и сейчас тоже, доминирующей политической силой как на уровне страны, так и на уровне большинства штатов. Внепартийность фермерских протестов проявлялась даже в желтых цветах их флагов. Желтый цвет был выбран лишь потому, что остальные цвета заняты различными политическими партиями и идеологиями. И даже в этой ситуации, фермерский протест смог добиться того, чего не смогли оппозиционные партии. Сутар отмечает, что данное крестьянское движение не укладывается в представления таких исследователей, как Т. Скочпол, Б. Мур и Ч. Тилли, для которых успех социальных и революционных движений зиждется на их организационном потенциале, что означает фактически партийную организацию.

Данный протест сумел объединить в себе разнообразных участников, некоторые из них вроде бы должны иметь антагонистические классовые интересы: фермеров и сельскохозяйственных наемных работников, крупные и мелкие фермерские хозяйства. Автор называет этот процесс гибридизацией, которая происходила не только на уровне состава участников, но и отразилась на характере коммуникации, лидерстве и координации, сплава различных культур. Сутар, следовательно, считает само это протестное движение как гибридное по своей природе. Зародившись в Пенджабе, движение стало действительно общеиндийским. На наш взгляд, это не совсем удачная характеристика, т.к. практически все в нашем мире можно назвать гибридным. Идеально-типических форм в реальной жизни практически не бывает. И возможно, данный феномен еще ждет своего академического наименования.

Сутар полагает, что по своей природе фермерские протесты в Индии не подпадают под уже разработанные классификации. Это не было либеральным движением за свободу и процедурную демократию, как не было и классическим левым движением, объединенным вокруг организованной и дисциплинированной политической партии. Оно не было в чистом виде ни популистским, ни классовым. Это не было и разовой акцией неповиновения на какое-то событие (в данном случае — на принятые законы 2020 года), т.к. в 2024 году стартовало еще одно протестное движение, которое стали называть «фермерский протест 2.0».

В заключении Сутар формулирует два теоретических итога этих масштабных исторических крестьянских волнений. Фермерские протесты, во-первых, заставили переосмыслить взаимоотношения между социальными движениями и демократией. События в Индии показали, что демократически избранное правительство не полу-

чает неограниченную легитимность на законотворчество, а вынуждено постоянно взаимодействовать с самыми разнообразными акторами, социальными группами и стейкхолдерами при выработке политического курса. Одной процедуры прозрачных выборов недостаточно, что показали фермерские волнения, когда выработанные законы были обозначены как «черные», а правительство было принуждено к их отмене. Это также показывает, что демократическое устройство общества не определяется формально-институциональным и процедурным устройством власти. Крестьянский протест происходил за рамками формальных институтов организованной власти, политических партий, гражданских объединений и политических сетевых структур. Он также не определялся классовыми границами и противоречиями, ставя под вопрос классический марксистский подход к социальным движениям. Не решая всех противоречий в аграрных отношениях в современной Индии, фермерскому движению удалось объединить самые разные группы и наладить взаимодействия с самыми разными политическими и гражданскими объединениями страны. Более того, главной силой этих протестов стали рядовые фермеры, готовые годами сидеть на автострадах, пока введенные законы не будут отменены. Это делало невозможным сдать назад лидерам фермерских союзов и активистам, которые были вынуждены следовать за народными массами до конца.

Во-вторых, индийские фермерские протесты вернули к жизни, казалось бы, позабытое сопротивление господствующему неолиберальному политическому дискурсу. Казавшиеся отсталыми и мешающими прогрессу крестьянские сожжения и озабоченности вдруг вырвались наружу в виде массового организованного политического движения, заставившего притормозить неолиберальный политический курс. Обозначилось ключевое противоречие между пониманием общественного блага государством, с одной стороны, и фермерским движением — с другой. Правительство обосновывало вводимые законы стремлением к общественному благу, которое понималось им в терминах соотношения выгод и издержек, когда расширение роли частного капитала считалось ключевым для создания дополнительных возможностей для фермеров. Сами же фермеры формулировали общественное благо в терминах справедливости, честного распределения, подотчетности и прозрачности. Несмотря на то что с 1991 года аграрная политика Индии декларирует стремление к открытости и встроенности в глобализируемый мир, индийское общество было к этому не готово и рассматривало государство как защитника и гаранта населения от превратностей рыночной экономики. Требования ВТО и других международных организаций постепенно воплощались в разных секторах индийской экономики, однако в сельском хозяйстве коса нашла на камень. Введение этих трех законов вошло в жесткое противоречие с общественными ожиданиями от государства, что и привело к масштабным социальным волнениям.

Наконец, автор утверждает, что фермерские протесты в Индии оказали влияние далеко за пределами самой Индии. По его мнению, фермерские протесты в Польше, Франции и Германии в 2023–2024 годах были вдохновлены действиями индийских фермеров. Мы не спешим немедленно соглашаться с автором, что это действительно так, просто отметим это мнение на полях. Оно интересно в том плане, что обычно идеи и методы социальных движений и протестов распространялись с Запада на Восток, когда движения на Глобальном Юге в той или иной степени копировали практики социальных движений и организаций в развитых капиталистических обществах, либо тесно сотрудничали с ними. Вероятно, одним из последствий глобализации XX века стала возможность обратного влияния.

Данную книгу можно охарактеризовать как гимн крестьянству и демократии. Она очень оптимистична, что идет вразрез с предыдущей книгой Сутара о фермерских самоубийствах⁸. Книга выражает надежду автора на возможность мирными демократическими средствами переломить тревожную ситуацию в сельской Индии. На примере успеха фермерских волнений 2020–2021 годов он пытается показать потенциал самоорганизации индийского крестьянства, которое способно противостоять даже консолидированной и пользующейся общественной поддержкой политической системе страны. Также материалы данной книги наводят на размышления, что современное индийское крестьянство уже не та безмолвная масса, которую описывали классики аграрной социологии. А возможно, индийское крестьянство и не было таковым в прошлом, и нам следует пересмотреть свои представления о нем. Однако мы бы не стали делать далеко идущие выводы даже после такого явного успеха крестьянского протеста в Индии, который может оказаться лишь локальным эпизодом, хотя Сутар всячески убеждает читателей в обратном. Лучше лишний раз не очаровываться, чтобы потом не разочаровываться.

Rural unrest in India: How peasant protests succeed

Review of the book: Suthar S. K. *Farmer Power: The 2020–21 Movement, the State and Agricultural Reforms in India*. Penguin Random House India, 2025. 264 p.

Alexander A. Kurakin, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: chto-delat@yandex.ru

8. Suthar S. K. (2022). *Dilapidation of the Rural: Development, Politics, and Farmer Suicides in India*. London: Palgrave Macmillan.

Видимое невидимое в экономическом развитии (сельского) Китая¹

Рецензия на книгу: Лань Сяохуань. Видимая рука: государство и экономическое развитие в Китае / Пер. с англ. и кит. под науч. ред. И. Чубарова. М.: Издательство Института Гайдара, 2025. 488 с. ISBN 978-5-93255-698-6

И. В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Просп. Вернадского, 82, Москва, 119571. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

EDN: IQEMKC

В последние годы в России публикуется все больше работ, посвященных разным аспектам жизни китайского общества. Если в первые постсоветские годы это были преимущественно отечественные исследования с акцентом на возможностях и ограничениях китайского опыта применительно к преобразованиям российского общества (включая отсылки к противоположной исторической ситуации в первой половине XX века — когда китайское руководство опиралось на советскую общественно-политическую модель), то сегодня публикуется все больше переводных (с китайского и английского языков) книг. Вероятно, чаще всего это историко-экономические исследования, различающиеся политико-идеологическими оценками прошлого и настоящего китайского общества, но встречаются и весьма своеобразные издания, например, не вполне удачная попытка краткого изложения социальной истории современного Китая в учебном формате². Или интереснейший вариант осмысления риторической истории (жанровых сетей как политического института, который воспроизводился через образовательные, теоретические и бюрократические средства) раннего императорского Китая с помощью деколонизального (принципиальный отказ от западной риторики и «наследия европейского колониализма, включая расизм,

-
1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС
 2. Ван Сюй, Виватенко С. В., Петров А. В., Сиволап Т. Е. (2025). История и социология современного Китая / Под науч. ред. А. А. Петровой. СПб.: Алетейя.

капитализм, структурализм, одноязычность, линейную временность и академическую дисциплинарность», в пользу «местных знаний и практик смыслообразования») и транснационального (исследование способов репрезентации, которые использовались для установления этнической, расовой, гендерной, колониальной и эстетической иерархии) подходов³. Или вышедшая в серии «Китайский новаторский марксизм» книга, в которой «на основе марксистско-ленинских позиций рассматриваются социальные, политические и экономические явления, реально существующие в нынешнем социалистическом Китае» — «только эта великая страна отстояла свой социалистический режим и провела радикальные социальные реформы... — народная, социалистическая КНР»⁴. Причем дискурсивный формат описания этих явлений напоминает передовицы советских газет: «пусть все молодые товарищи станут настоящими коммунистами»⁵; «отношение к И. В. Сталину — лакмусовая бумажка, определяющая, является ли человек настоящим левым ученым»⁶; «В. И. Ленин был вечным горным орлом угнетенного народа»⁷; «сама практика коммунистического строительства является мощным и решающим аргументом в пользу правильности марксистско-ленинской доктрины», и «какими бы ни были махинации буржуазии и ее агентов, достижения социалистического Китая оказывают все большее влияние на идеологию трудового народа капиталистических стран»⁸; «классовая и линейная борьба в Китае будет... затяжной — нарождающаяся буржуазия и ее аппаратчики смирились с ограничениями, наложенными на них диктатурой пролетариата, и мечтают свергнуть их и обрести капиталистический рай... распад социалистического лагеря в Европе — это глубокий урок, который заслуживает большой бдительности»⁹ и т.д.

Многочисленные исследования китайского общества будут интересны и полезны тем, кто занимается вопросами аграрной экономики и сельской социологии, но редко посвящены их профильной проблематике, особенно исторические работы, где крестьянство обычно упоминается как источник массовой поддержки или, напро-

3. Ю Сяо. (2024). Жанровые сети и империя. Риторика в раннем императорском Китае / Пер. с англ. А. Швадковой. СПб.: Academic Studies Press/Библиороссика.

4. Ли Чжэожу. (2022). Китаизация марксизма и новая эпоха: политика, общество, культура и идеология. М.: Родина, 2022. Книга заявлена как написанная в честь столетия основания СССР, однако содержательно представляет сборник ранее подготовленных авторских текстов, прежде всего выпускных работ в бакалавриате и магистратуре социологического факультета МГУ, но также и ряда научно-публицистических статей.

5. Там же. С. 10.

6. Там же. С. 363.

7. Там же. С. 397.

8. Там же. С. 39.

9. Там же. С. 425.

тив, протеста в отношении конкретных политических сил, а сельские территории — в контексте общей характеристики китайского общества на определенных этапах исторического развития. Вот один такой пример, показательный для понимания, какой феноменальный скачок сделал сельский Китай всего за столетие: «Сельское хозяйство, производящее самую большую часть валового внутреннего продукта, находилось в состоянии стагнации (1928–1937). Феодалное устройство китайской деревни, помноженное на слишком большое количество крестьян и недостаток плодородных земель, не создавало предпосылок к поступательному развитию. Часть крестьян вообще не имели собственных наделов, у других эти наделы были просто крохотными, что приводило к необходимости арендовать землю у помещиков, чей менталитет не менялся на протяжении как минимум тысячелетия. Сложившаяся система взимания арендной платы была настолько изощренной, что даже в урожайный год крестьяне едва сводили концы с концами, а если вдруг выпадал неурожай, то доведенные до крайнего отчаяния люди устраивали угнетателям “суд Линча”. Однако в таком случае предусмотрительные помещики бежали из своих имений, оставляя на растерзание голодной толпе управляющего или же одну из многочисленных жен. Возвращались они с отрядом полиции и вооруженными до зубов наемниками, восстанавливая закон и порядок самыми жестокими методами»¹⁰ (типичная ситуация для большинства феодальных систем прошлого).

Прицельная модернизация сельского хозяйства (наряду с промышленностью, наукой и оборонной промышленностью в рамках программы «Четыре модернизации») началась в Китае только в 1970-е годы, когда «Дэн Сяопин вернул китайским крестьянам землю и свободу, в кратчайшие сроки распустив коммуны (созданные в 1949 году)... и решительно покончив с коллективизацией»¹¹. Прагматический подход Дэн Сяопина к реформированию китайского общества нередко иллюстрируется примерами из сельской жизни: когда после «Пекинской весны» местное руководство разрешило нескольким десяткам крестьянских дворов взять землю и выращивать на ней все, что те хотели, а урожай — не сдавать государству, а продавать на рынке, и в итоге через год урожайность этих хозяйств выросла в 2,5 раза по сравнению с той, что показывала коммуна¹². «О результатах столь смелого по тем временам экономического эксперимента в области сельского хозяйства стало известно Дэн Сяопину — и он немедленно сделал выводы... дав народу проявлять инициативу на местах, а в Пекине лишь оценивали результаты. В итоге принималось решение, какие из народных инициа-

10. Каплан А. (2025). Китай в XX веке: от рисовых полей до атомной бомбы. М.: Эксмо. С. 162–163.

11. Там же. С. 672.

12. Там же. С. 671–672.

тив могут стать полезными в масштабах всего государства, после чего их внедряли в экономическую и политическую жизнь. В СССР же в эпоху перестройки все инициативы спускались исключительно сверху, из Москвы, и в большинстве своем они были далеки от потребностей на местах»¹³.

Книга Лань Сяохуаня «Видимая рука» заявлена в аннотации как «китайский политэкономический бестселлер... в котором впервые системно объяснен механизм функционирования экономики КНР... доступным языком» (с. 4), и содержит мало отсылок к сельским сюжетам, однако развенчивает ряд устойчивых научно-популярных мифов об особенностях китайской экономической системы и вызовет у компетентного российского читателя невольные ассоциации с нашими реалиями в целом и проблемами сельских территорий в частности. В предисловии научный редактор представляет важные содержательные акценты, чтобы читатель понимал, чего ему ожидать: «нетипичная китайская книга по экономике, в ней совсем немного ссылок на решения партийных съездов и цитат из программных выступлений профильных руководителей, концептуальной рамкой выбран не марксизм-ленинизм и его официальное развитие в виде теории социализма с китайской спецификой, а макро- и микроэкономический анализ, положенный на добротню собранную фактуру китайского госуправления» (с. 9); книга, которая «писалась китайцем для китайцев, без расчета на международную аудиторию» (с. 11); «одна из ключевых линий повествования связана с земельными отношениями» (с. 12); автор «не может быть назван исключительно нейтральным... в первую очередь он видит себя в качестве квалифицированного дешифровщика логики функционирования и системных связей, но... в ряде случаев не стесняется критиковать, пусть и не напрямую, подходы китайских властей... в проблемных точках для большинства жителей Китая — цены на недвижимость и доступ к государственной системе образования и здравоохранения» (с. 13). «Лань Сяохуань оппонирует сразу двум популярным в Китае экономическим течениям. Во-первых, он откровенно критикует экономистов, которые пытаются изучать Китай с помощью механического применения популярных западных теорий... считая этот инструмент неподходящим для Китая, так как тот предназначен для анализа процессов в зрелых рыночных государствах. Во-вторых, автору явно не нравится засилье эконометрики и статистических моделей, которые позволяют получить “красивый график” (хотя графики представлены в книге), но мало что могут объяснить с точки зрения внутренних причин наблюдаемых процессов... в противовес предлагается качественная отраслевая экономическая аналитика, кейс-стади и учет организационных и культурных особенностей системы госуправления» (с. 13–14).

13. Там же. С. 672.

В предисловии к русскому изданию автор делает важное для заинтересованного российского читателя уточнение относительно особенности китайской экономико-управленческой модели — «активность региональных властей, а также постоянно меняющаяся динамика центр-региональных отношений. Громадная территория и численность населения, помноженные на культурно-поведенческие различия, делают невозможным управление путем рассылки распоряжений из одного центра» (с. 21) (что созвучно российской ситуации и подходам к ее научному осмыслению). Фактически основная тема книги — привлечение финансирования и инвестиционная политика местных властей: в первой части эта проблематика представлена в микроэкономическом контексте распределения полномочий, источников доходов и статей расходов региональных властей, во второй части — в макроэкономическом контексте государственного регулирования внутренних социально-экономических дисбалансов и глобальных внешнеторговых противоречий. В тексте представлены многочисленные примеры из новейшей китайской истории и проведены интересные межстрановые сравнения, однако российского читателя, специализирующегося на сельской проблематике, вероятно, заинтересуют две неявные сюжетные линии — имплицитные параллели с российскими реалиями и сельские «зарисовки» (своего рода российские сельские «аналоги» китайских противоречий ускоренной урбанизации и индустриализации), причем обе линии встречаются в обеих частях книги — микро- и макроэкономической.

Что касается китайско-российских «параллелей», то в тексте постоянно встречаются высказывания, где Китай вполне можно заменить на Россию в плане постановки исследовательских вопросов и констатации существующих проблем, например: «Масштабы Китая поистине грандиозны... по размеру территории и экономическим показателям он сопоставим с крупным континентом, а каждая его провинция как немаленькое государство. Однако при этом различия между ними столь же огромны... провинции отличаются колоссальным разнообразием обычаев, географических условий и культурных особенностей... Все эти факторы делают эффективное государственное управление крайне непростой задачей... В Китае это как иерархия соподчиненных по вертикали уровней власти, так и горизонтальные взаимоотношения между административными единицами одного уровня» (с. 31–32). Россия значительно отстает от Китая по показателям численности населения, масштабам и темпам технологического развития, но близка по критерию регионального разнообразия и болевым точкам в системе государственного управления: сложная динамика взаимоотношений между центральной и региональной/местной властью, в том числе с точки зрения общей идеологии экономического и политического развития; воспроизведение единой структуры на всех уровнях госуправления (вертикально-горизонтальные отношения

и модели множественного подчинения); не вполне четкие правовые границы полномочий и ответственности ведомств, что усложняет решение межведомственных и межрегиональных задач; проблемы создания и поддержания профессиональной многоуровневой бюрократической системы в логике веберовской модели рационального управления (с. 35–42).

Другая параллель с Россией — сложное положение периферийных районов вдали от городских агломераций. В России это, как правило, отдаленные от крупных городов и районных центров сельские территории, а в Китае — «отстающие в развитии... районы, расположенные на стыках административных единиц... особенно на стыках границ между провинциями», т.е. вдали от их административных центров с наибольшей плотностью населения и максимальной экономией от масштаба. В книге приводится российский аналог китайского названия таких районов — «медвежьи углы», «не интересные ни центральному, ни провинциальному, ни низовому руководству» (с. 55–56).

Российские и китайские реформаторы следуют схожей модели региональной интеграции — опираются на городские округа, интегрируя городскую и сельскую местность, и по мере реализации такой модели урбанизации сталкиваются с общей проблемой — «увеличением разрыва между городскими районами (основа хозяйства — промышленность) и сельскими уездами (сельское хозяйство) по уровню получаемых общественных благ и услуг» (с. 61). Автор видит два возможных решения этой проблемы: либо усиление автономии местных сельских властей и ослабление их связей с городскими районами, либо расширение городской территории за счет преобразования сельских уездов в городские районы. По крайней мере пока Китай и Россия выбирают второй вариант — как более экономически выгодный благодаря экономии от масштаба использования существующей инфраструктуры, но он порождает множество других проблем. «Региональные власти не только создают благоприятную среду для экономического развития, но и сами глубоко задействованы в этом процессе, причем наиболее выпукло это проявляется в вопросах привлечения инвестиций» (с. 87), однако региональным властям приходится конкурировать друг с другом — и за государственное финансирование, и за корпоративных инвесторов.

Конечно, российская и китайская экономики принципиальнейшим образом различаются по своим микро- и макро-механизмам, но вряд ли к российской ситуации неприменима высказанная автором оценка китайской экономики — как «смешанной, не соответствующей простому разделению задач между государством и рынком из учебников по экономике, где первое отвечает за предоставление общественных благ, а второй — за размещение всех остальных ресурсов... В рамках реальной китайской модели экономического развития государство и связанные с ним структуры глу-

боко вовлечены в большинство звеньев производства и распределения. Понять китайскую экономику невозможно без понимания роли государства» (с. 91).

Прямые сельские сюжеты в книге достаточно редки, поскольку второстепенны для создания обобщающей картины происходящего в китайском обществе на протяжении последних десятилетий, а когда встречаются, то также порождают стойкие ассоциации с российскими реалиями. Так, сельские территории упоминаются прежде всего в контексте объяснения сложившейся в Китае системы земельной ренты: земля разделена на две большие категории — государственную в городах (может использоваться для коммерческой — торговой, промышленной или жилой — застройки, поэтому ее рыночная стоимость значительно выше сельскохозяйственной земли) и коллективную в сельской местности (может использоваться только для ведения сельского хозяйства), и сложилось «жесткое разделение между городской и сельской землей... в итоге огромный разрыв между сельским и городским землепользованием, заоблачные цены на жилье и т.д.» (с. 118). Помимо налогов, административные единицы всех уровней могут использовать и земельные инструменты привлечения инвестиций: с одной стороны, городские власти оказались в более выгодном положении с точки зрения стоимости земли, с другой стороны, слишком злоупотребляют этим инструментом и потому высок их уровень закредитованности.

Коллективная земля в Китае разделена на три основные категории: сельскохозяйственная, частные придомовые участки и участки для хозяйственного строительства (с. 301–302). С 2015 года началось реформирование правового регулирования всех трех категорий, и акцент сделан, во-первых, на учет имеющихся наработок на местах. Например, внедренная в Чунцине система земельных сертификатов (переехавший в город крестьянин мог перевести свой пустующий придомовой участок в сельскохозяйственный статус, получить сертификат и обменять его на аналогичную величину ежегодной квоты на строительство недвижимости в городе) позволила предотвратить резкий рост цен на жилье, характерный для других городов, куда устремились трудовые мигранты из сельских районов (с. 303). Во-вторых, на необходимости соблюдения всеми нововведениями трех принципов: «сохранение общественной (не частной) собственности на землю, недопущение сокращения площади пашни ниже установленного уровня и приоритет интересов сельских жителей» (с. 304).

Сельские территории Китая (как и в России) не получили особых выгод от фискальной реформы, перераспределившей налоговые поступления между центром и провинциями: «Вышестоящие уровни обладают большей властью, поэтому получилось так, что чем ниже административный уровень, тем меньше у него ресурсов и больше обязанностей. В конце 1990-х годов... даже бытовала

И. В. Троцук

Видимое невидимое
в экономическом
развитии (сельско-
го) Китая

присказка: «Центральная казна процветает, провинциальная держится, городская шатается, уездная плачет, а волостная пуста»» (с. 132). В результате была поставлена задача решения «трех сельских проблем» — «крестьяне страдают, деревня бедствует, а сельское хозяйство в опасности» (с. 133): начатая в 2000 году реформа налоговой системы в сельской местности запретила местным властям произвольно вводить новые сборы, перекладывая свои расходы на население, отменила большинство обременительных для крестьян сборов и налогов, с 2006 года был полностью отменен сельскохозяйственный налог. «Принятые меры способствовали росту благосостояния и доходов крестьян и сократили имущественное неравенство в деревне» (с. 134), но не неравенство возможностей между городом и деревней, откуда в города хлынул поток трудовых мигрантов, в основном молодежи, тем более, что в современной экономике в принципе сильно проявляется «эффект агломерации» — хозяйственная деятельность все больше концентрируется в крупных городах» (с. 277).

С одной стороны, реализуемая в Китае модель ускоренной индустриализации и урбанизации на основе мобилизации местными властями своих земельных ресурсов не могла не породить множества серьезных проблем, часть из которых усилили разрыв в уровне жизни между городом и деревней: «массовая коррупция в земельных сделках; низкокачественная, экстенсивная модель урбанизации, ориентированная на массовую застройку вместо повышения качества жизни; отставание здравоохранения и образования; резкий рост региональных долгов; взлет цен на жилье (особенно в крупных миграционно привлекательных городах, где рост предложения земли под жилую застройку существенно отстает от прироста населения)» (с. 268–269). С другой стороны, сокращение сельских налогов не могло не сказаться на доходной части низовых бюджетов, которым и так было трудно сводить концы с концами, поэтому следующим шагом стало предоставление базовых общественных благ и услуг в сельской местности в рамках совместных финансовых обязательств центра и регионов.

Многие выводы и предложения автора вполне применимы к российской ситуации, в том числе на сельских территориях, хотя далеко не со всеми можно согласиться, если мы хотим сохранить сельские поселения, пусть и в социально-культурном, и не в экономико-хозяйственном смысле. Безусловно, «реформа госуправления должна идти по пути сокращения регулирования и делегирования полномочий вниз, а основные усилия государства — сместиться со стимулирования инвестиций на обслуживание населения» (с. 198). Видимо, «для сокращения межрегионального неравенства необходимо выравнивать не абсолютные показатели, а подушевые... Не может каждый город стать Пекином или Шанхаем, невозможно и не нужно пытаться создавать внутри страны все новые промышленно-логистические кластеры масшта-

ба дельты Янцзы и Жемчужной... В идеальной ситуации регионы страны должны быть сбалансированы между собой по подушевым показателям, важнейшим механизмом чего и является обеспечение свободного перемещения рабочей силы» (с. 297). Сомнительно (по крайней мере российская система регистрации по месту жительства не требует того «освобождения», что подразумевает китайская система городской прописки), что «государству необходимо стимулировать переезд сельских жителей на работу в города, особенно крупные, где благодаря размеру рынка и более глубокому разделению труда даже работники с низкой квалификацией могут достичь более высокой производительности и дохода» (с. 298). Конечно, «увеличение территории и плотности населения городов... помогает развивать внутривосточное разделение труда: одни регионы могут специализироваться на высокотехнологичном производстве, другие — на более простом; одни — развивать крупномасштабное сельское хозяйство, а другие — экологический туризм. Если каждый регион будет развивать экономическую модель на основе своих естественных преимуществ, это приведет к повышению производительности и доходов в масштабах страны. Причем средние доходы вырастут даже в регионах, специализирующихся на сельском хозяйстве» (с. 299). Кстати, категорически отвергая панические прогнозы о конечности ресурсов роста городов, автор рассуждает в логике классического социологического сельско-городского континуума: «свободное перемещение населения означает, что люди могут не только приезжать, но и уезжать: если издержки от перенаселенности превысят привлекательность городской жизни, начнется постепенный отток населения» (что мы наблюдаем в контексте российского дачного движения среди пожилых когорт) (с. 299–300).

И, наконец, читателю (в любой стране) будет импонировать та прагматичная версия национально-ориентированного девелопментализма, которую автор формулирует в заключительных разделах книги: «нужно помнить, что цель не тождественна процессу — то, что сегодня эффективно работает в развитых странах, может не подойти развивающемуся Китаю (и любой другой стране)... ситуация постоянно меняется, и то, что помогло нам в прошлом, может не сработать сегодня... В стремлении к развитию мы должны исходить из реальных фактов, предметно анализировать конкретные проблемы, отбросить идеологическую зашоренность и найти путь, подходящий именно нам» (с. 422). Ссылаясь на американских историков, автор подчеркивает, что «в успешных странах экономическая политика всегда не идеологична, а прагматична (что вряд ли ожидаешь услышать от китайского экономиста, работающего в Китае), она конкретна и не абстрактна» (с. 459), причем авторский прагматизм гуманистичен — «нет ничего более величественного, чем просто делать жить лучше» (с. 464).

Review of the book: Lan Xiaohuan. The Visible Hand: The State and Economic Development in China [How China Works]. Transl. from English and Chinese, ed. by I. Chubarov, Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2025. 488 p.

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

14. The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research program

Пути сельского Китая: между традицией и модернизацией¹

Рецензия на книги:

Ван Сяньмин (2025). Тернистый путь села: Китайская деревня в XX веке (1901–1949): монография / Ван Сяньмин. СПб.: Изд-во СПбГЭУ. — 553 с. ISBN 978-5-7310-6702-7

Чжао Сяофэн (2022). Китайский опыт общественного управления. Наблюдение за сельским Китаем на рубеже веков / Пер. с кит. В. И. Лосева. М.: «Издание книг ком». — 448 с. ISBN 978-5-907446-68-7

Е. С. Никулина

*Екатерина Сергеевна Никулина, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: nikulina@ranepa.ru*

EDN: XUIQES

Российские исследователи разных обществоведческих специальностей с большим вниманием и интересом следят за научными публикациями, анализирующими драматическую историю и впечатляющую современность трансформации сельского Китая последних двух веков². Благодаря недавним переводам на русский язык двух монографий по истории и современности известных китайских ученых появляется замечательная возможность взглянуть на эволюцию китайского села в особом диахроническом разрезе. Книга Вана

-
1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС
 2. См., например: Китайская деревня: рубеж тысячелетий (2003) / Сост. и отв. ред. А. В. Гордон. М.: ИНИОН; *Куракин А. А.* (2023). Начало экономических реформ в сельском Китае // Крестьяноведение. Т. 8. № 4. С. 183–187; *Троцук И. В.* (2024). Социально-пространственные особенности китайской (суб)урбанизации // Крестьяноведение. Т. 9. № 3. С. 265–279; *Рогозин Д. М.* (2024). Ревитализация села через плановое стимулирование сельской занятости: опыт социалистического хозяйства Китая по Си Цзиньпину // Крестьяноведение. Т. 9. № 4. С. 314–322; *Бони Л. Д.* (2025). Сельское хозяйство и деревня Китая: итоги развития в 2024 г. // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2024. М. С. 206–216.

Сяньмина — это монументальный труд по исторической социологии села, охватывающий период с конца династии Цин до середины XX века. Книга Чжао Сяофэна представляет собой коллекцию современных актуальных полевых исследований, посвященных трансформации сельского управления в Китае на рубеже XX–XXI веков. Вместе они удачно создают целостную картину эволюции сельского Китая: от кризиса и умирания традиционного деревенского уклада в XX веке до поиска новых моделей сельской самоорганизации в условиях рыночной экономики в XXI веке.

Труд Вана Сяньмина «Тернистый путь села» — это системная диагностика глубинных исторических сдвигов в заявленных автором «трех насущных вопросах села» (крестьянство, сельское хозяйство, деревня), постигаемых через призму процессов модернизации. Впечатляющей стороной книги является ее многоуровневый обществоведческий анализ, когда автор не ограничивается аграрной экономикой, но исследует переплетение политических (система *баоцзя* — сочетание правоохранительных органов и гражданского контроля и местное самоуправление), социальных (стратификация помещиков, шэньши и наемных рабочих) и разнообразных культурных факторов, к тому же имеющих собственную региональную специфику. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает глава о трансформации сословия шэньши (ученые руководители) — от элиты к «злым мироедам», — аналитическая история того, как политическая мобилизация переформатировала традиционную власть в Китае.

В книге обнаруживается определенный пересмотр стереотипов, до недавнего времени во многом присущих китайской историографии села. В разделе о наемных рабочих (на примере провинции Шаньси) автор убедительно доказывает, что появление наемного труда в деревне не обязательно означало зарождение капитализма. Во многих случаях возникал гибридный, полуфеодальный институт эксплуатации села с особой китайской спецификой, не вписывающийся в обобщенную ортодоксальную марксистскую схему.

Ван Сяньмин не избегает политически болезненных тем, таких как «левые перегибы» в земельной политике или двойной кризис города и села в 1930-е годы, усиленный последствиями японской интервенции в Китае. При этом он доказывает, что аграрный кризис первой половины XX века был не только результатом внешних факторов, но и следствием внутренней логики китайских политических реформ.

Надо подчеркнуть, что эта солидная академическая монография, во-первых, требует от читателя углубленных знаний историко-культурного контекста Китая. Во-вторых, обилие статистических данных, а также ссылок на архивные источники местами перегружает текст до такой степени, что потребуются особо вдумчивое и внимательное чтение.

Работа Чжао Сяофэна «Китайский опыт общественного управления» посвящена скрупулезному исследованию особенностей развития сельского самоуправления снизу во взаимодействии с властными иерархиями различных уровней Китая последних десятилетий. Здесь представлены результаты и интерпретация нескольких эмпирических социологических исследований, проведенных, прежде всего, в провинциях Шэньси, Хэнань и Хубэй.

Автор этой книги принципиально отказывается от абстрактных обобщающих теорий сельского развития в пользу исследования животрепещущих кейсов противоречий низовой самоорганизации китайских сельских сообществ. Здесь можно было бы особо выделить такие, на наш взгляд, интересные примеры местной самоорганизации, как «Два разговора — одно объединение», «Совет» деревни Маянь, деятельность сельских кооперативов.

Так, в уезде Фу на севере провинции Шэньси развилась сельская общественная инициатива «Два разговора и одно объединение» (конечно, под контролем парторганизации Фу). Таким образом, была создана модель местного управления, где «массы обсуждают, судьи утверждают, а кадры объединяют деревню», осуществляя единство трех аспектов: «руководство партии, народ — полноправный хозяин страны, управление страной в соответствии с законом» (с. 248–249). Автор полагает, что именно этот положительный региональный опыт, успешно идеологически вписанный в структуру управления современной китайской деревни, мог бы послужить внедрению, распространению, тиражированию в управлении другими сельскими уездами КНР.

Кейс «Совета» деревни Маянь провинции Сычуань продемонстрировал потенциал сельского самоуправления на примере возрастания, а потом успешного разрешения конфликтных гражданских споров, связанных с проблемами реформирования прав собственности на окрестные леса. В этой ситуации крестьянами деревни Маянь при поддержке местного партийного комитета был создан Совет развития деревни, который эффективно и в короткие сроки разрешил более 200 накопившихся споров вокруг лесной собственности (с. 301).

Многообразная деятельность китайских сельских кооперативов, представленная в последнем разделе книги, прежде всего поражает китайскими масштабами развития сельской кооперации: так, в 2014 году почти 75 миллионов крестьянских семей — 28,5% от общего числа китайских сельских семей — состояло в различных формах кооперативов (с. 356).

На многочисленных примерах гибкого кооперативного строительства из разных регионов сельского Китая Чжао Сяофэн показывает, как часто само законодательное кооперативное строительство опаздывает за живой практикой кооперативной жизни.

Через все эти вышеописанные примеры появляется возможность наглядно увидеть зарождение и развитие сельских иннова-

ций на низовом уровне в ответ на кризисы традиционных управленческих структур.

Особый интерес может вызвать анализ последствий отмены сельскохозяйственного налога, по мнению автора, приведшей к парадоксальному эффекту — ослаблению коллективных оснований китайской деревни, сопровождаемому ростом запросов на так называемое «сервисное» государство.

Также чрезвычайно важная тема книги — стремительное возрастание доли старых и пожилых людей в китайских деревнях, проявившееся в результате китайской урбанизации и политики ограничения рождаемости на рубеже тысячелетий. На отдельных локальных примерах создания активных сельских сообществ пожилых людей в китайских деревнях Чжао Сяофэн рассматривает, с определенной долей расчетливого прагматизма, возможность использовать сообщества стариков как «смазочный материал» нового сельского строительства (с. 313), при этом он же многократно подчеркивает необходимость сохранения великой китайской традиции уважения к старшим поколениям и успешному использованию этой традиции в современных социальных преобразованиях.

Надо отметить, что автор осмелился взяться и за исследование трагической темы самоубийств и аномии на селе, тем самым подчеркнув значение современного глубокого психологического кризиса китайской деревни, несводимого только к формальным экономическим показателям. Проблема роста сельских самоубийств достаточно характерна для многих даже успешно развивающихся аграрных стран, где стремительный рост рыночной экономики и бюрократическое давление государства приводят к психологическим кризисам, напряжениям, деформации во взаимоотношениях между членами сельских сообществ. Недавно изданная в Индии монография о росте самоубийств среди индийских фермеров³ подтверждает международное значение этой социальной эпидемии в разных регионах Глобального Юга.

Исследовательские подходы Чжао Сяофэна базируются прежде всего на инструментарии правовой антропологии, описывающей и изучающей особенности конфликтных взаимодействий формального государственного права с местными сельскими неформальными обычаями в урегулировании споров в деревне. Как и многие китайские ученые, всячески подчеркивая значение эффективности курса Коммунистической партии Китая под руководством ее лидера в сельских преобразованиях⁴, Чжао Сяофэн по крайней мере уделяет определенное внимание проблемам неповоротливости, застоя во взаимоотношениях среднего и низшего звена управленче-

3. *Suthar S. K. (2022). Dilapidation of the Rural: Development, Politics, and Farmer Suicides in India. London: Palgrave Macmillan.*

4. *Rural Revitalization in China (2023): A Socialist Road with Chinese Characteristics /Ed. by X. Chen, H. Wei, Y. Song. Singapore: Springer.*

ских государственно-партийных иерархий с крестьянами и их общинно-кооперативными сообществами. Он много, с определенной долей симпатии, уважения и сочувствия пишет о неистребимых неформальных, чрезвычайно гибких повседневных практиках организации сельской жизни китайских крестьян, показывает, как учет, развитие, инкорпорирование некоторых неформальных сельских инноваций в региональные практики управления селом в конце концов в целом приносят устойчивый эффект сельского развития.

В сравнении с книгой Вана Сяньмина, работа Чжао Сяофэна не стремится к широкомасштабным обобщениям. Достаточно часто изложение Чжао Сяофэна носит увлекательный описательный характер, не завершающийся однозначными выводами. Сопоставление этих двух книг весьма поучительно. Работа Вана Сяньмина убедительно с исторической точки зрения показывает, как и почему китайское село вошло в состояние глубокой структурной трансформации аграрной сферы в XX веке. Когда разрушение системы шэньши и переход к отношениям классовой борьбы сформировали основы тех социальных противоречий, которые так бурно проявились к середине XX века в китайской деревне.

Чжао Сяофэн, в свою очередь, фактически показывает, как это наследие сельских исторических травм почти вековой давности подвергается врачеванию сегодня. Если Ван Сяньмин пишет об историческом «тернистом пути» китайского села как о трагедии особенностей его модернизации, то Чжао Сяофэн описывает современный поиск перестройки почтенных социальных институтов (от кооперативов до советов старейшин) в пространствах сельских регионов Китая в эпоху экспансии рыночной экономики.

Обе книги будут полезны для прочтения прежде всего специалистам-китаеведам, но не только им. Российский крестьяновед, историк и социолог обнаружит здесь возможно интересные компаративистские параллели в связи с историей и современностью эволюции самоорганизации отечественных сельских сообществ, прежде всего, в их взаимоотношениях с институтами государства и рынка.

Paths of rural China: Between tradition and modernization

Review of the books: Wang Xianming. *Thorny Path of the Village: Rural China in the Twentieth Century (1901–1949)*, Saint Petersburg: SPbGEU Publishing House, 2025. 553 p.; Zhao Xiaofeng. *Chinese Experience in Public Administration. Observations of Rural China at the Turn of the Century*. Transl. from Chinese by V. I. Losev, Moscow: “Izдание Knigi Kom”, 2022. 448 p.

Ekaterina S. Nikulina, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: nikulina@ranepa.ru

Всё по существу, и тем не менее...

**Рецензия на книгу: Никулин В. Н. Управление крестьянами Сибири (вторая половина XIX — начало XX века).
Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2025. — 399 с.
ISBN 978-5-9971-1008-6**

С. И. Толстов

Сергей Иванович Толстов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и методики обучения обществознанию, историко-филологический факультет, Томский государственный педагогический университет. 634061 г. Томск, ул. Киевская, 60. E-mail: shpakras@mail.ru

EDN: YZYKTC

Историческая наука все-таки имеет и прикладные задачи, которые подразумевают не просто познание прошлого, но и изучение исторического опыта для решения современных управленческих проблем. Хотя приходится констатировать, что отечественные историки уже устали от политической невостребованности своих исследований, превращения их результатов в пустую формальность, типа «важно» или «интересно». В рамках корпоративной исследовательской солидарности можно было бы согласиться с таким положением, но только не в случае с монографией доктора исторических наук Валерия Николаевича Никулина «Управление крестьянами Сибири (вторая половина XIX — начало XX века)», изданной в Калининграде в издательстве БФУ им. И. Канта в 2025 году.

Название работы уже рождает эмоционально-эвристическое желание ее проштудировать как раз в силу не мнимой, а настоящей актуальности и научной значимости заявленной темы, ибо вряд ли кто-то сегодня будет оспаривать факт поворота внешнеполитической стратегии Российской Федерации на Восток, что предопределяет интенсификацию вторичной колонизации Сибири. В этой связи, чтобы государство не утратило субъектность в управлении территорией, для современных управленцев будет не лишним исторический опыт управления крестьянами в Сибири, колонизация которыми этого громаднейшего региона, собственно, и сделала его де-факто российским. Тем более когда на всех уровнях иерархии безрезультативно, если не сказать — контрпродуктивно, перманентно реформируется система местного самоуправления.

К тому же нарратив о крестьянине России важен всегда, его невозможно исчерпать, ибо крестьянин — ее кормилец. По выраже-

нию видного современного аграрного историка В. В. Кондрашина, именно «за счет его труда, терпения, жертв и подвигов Россия сохранена и ныне существует как независимая и мощная держава при всех ее невзгодах и проблемах»¹. Поэтому объект исследования — сибирские крестьяне и предмет — управление ими действительно важны для исторического изучения. Хронологические рамки также весьма интересны — это время накопления предпосылок системного управленческого срыва в Российской империи в 1917 году.

В. Н. Никулин уже в первом абзаце введения очень лаконично, но многозначительно обозначил свой теоретико-методологический подход, совершенно верно полагая, что власть — это реализуемая на практике способность управлять, а потому рассматривает ее только как предназначенную «для защиты экономических, политических и социальных интересов господствующего класса» (с. 4). Колоссальный фактический материал, как из опубликованных источников, так и из архивов, интерпретируется им сквозь призму антитезы «крестьянство и власть». Не будем оспаривать данный выбор автора, важно уяснить, насколько он продуктивен в понимании системы управления сибирскими крестьянами второй половины XIX — начала XX века.

Аннотация к книге наряду с тем, что вызывает профессиональный интерес к ней, кратко, но предельно емко говорит о содержании монографии: «Впервые предпринято изучение управления крестьянами Сибири второй половины XIX — начала XX в. в территориальных рамках Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, а также Забайкальской области. Охарактеризован политический курс самодержавия в отношении сибирского крестьянства, показано правовое положение крестьян, изложено содержание осуществленных административных преобразований и их влияние на социально-экономическую ситуацию в сибирской деревне. Исследована структура высших, центральных и местных органов государственного управления крестьянами, обрисована их практическая деятельность. Значительное внимание уделено институтам мировых посредников, чиновников по крестьянским делам, крестьянских начальников, их взаимоотношениям с сельским населением Сибири. В отдельную главу выделен материал о сельском и волостном крестьянском самоуправлении. Определена ведущая тенденция в развитии органов крестьянского самоуправления». По нашему мнению, приведенная цитата уже провоцирует профессиональный позыв высказать свое мнение о монографии.

Историография сибирского крестьянства данного периода богата, но в управленческом преломлении и в такой географической полноте крестьяне Сибири, пожалуй, действительно впервые заявлены к изучению. Будучи продолжателем мощной новосибирской

1. *Кондрашин В. В.* (2024). Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. М.: РОССПЭН. С. 66с.

историографической школы изучения крестьянства, автор точно подмечает, что Сибирь как объект унификации с общероссийскими порядками в пореформенный период была и сложной, и «инаковой» Россией — без вотчинной власти помещиков. На огромных сибирских просторах в результате вольной и невольной колонизации на протяжении более двух с половиной веков сложился тип русского крестьянина-старожила со свобододолюбивой ментальностью. Имперскому центру действительно тяжело приходилось распространять на Сибирь практику формирования из бывшего крепостного «свободного сельского обывателя», ибо здесь жители фактически таковыми и были всегда.

Крестьянская реформа реализовывалась в Сибири сравнительно легко, относительные трудности имели место на кабинетских землях. Серьезные издержки земской и судебной реформ в отношении крестьян Европейской России, приведшие к созданию института земских начальников, оказались менее актуальны для сибирской, особенно старожильской, деревни. Несмотря на относительную болезненность восприятия аналогичного по функциям института крестьянских начальников в Сибири, он не был отторгнут, поскольку переселенцы, которые в начале XX века уже начинали количественно доминировать, были к нему предрасположены в силу привычной им опеки государства. Старожилы же предпочитали дистанцироваться от власти, пытались адаптировать очередной чиновничий институт под себя, вынуждая государство строить отношения с ними на балансе интересов. Кстати, переселенцы порой перенимали навыки старожилов психологически абстрагироваться от назойливого постороннего управленческого воздействия.

Автором тщательно описаны «лица власти» — мировые посредники и сменившие их крестьянские начальники. Если первые, по его мнению, еще вселяли надежду на просвещенное попечительство в отношении крестьян, то вторым он категорически отказывает в каких-либо положительных коннотациях: они становились «полновластными хозяевами на местах. В их руках концентрировалась и административная вертикаль, и судебный молоток, а в злоупотреблениях властью и хищениях крестьянские начальники превзошли своих предшественников» (с. 182). Негативная характеристика крестьянских начальников подкреплена автором эмпирически. Вот как исследователь это объясняет: зачастую это были люди, оказавшиеся в Сибири не по своей воле, и служба была им в тягость. Они в массе своей являли собой психологическую смесь апатии и деспотизма, и коли власть их была непосредственна, велика и не подконтрольна, то они ею злоупотребляли по определению.

Надо сказать, порой историк попадает под сильное влияние источников: например, некритически транслирует демократическую и либеральную публицистику того времени, утрированно оценивавшую деревенскую действительность. Однако при этом забывает, что у публицистов, критикующих систему управления

крестьянами Сибири, защита интересов крестьян была вторична по сравнению с борьбой с самодержавием как таковым. Таким образом, вольно или невольно Валерий Николаевич включается в непрекращающийся исторический спор об оценке догоняющей модернизации и — как следствие — о вариантах модернизации системы государственного управления, способной эффективно мобилизовать ресурсы страны. В качестве противоположного приведем мнение профессора Кондрашина, который считает, что в Сибири все-таки был «слой крестьян, поддержавших аграрную политику в целом»².

На фоне некоторой тенденциозности презентации института крестьянских начальников сельская община характеризуется историком парадоксально независимой. Как утверждает автор, несмотря на стремление власти ее полностью подчинить, она оставалась автономной, устойчивой в своем стремлении организовывать социально-экономическую жизнь деревни так, чтобы отдельный крестьянин не оказался один на один с все возрастающей мощью государственного аппарата. Если по отношению к старожильской деревне подобные практики еще можно объяснить «укорененностью», то переселенческая деревня вряд ли могла быть относительно свободной, не будь в этом интереса и самой власти. Универсальный постулат управленческой теории гласит, что низовой уровень системы будет эффективным, если удастся его ввести в режим самоуправления. В случае с сибирской сельской общиной, когда ей не было нужды заниматься периодическими земельными переделами, власти достаточно было ее просто не разрушать. Сельские старосты вовсе не были просто помощниками полиции в случае возникновения проблем с взиманием податей и повинностей. Хлесткая оценка места и роли сельских старост как находившихся «между молотом и наковальней» — констатация существования адекватного посреднического звена в механизме взаимодействия государства и крестьянского самоуправления. К тому же, по мнению самого же автора, «сельский староста был прочнее связан с крестьянством, чем представители волостной администрации», двойственная природа которой также раскрывается в монографии (с. 242, 186).

В. Н. Никулин исследует управление сибирскими крестьянами в рамках социальной политики самодержавия, которое в этот период рассматривало русское крестьянство в качестве сословной социальной опоры, для чего важно было унифицировать управление ими. И в этой связи описывать мотивы реформирования системы управления крестьянами России вообще, и сибирскими в частности, только как попытку стабилизировать сбор податей, налогов и выполнения повинностей, слишком узко. Впрочем, надо отдать исторiku должное: в этой части он предпринял значительные усилия, осуществил скрупулезный анализ. Однако тезис о том, что по мере распространения на Сибирь общероссийского порядка ухудши-

2. Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 106.

лось положение местных крестьян, представляется некорректным (с. 250). В изучаемый период, решая проблему малоземелья крестьян Европейской России, правительство целенаправленно переселяло их в Сибирь, результатом чего стало численное доминирование в сибирской деревне переселенцев. К тому же сам автор констатирует, что переселенцы в массе своей, прежде чем обзаводились своим хозяйством, нередко работали по найму у старожилов. Тяжелое материальное положение крестьян-переселенцев было временным. Стоит упомянуть и еще одно обстоятельство, порой ускользающее от историков: в середине XIX века в Западной Сибири и на смежной территории завершился трехсотлетний малый ледниковый период, средняя температура по году увеличилась на 1,5 градуса. Следствием этого стало увеличение урожайности сельскохозяйственных растений и расширение пригодных для заселения крестьянами незатапливаемых земель³. Думается, и поэтому говорить об ухудшении положения крестьян Сибири нужно осторожнее.

А вот вывод о том, что в результате переселенческой политики самодержавия в благоприятных для сельского хозяйства районах Сибири уже невозможно было мириться с захватной формой земледелия, в связи с чем было введено административное нормирование площади земельных участков (15 десятин на крестьянский двор), и это привело к усилению власти чиновников, не только логичен, но убедительно подкреплён эмпирическим материалом. Хотя переход от захватной формы землепользования к регулируемой еще не оказал принципиального воздействия на хозяйственную деятельность сибирских крестьян в целом, но эволюция административных органов (мировые посредники, чиновники по крестьянским делам, крестьянские начальники) не без основания объясняется специфическими сибирскими обстоятельствами. Между тем вряд ли можно согласиться с априорным тезисом об антагонистическом характере противоречий между властью и сибирским крестьянством, даже если смотреть на данный вопрос с классовых позиций. Тем более, несмотря на усиление бюрократического контроля за крестьянами, роль крестьянского самоуправления была настолько велика, что сельская община в системе управления была определяющей не только в старожильской деревне, но воспроизводилась как таковая и в переселенческой. А крестьянской общине исторически свойственно всячески устанавливать взаимовыгодные отношения с государством. Одним словом, повторяемся, у власти не было оснований рушить этот институт в условиях достаточности земли.

С точки зрения элементарного управленческого подхода, община была объектом государственного управления, и подобное

3. Малолетко А. М. (2003). Западная Сибирь в малую ледниковую эпоху (1550–1850 гг.) // География и природопользование Сибири. Вып. 6. Барнаул. С. 8–25.

звено во взаимоотношениях с властью как субъектом управления было необходимо. То, что автор позитивно трактует слом всей системы управления крестьянами Октябрьской революцией, говорит о предвзятости его взгляда на власть. Следует иметь в виду, что в представлении самих крестьян власть, за исключением реальных обладателей административных рычагов, абстрактна. Но справедливости ради отметим, насколько ярко, с опорой на свидетельства современников, Валерий Николаевич презентует еще одно «лицо власти» — волостных и сельских писарей: «В руках писаря реально сосредоточивалась вся распорядительная и исполнительная власть» (с. 224).

Ожидаемо следует логике социального прогресса В. Н. Никулин и при характеристике функционального предназначения сибирской общины. Она, в его представлении, являлась не столько организатором хозяйственной деятельности крестьян или саморегулируемой социальной единицей в специфических сибирских условиях, сколько оплотом в ведении целенаправленной «тихой войны» с властью при реализации ею фискальной политики. Вместе с тем невозможно не признать, что автор описывает арсенал, согласно крестьяноведческой терминологии, «оружия слабых» настолько подробно, что подвергать сомнению эту сторону крестьянского мира не приходится. Автору удалось показать своеобразие распространения на сибирских крестьян, к примеру, судебной реформы, их реакцию на нее. Все-таки в Сибири крестьяне, несмотря на жесткую политику всей вертикали власти по навязыванию юридических норм, с особым упорством обращались к покровительству общины, предпочитая выходить из конфликтов, разбираясь не по закону, а «по обычаю», по совести — даже и в начале XX века. Неужели у этого феномена только классовая природа?

С позиции классового подхода исследуется и переселенческая политика П. А. Столыпина. Логично, что акцент сделан на ее управленческом аспекте и эффективности для Сибири, земельный ресурс которой позволял решать проблему малоземелья крестьян европейской части России. В Сибирь прибывали крестьяне, предрасположенные, в отличие от сибирских старожилов, к патерналистской политике государства, и их императивным требованием было не только финансово-экономическое обеспечение переселения, но и социальная инфраструктура. Школы и больницы действительно строились, наполнялись кадрами, но с катастрофическим опозданием. Элементарно не хватало и землеустроителей, судей. Вся система управления крестьянами работала с перенапряжением, конфликты между «своими» (старожилами) и «пришлыми» за землю гасились в ручном режиме. Картина великого заселения Сибири, приведшего к существенному переформатированию сибирской деревни, рисуется довольно-таки реалистично.

Особое внимание нужно обратить на то, что автор всю социальную напряженность квалифицирует, по сложившейся в советской

историографии традиции, как вторую социальную войну. Такой взгляд на противоречия между зажиточными и бедными представляется утрированным, поскольку, как правило, к первым принадлежали старожилы, а к вторым — переселенцы, для которых работа по найму на начальном этапе была временной, с целью обзавестись своим хозяйством. Иными словами, эти противоречия носили скорее социокультурный характер. Ортодоксальная трактовка аграрного вопроса в России в начале XX века в контексте того, что прежде называлось марксистско-ленинской методологией, наверное, в какой-то мере еще целесообразна для понимания и осмысления прошлого и не вполне исчерпала себя. Однако подчеркну серьезную ограниченность такого подхода при изучении данной проблематики.

Дело в том, что сложная ситуация в аграрной сфере в Сибири той поры видится сегодня куда более многогранно, нежели во времена господства теоретической конструкции о наличии в российской деревне двух социальных войн: крестьян с помещиками и бедных крестьян с зажиточными. Опираясь при анализе Столыпинской аграрной реформы на теорию «моральной экономики» крестьянства, некоторые современные историки пишут о том, что это были не две войны, а одна — против превращения земли в предмет купли-продажи и рыночной спекуляции. А уж кто выступал в качестве двигателя такого превращения — часть помещиков, пренебрегавших в пореформенный период своими традиционными («морально-экономическими») обязанностями перед своими крестьянами, или некоторые односельчане, стремившиеся использовать новые возможности в поземельных отношениях с целью сделать свой статус зажиточных («кулаков») наследственным — это второй вопрос. Сомнительной представляется и прежняя трактовка укоренения элементов товарно-денежных отношений в российском сельском хозяйстве как одного из проявлений социально-экономического прогресса, в связи с чем российская общинная деревня в массе своей предстает как сугубо консервативная сила.

В этой связи использование формулы о двух социальных войнах для понимания противоречий в сибирской деревне представляется неудачной. Кроме того, следует заметить, что, несмотря на богатый фактический материал, который служит автору для подтверждения этой теории, множество фактов в монографии скорее ее опровергают. Так, при описании сословного бесправия сибирского крестьянства автор ссылается на следующее мнение крестьянина Фугаева, высказанное на Тюменском уездном совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности: «Телесное наказание действует на подвергнувшегося ему самым удручающим образом, унижая достоинство человека. Наказанный позорно розгами охладевает ко всему, бросает хозяйство, преследуемый насмешками односельчан». Думается, вот этот штрих: «преследуемый насмешками односельчан» свидетельствует о приемлемости данного вида наказания в крестьянской психологии, о смычке общины и власти в до-

стижении известного уровня социально-экономической дисциплины в деревне (с. 86–87). Ведь в определенных пределах крестьянство в массе своей лояльно власти.

В доказательство того, что преобладающей была все же нелояльность, автор приводит меткие, яркие пословицы: «Маленький чиновник хуже лихорадки», «Попадешь к заседателю в руки — натерпишься муки» (с. 131). Но на страницах монографии достаточно свидетельств того, что основным ориентиром для социального поведения крестьян были некие общепринятые морально-этические нормы, на обязанности считаться с которыми они категорически настаивали. В пользу этого говорит, например, приведенный историком «факт избиения крестьянами во время голода 1891–1892 гг. волостного старшины и писаря, ничего не сделавших для голодающих». Оправдывали это крестьяне тем, что те ранее, «когда они были сыты», их обирали (с. 212). Крестьяне таким образом в экстремальных условиях принуждали своих полномочных представителей к соблюдению писанных и неписанных управленческих правил.

Все-таки изучение крестьянства — это не то же самое, что изучение других социальных групп. Крестьянство — особое социальное явление, а не просто один из субъектов исторического процесса, если речь идет об истории такой страны, как Россия. Поэтому крестьянство имеет свойство ломать прогрессистские социально-философские схемы, в рамках которых многие специалисты склонны его рассматривать. По нашему мнению, монография В. Н. Никулина интересна не столько в плане приводимых в ней классовых обобщений и оценочных суждений, сколько тем, что она содержит значительное количество фактов из источников, чтобы человек даже с иными мировоззрением, убеждениями и профессиональным опытом мог разглядеть исторические закономерности.

Трудно не согласиться с автором: система управления сибирскими крестьянами была инструментом самодержавной политики, которая эволюционировала в сторону усиления контроля за взиманием налогов и выполнением повинностей. Но ведь это вполне объяснимо в контексте усложнения управленческих задач в связи с ростом численности крестьян. Одновременно проводилась и попечительская политика, в целом воспринимавшаяся крестьянами как разумная. Социальная политика, в рамках которой Валерий Николаевич исследует управление крестьянами, как раз и предусматривает использование силы власти для нивелирования издержек рыночной стихии. Социальная политика по определению не должна способствовать обеднению людей, что естественно с точки зрения политической целесообразности. В этой связи не следует отождествлять упреки историка в адрес власти, что она сдерживала социальное расслоение в сибирской деревне, тем самым тормозила прогресс, и крестьянские взгляды на свое семейно-трудовое хозяйство,

С. И. Толстов

Всё по существу,
и тем не менее...

когда они руководствуются традиционной культурой, но находятся «в маргинально подчиненном положении к государству и городу»⁴.

Согласно аннотации, монография адресована специалистам-историкам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей своего Отечества. Вне всякого сомнения, это так. Но к этому хотелось бы добавить особую категорию заинтересованных адресатов — это краеведы-любители. Сегодня в стране высок интерес к сельскому краеведению, оно становится не только способом ностальгического удовлетворения естественной человеческой потребности в памяти о малой родине, о старших поколениях своих родственников и земляков, но также и эффективным инструментом патриотического воспитания подрастающего поколения. Краеведам при использовании огромных массивов новой первичной информации порой недостает региональных исследований, способных логически выстраивать локальный материал. В монографии В. Н. Никулина концентрация эмпирического материала в конечном итоге оказалась важнее обобщающего фона и в этом отношении она и своевременна, и уместна, и своеобразна, и оригинальна, и, конечно же, полезна.

Everything is to the point but...

Review of the book: Nikulin V. N. Management of the Peasantry in Siberia (Second Half of the 19th — Early 20th Century), Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University Publishing House, 2025. 399 p.

Sergey I. Tolstov, PhD (History), Associate Professor, Department of Russian History and Methods of Teaching Social Science, Faculty of History and Philology, Tomsk State Pedagogical University, Kievskaya St., 60, Tomsk, 634061, Russia.
E-mail: shpakras@mail.ru

4. *Никулин А. М.* (2025). Крестьяноведение и мир: история, утопия и власть. М.: Издательский дом ДЕЛО. С. 11.

Миграции сегодня: Центральная Азия и Мир¹

И. К. Полещук

Илья Константинович Полещук, научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС. 119571, г. Москва, пр-т. Вернадского, д. 82.
E-mail: poleshchuk-ik@ranepa.ru

EDN: ZEIEIL

В городе Алматы, Казахстан, 28-29 мая 2026 года состоялась международная научная конференция «Миграция: международное измерение и особенности Центральной Азии», организованная Центром изучения социальных трансформаций и пространственного развития и Гуманитарной Школой Университете Нархоз.

Конференция была посвящена широкому кругу миграционных проблем — от уроков европейского кризиса десятилетней давности до современных внутренних и внешних миграционных потоков в Центральной Азии. В центре внимания оказались не только количественные характеристики перемещений, но и вопросы адаптации, интеграции, социально-экономических последствий и экологических триггеров миграции. Мероприятие собрало исследователей и экспертов из восьми стран, включая государства Европы, США, Россию и все центральноазиатские республики.

С вступительным обращением выступил *Канат Кожажмет*, президент Университета Нархоз, подчеркнув актуальность миграционной тематики для региона и важность междисциплинарного подхода к её изучению, а также необходимость привлечения международного научного сообщества к обсуждению проблем, которые ставит современная миграционная политика. Затем с приветствием к участникам обратилась *З. К. Шаукенова*, научный руководитель Ассоциации социологов Казахстана, одна из ведущих социологов страны, описавшая главные миграционные вызовы сегодняшнего дня, а также отметившая важность анализа мировых современных миграционных процессов и тенденций

Первый день конференции открылся пленарной сессией, посвященной трансформации мирового миграционного ландшафта за десять лет, прошедших после массового притока беженцев в Европу. Основной фокус дискуссии был направлен на изменение политических стратегий принимающих государств. Участники обсуждали,

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

как миграционный кризис повлиял на отношение к мусульманским сообществам в европейских странах, какие новые вызовы возникли в сфере безопасности и социальной сплоченности. Значительное внимание было уделено эволюции подходов стран БРИКС, которые за это десятилетие выработали собственные стратегии реагирования на миграционные потоки, часто альтернативные европейским моделям. Отдельный доклад был посвящен германскому опыту — стране, принявшей наибольшее число беженцев. Докладчик показал, как первоначальные проблемы приема трансформировались в долгосрочные дилеммы интеграции, рынка труда и межкультурного диалога. Британский кейс дополнил картину, продемонстрировав специфику адаптации беженцев в стране с собственной миграционной политикой, отличной от континентальной Европы.

Вторая пленарная сессия первого дня сместила исследовательский фокус на Центральную Азию. Она была посвящена текущим трендам внешней и транзитной миграции. Ключевым сюжетом стала трудовая миграция из стран региона в Россию, где за последнее десятилетие произошли существенные изменения: ужесточение законодательства, изменение структуры спроса на рабочую силу и переориентация части ее потоков. В качестве отдельного сюжета был рассмотрен Казахстан как транзитное пространство — через него проходят маршруты мигрантов, следующие дальше, что создает специфические приграничные проблемы. Отдельный блок был посвящен российской эмиграции в Центральную Азию, которая усилилась в последние годы. Участники обсуждали не только количественные параметры этого потока, но и его качественные особенности: высокую долю квалифицированных специалистов, включая врачей, а также специфику репродуктивных и жизненных стратегий таких мигрантов. Завершил сессию доклад о возвратной миграции, который поставил вопросы о том, как регион может использовать потенциал возвращающихся граждан, и какие барьеры стоят на пути их успешной реинтеграции.

Второй день был полностью посвящен миграции в города Центральной Азии — её масштабам, порождаемым проблемам и возможным решениям. Дискуссия открылась анализом восприятия внутренних мигрантов принимающим сообществом. Выяснилось, что интеграция сталкивается как с институциональными, так и с культурными барьерами, а отношение горожан к приезжим остается неоднозначным.

Далее была рассмотрена роль университетов как центров притяжения для молодежи из сельской местности. Опыт соседних стран показал, что вузы не только способствуют образовательной миграции, но и формируют долгосрочные траектории переселения, закрепляя выпускников в крупных городах. Эта тема логично перетекла в обсуждение моногородов — промышленных центров, переживающих деградацию градообразующих предприятий. Докладчики показали, как закрытие заводов порождает неопреде-

ленность, вынужденную миграцию и рост неформальных экономических практик, при этом процессы в двух соседних странах демонстрируют как сходства, так и различия.

Завершающая сессия была посвящена методологическим подходам к изучению миграции на микроуровне. Был представлен проект исследования семейных бюджетов мигрантов в одном из центральноазиатских мегаполисов. Участники обсудили, как структура доходов и расходов, транснациональные денежные переводы и стратегии домохозяйств могут быть изучены с помощью репрезентативных обследований, и какие гипотезы требуют эмпирической проверки.

Модератор секции *А. Беймишева*, директор Гуманитарной школы Университета Нархоз открыла работу секции словами Абая Кунанбаева «Мир — это большое озеро, а время — это ветер которое приводит его в движение», отметив, что современность — это время большого перемещения людей и миграция оказывается не только политическим процессом, но и важнейшим фактором социально-экономических изменений в мире, который определит будущее в городах и странах.

В рамках секции «Миграция в города Центральной Азии: масштабы, проблемы и решения» с докладом «Сельско-городские миграции в условиях вертикальной зональности: опыт Памира (Таджикистан)» выступил научный сотрудник Центра аграрных исследований Президентской академии *Т. Ю. Гусаков*. Его выступление было посвящено уникальному феномену сельско-городских миграций в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана. Исследование рассматривает этот процесс не как классическую урбанизацию, а как сложный адаптационный механизм, сформированный под влиянием суровых условий вертикальной зональности — высокогорного ландшафта, где средние высоты достигают 3000–5000 метров.

Сегодня ГБАО, занимая 45% территории страны, остается слабозаселенным (3,2% населения). Рост численности с 1939 года (более чем в 4 раза) обеспечивался в основном за счет естественного прироста. Однако с 2010 года темпы роста замедлились из-за старения населения и оттока мигрантов. В регионе отсутствует классическая поляризация вокруг районных центров. Население рассредоточено дисперсно по долинам и вдоль транспортных путей. Рост крупных сел идет параллельно с сохранением мелких поселений, что противоречит стандартной модели урбанизации «ядра».

Миграция оказалась главным адаптационным механизмом. Массовый отток населения (преимущественно мужской трудоспособный возраст) стал ключевым ответом на экономическую ограниченность высокогорья. Внешняя миграция (в РФ, другие страны) компенсируется денежными переводами, которые являются важнейшим источником дохода для 70% домохозяйств. В первую оче-

И. К. Полицук

Миграции сегодня:

Центральная Азия

и Мир

редь среди мигрантов преобладают мужчины (55%) в возрасте 15–29 лет (56,5%). Основной мотив — экономический: 81% мигрантов уезжают из-за продовольственной нужды или безработицы. Лишь 2% связывают переезд с открытием бизнеса.

В условиях вертикальной зональности происходит постепенное перемещение населения из труднодоступных высокогорных кишлаков в более благоприятные долины Западного Памира и к развитым центрам. Это увеличивает разрыв в уровне развития между «спускающимися» селами и статичными горными поселениями. В сельской местности практически нет несельскохозяйственной занятости. Это делает домохозяйства критически зависимыми от миграционных доходов и внешних инвестиций.

Докладчик подчеркивал острую потребность в государственных таргетированных программах, учитывающих специфику высотных поясов. Необходима не просто поддержка, а диверсификация занятости через развитие туризма и производственных кооперативов. Чтобы снизить «эффект выталкивания», требуется укреплять социальную инфраструктуру на местах (школы, клиники). Без этого миграция останется единственным способом получения доступа к базовым услугам. Назрела необходимость улучшения статистики через обследования домохозяйств для точного отслеживания динамики и последствий миграционных процессов.

В итоге, село-городские миграции в ГБАО формируют не урбанизацию в классическом смысле, а гибридную систему частичной концентрации населения, где городские центры служат точками притяжения, но не разрывают окончательно связь человека с горным ландшафтом и родовым селом.

В продолжении с докладом выступила *Жулдыз Имашева*, преподаватель Гуманитарной школы Университета Нархоз с докладом «Миграция и рынок: экономическая роль таджикской диаспоры в Алматы», посвященный исследованию экономической интеграции таджикских мигрантов в Казахстане на примере предпринимательской деятельности диаспоры, сконцентрированной вокруг «Зеленого базара» в Алматы. Исследование фокусируется на механизмах «встроенности» мигрантов в принимающий рынок, сочетая анализ формальных институтов и неформальных практик.

Казахстан является вторым по значимости направлением для мигрантов из Таджикистана после России. На 2024 год в РК зафиксировано около 970 тысяч мигрантов, с приростом в 7% к 2025 году. Ключевые причины — экономические: низкий доход на родине (оценка 4,05 из 5), лучшие условия труда (4,04) и финансовые проблемы (3,95). При этом, в отличие от России, где существуют жесткие отраслевые ограничения, казахстанский рынок труда предлагает более гибкие возможности, особенно в торговле и сельском хозяйстве, где сосредоточено более 50% занятых мигрантов.

Исследование выделяет три группы факторов, определяющих успех интеграции:

Институциональные: единая правовая база, но разные уровни осведомленности; языковые и бюрократические барьеры;

Социальные: опора на сильные межэтнические сообщества (уйгурские, корейские, дунганские сети) и неформальные соглашения, где «инсайдеры» помогают с наймом, клиентами и поставками;

Рыночные: высокая концентрация малых предприятий в этнических нишах (общепит, одежда, услуги) и формирование «этнических кластеров» — улиц и кварталов, где доминируют предприятия одной диаспоры.

Одна из центральных идей доклада — критическая зависимость успешного предпринимательства от сохранения транснациональных связей с Таджикистаном. Те, кто сохраняет связи (собственное производство, земля, дешевая рабочая сила), защищены от рыночных рисков. Напротив, потеря этих связей делает бизнес уязвимым перед внешними поставщиками, перебоями с качеством и ростом цен. Бизнес диаспоры — это не изолированная локальная деятельность, а часть транснациональной семейной экономики, где доходы из Алматы реинвестируются в производство на родине, а товары и рабочая сила циркулируют между странами.

Внутри диаспоры доминирует «авторитарная модель» семейного бизнеса, где глава семьи (отец) единолично распределяет доходы и принимает стратегические решения. Сыновья подчиняются, перенимая опыт и репутацию. При этом женщины выполняют важные производственные и организационные функции, но их вклад символически и институционально не признается из-за патриархальных норм, что создает устойчивое гендерное неравенство.

Вопреки стереотипам, этническая принадлежность в казахстанском контексте служит не столько культурным маркером, сколько прагматическим ресурсом для снижения транзакционных издержек. Связи используются рационально — для поиска жилья, регистрации, замены продавца, логистики. Успех диаспоральных предпринимателей парадоксально сочетается с высокой уязвимостью: они зависят и от колебаний транснациональных цепочек поставок, и от внутренних семейных иерархий, где личные отношения могут привести к банкротству (пример с доверием «не своему» человеку).

Исследование показывает, что формальные меры (квоты, «Алтын Виза») работают лишь для крупного бизнеса. Для малого предпринимательства мигрантов необходима поддержка, учитывающая неформальные сети, а не попытки их сломать. Государству следует признавать роль «этнических кластеров» как легитимных экономических агентов и развивать программы повышения финансовой и правовой грамотности именно через эти сообщества.

Доклад «Направления исследований сельско-городских миграций в концепциях новой сельскости» *А. М. Никулина* был посвящен теоретическому осмыслению феномена «новой сельскости» и его связи с современными сельско-городскими миграциями. В отличие от классического подхода, рассматривающего миграцию как

И. К. Полецуик

Миграции сегодня:

Центральная Азия

и Мир

односторонний поток из села в город, концепция новой сельскости фиксирует обратное влияние — проникновение городских ценностей, практик и даже самих горожан в сельскую среду, что кардинально меняет облик и функции деревни.

Термин, введенный в 2000 году Межамериканским институтом сотрудничества в области сельского хозяйства и развитый ОЭСР в 2006 году, обозначает не ностальгический образ уходящей деревни, а новую модель организации сельского пространства и идентичности. Это социокультурный феномен, отражающий трансформацию представлений о сельской жизни, во многом созданный и востребованный самими горожанами.

Новая сельскость характеризуется размыванием границ между городом и деревней благодаря цифровым технологиям и транспорту, разнообразием моделей проживания (от удаленных работников до экопоселений), культурным переосмыслением деревни как «бренда» и экономической трансформацией, где традиционное сельское хозяйство уступает место услугам, туризму и ремеслам. Формирующими факторами выступают не только экономические стимулы (сельская ипотека), но и экологическая усталость от города, социальный поиск общности и кризисные явления (пандемия COVID-19 резко ускорила тренд на переезд за город). В докладе был проанализирован целый понятийный ряд, связанный с осмыслением новой сельскости: рурализация (усиление роли сельских ценностей), рурбанизация (взаимопроникновение городского и сельского образа жизни), посткрестьянство (отход от традиционной аграрной модели жизни) и поструральный (жизнь после эпохи доминирования аграрного уклада). Эти термины показывают, что новая сельскость — это не возврат в прошлое, а качественно иное состояние.

В докладе был подробно представлен «Угорский проект» осуществлявшийся под руководством *Н. Е. Покровского*, исследующий процессы реколонизации Ближнего Севера и дауншифтинга — сознательного ухода горожан (нового среднего класса) в сельские районы ради экологии, замедления темпа жизни и сохранения креативной деятельности за счет удаленных коммуникаций.

Отмечалось, что фундаментальной особенностью России является феномен «жизни между двумя домами». Это выражается в маятниковых трудовых миграциях (отходничество) и сезонных дачных миграциях, когда расстояние между городским и сельским жильем может достигать тысяч километров, формируя устойчивую возвратную мобильность.

Новая сельскость превращает сельскую местность в пространство не только для производства продовольствия, но и для культурного производства, рекреации и самореализации. Образ деревни становится востребованным маркетинговым и социокультурным ресурсом. Феномен новой сельскости неоднороден. Наряду с позитивными примерами возрождения сел через культурные проекты и экопоселения, существуют риски «пустоты» (как в примере с лат-

вийскими деревнями) и усиления социального расслоения. Поэтому для устойчивого развития требуются гибкие институциональные решения, а не простое копирование городских моделей.

Исследования в рамках новой сельскости, включая анализ ТОС (территориально-общественного самоуправления), показывают, что успешное развитие сельских территорий сегодня зависит не только от государственных дотаций, но и от инициатив местных сообществ и притока «новых сельских жителей», несущих с собой новые компетенции и запросы.

Доклад «Миграция в города, урбанизация, экологичные решения: данные из Узбекистана» *Н. Алимухамедовой*, руководителя курса в Вестминстерском международном университете в Ташкенте, представляет собой комплексное исследование урбанизационных процессов в Узбекистане, рассматривая их через призму внутренней миграции, климатических изменений и «зеленой» политики. Автор подчеркивает, что Узбекистан, как самая населенная страна Центральной Азии (36,7 млн человек), находится на переломном этапе, где ускоряющийся рост городов сталкивается с острой нехваткой ресурсов и экологическими вызовами.

Официальный скачок урбанизации с 39% до 52% в 2017–2020 годах обусловлен в основном административной реклассификацией сельских поселений, а не их органическим ростом. Реальный ежегодный прирост городского населения составляет около 1,8%. Это означает, что качественные изменения (инфраструктура, занятость) отстают от статистических показателей.

Узбекистан остается менее урбанизированным, чем соседи (Казахстан, Туркменистан), и сталкивается с гипертрофированным доминированием Ташкента («примат-сити»), который аккумулирует 55% всех внутренних мигрантов. Впервые в докладе четко артикулируется связь экологической деградации и мобильности. Аральская катастрофа (200 тыс. перемещенных лиц за 30 лет), засухи в Кашкадарье и Сурхандарье, опустынивание на 3,2 млн га и засоление почв в Хорезме превращают климат в один из главных факторов «выталкивания» из села. По приведенным в докладе оценкам, такого рода климатические причины ежегодно вынуждают мигрировать более 150 тысяч человек. Приток мигрантов обостряет системные проблемы городов: жилищный кризис (63% жителей Ташкента страдают от перенаселенности), транспортный коллапс (среднее время в пути — 58 минут), загрязнение воздуха (в 3–4 раза выше норм ВОЗ) и рост неформальных поселений (28% пригородных махаллей лишены базовых услуг).

Инфраструктурный разрыв между столицей и вторичными городами (Самарканд, Фергана) усиливает диспропорции, тогда как система махаллей, выступая социальным буфером для мигрантов, одновременно рискует превратиться в инструмент сегрегации, если не будет реформирована.

В последнее десятилетие Узбекистан демонстрирует реальную политическую волю в комплексном реформировании своей сельско-

городской среды: приняты концепции развития городов, программа «Яшил Макон» (высажено 200 млн деревьев), запущены солнечные электростанции мощностью 1 ГВт и внедрены стандарты энергоэффективности. И все же по прогнозам до 2040 года миграционное давление на города будет только расти в силу демографической структуры (здесь самый молодой возраст в Центральноазиатском регионе — 28,8 лет). Без активной политики по развитию вторичных городов и децентрализации инвестиций Ташкент рискует захлебнуться в миграционных проблемах. В докладе был поставлен вопрос о введении юридической категории «климатический мигрант», разработке программы планового переселения из зон экологического бедствия (в частности, вокруг Арала) в специально подготовленные «зеленые» городки с соответствующими рабочими местами. Для реализации подобного рода амбициозных планов потребуются масштабирование «зеленых» финансов (суверенные облигации, кредиты международных банков) и переход от пилотных проектов к системным решениям в сфере переработки отходов, общественного транспорта и санитарной очистки. Система самоуправления продемонстрировала свою эффективность в приеме мигрантов, но должна быть адаптирована к новым реалиям: необходима легализация земельных участков в неформальных поселениях и интеграция этих зон в городские планы развития, чтобы избежать формирования маргинальных анклавов.

С докладом «Исследование семейных бюджетов мигрантов в Алматы: гипотезы и методология» выступили *И. Стародубровская* профессор Гуманитарной школы Университета Нархоз, *Э. Исабаев* профессор Школы экономики и менеджмента Университета Нархоз, *М. Ауелтай* старший преподаватель Гуманитарной школы Университета Нархоз, *Д. Есенин* студент 4 курса бакалавриата Университета Нархоз. Ученые представили концепцию исследования и обсудили методологические основы научно-исследовательской работы.

Концепция строится на уже проведенном предварительном качественном исследовании мигрантов первого поколения в Урус-Байгинском районе. Исследование показала положительные тенденции по встраиванию мигрантов в новой среде. Тем не менее при более детальном анализе мигрантов второго поколения было обнаружено серьёзное ослабление сетей поддержки, связанные с их родной, религиозной и социальной средой. Предварительный расчёт бюджета семей мигрантов показал существенные расхождения в доходах и расходах (более чем 2 раза). В первую очередь экономия бюджета отражается на еде, образовании детей и ранним выходом детей на работу.

На основе этого предложено исследование адаптации второго поколения мигрантов на основе исследований семейных бюджетов. Исследование строится на составлении таблиц семейных расходов и доходов (классификация и структуризация) и проведении серии

глубинных интервью, включающих в себя темы истории семьи, динамики доходов и расходов за несколько лет, материального наполнения расходов, принятия финансовых решений, финансовых обязательства в рамках сетей поддержки (описание процесса взаимоотношений в сетях поддержки мигрантов).

Также возникает ряд исследовательских проблем: сложность включения семей в исследование из-за их количественной и качественной неоднородности; ограниченность сроков проведения исследования — 3 месяца не позволяют составить цельную картины расходов и доходов из-за серьёзной сезонной разницы; сложность сравнения семей мигрантов и немигрантов из-за отсутствия единых социальных и финансовых признаков семей.

Конференция охватила весь спектр миграционной проблематики — от глобальной геополитики до повседневных стратегий отдельных семей, всесторонне проанализировав взаимосвязь внешних и внутренних факторов миграций, отметив необходимость учитывать не только экономические, но также социальные, экологические и культурные меры при выработке политических решений миграционных вопросов.

И. К. Полещук

Миграции сегодня:

Центральная Азия

и Мир

Today's migration: Central Asia and the world

Ilya K. Poleshchuk, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: poleshchuk-ik@ranepa.ru

Крестьяноведение

2026. Том 11. №2

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать . Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ
Тираж 50 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru